ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс истории СССР

9
И-90

На правах рукописи

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

Лекции 13—23

Темы:

Образование Русского национального государства.

Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное.

Крестьянская война в начале XVII в. Разгром польской и шведской интервенции.

Русское государство в XVII веке.

Народы Сибири в XVI—XVII вв. Завоевание Сибири.

Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI—XVII вв.

Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России.

Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году

МОСКВА 1940

Пров. 52

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

II-47294

Курс истории СССР

9
И-90

На правах рукописи

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

Лекция 13—23

Темы:

Образование Русского национального государства.

Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное.

Крестьянская война в начале XVII в. Разгром польской и шведской интервенции.

Русское государство в XVII веке.

Народы Сибири в XVI—XVII вв. Завоевание Сибири.

Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI—XVII вв.

Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России.

50059 15/1985

Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году

ДПИ им. А.И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Гос. ... ститут ... им. Герцена
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА 1940

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI вв.

Классики марксизма об образовании централизованных национальных государств. Образование национального централизованного государства в эпоху феодализма происходило при наличии определенных социально-экономических и политических условий. Поэтому переход от феодальной раздробленности к централизованному государству был закономерным явлением. Главным необходимым условием для политического объединения страны было развитие общественного разделения труда, благодаря которому усиливались экономические связи между отдельными княжествами, городами, областями. Развитие общественного разделения труда приводило к росту мелкого ремесленного производства.

«В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековье своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе...» *). С развитием ремесла города стали центрами ремесленного производства и торговли. Поэтому «...горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена (Verkehr), просвещения, социальные и политические учреждения» **). Но не только в городах «...и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья» ***).

Национальное государство при этих условиях могло сложиться лишь в монархической форме, так как только сильная королев-

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 440.
**) Там же, стр. 441.
***) Там же, стр. 443.

ская власть способна была преодолеть сопротивление со стороны крупных вассалов или независимых мелких феодальных властителей.

В борьбе с феодальной раздробленностью королевская власть была «...представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства» *).

Королевская власть опиралась на землевладельческое дворянство. Дворянство составляло основную часть королевского войска. Усиление феодальной эксплоатации, вызванное стремлением земельных собственников увеличить доходность своих владений путем увеличенного отчуждения прибавочного труда, обостряло классовую борьбу крестьян против феодалов. Средние и мелкие землевладельцы, не обладавшие достаточными средствами для подавления крестьянских движений, особенно нуждались в поддержке сильной центральной власти. Маркс и Энгельс указывали:

«Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов» **).

Процесс образования феодальных королевств на западе Европы Маркс и Энгельс относили к XV в. (Людовик XI во Франции, Тюдоры в Англии). Энгельс отмечает, что и на Востоке Европы, «...в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III» ***).

В основе объединения русских земель в единое национальное государство лежали те же экономические условия, что и в странах Западной Европы. Но были и существенные отличия. «...На Западе—в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии,—говорит товарищ Сталин, — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы... На востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» ****).

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.
**) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 15.
***) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.
****) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 97. Госполитиздат. 1939.

Завершение объединения русских земель. В середине XV в. Московское великое княжество занимало очень выгодное экономическое и политическое положение по сравнению с другими русскими землями, еще сохранившими полностью или частично свою самостоятельность. В то время как московская территория лежала плотным массивом вокруг общего политического центра—Москвы, другие северо-восточные русские земли были разобщены между собой и частью окружены московскими владениями. Среди них лишь Новгородской боярской республике лучше других удалось сохранить свои огромные владения. Однако мир, заключенный Василием Темным в 1456 г. с Новгородом, положил начало его политического подчинения Москве. В полной зависимости от Москвы находился «молодший брат» Новгорода — Псков.

Ближайший, самый опасный в прошлом сосед Москвы — Тверское княжество было окружено с трех сторон московскими владениями. В области Верхней Волги оставались незначительные остатки Ярославского и Ростовского княжеств. Оба князя находились в вассальной зависимости от Москвы еще со времени Дмитрия Донского и, разумеется, не могли и помышлять о каком-либо противодействии московскому великому князю. На юг от московской территории, за средним течением Оки, лежала также значительно уменьшившаяся в размере земля великого князя рязанского, владелец которой вырос и был воспитан в Москве.

Таким образом, на заключительном этапе борьбы Московского великого княжества с раздробленными остатками независимых русских земель на стороне Москвы находился решительный перевес материальных сил. Он еще больше усиливался благодаря выгодному расположению Московского княжества и концентрации его земель. Борьба за уничтожение последних самостоятельных княжеств отвечала интересам растущего экономического общения между отдельными землями северо-восточной Руси.

Необходимость объединения диктовалась и политическими интересами русских земель, не устраненной еще угрозой татарского разорения, нападениями ливонских рыцарей на псковские и новгородские владения и поднимавшейся борьбой с Польшей и Литвой за украинские и белорусские земли. Московский великий князь находил среди населения других русских земель многочисленных союзников. Он являлся, говоря словами Энгельса, представителем «...сбразующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства» *). Все эти условия облегчали для московского великого князя нанесение последних ударов разрозненным и ослабевшим противникам Московского великого княжества, превращавшегося в Русское национальное государство.

Значительное усиление Московского княжества обострило внутреннюю борьбу в Новгороде. Если «черное» население Новгорода — мелкие ремесленники и торговцы — искало у Москвы защи-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

ты против притеснения бояр и крупных купцов, то новгородское боярство и верхний слой купечества боялись потерять с присоединением к Москве свои земли и влияние в новгородских делах. Купечество, кроме того, опасалось торговой конкуренции со стороны Москвы. Между тем Иван III с самого начала своего княжения в сношениях с новгородцами развивал мысль, что Новгородская земля является такой же его «отчиной», как и другие русские земли. Во главе боярской группы, пытавшейся найти в Литве помощь против московского наступления, стояла энергичная вдова посадника — Марфа Борецкая со своими сыновьями. Вопрос о том, кому подчиниться: Литве или Москве, был в Новгороде предметом бурных вечевых собраний. Группа сторонников Литвы вступила в переговоры с литовским великим князем и польским королем Казимиром IV. По заключенному в конце 1470 или в начале 1471 г. соглашению король обещал: «сести на конь за Великий Новгород и со всею со своею радою литовского против великого князя и боронити Великий Новгород». По существу этот договор ставил Новгородскую республику в вассальное отношение к Литве и Польше. Поэтому он вызвал еще больший раскол даже среди господствующих слоев Новгорода. Против соглашения с королем восстала и новгородская церковь, не желавшая быть «за латиною». В Новгороде произошли новые бурные вечевые собрания, на которых одни, по словам летописи, кричали: «За короля хотим», а другие: «К Москве хотим». Группа литовских сторонников, сознавая приближение опасности, послала к Казимиру просить помощи и дать Новгороду князя «своея державы». В Новгород действительно прибыл один из мелких литовских князьков из рода Ольгерда, сидевший раньше в Киеве.

Когда Иван III узнал о заключении Новгородом договора с Казимиром, он тотчас стал готовиться к походу. Весной 1471 г. великий князь собрал совещание в таком составе, в каком оно раньше никогда не собиралось. В нем участвовали братья великого князя, князья, бояре, воеводы, воины и духовенство. Это первое совещание с участием представителей всех основных групп феодального класса было предшественником Земских Соборов. На нем обсуждался план похода на Новгород, причем было решено двигаться летом, не ожидая наступления морозов, которые сковывали новгородские болота и реки. Вследствие засушливого лета они перестали быть непроходимыми для конницы.

Сбор большого войска, в котором со своими ополчениями участвовали все крупнейшие феодалы великого князя, дал повод летописцу даже сравнивать его с армией Дмитрия Донского, выведенной на Куликово поле. Иван III придавал походу на Новгород характер общерусского предприятия. Главные московские силы, чтобы перерезать сообщение Новгорода с Литвой, были направлены в обход Ильменского озера.

Когда новгородцы узнали, что против них идет великий князь «с многими силами, заняв всю землю их новгородскую, от края до

края, с великой и страшной грозою своего меча», то к Ивану III были отправлены послы с «молением» и с «лестью». В то же время в Новгороде был произведен поспешный сбор ополчения. Летописец с насмешкой сообщает о плохой военной годности собранных людей, среди которых было много плотников, гончаров и других ремесленников, никогда не имевших дела с конем и вооружением. По летописным сведениям, Новгороду удалось выставить около 40 тыс. человек.

Сражение между новгородским ополчением и московскими войсками, значительно уступавшими новгородцам по численности, произошло на берегу реки Шелони. На стороне московских ратных сил были лучшая организация, дисциплина и боевая подготовка.

Новгородские дружины не были объединены, и каждая из них слушалась своего сеньора. «Молодшие» люди, втайне сочувствовавшие Москве, не хотели итти в наступление. Полк новгородского епископа, который также был сторонником Москвы, объявил, что не желает сражаться с войсками великого князя, так как не получал на эго приказа от епископа. В результате шелонского сражения новгородское войско было разбито.

Потерпев полное поражение, новгородцы должны были принять все условия великого князя. Формально Новгород оставался независимым государством. В договоре были сохранены все обычные условия, вносившиеся в договорные грамоты Новгорода с князьями; Иван III обещал держать Новгород «в старине, по пошлине, без обиды». В действительности новгородской самостоятельности был нанесен новый удар. Новгородцы уплатили тяжелую дань и обещали быть «неотступными от великого князя». Иван III впервые в официальном акте назвал Новгород своей «отчиной».

В последующие годы Иван III еще больше усилил свое влияние в Новгороде. Нарушая существовавший раньше порядок, великий князь сам судил новгородских людей и даже вызывал их в Москву. Предприняв поездку в Новгород, Иван III, воспользовавшись поданными ему жалобами, арестовал и отправил в заключение в свои города виднейших новгородских бояр.

Весной 1477 г. новгородские послы, прибывшие в Москву и принадлежавшие к сторонникам великого князя, назвали его в переговорах не «господином», как обычно называли, а «господарем» (так называли подданные своего государя). Эта оговорка, разумеется, не была случайной. Воспользовавшись ею, Иван III послал в Новгород спросить, «какого хотят государства?» Новгородцы отвечали, что они не поручали послам называть Ивана III «господарем» и даже убили послов.

Тогда Иван III выступил в поход. Новгород не мог и помышлять о военном сопротивлении. Новгородцы слали послов за послами, чтобы остановить движение московских войск. Иван III начал переговоры лишь тогда, когда занял окрестные монастыри и поставил Новгород под угрозу осады. На вопрос новгородцев — каковы условия великого князя? — Иван III отвечал, что он хочет

«государства своего: как есьмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новегороде». Во время дальнейших переговоров Иван III пояснил эти требования так: «Вечевому колоколу в отчине нашей, в Новегороде, не быти, посаднику не быти, а господарство свое нам держати».

С принятием этих требований в январе 1478 г. Новгородская боярская республика прекратила свое существование, став частью Русского государства.

Вслед за падением Новгорода были присоединены и северные новгородские владения. Самая важная часть их—Двинская земля—была присоединена в том же году. В 1489 г. московский воевода захватил Вятскую землю. Этим закончилось присоединение к московской территории обширного Поморья.

Покончив с новгородской самостоятельностью, Иван III обратился против Тверского княжества. Борьба Твери с Москвой прекратилась еще при Василии Темном, который в конце своей жизни заключил союз с тверским князем, скрепленный обручением молодого Ивана III с тверской княжной. В начале великого княжения Ивана III тверским князем был Михаил Борисович, оставшийся после смерти отца небольшим мальчиком. Тверское правительство, возглавляемое вдовой — матерью молодого князя, полностью зависело от Москвы; тверское войско даже участвовало в походах Ивана III на Новгород. В 70-х годах к Ивану III стали переезжать из Твери многие бояре и дворяне, которые находили для себя более выгодным стать под покровительство московского великого князя.

После падения Великого Новгорода Тверская земля оказалась окруженной со всех сторон московскими владениями. Михаил Борисович, следуя примеру Новгорода, заключил договор о помощи с польским королем и литовским великим князем Казимиром IV. Иван III, узнав об этом соглашении, послал в Тверскую землю свое войско. Михаил Борисович должен был разорвать союз с королем и принять условия, в значительной степени ограничивавшие его самостоятельность. Когда в 1485 г. Михаил Борисович сделал новую попытку опереться на польско-литовскую помощь, Иван III вновь поднялся против Твери. Но московскому войску не пришлось даже воевать, потому что внутри самого Тверского княжества существовало значительное стремление к полному объединению с Москвой. После присоединения новгородских владений Тверь не могла быть экономически самостоятельной. Московский великий князь мог без всякого труда прекратить торговлю Твери с другими городами. Когда московское войско подошло к Твери, то вассалы тверского князя сами вышли навстречу Ивану III с просьбой принять их на его службу. Михаил Борисович тверской бежал в Литву. Этим событием закончилась история самостоятельного существования Тверского княжества.

Псковская земля была самым северо-западным русским владением. Непосредственная близость Пскова к Литовскому княжеству

и к владениям Ливонского ордена заставила Псков дорожить поддержкой Москвы. Иван III посылал в Псков наместников, которых псковичи по старому обычаю встречали как псковских князей и даже совершали в Троицком соборе обряд посажения на княжение. В действительности же псковские наместники были послушными исполнителями воли великого князя. Иван III использовал в своих интересах классовую борьбу в Пскове, чтобы еще больше усилить влияние среди псковского населения.

В 1483—1485 гг. в Псковской земле произошли волнения крестьян-смердов. В архиве Троицкого собора хранилась какая-то «смердья грамота», которая, повидимому, определяла повинности крестьян в пользу Пскова. Когда эта грамота была похищена, то смерды отказались от исполнения работ. Волнение смердов продолжалось около двух лет. Иван III, желавший ослабления псковского правительства, стал на сторону смердов и даже велел освободить арестованных участников восстания.

В тесной зависимости от Москвы была и Рязанская земля.

В 1503 г. половина Рязанского княжества, после смерти ее владельца, отошла к московской территории; другой половиной владел последний рязанский князь — Иван Иванович. В его малолетстве в Рязани правила вдова-мать. княгиня Аграфена, послушно исполнявшая все распоряжения Ивана III. Великий князь распоряжался рязанскими боярами, дворянами и купцами, как своими подданными. Однажды, посылая распоряжение рязанской княгине, он снабдил его следующей угрозой: «А ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Аграфена, велела казнити, вдовьим да женским делом не отпираясь; а по уму бабью не учнешь казнити, ино их мне велети казнити и продавати, охочих на покуп много».

Таким образом, Иван III занимал очень властное положение по отношению к землям, полностью еще не утратившим политической самостоятельности. Оставалось немного для того, чтобы процесс объединения русских земель в единое Русское государство был закончен.

Иван III ставил своей задачей в отношении к присоединенным русским землям усиление политического единства. Для этой цели необходимо было подавить движение среди феодальной знати, мечтавшей о восстановлении самостоятельности. Чтобы лишить эту знать социально-экономической опоры и старых традиций, связанных с их прежним положением, Иван III в широком размере применял «вывод», т. е. переселял часть крупных землевладельцев, а также и некоторую часть купцов в другие места московской территории. Конфискованные земли затем раздавались московским дворянам в поместье. Эти мероприятия расстраивали крупное местное землевладение и вместе с тем создавали на присоединенной территории крепкие кадры московских служилых людей, всеми своими интересами связанных с великокняжеской властью.

Освобождение от татарской зависимости. С середины XV в. татары уже не появлялись у Москвы, а ограничивались разорением южных частей московской территории, иногда подходили к Оке. Соотношение сил между Московским княжеством и Золотой Ордой было уже не в пользу последней. В то время как от распавшейся Орды осталась лишь небольшая часть, носившая название «Большой Орды», Московское княжество вырастало в могущественное Русское государство. Хотя Иван III в первые годы княжения собирал ордынский выход (дань), но посылал в Орду лишь часть его в виде подарков. Зависимость Ивана III от Золотой Орды в это время носила номинальный характер. Вся внешняя политика Ивана III была вполне самостоятельна. В 1472 г. хан Большой Орды Ахмат по совету польского короля Казимира IV, обещавшего поддержку с польско-литовской стороны, сделал попытку наступления на Москву, кончившуюся полной неудачей. Ахмат дошел лишь до Оки и разграбил город Алексин. Эта неудача показала Ахмату невозможность восстановить власть над русскими землями без крупной помощи со стороны. Благоприятная обстановка для такой попытки наступила в конце 80-х годов. В это время усилились нападения ливонских рыцарей на пограничные псковские земли. Польский король Казимир IV готовился к войне с Москвой. В начале 1480 г. в Новгороде была открыта измена, целью которой было отделение Новгорода от Москвы. Наконец, очень осложнилось внутреннее положение Ивана III, поссорившегося со своими братьями — «удельными князьями». Иван III после смерти одного из братьев присоединил полностью его владения к своей территории, не поделившись с остальными братьями. Тогда братья поднялись из уделов с семьями и дворами и направились к литовской границе.

Пользуясь этими затруднениями и рассчитывая на помощь Казимира, Ахмат в 1480 г. двинулся к реке Оке. Не переходя на другую сторону Оки на обычных татарских переправах, он направился вдоль реки к ее верховьям, где, повидимому, ожидал встречи с польским королем. Иван III, стоявший с армией на Оке, после ухода Ахмата к верховьям реки отправился в Москву. Появление великого князя в столице в то время, когда население в ожидании прихода татар переселялось из окрестностей под защиту каменных стен, вызвало сильнейшее возбуждение в народе. Ивану III кричали: «Егда ты, государь-князь великий, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлепице продаешь, а нынеча, разгневав царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татарам». Встретивший великого князя ростовский епископ назвал Ивана III «бегуном».

Между тем Ахмат остановился на берегу Угры (левый приток Оки). На противоположной стороне реки путь татарам преграждала московская армия. Иван III, вернувшийся к войскам, не проявлял, однако, энергии и решительности. По летописным известиям, бояре убеждали его помириться с Ахматом и уверяли в том, что

он не в состоянии сопротивляться ордынскому царю. Нерешительность Ивана III вызвала новое послание епископа Вассиана, убеждавшего великого князя «боронити» свое отечество. Колебания Ивана III, повидимому, были вызваны неясными отношениями с братьями. Между тем во время стоянки на реке Угре ему удалось с ними примириться. Нападение рыцарей на Псковскую землю было отражено, а братья, собрав свои ратные силы, пришли на помощь к великому князю. Казимир IV не прислал обещанной подмоги Ахмату, так как в русско-литовских землях поднялось против него движение мелких князей.

Таким образом, если внутренняя и внешняя обстановка сложилась благоприятно для Ивана III, то положение Ахмата резко ухудшилось. Глубокой осенью Ахмат без боя отошел от Угры с такой поспешностью, что у русских осталось впечатление, что хан бежал в Орду. Во время возвращения он пограбил земли своего союзника — польского короля, а затем в низовьях Волги был убит ногайскими татарами, соединившимися с сибирским ханом Ибаком.

Результатом неудачного похода Ахмата на Угру было полное освобождение русских земель от остатков зависимости от Золотой Орды. Так завершилась двухсотлетняя борьба русского народа за свое освобождение.

Маркс, придавая большое значение этому событию, говорил, что «...Иван III свергнул Золотую Орду, не сражаясь с нею сам, а притворным желанием дать сражение вызвал ее на наступательные действия, которые истощили остатки ее жизнеспособности и подставили ее под роковые удары родственных ей племен, которые ему удалось обратить в своих союзников. Он одних татар погубил при помощи других» *).

С падением татарского ига еще больше укреплялось национальное единство русского населения.

Социально-экономический строй Русского государства в конце XV и первой четверти XVI веков. Экономической основой Русского государства было феодальное хозяйство. Как всякое феодальное хозяйство, оно было натуральным, т. е. продукты, за исключением некоторых излишков, поступали не на рынок, а на внутреннее потребление. Тем не менее феодальное хозяйство не оставалось в состоянии полного застоя. Развитие производительных сил приводило к росту общественного разделения труда, важнейшим показателем которого являлось развитие ремесла. В домашней промышленности крестьян необходимое сырье добывается в самом крестьянском хозяйстве. Изготовленный из этого сырья продукт предназначался для удовлетворения несложных крестьянских потребностей и требований землевладельца-феодала. В. И. Ленин говорит, что первоначально:

«...Патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с до-

---

*) К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

машними промыслами (т.-е. с обработкой сырья для своего потребления) и с барщинной работой на землевладельца» *).

В результате дальнейшего развития промыслов крестьянин обращается к рынку, во-первых, для покупки нужного ему сырья и, во-вторых, для продажи изготовленных из него продуктов. В этом случае:

«...Патриархальное земледелие соединяется с промыслом в виде ремесла» **).

Продукты ремесленного производства превращаются в товар и вступают в сферу рыночного обращения. Ремесленник производит не столько для потребления, сколько для продажи. Необходимым условием производства ремесленников, работающих полностью или частично на рынок, является наличие элементов товарно-денежного обращения. Мелкое производство может существовать в двух видах: в виде крестьянского ремесла, еще в той или иной степени связанного с земледелием, и в виде ремесла, полностью отделившегося от сельского хозяйства.

В конце XV и в начале XVI вв. в Русском государстве существовало значительное число отдельных видов свободного ремесла. Они охватывали ту область производства, которая еще недавно обслуживалась мелкими крестьянскими промыслами и трудом холопов в феодальном хозяйстве: производство продуктов питания, изготовление одежды, предметов домашнего обихода и пр. Кроме того, появились новые виды производства, вызванные расширением потребностей феодального класса и купечества. С появлением свободных ремесленников в деревнях и в городе, продававших продукты своего труда на широкий рынок, труд холопов в феодальном хозяйстве потерял прежнее экономическое значение.

В связи с этим становится понятен факт отпуска на свободу значительного числа холопов, в том числе ремесленников. Например, по завещанию князя Ивана Патрикеева, написанному в самом конце XV в., этот крупный землевладелец отпускал на свободу 155 холопов с семьями; среди них были повара, хлебники, садовники, рыболовы, огородники, сокольники, мельники, портные, бронники, серебряных дел мастера, плотники и т. п. Отпуск в таком большом числе холопов, необходимых в хозяйстве, стал возможен потому, что феодальное хозяйство начало частично пользоваться трудом свободных ремесленников.

С развитием крестьянских промыслов и ремесел во многих селах, расположенных у больших проезжих дорог, возникли мелкие торжки, на которые крестьяне в установленные дни приносили всякие деревенские товары. Обычно в таких же селах возникали дворы «непашенных крестьян», в которых жили кузнецы, бочары, сапожники, портные, седельники, решетники, овчинники и другие ремесленники. На постоянном сельском рынке торговали в шала-

*) Ленин. Соч., т. III, стр. 293.
**) Там же.

шах, на полках, на скамьях. Особенно много подобных ремесленно-торговых сел возникло на новгородской территории. В начале XVI в. вдоль торговых путей вытянулось большое количество «рядков», в отдельных случаях превосходивших своими размерами средний московский посад этого времени. Расположение торгово-промышленных сел у больших проезжих дорог указывает на то, что их экономические связи выходили за ближайшие районы. Между крупнейшими селами и посадами возникало более или менее постоянное экономическое общение.

Новая экономическая обстановка отразилась и на состоянии сельского хозяйства. Развитие трехполья привело к уравнению полей и к утверждению правильного севооборота. Вместе с объединением полей стало возможным в более широком размере применять удобрение (навоз). Если раньше земля быстро истощалась и затем покидалась на многие годы, то с распространением удобрения началось правильное чередование засеянных и паровых полей. Трехполье уже в XV в. стало принимать свой окончательный вид. Оно значительно поднимало производительность труда в сельском хозяйстве.

До середины XV в. собственная «боярская» (барская) запашка была небольшой, при этом она частично обрабатывалась людьми землевладельца, т. е. его холопами. Крестьяне выполняли мелкие работы в хозяйстве (изделья) и отдавали землевладельцу в качестве натуральной ренты продукты своего хозяйства. Быстрый рост расходов в бюджете феодала мог быть покрыт только путем увеличенного отчуждения прибавочного труда крестьян. Стремясь увеличить доходность хозяйства, землевладельцы начинают расширять барскую запашку, привлекая крестьян все в большем размере для обработки пашни. Приспособление к рыночным отношениям заставило землевладельцев перевести часть натуральных поступлений на деньги. Уже во второй половине XV в. появляется денежная рента.

Увеличение всех феодальных требований со стороны землевладельцев нарушало сложившиеся раньше порядки, которые регулировали повинности крестьян. Размер этих повинностей стал определяться не обычаями, не «стариной», а требованием со стороны землевладельцев. Землевладелец в некоторых случаях по своему произволу отбирал у крестьян часть земли для расширения собственного хозяйства или для поселения зависимых от него людей.

Развитие внеэкономического принуждения происходило в обстановке большой мобилизации земель и борьбы за рабочие руки. Крестьяне под влиянием усиливавшихся феодальных требований уходили со своих участков в поисках лучших условий для существования. Уход крестьянского населения тяжело отражался на феодальном хозяйстве, грозил ему «запустошением». Старые меры внеэкономического воздействия были уже недостаточными и не могли обеспечить за феодалом сохранение крестьянских рабочих рук. В частности, с объединением страны потеряли значение преж-

ние договоры князей не принимать «письменных и тяглых людей». С другой стороны, именно в это время возросла новая политическая сила в лице верховного феодального собственника всей территории — великого князя. Государственная власть, находившаяся в его руках, во много раз была сильнее тех средств, которыми располагали частные землевладельцы в отношении своих крестьян. Поэтому помощь со стороны государства должна была привести к усилению и к юридическому оформлению крепостнических отношений.

С середины XV в. землевладельцы стали жаловаться, что крестьяне покидают их земли в разное время года, в том числе в период сельскохозяйственных работ. Эти жалобы особенно касались крестьян-«серебряников», уходивших от феодала без возврата взятой ссуды — серебра. В ответ на эти жалобы в 50-х—70-х годах XV в. местные феодальные князья, а также великий князь московский стали давать жалованные грамоты, по которым крестьяне могли уходить от своих землевладельцев только один раз в год. Так как сельскохозяйственные работы заканчивались поздней осенью, то сроком отказа стал «Юрьев день осенний» — 26 ноября по старому стилю. Ограничения крестьянского перехода, касавшиеся прежде всего крестьян-серебряников, были затем распространены на все категории крестьян, т. е. на все крестьянское население феодальной вотчины. В 1497 г. с выходом Судебника частные распоряжения о времени выхода крестьян были объединены в общий закон. По 57 ст. этого Судебника крестьяне могли переходить из волости в волость и из села в село только один раз в год — за неделю до Юрьева дня и неделю после него. Покидая землю феодала, крестьянин должен был уплатить «пожилое» за двор в размере полтины в лесных местностях и рубля, где не было вблизи строевого леса. Правило Юрьева дня юридически ограничивало переход крестьян и стало поэтому новым этапом в оформлении крестьянской крепостной зависимости.

Новые экономические и политические условия конца XV и начала XVI вв. внесли существенные изменения и в положение господствующего класса — феодальных собственников. Они отличались между собой как размером владений, так и владельческими и политическими правами. Высший слой состоял из бояр и крупнейших вольных слуг, сидевших родовыми гнездами в своих вотчинах. С крупными светскими землевладельцами соперничала церковь, создавшая к концу XV в. огромные владения, главным образом за счет княжеских и боярских земель.

С уничтожением самостоятельных феодальных княжеств состав московского боярства увеличился за счет многочисленных потомков великих и удельных князей, бояр присоединенных княжений и выходцев из других земель — Литвы, Золотой Орды, стран Западной Европы и т. д. Княжеские фамилии в конце XV в. составляли около половины всех боярских родов. В то же время

крупное феодальное землевладение стало испытывать ряд затруднений. Уже с начала XV в. происходило измельчение боярского землевладения, что облегчало захват его со стороны церкви или великокняжеской власти. Только немногим потомкам упраздненных княжеских династий удалось сохранить в более или менее полном размере свои старые отчины. Большинство же сидело в разоренных гнездах, тщательно сохраняя на их территории старый социально-политический порядок. Духовные грамоты князей и бояр ясно отразили результат их материального оскудения. Рост бытовых потребностей, не удовлетворявшихся внутренними средствами феодального хозяйства, и дорого обходившаяся ратная служба великому князю заставляли многих измельчавших вотчинников входить в неоплатные долги. В конце XV в. изменилось также политическое положение бояр. Хотя юридически они еще продолжали пользоваться правом свободного отъезда, но фактически воспользоваться им не имели возможности. С объединением русских земель боярин, недовольный великим князем, не мог уже уехать в другую русскую землю. Для него оставался единственный путь — за границу, к великому князю литовскому или к польскому королю, но такой отъезд уже не был простой переменой сюзерена, а являлся государственной изменой.

В период обострения борьбы с Польшей и Литвой Иван III стал брать у некоторых князей и бояр, особенно у литовских выходцев, клятвенные записи в том, что они ни к кому от великого князя до конца своей жизни не уедут. Исполнение этого обещания обеспечивалось порукой, связывавшей десятки бояр и князей, а также крупным денежным штрафом. Иван III не ограничивался юридическими документами, а арестовывал и заключал в темницу бояр, замышлявших отъезд. Так бояре из вассалов великого князя стали превращаться в его подданных.

Собравшиеся под власть московского великого князя потомки разных упраздненных династий не хотели превращаться в простых подданных. Поэтому они подчиняли служебное положение родовому и династическому старшинству. Все княжеские и боярские фамилии можно было расположить по ступеням иерархической лестницы. Высший разряд бояр состоял из потомков бывших великих князей Рюриковичей, а также выехавших из Литвы литовских князей Гедиминовичей. Ниже их находились потомки удельных князей. Затем следовали бояре московского великого князя, бояре великих и удельных князей и т. д. Бояре «местничали» между собой, т. е. боролись за свое родовое положение, за свои «места». Отсюда произошло название этой системы — «местничество». Великий князь при назначении бояр на служебные места должен был руководствоваться положением назначаемого лица в системе местнических отношений. Великий князь не мог по собственной воле повысить или понизить родовое старшинство. Местничество разбивало боярство на отдельные враждовавшие группы

и тем ослабляло его сопротивление усиливавшейся власти великого князя.

С образованием централизованного Русского государства сложилась и другая общественная группа в составе класса феодальных землевладельцев — служилое дворянство. Социальным ядром дворянства были слуги княжеского двора, в число которых входили как мелкие свободные люди, так и холопы. Слово «дворянин», впервые появившееся в конце XII в., первоначально означало слугу княжеского двора. В первой половине XV в. происходило общее расширение состава княжеских «дворов», вызывавшееся развитием княжеского войска и княжеского хозяйства. Свободные люди и холопы, составлявшие княжеский «двор», получали землю, которой могли пользоваться во время несения службы. После уничтожения самостоятельных княжеств «дворы» прежних князей были частично присоединены к «двору» московского великого князя. Иван III, кроме того, привлекал к несению военной службы большое число средних и мелких земельных собственников, носивших общее название «детей боярских», а также холопов. Для этой цели он раздавал им землю, но не в полную собственность, а в «поместье» (этот термин появляется в конце XV в. Он происходит от слова «испомещать»).

Владелец поместья не имел права ни продать его, ни передать каким-либо иным образом в другие руки. Владение поместьем носило личный характер; оно прекращалось со смертью владельца или с прекращением его службы. Помещик собирал доходы с крестьян и заводил в поместье свое собственное хозяйство, обслуживавшееся крестьянским трудом. Помещики стали пользоваться таким же иммунитетом в области суда и сбора податей, каким пользовались и вотчинники.

Таким образом, поместье было одним из видов феодальной земельной собственности; в отличие от вотчин (полной собственности) оно являлось условной собственностью. Поместье имело как бы двух феодальных собственников: один из них считался полным собственником земли (в данном случае московский государь), но ею не пользовался, другой распоряжался этой землей (помещик), но не был ее полным собственником.

Развитие поместного землевладения в конце XV в. и в начале XVI в. невозможно было без создания крупного земельного фонда. Раньше великий князь наделял землею своих слуг из состава дворцовых владений. С конца XV в. они стали недостаточными. Для поместий, способных обеспечить службу землевладельцев, нужна была населенная земля. Поэтому Иван III широко применял конфискацию новгородских и псковских земель.

Военные слуги великого князя, обеспеченные поместьями, образовали в составе землевладельческого класса особую группу служилого дворянства. Классовые интересы дворян заставляли их полностью поддерживать великого князя. Поэтому они стали главной его опорой в борьбе с остатками феодальной раздробленности

за укрепление централизованного порядка и создание самодержавной власти.

Таким образом, к началу XVI в. внутри господствующего класса сложились две основные группы: привилегированных землевладельцев-вотчинников (бояре) и служилых землевладельцев (дворяне). Экономическое положение первых заметно ухудшалось, а политическое влияние начало падать. Дворяне, наоборот, стояли на пути численного роста, земельного обогащения и политического господства.

Отмеченные явления экономического развития страны создавали необходимые условия для укрепления всей торговой системы и роста городов, как центров этой системы. В конце XV и в начале XVI вв. окончательно складывается внутренняя структура московского города. Город состоял из двух главных частей: из центральной укрепленной части, огороженной каменными или деревянными стенами, с башнями, за которыми располагались административные службы и дворы на случай осады («город»—в узком смысле носивший также название кремля, детинца, острога), и из неукрепленной части, получившей название посада. Здесь жили отдельными поселениями ремесленники и купцы, совокупность которых составляла посадскую общину. На всю общину падали определенные государственные повинности, составлявшие «посадское тягло»; они разверстывались между членами общины. Поэтому юридическим признаком принадлежности к посадской общине было несение посадского тягла. На окраинных землях, а в виде исключения и в центре, были города, не имевшие торгово-ремесленных посадов. Они являлись не экономическими центрами, а военными крепостями. Существовали также посады, не имевшие «городов», т. е. центральной укрепленной части; поэтому в официальной терминологии XVI — XVII вв. они не назывались городами.

50059

Иван III усиленно отбирал города от бывших удельных князей, что имело большое значение для укрепления экономической и военной мощи государства. Вместе с этим великий князь конфисковал прежние частновладельческие земли и обращал их в «черную» государеву посадскую землю. В XV и в начале XVI вв. громадное большинство городов было уже великокняжеским, т. е. государственным. Среди частновладельческих земель оставались небольшие городки, принадлежавшие бывшим удельным князьям, митрополичьей кафедре, и города, предоставленные татарским мурзам, выходцам в русские земли. Последние не являлись их собственниками, но могли собирать в свою пользу доход с посадского населения.

С развитием общения между отдельными землями и городами экономические связи стали стягиваться к общему центру — к Москве. Новгород потерял прежнее монопольное положение в торговле русских земель с Прибалтикой и западными странами. В XV в. торговые связи с Западом проходили также и в других направлениях — через Тверь и Смоленск. Очень крупное экономическое зна-

Государственный институт Журналистики

чение имела Тверь. Ее богатства вырастали главным образом на торговле с русско-литовскими городами. Собирая огромные запасы пушнины, тверские купцы отправляли ее через литовские города на западный рынок. Тверские купцы вели, кроме того, большую торговлю с генуэзскими городами в Крыму. С середины XV в. через южные крымские порты проходил почти весь товарооборот с южными и восточными странами.

Во второй половине XV в. начала усиливаться торговая связь с Востоком через Казань, в окрестностях которой ежегодно происходила многолюдная ярмарка. В конце XV в. со стороны русских купцов были сделаны попытки завязать непосредственные сношения с восточными странами. К ним относится замечательное предприятие тверского купца Афанасия Никитина, который в 1466 г. отправился в Шемаху. Потерпев кораблекрушение в Каспийском море, Афанасий Никитин после долгого путешествия добрался до Индии, где провел около трех лет. Путешествие Афанасия Никитина «За три моря» в Индию было предпринято на 30 лет раньше экспедиции Васко-де-Гама, которому обычно приписывалась честь открытия торговых сношений Европы с Индией.

На основе развития внутренних рыночных связей и торговых сношений русских земель с соседними странами слагалась общая экономическая система Русского государства. «...С сосредоточением сношений в руках особого класса и с расширением торговли благодаря купцам за пределы ближайших окрестностей города тотчас возникает и взаимодействие между производством и обращением. Города вступают в связь д р у г с д р у г о м... разделение между производством и (организацией) сношений вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, каждый из которых переходит к эксплоатации некоторой преобладающей отрасли промышленности. Мало-по-малу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность» *).

Развитие экономического общения способствовало более прочному политическому объединению земель, вошедших в состав Русского государства.

Начало образования централизованной государственной системы. С объединением русских земель под властью московского великого князя старая административно-хозяйственная система, действовавшая в небольших феодальных княжествах, не удовлетворяла новым требованиям управления. Это привело к очень существенным изменениям в устройстве государственного порядка, который уже во второй половине XV в. стал приобретать централизованный характер. В текущей жизни Московского государства возникало множество вопросов, требовавших постоянного внимания. К ним относились вопросы, связанные с пересмотром землевладельческих прав, с ограничением иммунитета частных землевладельцев, с развитием великокняжеского суда в противовес суду

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 43.

наместников и вотчинному суду, с развитием поместной системы, с развивающимися дипломатическими сношениями с другими государствами и т. д. Все эти вопросы не в состоянии была разрешать старая административная система, приспособленная главным образом к обслуживанию ограниченного княжеского хозяйства.

Главными помощниками князя были его бояре, совещание которых, не носившее, правда, строго организованного характера, составляло Боярскую думу. С образованием Русского государства деятельность Боярской думы стала более постоянной и сложной. Численно возросшее боярство не могло уже полностью участвовать в совещаниях с великим князем. Правом участия в Боярской думе стали пользоваться не все бояре, а те из них, которых великий князь «жаловал» боярством. Поэтому звание боярина получило двоякий смысл; в более обширном значении боярами назывались все крупные и родовитые землевладельцы; в частном значении звание боярина стало придворной обязанностью — «думным чином». Вторым «думным чином», дававшим право участия в заседаниях Боярской думы, было звание окольничего. Представители самых крупных, преимущественно княжеских, фамилий сразу получали звание боярина. Менее родовитые фамилии жаловались окольничими и не всегда достигали боярства. В начале XVI в. произошло дальнейшее расширение состава Боярской думы путем привлечения лиц, происходивших из служилых дворянских фамилий. Эти дворяне стали называться «детьми боярскими, которые в думе живут». Во второй половине XVI в. их стали называть «думными дворянами». Наконец, в XVI в. в заседаниях Боярской думы стали участвовать некоторые дьяки (думные дьяки).

В эпоху феодальной раздробленности князь «приказывал» выполнение того или другого дела ближайшим к себе лицам. В конце XV и начале XVI столетий возникли постоянно действующие учреждения, получившие название «приказов». Во главе приказа обычно ставился боярин, его ближайшим помощником был дьяк, на котором фактически лежало все текущее управление; под начальством дьяка работали подьячие. Часть приказов образовалась из управления княжеским дворцом, как, например, Дворцовый (ведал вотчинами великого князя с их населением), Казенный (в казне хранились одежда, оружие, драгоценности, а также архив великого князя), Конюшенный (ведал княжескими табунами). Часть приказов выделилась из состава Боярской думы; расширение международных сношений привело к образованию особого Посольского приказа; создание дворянского войска привело к образованию Разрядного приказа; поместная система была передана в ведение Поместного приказа и т. д. Уже в начале XVI в. можно насчитать около 10 московских приказов. Приказы являлись центральными органами управления.

Большое значение в создании централизованной системы управлений имело появление первого Судебника 1497 г. В период феодальной раздробленности в каждом княжестве и боярской рес-

публике (Новгороде, Пскове) были свои законы и уставные грамоты. Объединение русских земель привело к объединению местных законов и к возникновению общего права прежде всего в области судебного управления. Судебник Ивана III впервые вводил на всей территории государства одинаковые судоустройство и судопроизводство, усиливавшие значение центральной власти. Он впервые устанавливал понятия общего государственного интереса и ограничивал судебные права наместников. На суде последних должны были присутствовать особые выборные от населения (судные мужи).

С усилением центральных органов управления стала постепенно ограничиваться власть наместников и волостелей, которые раньше были фактически самостоятельными правителями городов и волостей, данных им в «кормление». В начале XVI в. сбор податей был изъят из ведения наместников и передан особым «городовым приказчикам». Этим было положено начало развитию общегосударственной финансовой системы.

В период феодальной раздробленности собственные военные силы князя — его «двор» занимал относительно небольшое место по сравнению с феодальными дружинами великокняжеских вассалов. В Русском государстве, наоборот, основой всех военных сил становится служилое дворянство. Однако, помимо дворян («двора») великого князя, существовали еще отдельные феодальные дружины, собиравшиеся под предводительством своих сеньоров по требованию великого князя. Однообразного порядка в несении военной службы еще не было; каждый феодал выводил столько ратников, сколько он мог содержать «по силе». В московской армии еще ясно различались отдельные феодальные части.

Вооружение ратников также было очень разнообразным. Преобладало холодное оружие: шестоперы (булава, состоявшая из шести остроконечных ребер), сабли, пики. Большую роль еще продолжал играть лук со стрелами. В конце XV в. стал быстро развиваться огнестрельный «наряд» (так называлась артиллерия). При Иване III в Москве при помощи выписанного из Италии известного зодчего и техника Аристотеля Фиоравенти было заведено собственное производство орудий. Московская артиллерия участвовала в походах на Новгород и Тверь и получила большое применение в войнах с Литвой и Польшей. Вместе с увеличением тяжелого пушечного «наряда» возникли и первые пищальники (пищаль—ружье), явившиеся непосредственными предшественниками стрельцов. Организационное и техническое укрепление московской армии сыграло очень важную роль в борьбе за общее укрепление Русского государства.

Таким образом, в конце XV и в начале XVI вв. были заложены основания централизованной системы феодальной монархии, которая по отношению к периоду феодальной раздробленности являлась новой формой государственного устройства.

Наступление в Приуралье и Приволжье. Присоединение северных новгородских владений открыло для московской власти возможность продвижения в область Приуралья, а затем и Зауралья. В 1472 г. московский отряд занял земли в верховьях Вычегды и Камы, так называемую Пермь Великую, населенную зырянами (коми).

С захватом бассейна Камы открывалась дорога в Зауралье. В 1499—1500 гг. московские войска под командой князя Семена Курбского перешли Уральские горы и повоевали земли остяков (ханты) и вогулов (манси), расположенные по среднему течению реки Оби. Во время этой экспедиции было захвачено до 40 городков и взято в плен 58 князьков. Экспедиция являлась глубокой разведкой в область малоизвестного Зауралья (Югры), подготовлявшей дальнейшее наступление в этом направлении.

С середины XV в. восточные русские окраины оказались под ударами Казанского ханства. Казанские татары часто опустошали долину Волги до самой Костромы, а также бассейн нижнего течения Оки. Территория Казанского ханства в свою очередь подвергалась нападению со стороны русских. Земли Казанского ханства, о богатствах которых с восторгом говорили русские феодалы, представляли самостоятельную цель московского наступления.

Выдвижение в область Верхней Камы привело к глубокому охвату Казанского ханства с севера и северо-востока. Наступательные действия против Казанского ханства развернулись еще в 60-х годах XV в. Они произвели в Казани настолько сильное впечатление, что на протяжении последующих десяти лет почти не встречается известий о нападении казанских татар. Только во время борьбы Ивана III с Новгородом, когда в Казани распространилось ложное известие о неудаче московских войск, казанцы повоевали Вятскую землю. В ответ на это Иван III вынудил казанского хана заключить мир на выгодных для Москвы условиях. Когда казанский престол перешел к хану Али (Алегам), действия казанского правительства стали носить резко выраженный антимосковский характер. Однако сопротивление Казани было ослаблено серьезными внутренними противоречиями. Часть крупных казанских феодалов получила помощь со стороны Сибирского ханства и ногайских татар. Но в то же время в Казани было много сторонников мирных отношений с русскими землями. Казанское купечество было заинтересовано в развитии торговых связей с Москвой, так как война наносила сильный ущерб торговле. В Москве умело пользовались внутренней борьбой между татарскими феодалами и династической борьбой за ханский престол. Когда претенденты на ханский престол терпели неудачу, их радушно принимали в Москве и устраивали на русской земле в качестве вассалов великого князя. В них сначала воспитывали проводников московского влияния, а затем при поддержке военной силы сажали на ханский престол.

После присоединения Новгорода и освобождения от последних остатков золотоордынской зависимости Москва перешла в

энергичное наступление на Казанское ханство. В 1487 г. под Казань была отправлена большая московская рать, которая после осады крепости взяла в плен Али-хана. Вместо него Иван III посадил его брата, жившего в одном из русских городов. Последний стал фактически вассалом московского великого князя. Он был окружен московскими советниками и принужден был слушаться своего сильного покровителя — Ивана III.

Войны с Польшей, Литвой и Ливонией. С объединением северо-восточных русских земель в одно Русское государство неизбежно поднялся вопрос о русских землях (великорусских, украинских и белорусских), находившихся под властью великого князя литовского. Столкновения между Москвой и Литвой с начала XV в. происходили главным образом за верхнее течение Оки, имевшее для Москвы большое экономическое и политическое значение, и Смоленск. Исторический факт объединения русских земель представлялся московскому великому князю как возвращение под власть московского государя всех владений, когда-то принадлежавших его предкам со времени киевских князей. В Москве говорили литовским послам, что вся русская земля «из старины от наших прародителей наша отчина, и нам и ныне своей отчины жаль». К русской земле, поясняли в Москве литовцы, принадлежат не только те волости и города, которые уже находятся под властью московского великого князя, но Киев, Смоленск и другие города, завоеванные польским королем и литовским великим князем.

В области верхней Оки находились мелкие владения черниговосеверских князей. Занимая промежуточное положение между двумя сильными государствами — Литовским и Московским, эти князья в зависимости от политической обстановки становились вассалами то одной, то другой стороны. Экономические связи Верхней Оки были более значительными с московской территорией, чем с литовской. Поэтому с усилением московских князей мелкие чернигово-северские князья стали добровольно переходить под московскую власть. Переход особенно усилился в 90-х годах XV в. Иван III послал в пограничные земли московские ратные силы, которые защищали сторонников Москвы и облегчали их присоединение вместе с землями к Русскому государству. Великое княжество Литовское принуждено было согласиться на эти изменения в составе его владений. По условиям мира, заключенного в 1494 г., к Русскому государству отошла вся область верхнего течения Оки с владениями князей Новосильских, Одоевских, Воротынских и др. Мир между Москвой и Литвой был скреплен браком литовского князя Александра Казимировича с дочерью Ивана III Еленой. Вступая в брак с московской «схизматичкой», католик Александр Казимирович надеялся обезопасить себя от враждебных действий со стороны своего тестя — московского великого князя. Но Иван III сам хотел извлечь наибольшую пользу из родственных связей с великим князем литовским. Елена, ставшая литовской княгиней,

получила строгое наставление от отца оставаться в строгом православии и сообщать ему все известия о делах в Литве через приставленных к ней московских дворян.

Мир в 1494 г. не ослабил напряженного положения в пограничной полосе. Князья, перешедшие к Москве, продолжали тянуть за собой близкую и далекую родню. Иван III поддерживал дружелюбные отношения с крымским ханом Менглы-Гиреем, который являлся врагом Литвы; католики в Литве были очень недовольны политикой Александра Казимировича и открыто осуждали его за брак с русской княжной. В это время крупное католическое литовское панство усилило наступление на православную церковь. Притеснения со стороны польско-литовской знати только увеличили стремления мелких русских князей перейти под покровительство московского великого князя.

Переход мелких феодальных владельцев на сторону Москвы стал поводом к новой войне 1500—1503 гг. Московские войска нанесли полное поражение литовским силам у реки Ведроши близ Дорогобужа, причем в плен был взят литовский воевода князь Константин Острожский.

Военные неудачи заставили литовского великого князя согласиться в 1503 г. на перемирие. По его условиям к Русскому государству отошел весь бассейн верхнего течения Оки, все течения реки Десны и ее притоков, часть нижнего течения реки Сожи и часть верхнего Днепра. На этой территории было расположено 19 городов и 70 волостей.

После присоединения новгородских владений к Москве Ливонский орден оказался соседом Русского государства. Иван III построил на границе с ним каменную крепость, которую назвал своим именем — Ивангород. Не решаясь на самостоятельные выступления, Орден пытался опереться на Литву и Швецию. В Москве этому союзу противопоставили Данию. Владея выходом из Балтийского моря, Дания была естественным соперником и противником Швеции и Ливонии. Поэтому Иван III заключил договор с Данией о взаимной помощи и вскоре закрыл Ганзейский торговый двор в Новгороде.

Усиление Русского государства вызвало необычайную тревогу в Ливонии. Командор города Кенигсберга так определял сущность московской опасности: «старый государь русский вместе с внуком своим управляет один всеми землями, а сыновей своих не допускает до управления, не дает им уделов. Это для магистра ливонского Ордена очень вредно: они не могут устоять перед такой силой, сосредоточенной в одних руках».

Пользуясь начавшейся в 1500 г. войной между Русским государством и Литвой, Ливонский орден начал открытые военные действия против русских пограничных районов. Московская армия нанесла около крепости Гельмеда страшное поражение войскам Ливонского ордена, после которого Ливония по существу оказалась беззащитной. По ливонской летописи, она в короткое время

потеряла до 40 тыс. человек, часть которых погибла, а часть была уведена в плен. Ливонский орден, охваченный паникой, даже обратился за содействием к Римскому папе, добивался провозглашения крестового похода на «московитов». Но Рим, занятый борьбой с Турцией, не хотел ссориться с Москвой. Одновременно с заключением в 1503 г. перемирия с Литвой был заключен мир с Ливонией. Ливонский орден обязался платить ежегодную дань московскому князю за Юрьевскую землю, некогда принадлежавшую русским.

Международное положение Русского государства. Внешняя политика Ивана III заметно отличалась от политики русских князей времен феодальной раздробленности. Для последних соседняя Русская земля была почти такой же «заграницей», как Литва или Польша. Князья московские, тверские, рязанские и другие спорили и боролись между собой прежде всего за свои местные интересы. Политика Ивана III в сношениях с другими странами была политикой Русского национального государства. Изменившееся положение объединенных русских земель ясно сознавалось за их границами. Властители разных стран спешили завязать дипломатические сношения с «Московией», чтобы использовать ее в своих интересах. В Риме мечтали направить Русское государство против Турции, угрожавшей итальянским интересам в Черном и Средиземном морях; в Венгрии видели в Москве союзника для борьбы с Турцией и Польшей; в Германии хотели использовать Россию для борьбы за владения императорского дома. Дания, заинтересованная в ослаблении Швеции, заключила даже формальный союз с Россией.

Побывавший в Москве силезец Николай Поппель рассказал после своего возвращения в Германию на съезде князей о могущественной «Московии». Это было настоящим открытием для Западной Европы, где знали о русских землях главным образом по Новгороду. Вскоре Николай Поппель был отправлен в Москву уже в качестве посла императора. Он явился перед Иваном III с предложением устроить брак его дочери с племянником императора и принять королевский титул. Последнее означало бы установление некоторой зависимости, так как король был ниже императора. Иван III велел передать императорскому послу следующий ответ, исполненный сознания своего достоинства и независимости: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы, божиею милостию, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы; просим бога, чтоб нам и детям нашим всегда так и быть как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Таким образом, императорскому «поставлению» Иван III противопоставил идею божественного происхождения своей власти.

Область московской политики была очерчена очень широко, от Италии и германских государств до среднеазиатских стран и Турции. Однако во всех вопросах международной жизни Русское

государство занимало вполне самостоятельную позицию. Иван III охотно вступил в сношения с другими странами, заключал союзы, разрывал их, когда проходила в них надобность, натравливал одних на других.

«Изумленная Европа, — говорит Маркс, — которая вначале княжения Ивана III едва подозревала о существовании Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах» *).

Развитие самодержавной власти. Усиление великокняжеской власти в конце XV в. было результатом борьбы с остатками феодальной раздробленности. Раньше московский великий князь был одним из многих северо-восточных русских князей и отличался от других лишь размерами своего владения и более значительными материальными средствами. После объединения русских земель под главенством Москвы московский великий князь стал единственным государем на всей территории северо-восточных русских земель. Новое положение великого князя тотчас отразилось на отношении Ивана III к тем своим родственникам, которые еще продолжали сидеть на небольших уделах, хотя и не пользовались прежней самостоятельностью удельных князей. Эти отношения резко отличались от существовавшей раньше формы взаимоотношений, определявшихся договором почти равноправных сторон.

Иван III сознательно стремился к сокращению числа уделов внутри Московского княжества. При первой возможности он присоединял их земли к основной государственной территории. Так он поступил с владениями одного из братьев, вызвав этим негодование со стороны других братьев. Еще более властно Иван III держался по отношению к дальним родственникам, которых он по своей воле сгонял из владений или назначал им другие земли. Цель этой политики, преследовавшей укрепление государственного единства, Иван III ясно выразил в письме к своей дочери, вышедшей замуж за литовского великого князя Александра Казимировича: «Ино, дочи, — писал Иван III, — слыхал яз каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле слыхала еси каково было нестроение при моем отце, а опосле отца моего каковы были дела и мне с братию, надеюся слыхала еси, а иное и сама помнишь».

Сильную власть великого князя почувствовали на себе и окружающие его бояре. Одному из них за «высокоумничанье» Иван III велел отрубить голову, а представителя старого рода Гедиминовичей князя Патрикеева с сыном Василием велел постричь в монахи (Василий Патрикеев известен под монашеским именем Вассиана).

Власть Ивана III еще больше окрепла в результате его брака с представительницей византийского императорского дома Софьей Палеолог. После взятия турками Константинополя в 1453 г., когда были разрушены последние остатки Византийской империи, племянница последнего византийского императора Зоя (Софья) укрылась

*) К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

под покровительством папы в Риме. Воспитанная при дворе папы, она, по мысли римского «святейшего престола», должна была стать проводником римского католического влияния и орудием папской политики. Поэтому судьба Зои Палеолог часто изменялась в зависимости от того или другого колебания в папской политике. Во время войны итальянских государств с Турцией папский престол, поддерживавший Венецианскую республику, искал союзника и помощи со стороны могущественного Русского государства. Поэтому в Риме созрел проект женить овдовевшего великого князя московского на Зое Палеолог. Иван III, узнав о предположении в Риме связать его с наследницей Византийской империи, охотно согласился на этот брак, который должен был поднять его значение в Европе и придать его власти в собственной стране новую пышную форму. В начале 1472 г. Зоя Палеолог приехала в Москву и стала московской великой княгиней Софьей Фоминишной. Породнившись с византийским императорским домом, Иван III считал себя преемником византийского императора. Попытка Рима использовать брак в интересах папской политики потерпела полную неудачу; от этого брака выиграл Иван III.

Новое политическое положение великого князя московского отразилось на внешней обстановке его власти. В сношениях с другими странами Иван III называл себя «государем всея Руси», а в некоторых случаях даже «царем» (официально термин «царь» был принят Иваном IV). Подражая византийским императорам, Иван III избрал герб в виде двуглавого орла, подобный гербу Византийской империи. Связь московской великокняжеской власти с властью византийских императоров была символически представлена в великокняжеских знаках достоинства — в царском венце (шапка Мономаха) и в бармах (оплечье). В конце XV в. или в начале XVI в. в Москве возникла легенда, вошедшая в ряд литературных произведений, согласно которой знаки царского достоинства — шапку Мономаха и бармы — получил киевский князь Владимир Мономах от своего деда по матери, греческого императора. В сокровищнице московского великого князя действительно находилась золотая остроконечная шапка, опушенная собольим мехом. Исследование этой шапки приводит в настоящее время к выводу, что она является произведением не греческого, а восточного искусства XIII—XIV вв. Есть предположение, что «шапка Мономаха» в действительности когда-то принадлежала хану Узбеку и была подарена им одному из московских князей, Юрию или Ивану Даниловичам. С Ивана III за этим парадным головным украшением прочно установилось название «венца» или шапки Мономаха.

От брака с Софьей Палеолог Иван III имел сына Василия. Между тем у него оставался внук — Дмитрий Иванович. Сначала Иван III провозгласил своим наследником внука Дмитрия и даже впервые произвел над ним обряд коронования царским венцом, напоминавший соответствующий византийский церемониал. За Дмитрия Ивановича стояло крупное московское боярство, которое не

любило Софью Палеолог, как представительницу византийской императорской власти, и не хотело видеть наследником великого князя сына от «гречанки». Наоборот, на стороне Василия Ивановича стояло служилое дворянство. В пользу Василия даже возник заговор. Когда он был раскрыт, Иван III «воспалился» на сына, а шесть участников заговора поплатились своими головами. В связи с заговором многие дворяне были брошены в тюрьмы. Через некоторое время Иван III изменил первоначальное распоряжение относительно престолонаследия. Венчанный внук Дмитрий вместе с матерью был посажен под стражу, а сына Василия Иван III «пожаловал», по выражению летописи, «благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси самодержцем». В вопросе о престолонаследии Иван III держался мнения, что его воля никем не может быть ограничена. Псковским послам он в следующих словах объяснял происшедшую перемену: «Чи не волен яз, князь великий, в своих детях и в своем княжении, кому хочу тому дам княжение». Духовная грамота Ивана III ясно отразила стремление высоко поднять положение наследника над его братьями. Иван III оставил 5 сыновей. Старший Василий, объявленный наследником великого князя, получил из московской территории 66 городов, в том числе Москву, Новгород, Тверь и другие крупнейшие города. Остальные четыре брата получили только 30 городов. При сборе дани часть Василия должна была составить около 72 проц., тогда как братья вместе собирали всего 28 проц. Младшие братья должны были слушаться своего старшего брата, как отца. Только Василий получил право чеканить монету. Все вымороченные владения переходили в состав его земель. Таким образом, процесс усиления старшего наследника, который мы можем проследить с начала XIV в., нашел в завещании Ивана III свое завершение.

В начале XVI в. Москва, ставшая общей столицей Русского государства, его экономическим, религиозным и политическим центром, приобрела новый внешний облик. Иностранцу, посетившему Москву в 70-х годах XV столетия, она еще представлялась обширным деревянным городом. Вскоре в центре московского Кремля началось строительство новых каменных сооружений при помощи итальянских архитекторов. Одним из первых был приглашен в Москву знаменитый зодчий Аристотель Фиоравенти. Он родился в Болонье, в Италии, и помимо зодчества хорошо знал литейное дело, фортификацию, гидравлику. В архитектуре построенного при нем Успенского собора отразилось несколько стилей. За образец своей постройки Фиоравенти принял владимирский Успенский собор. Но в его отделке он воспользовался образцами итальянского Ренессанса. Второй — Архангельский собор, также построенный итальянскими мастерами, в еще большей степени отразил стиль Ренессанса.

Почти одновременно с постройкой соборов шло строительство великокняжеского дворца. Оно началось с отдельных зданий, при-

мыкавших друг к другу. Еще при Иване III была построена большая зала для торжественных приемов иностранных послов, известная под названием Грановитой палаты (снаружи палата была обложена гранеными камнями). Затем началось строительство жилых помещений. Дворец вырастал по мере возведения отдельных частей, представляя причудливое сочетание построек различной величины и высоты, соединенных между собой лестницами и переходами. В основном постройка дворца закончилась при Василии III.

Вместо старых каменных стен Кремля при Иване III начали строить новые каменные укрепления Кремля. Эта постройка, начавшаяся в 1485 г., продолжалась свыше 30 лет. По устройству и архитектуре Кремль, выстроенный при участии итальянских инженеров, напоминал средневековый итальянский замок. Он представлял собою сочетание зубчатых стен с широкими башнями, не имевшими еще остроконечных покрытий (сохранившиеся в настоящее время остроконечные готические покрытия были сооружены в XVII веке).

Крупное строительство, проведенное в конце XV — в начале XVI вв., придавало совершенно новый облик русской столице. Над раскинувшейся массой мелких деревянных построек возвышалось величественное сооружение великокняжеского замка. По словам иностранцев, Москва уже в начале XVI в. являлась одним из самых больших городов Европы.

УСИЛЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ВАСИЛИИ III (1505 — 1533)

Вокняжение Василия III после смерти его отца произошло без династической борьбы, на которую рассчитывали в Польше и Литве. К началу великого княжения Василия III оставались только две земли, сохранившие остатки политической самостоятельности — Псковская и Рязанская. Поводом к окончательному присоединению Псковской земли были столкновения между псковичами и московским наместником. Когда псковичи стали жаловаться на своевольство присланного к ним наместника, Василий III велел жалобщикам собраться в январе 1510 г. в Новгороде; приехавшие псковские бояре и купцы были арестованы. Весть об аресте их произвела в Пскове необычайное волнение. По словам псковского летописца, на жителей напал страх и трепет. Собравшееся вече не решилось сопротивляться, тем более, что заинтересованные больше всего в защите псковской самостоятельности бояре уже находились в руках у Василия III. Великий князь прислал в Псков своего дьяка, который на собравшемся вече передал поклон Пскову от великого князя и вместе с поклоном требование: «Чтобы у вас вечья не было, да и колокол бы вечевой сняли, а здесь быти двум наместникам, а по пригородам наместнику же быти».

Затем дьяк московского великого князя дал псковичам время подумать до утра. На следующий день все московские условия

были приняты. Через некоторое время Василий III сам приехал в Псков. По его приказанию были произведены новые аресты среди старых посадников, бояр и купцов. В одну ночь в Москву было выслано 300 семейств. Так закончилось самостоятельное существование Пскова.

Присоединение остатков Рязанской территории было по существу уже формальным актом. В начале XVI в. при последнем рязанском князе Иване Ивановиче объединились старые боярские фамилии Рязанского княжества — сторонники сохранения политической независимости. Война с Литвой и нападение крымских татар на южную окраину Русского государства заставили в Москве очень строго относиться к проявлениям рязанской самостоятельности. Поэтому, когда в Москве узнали, что рязанский князь Иван Иванович вошел в тайные сношения с крымским ханом, его вызвали в столицу и посадили в тюрьму. Это случилось около 1520 г. Через некоторое время рязанскому князю удалось бежать из московской тюрьмы. Однако он не встретил никакой поддержки в Рязанской земле и должен был уйти в Литву. Присоединение остатков Рязанского княжества было последним фактом в процессе объединения русских земель в систему Русского государства. Московский летописец назвал Василия III «последним собирателем» русской земли.

Объединение последних русских земель, сохранявших остатки независимости, еще больше укрепляло Русское государство и подняло его международное значение. При Иване III в борьбе с Литвой и Польшей за западные русские земли (украинские, белорусские) были достигнуты очень существенные успехи. Однако они не полностью отвечали поставленной цели, так как Смоленск продолжал оставаться под властью Литвы. В Польше и Литве с своей стороны надеялись возвратить земли, потерянные во время войн при Иване III. В 1506 г. умер литовский великий князь Александр Казимирович. Его брат Сигизмунд I «Старый» был избран одновременно великим князем литовским и польским королем. Готовясь к продолжению борьбы за русские земли, Сигизмунд I сделал попытку объединить противников Москвы: Польшу, Литву, Ливонский орден, Казанское и Крымское ханства. Война 1507—1508 гг. в действительности не оправдала этих надежд. Внутри Литовского государства вспыхнуло сильное восстание феодалов, вождем которого был крупнейший магнат Михаил Глинский, находившийся в тайных сношениях с Москвой. В 1508 г. Литва должна была согласиться на «вечный мир», по условиям которого за Московским государством были признаны все присоединения, совершенные им в период с 1494 по 1503 г. Война за Смоленск возобновилась в 1512 г. и продолжалась почти 10 лет. Но еще в 1514 г. смоленские жители открыли ворота города перед московским войском.

Присоединение Смоленска имело большое экономическое и военно-стратегическое значение для Русского государства. Смо-

ленск связывал центральные области страны с белорусскими землями и с Прибалтикой. Смоленск был сильнейшей крепостью, защищавшей важнейшую дорогу из Польши и Литвы в Русское государство.

Борьба на западной границе несколько связывала руки московской политики в отношении Казанского ханства, чем поспешила воспользоваться та часть татарской феодальной знати, которая опиралась на ногайских и крымских татар. В 1521 г. в Казани, при участии прибывшего отряда крымских татар, был произведен династический переворот. Вместо свергнутого хана, принадлежавшего к числу сторонников Москвы, на престол был посажен один из представителей рода крымских Гиреев. Вскоре после этого началось наступление на Москву одновременно из Казани и из Крыма при поддержке литовцев. Соединенные силы крымцев и казанцев осадили Москву, но взять ее не могли, а только опустошили окрестности столицы. В конце княжения Василия III московскому правительству удалось восстановить прежнее положение. Представитель династии Гиреев покинул Казань. На престол Казанского ханства был возведен московский ставленник. Таким образом, борьба за Казань, развернувшаяся при Иване III и Василии III, ясно обнаружила перевес московской силы. Казань не в состоянии была собственными средствами отстоять свою независимость. Помощь крымских и ногайских татар не всегда могла прийти во-время. Между тем внутри господствующих слоев Казанского ханства окрепла группа сторонников Москвы, дорожившая экономическими связями с русскими землями. Все эти обстоятельства подрывали самостоятельность ханства и ослабляли его силы в борьбе с Русским государством.

При Иване III московское правительство имело своим союзником крымского хана Менглы-Гирея. После смерти Ивана III союз между Крымом и Москвой расстроился. Крымскому хану не нужна была уже помощь русских сил, так как главный противник ханства — Большая Орда — перестал существовать. С другой стороны, переход под московскую власть территории, лежавшей на верхнем течении Оки, в результате войны с Польшей и Литвой угрожал интересам Крымского ханства. Столкновения с Крымским ханством при Василии III стали началом длительной борьбы за плодородные южные степи между Русским государством и Крымом.

Церковь в конце XV — в начале XVI веков. С объединением русских земель церковная организация в русских северо-восточных владениях окончательно сложилась в национальную русскую церковь. Ряд политических событий благоприятствовал усилению самостоятельности русской церкви. В 1439 г. в Италии, во Флоренции, по инициативе папы был созван церковный собор, целью которого было объединение католической и восточной православной церквей. На соборе присутствовал и московский митрополит грек Исидор. Собор утвердил унию церквей на условиях принятия като-

лических догматов, признания главенства папы и сохранения православных обрядов. Однако это решение собора не было принято в Москве. Митрополит Исидор был осужден русским церковным собором. Константинопольский патриарх тоже пытался принять условия унии, что значительно ослабило его авторитет и влияние в русских церковных делах. Независимость русской церкви от византийской стала еще более полной после того, как турки в 1453 г. взяли Константинополь. Вместе с тем в делах русской церкви усиливалось значение великого князя московского.

Русская церковь к середине XV в. стала крупнейшей феодальной собственницей. Рост земельных владений, монастырей и церковных кафедр происходил за счет крестьянских черных земель и раздробленных боярских вотчин. Особенно много боярских вотчин перешло во владение монастырей в последней трети XV в. Некоторые монастыри (Сергиево-Троицкий, Белозерский и другие) собрали огромные земельные богатства. Монахи имели собственное имущество, жили за счет жестокой эксплоатации крестьян, вели праздную, сытую и развратную жизнь. Ослабление церковного авторитета вызвало опасение со стороны самой церковной власти. Таким образом, во второй половине XV в. возник ряд вопросов, касавшихся положения церкви в системе складывающегося централизованного государства. Среди них главным был вопрос о взаимоотношениях между светской и духовной властью.

Великокняжеская власть, опиравшаяся на служилое дворянство, нуждавшееся в поместных землях, не могла спокойно относиться к факту перехода огромной земельной территории в руки церкви. Поэтому перед духовенством вставал и другой важный вопрос — о сохранении земельных владений.

Эти вопросы вызывали внутреннюю церковную борьбу и привели к столкновению «нестяжателей» (противников церковного землевладения) с «осифлянами» (сторонниками сохранения за церковью всех ее земельных богатств). Основателем учения нестяжателей был монах Кирилло-Белозерского монастыря Нил, происходивший из московского боярского рода Майковых. Нил, живший некоторое время на Афоне, впоследствии основал скит в Белозерском крае, на реке Соре. Поэтому он получил прозвище Сорского. Главнейшим последователем и наиболее активным участником борьбы в вопросе о церковных имуществах был ученик Нила Сорского, сын опального боярина Василий Патрикеев, принявший в монашестве имя Вассиана. Вассиан Косой при Василии III переселился в Москву, где пользовался большим влиянием среди московских бояр. В боярской среде он вел деятельную пропаганду против монастырского землевладения. Крупное боярство поддерживало движение нестяжателей, так как опасалось земельного роста владений церкви, происходившего главным образом за счет боярских владений. Боярство хотело из отобранных у церкви земель создать фонд для раздачи его в вотчины и поместья. По-

литические взгляды также объединяли нестяжателей с боярством, так как нестяжатели были противниками усиления великокняжеской власти.

Представителем другого течения был монах Иосиф Волоцкий, или Волоколамский, происходивший из служилого московского рода Саниных. В окрестностях Волоколамска он основал под покровительством местного удельного князя, брата Ивана III, монастырь. Начав с участка волоколамского леса, где все приходилось заводить заново, Иосиф Волоцкий кончил тем, что его монастырь стал одним из самых богатых северо-восточных монастырей. Когда местный удельный князь пожелал присвоить себе накопленное Иосифом церковное имущество, Иосиф, подобно феодалу, «отказался» от своего сеньора — удельного князя — и перешел под непосредственную власть московского великого князя. Иосиф Волоцкий хорошо понимал, что церковь может сохранить земельные богатства лишь при поддержке сильной светской власти. В противоположность нестяжателям Иосиф выступил сторонником тесного союза между великим князем и церковной организацией. В своих сочинениях он развивал теорию теократического абсолютизма, доказывая, что власть великого князя имеет божественное происхождение; поэтому тот, кто не слушается великого князя, не слушается самого бога.

Из этой теории теократического абсолютизма Иосиф Волоколамский делал важнейшие для великокняжеской власти практические выводы. Во-первых, светская власть должна быть выше церковной власти; церковь должна находиться в подчинении у государства. Во-вторых, удельный князь должен во всем слушаться великого князя, которого Иосиф Волоколамский называет «всей русской земли государям государь».

Спор между сторонниками монастырского землевладения и его противниками впервые был поднят на церковном соборе 1503 г. Предложение Нила Сорского об отобрании церковных землевладений встретило резкое противодействие большинства членов собора. Иосиф Волоколамский выразил мнение церковных иерархов в следующих словах: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричися? и аще не будет честных старцев, отколе взяти на метрополию или архиепископа или епископа и на всякие честные власти. А коли не будет честных старцев и благородных, ино в вере будет поколебание». Собор отверг предложение Нила Сорского.

Вопрос о церковных имуществах вновь разбирался на соборе 1531 г., который строго осудил нестяжателей. Вассиан Косой, обвиненный в умышленной порче текста церковных книг, был сослан к своим врагам — в Иосифо-Волоколамский монастырь. Учение осифлян стало официальной теорией господствующей церкви. Из среды осифлян вышли все последующие митрополиты, много содействовавшие в XVI в. укреплению централизованного порядка и великокняжеской власти. Великокняжеская власть нуждалась в

церковной поддержке, но вместе с тем широкое развитие церковного землевладения не могло соответствовать интересам государства. Поэтому, сохраняя за церковью основные владения, Иван III и Василий III все же провели некоторые ограничения дальнейшего роста земельных территорий церкви.

В конце XV в. возникла новая церковная ересь, сторонников которой современники называли «жидовствующими». По словам представителей господствующей церкви, учение «жидовствующих» было занесено одним евреем, прибывшим в Новгород в 1471 г. в свите литовского князя. Учение «жидовствующих», так же как ересь «стригольников», носило рационалистический характер. «Жидовствующие» отрицали внешние церковные обряды, монашество, поклонение мощам. Среди них распространялась литература, состоявшая преимущественно из переводов сочинений еврейских и арабских писателей. Ересь «жидовствующих» распространялась главным образом среди посадского населения Новгорода, а затем перекинулась в новгородские села.

По отношению к движению «жидовствующих», как и в отношении стригольников, применима характеристика, данная Энгельсом «бюргерским» ересям средневековья, которые в форме оппозиции по отношению к церкви выступали против феодального строя. Социальная сторона в движении «жидовствующих» представляла особенно большую опасность для церкви, которой для борьбы с ересью была необходима поддержка со стороны сильной светской власти.

Учение «жидовствующих» было занесено и в Москву, где проникло в среду дворцовой знати и в высшие слои духовенства и купечества. Эти последователи «жидовствующих», разумеется, ничего общего не имели с основной социальной сущностью движения.

Осифляне требовали самой суровой расправы над «еретиками». Новгородский архиепископ Геннадий, первый открывший ересь, предлагал ввести инквизицию по примеру испанского короля. Ересь «жидовствующих» была осуждена на церковных соборах 1490 и 1504 гг. Часть захваченных «еретиков» была предана мучительной казни посредством сожжения на кострах.

Теория феодальной монархии. В конце XV и в начале XVI вв. был написан ряд литературных произведений, подводивших теоретический базис под то высокое положение, которое занял московский великий князь внутри страны и в отношении с иностранными державами. После падения Византийского государства московские писатели стали развивать мысль, что Москва является исторической преемницей Византии. Церковное значение Константинополя было подорвано Флорентийской унией, а политическая роль его пала после завоевания Византии турками. Между тем раньше в русских землях смотрели на Византию, как на мировую державу, а на Константинополь, — как на центр православия или «новый Рим», унаследовавший значение древнего «ветхого Рима». С падением

Византийской империи церковное и политическое значение ее столицы было перенесено на Москву. Эту мысль выразил в особом послании один из монахов псковского монастыря Василию III. По его словам, старый Рим пал вследствие уклонения в ересь. Новый Рим — Константинополь — погиб вследствие измены православию на церковном соборе (Флорентийская уния). Поэтому храм Софии стал достоянием «неверных», турок. Третьим Римом должна была стать Москва. Так в истории народов все христианские царства пали, осталось одно царство — Русское. «Блюди и внемли благочестие, русский царь, — обращается монах к Василию III, — яко вся христианская царства снидошося в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

В конце XV в. появилась литературная повесть под заглавием «Сказание о князьях владимирских». Она начинается библейской историей разделения вселенной между сыновьями Ноя и кратким очерком всемирной истории, сделанным по византийским хронографам. Далее в ней говорится, что будто бы после смерти Юлия Цезаря Август был провозглашен «властителем» вселенной. На него возложили знаки власти, принадлежавшей «властодержавцам»: одели в одежду египетского царя, а на голову возложили индийскую корону. Август поставил правителей в разных местах земли, в том числе своего родственника Пруса на реке Висле. Далее в повести рассказывается, как новгородцы пригласили княжить Рюрика, будто бы принадлежавшего к числу потомков Пруса. Таким образом, генеалогия московского великого князя протянулась не только до Рюрика, но и до легендарного Пруса и Августа, кесаря римского. Теорию исторического развития великих мировых держав московские книжники старались наглядно представить генеалогической связью, которая будто бы существовала между русскими князьями и римским императором.

Таким образом, к началу XVI в. стала складываться теория феодальной монархии, выдвигавшая два главных положения: божественное происхождение великокняжеской (царской) власти и историческое преемство этой власти московской династией. Эта теория получила большое практическое значение в борьбе верховной власти с остатками феодальной раздробленности.

Власть Василия III выросла на прочном фундаменте, заложенном его отцом. Впоследствии Иван IV говорил, что его дед, т. е. Иван III, еще выслушивал от бояр «многие поносные и укоризные словеса». Василий III боярских противоречий не допускал. Когда представитель старого московского служилого рода Берсень Беклемишев попробовал спорить с великим князем по вопросу о Смоленске, он услышал гневные слова: «Поди, смерд, вон, ты мне не надобен». Берсень, выражая мнение, распространенное среди боярских кругов, жаловался, что государь не советуется со своими боярами, а решает дела «сам третей у постели», т. е. совещается с несколькими ближайшими к нему людьми в своих внутренних комнатах. По сравнению с сильной властью Василия III даже его

отец представлялся Берсеню, как милостивый и добрый государь. Не умея объяснить причины перемены в обращении великого князя с боярами, Берсень Беклемишев относил ее за счет приезда гречанки Софьи в Москву: «Как пришли сюда грекове ино и земля наша замешалася, а дотоле земля наша русская жила в тишине и в мире».

Отзыв Берсеня Беклемишева о сильной великокняжеской власти Василия III подтверждал посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в Москве. По его словам, Василий III превосходил своей властью всех монархов в мире. «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, — пишет Герберштейн, — так что если он прикажет кому быть при его дворе или итти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет». Усиление великокняжеской власти приближало разрыв между великим князем и боярством. Являясь порождением феодальной раздробленности, старое родовитое боярство отстаивало свои привилегии, ставшие анахронизмом в системе централизованного Русского государства.

* * *

К началу XVI в. процесс объединения русских земель был завершен. На территории, распадавшейся раньше на большое число самостоятельных феодальных полугосударств — «великих» и «удельных» княжеств и боярских республик (Новгород, Псков), — возникло единое Русское государство. Мы называем Русское государство этого времени «национальным» потому, что оно объединило в своих границах все русское (великорусское) население. При этом нужно помнить, что русская народность еще не успела сложиться в нацию. Русские говорили на одном языке, хотя он имел еще различные местные диалекты. Не было также еще полной общности экономической жизни.

По общественному строю и политическому устройству XV—XVI вв. Русское государство являлось феодальной монархией. Уже при Иване III и Василии III взамен старой системы, характерной для политической раздробленности, стали образовываться новые формы государства, строившегося на началах централизации и усиления верховной власти. Объединение русского народа имело большое прогрессивное значение для его экономического и культурного развития. Не менее важно было объединение и для борьбы с вражескими нашествиями со стороны Крымского ханства, Польши, Литвы и Швеции. Объединенный русский народ сбросил с себя последние остатки «татарского ига», давившего его более двух столетий.

РАСШИРЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЕГО В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ

БОРЬБА ФЕОДАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК И РЕФОРМА 50-х ГОДОВ XVI века

Остатки феодальной раздробленности. В начале XVI в. процесс объединения русских земель был завершен. На территории, распадавшейся раньше на большое число самостоятельных феодальных полугосударств — «великих» и «удельных» княжеств и боярских республик (Новгород, Псков), — возникло одно Русское государство. В конце XV и начале XVI вв. сложились основы централизованной политической системы (центральные учреждения — приказы, общие законы, поместная система, дворянская армия и пр.). Власть великого князя стала приобретать самодержавный характер.

Однако наряду со сложившимися основами централизованного государства продолжали существовать более или менее значительные остатки феодальной раздробленности. Наместники и кормленщики хотя и были ограничены, но пользовались еще большой самостоятельностью. Они попрежнему собирали часть доходов с населения в свою пользу. Землевладельцы, как вотчинники, так и помещики, продолжали обладать податным и судебным иммунитетом. Крупные феодалы имели собственных вассалов, составлявших основу их вооруженных сил. Некоторые из них владели даже городами — с укреплениями, пушками и гарнизонами. Например, князю Мстиславскому принадлежали города Венев и Епифань. Не были вполне уничтожены «удельные» княжения. К концу жизни Василия III на «уделах» сидели его братья: Юрий в Дмитрове и Андрей в Старице.

Борьба бояр за власть. Политическая обстановка, сложившаяся после смерти Василия III, усилила влияние боярства в противовес великокняжеской верховной власти.

В первом браке Василий III был женат на Соломонии, происходившей из старого московского боярского рода. Отсутствие детей у великого князя вызывало серьезные опасения у самого Василия III и у ближайших к нему лиц, так как в случае его смерти великокняжеская власть перешла бы к одному из братьев. По совету близких лиц, поддержанных митрополитом Даниилом, Василий III отправил Соломонию в монастырь, где ее силой по-

стригли в монахини. Через два месяца Василий женился на литовской княжне Елене Васильевне Глинской, приехавшей в Москву еще девочкой вместе с отцом и дядей, перешедшими из Литвы на службу московскому великому князю. На пятом году после брака у них родился сын Иван.

Незадолго до смерти Василий III сделал распоряжение относительно устройства верховной власти. При малолетнем наследнике Иване правительницей должна была стать его мать Елена Глинская. Не вполне доверяя ей, Василий III устроил при правительнице нечто вроде совета из ближайших бояр. Когда в 1533 г. Василий III умер, Ивану, объявленному великим князем, исполнилось всего три года. Правительница Елена Глинская очень скоро отошла от порядка, установленного в завещании мужа. Боярский совет, созданный Василием III, распался. Власть фактически оказалась в руках фаворита правительницы — князя Ивана Овчины-Оболенского.

Во время правления Елены Глинской (1533—1538) удельные князья, братья Василия III, сделали попытку захватить власть в свои руки. Юрий Иванович дмитровский, пытавшийся оспаривать власть, был схвачен и умер в заключении. Андрей Васильевич старицкий в 1537 г. открыто выступил против великокняжеской власти. Вместе с семьей и со своим двором он неожиданно покинул свою удельную столицу — Старицу и отправился в Новгородскую область. Там Андрей обратился с особым воззванием к новгородским помещикам: «Князь великий мал, а держати государство, бояре, и вам у кого служити, а я вас рад жаловать». Часть новгородских помещиков присоединилась к старицкому князю. Возникла серьезная угроза восстания в Новгородской области, тем более опасного, что оно начиналось на недавно присоединенной территории, где еще существовали обломки новгородского боярства, не расставшегося с мечтой о восстановлении самостоятельности. Посланный с войсками Овчина-Оболенский обманом захватил Андрея старицкого и привез в Москву, где его бросили в тюрьму и через некоторое время убили. Московское правительство сурово расправилось со сторонниками старицкого князя, с боярами и дворянами его удельного двора; 30 новгородских помещиков были повешены на столбах, расставленных по новгородской дороге. Таким образом, великокняжеское правительство вышло победителем из столкновения с удельными князьями.

Правительница Елена Глинская умерла весной 1538 г. Через несколько дней после ее смерти был схвачен и ее фаворит — князь Иван Овчина-Оболенский. Внезапная смерть правительницы, умершей, повидимому, от отравы, и свержение ее фаворита, фактически управлявшего государством, позволяют рассматривать эти события как дворцовый переворот. Переворот был произведен боярами, оттесненными во время господства князя Ивана Овчины-Оболенского.

С этого переворота начинаются годы боярской реакции (1538—1547). Один из итальянских архитекторов, приглашенных в Москву, Фрязин бежал в самом начале боярской реакции в город Дерпт. Свой побег он объяснил анархией, начавшейся в Московском государстве с господством бояр: «Нынеча как великого князя Василия не стало и великой княгини, государь нынешний мал остался, и бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы от них на земле никому нет, а промеж бояр великая рознь... в земле в русской великий мятеж и безгосударство».

Во главе Московского боярства стояли Бельские и Шуйские, представители двух крупных княжеских родов. Бельские происходили от литовских князей Гедиминовичей. Во второй половине XV в. один из князей Бельских выехал из Литвы к Ивану III. Благодаря знатности происхождения и влиятельным связям, Бельские даже породнились с великим князем. Шуйские вели свое прямое происхождение от суздальско-нижегородских князей Рюриковичей. Во время борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой Шуйские в качестве мелких потомков удельных князей находились на стороне галицких князей. После присоединения Новгорода к Русскому государству Шуйские перешли в Москву, где благодаря крупным связям и богатству заняли очень влиятельное положение.

Боярство, выступившее под предводительством Шуйских и Бельских, уничтожив правительство князя Овчины-Оболенского, само разбилось на враждующие группы, споривши между собой за власть. Бельские и Шуйские вели борьбу, опираясь на близких людей, сторонников и вассалов. Бельские ближе стояли к великокняжеской власти и не имели тех прочных удельных традиций, в которых были воспитаны их противники Шуйские. Бельские при помощи митрополита выдвигали новых лиц в Боярскую думу, чем вызвали большое неудовольствие со стороны старой знати. В январе 1542 г. Шуйские явились в Москву с отрядом из мелких вассалов (детей боярских) и новгородских помещиков. Князь Бельский был схвачен, сослан на север и там убит. Хватая своих противников, сторонники Шуйских даже вломились в постельные хоромы великого князя, где от них пытался спрятаться митрополит Иоасаф. Он был схвачен и отправлен в заточение.

Царь Иван, вероятно, плохо помнил свое раннее детство. Детские впечатления были связаны в его памяти не с конкретными событиями, а с поднятой боярами шумихой в дворцовой жизни. Время боярского правления навсегда оставило в его памяти болезненный след. Об обидах, нанесенных в детстве, Иван IV не забывал в течение всей своей жизни. Ему казалось, что бояре избивали «доброхотных» его отца. Они захватывали земли и села, в которых поселяли своих людей, и расхищали сокровищницу великого князя. Не обращая никакого внимания на великого князя, вламывались даже в его комнаты. В то же время все распоряжения делались от имени малолетнего государя. В торжественных случаях его одевали в роскошный великокняжеский наряд, перед ним боя-

ре раболепствовали и кланялись. Пользуясь именем великого князя для борьбы между собою, бояре сами указывали Ивану средство для борьбы с боярством.

Победа Шуйских вызвала недовольство среди других боярских родов, не желавших находиться под властью потомков суздальско-нижегородских князей. Под этим влиянием 13-летний Иван IV впервые выступил против господствующей группировки бояр. По словам официальной летописи, князь великий «не мог больше терпеть боярского бесчиния и своевольства». Он велел «первосоветника» князя Андрея Михайловича Шуйского предать псарям, которые тут же его убили. Затем последовали казни и опалы других бояр, сторонников Шуйских. Место Шуйских заняли родственники великого князя из рода Глинских.

Через несколько лет произошло выступление новгородских пищальников. Летом, когда Иван IV «тешился» в окрестностях Коломны, он неожиданно был остановлен толпой пищальников, вступивших в настоящее сражение с дворянами, окружавшими великого князя. Выступление пищальников явилось поводом к новым боярским казням и опалам. Чтобы укрепить расшатанную борьбой между боярами верховную власть, близкие к Ивану IV люди с митрополитом Макарием предложили ему венчаться на царство. В январе 1547 г. был совершен торжественный обряд венчания по особо разработанному ритуалу. На молодого царя надели шапку и бармы «Мономаха». В этом же году Иван IV женился на Анастасии Романовой.

Между тем правление Глинских, пользовавшихся своей близостью к великому князю, вызвало возмущение среди княжеско-боярской знати. Бояре воспользовались для борьбы с Глинскими большим московским пожаром и народным движением летом 1547 г. Вспыхнувший в один из июньских дней пожар, благодаря ветру, охватил почти всю Москву. Огонь, появившийся сначала на посаде, перекинулся в Кремль, где запылали верхи соборов и кровли на дворце. После пожара великий князь с семьей переехал в село Воробьево. Через несколько дней, когда бояре стали расследовать причины пожара, допрошенные люди показали, что Анна Глинская со своими детьми «волховала»: «вынимала сердца человеческие, клала их в воду и с этой водой ездила по Москве и кропила». Выдвигая Глинских в качестве виновников пожара, бояре натравливали на них народ. Этим, во-первых, они отводили от себя возможность народного выступления и, во-вторых, уничтожали своих соперников.

Накапливавшееся в течение многих лет боярского правления народное возмущение, в результате колоссального московского пожара, прорвалось наружу. В столице вспыхнуло народное восстание. Первой его жертвой пал князь Юрий Глинский, затем были избиты многие его люди. На третий день восстания толпа пришла к великому князю в Воробьево, требуя выдать будто бы спрятавшихся у него других представителей семьи Глинских. Восстание

было подавлено. Волнения происходили и в других городах. Народное движение показало господствующим слоям боярства, на каком шатком основании держалась их власть. Классовые противоречия достигли такого развития, что легко могли превратиться в широкое антифеодальное движение народных масс. Общая угроза заставила боярство прекратить взаимную вражду и опереться на более широкие слои феодального класса. Поэтому боярство, в наиболее прогрессивной своей части понимавшее серьезность создавшегося положения, принуждено было пойти на компромисс с дворянством. Результатом этого компромисса явилась та правительствующая группировка, которая вошла в историю под названием «Избранная рада».

Программа дворянства. За сто лет существования в системе централизованного Русского государства дворянство успело выработать программу основных требований, выразителем которой в литературе стал Иван Пересветов. С его именем связан ряд небольших публицистических произведений («Первая и вторая челобитные», «Сказание о царе Константине», «Сказание о Махмет-салтане» и др.).

Сочинения Ивана Пересветова были написаны в промежуток времени 1546—1549 гг., т. е. как раз в тот период, когда кончилось боярское правление. Обстановка, сложившаяся в конце 40-х годов, особенно благоприятствовала выступлению дворянства. В ранних произведениях Ивана Пересветова публицистические тенденции прикрыты историко-литературной формой. В более поздних (первая челобитная и речь воеводы Петра) они выступают в открытом виде.

Для критики порядков в Русском государстве Иван Пересветов пользовался историческими примерами (завоевание турками Византии) и историческими личностями (Петр, воевода волошский, турецкий султан Мухаммед II). Иван Пересветов рассматривал причины завоевания турками Византийской империи, чтобы показать, с одной стороны, дряхлость и слабость когда-то могущественного государства, с другой стороны — силу и крепость молодой турецкой державы. Однако в описании состояния Византийской империи накануне ее гибели каждый современник мог узнать знакомые ему порядки Московского царства 40-х годов XVI в. В этом заключалась большая политическая острота исторических примеров и сопоставлений Ивана Пересветова. По его мнению, главной причиной слабости Византийской империи было господство богатых вельмож, или, как он их называл, «ленивых богатинов». Иван Пересветов рассказывал, как в царствование византийского царя Константина, оставшегося после смерти отца трех лет, вельможи, воспользовавшись его малолетством, захватили все царство. Создавая себе сокровища путем ограбления страны, неправдою и неправедными судами, вельможи в то же время «сипели друг на друга, яко змеи». Каждый москвич в этой картине мог узнать обстановку дворцовой жизни в малолетстве Ивана IV.

В более откровенном виде Иван Пересветов пояснял, что вельможи русского царя «богатеют и ленивеют», а царство его приводят к оскудению. Они только называются слугами царя, потому что «цветно и конно и людно» выезжают на службу его, но «люто против недруга смертной игрою не играют». Победа султана османских турок Мухаммеда II объяснялась, по мнению Ивана Пересветова, сильной государевой властью, находившейся в руках султана. Пересветов рассказывал, как турецкий султан наказал неправильных судей. Он приказал содрать с них кожу, набить кожу бумагой и прибить чучела в своих судах с надписью: «Без таковые грозы правды царства немочно ввести. Правды ввести царю в царство свое, ино любимого не пощадити, нашедши виновным. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». Иван Пересветов защищал идею сильной и грозной верховной власти, способной подавить всякое движение крупных феодалов. Царь должен опираться не на ленивых и богатых вельмож, а на «воинников» (дворянство).

Из этих исторических сопоставлений и наблюдений вытекала дворянская программа Ивана Пересветова. Она требовала прежде всего отмены кормлений, вместо наместников должны были действовать царские судьи, получающие царское жалованье. С отменой кормлений была связана финансовая реформа. Царь должен был собирать доходы в свою казну; благодаря этому он получал возможность содержать большую дворянскую армию—опору его власти. Пересветов предлагал царю всемерно заботиться о его дворянах: «воина держати, как сокола чередити и всегда ему сердце веселити и ни в чем на него кручины не допустити». Дворян следует повышать по заслугам. Очень резко Пересветов высказывался против распространения холопства. Он приписывал «Махмет-салтану» следующие слова: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, а речет так: однако есьми холоп, иного мне имени не прибудет». Выступление Ивана Пересветова против холопства станет понятным, если принять во внимание широко распространенное явление перехода мелких землевладельцев в холопство к крупным феодалам.

Иван Пересветов набрасывал в общих чертах и программу внешней политики. Главной целью ее является захват новых территорий, которые могли бы удовлетворить земельные требования дворянства. По мнению Ивана Пересветова, на южной степной границе Русского государства следует только обороняться против крымских татар. Дворянству в это время было еще не под силу освоение южных степей. Все внимание Ивана Пересветова обращено на ближайший к Московскому государству восток—на Казанское царство, расположенное на плодородной и населенной территории. Иван Пересветов выражал удивление, что «таковая землица невеликая вельми угодная» принадлежит недругу могущественного

московского царя. Впрочем, он тут же оговаривался, что если бы «таковая землица угодная» принадлежала и другу, то и тогда нельзя было бы утерпеть, чтобы ее не отобрать у друга за «такое угодие».

«Избранная рада». Начало «Избранной рады» нам плохо известно. По словам царя Ивана и князя А. М. Курбского, инициаторами в образовании этой правительственной группировки были близкие к великому князю священник кремлевского собора Сильвестр и дворянин Алексей Адашев. Вскоре они собрали вокруг себя из княжеской и боярской знати людей, образовавших неофициальный совет при московском государе. Этот совет не был ни Боярской думой, ни частью Боярской думы. Его следует рассматривать как собрание людей, принадлежавших к дворцовой знати, одинаково смотревших на задачи внутренней и внешней политики. Позже князь Андрей Михайлович Курбский назвал его «Избранной радой», т. е. радой (советом) лучших, избранных людей. Иван IV, негодовавший на участников этого совета, называл его в письме к Курбскому «собацким собранием». Помимо Сильвестра и Адашева, в «Избранную раду», несомненно, входили князь Дмитрий Курлятев, князь Андрей Михайлович Курбский, представитель крупного московского боярства Михаил Морозов. Об остальных участниках «Избранной рады» мы можем делать только предположения. К тому же рада не имела определенного состава. Она объединяла, вероятно, значительное число княжат из числа не очень крупных землевладельцев. Эта часть княжеско-боярской знати понимала необходимость уступок в пользу служилого дворянства. Целью политики «Избранной рады» являлось, во-первых, объединение всего феодального класса, необходимое ввиду угрозы нараставшего в стране классового движения, и, во-вторых — сохранение в руках феодальной знати старых родовых вотчин с теми действовавшими на их территории социальными порядками, которые в системе централизованного государства являлись архаизмом феодальной раздробленности (иммунитет, вассальная служба и пр.).

Первым крупным событием после образования «Избранной рады» было выступление Ивана IV перед боярством и частью московского дворянства. В конце февраля 1549 г. царь в присутствии высшего духовенства и Боярской думы рассказал о злоупотреблениях бояр в годы его молодости. Получив с бояр обещание, что они в дальнейшем так поступать не будут, царь официально снял с них свою опалу. С подобной же речью Иван IV выступил перед высшей московской администрацией. Эти выступления царя известны в исторической литературе под названием «Собора примирения». На следующий день царь вместе с митрополитом Макарием и боярами постановил, чтобы во всех городах наместники не судили детей боярских (дворян), кроме важнейших уголовных преступлений. Так была сделана новая уступка в пользу служилого дворянства. Затем в ближайшие годы последовал ряд крупных мероприятий, усиливавших централизованную систему государства,

В 1550 г. был разработан новый «Судебник». По словам Ивана IV, решение написать новый «Судебник» взамен «Судебника» 1497 г. было принято на «Соборе примирения». «Судебник» стремился упорядочить судопроизводство, очень расстроенное во время боярского правления. «Судебник» подробно излагает порядок рассмотрения жалоб и организацию судебного процесса. Была установлена строгая таксация судебных пошлин. Ряд статей был направлен на борьбу со злоупотреблениями судей, с посулами, взятками, ябедничеством и пр.

В соответствии с требованиями дворянства, выраженными в сочинениях Ивана Пересветова, «Судебник» ограждал дворян от холопства. Он запрещал принимать в холопы детей боярских, кроме тех, которые были отставлены от царской службы. «Судебник» в интересах всего феодального класса подтверждал правило Юрьева дня, но вводил новые дополнительные обязанности для крестьян, пожелавших в Юрьев день отказаться от старого владельца. Эти требования еще больше стесняли крестьянский переход и поэтому еще прочнее связывали крестьянина с его участком и с собственником земли — феодалом.

Усиливая централизованный порядок и удовлетворяя ряд дворянских требований, «Судебник» в то же время выполнял и некоторые пожелания боярства. Так, он установил для бояр право выкупать родовые вотчины в течение 40 лет; в случае перехода родовой вотчины в чужие руки лица, принадлежавшие к данному роду (братья, племянники), могли в течение 40 лет выкупать вотчину, причем новый владелец ее не мог отказаться от продажи. Это очень важное для боярства правило имело целью сохранять родовую вотчину за членами данного рода. Другая статья «Судебника» устанавливала участие бояр в законодательстве: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как эти дела с государеву докладу и со всех бояр приговору вершатся, и эти дела в сем Судебнике приписывати».

В 1551 г. для упорядочения церковных дел был собран церковный собор, получивший в литературе название Стоглавого (запись постановлений этого собора была подразделена на 100 глав). Царь обратился к собору с большим числом вопросов, которые касались не только церковного, но и государственного управления. Материалом для них, повидимому, послужили жалобы, посылавшиеся царю по разным поводам. Среди «царских вопросов» собору важное место отводилось землевладению, которое было очень расстроено в годы правления Елены Глинской и бояр. Бояре раздавали земли своим сторонникам, не считаясь с потребностью в земле и служебной годностью дворян. В результате часть дворян испытывала большой недостаток в поместных землях, тогда как другая часть имела земельные излишки. Царь предлагал собору уравнять эти неравномерные владения «по достоинству». Было решено завести особую вотчинную книгу, в которой записывать все измене-

ния, происходившие в составе землевладения: «чтобы было ведомо, за кем земля прибудет и убудет и по вотчине и служба знать». Затем были установлены нормы для обеспечения вдов, мужья которых погибли на войне или умерли. В интересах боярства было проведено некоторое ограничение церковного землевладения. Монастырям было запрещено покупать новые земли без разрешения царя. Поместья и черные земли, взятые церковью за долги, подлежали возвращению старым владельцам.

С развитием системы государственных налогов возникла необходимость ввести однообразные единицы обложения, отличавшиеся в предшествующее время крайним разнообразием. Соединение мелких окладных единиц (по которым разверстывались среди населения прямые налоги) привело к образованию общей крупной единицы, так называемой «большой московской сохи». В ней считалось 800 четей земли в одном поле (четь составляла около половины гектара). Введение взамен разнообразных окладных единиц большой сохи началось в 50-х годах XVI в. и затянулось почти на столетие. Упорядочение поместного и вотчинного землевладения и реформа в обложении вызвали в 50-х годах новое описание земель, о котором царь Иван IV говорил на Стоглавом соборе.

Важнейшей частью мероприятий по укреплению государственного порядка была реформа местного управления, так как именно в этой области прочно держались пережитки феодальной раздробленности.

Еще при Иване III в суде наместников было введено обязательное участие выборных людей от населения. В 1539 г. началось введение «губных старост». В каждой губе, представлявшей собой небольшой судебный округ, местные помещики должны были выбирать губного старосту, на обязанности которого лежал суд по разным делам за исключением убийства и важных уголовных преступлений. Дворяне были изъяты из ведения наместников.

С 1552 г. началась отмена кормлений, которая завершилась указом 1555 г. Население в тех местах, где не было дворянского землевладения, а существовало лишь крестьянское и посадское тяглое население, выбирало «излюбленных голов», или «земских судей» с «целовальниками» (вступая в свои обязанности, они «целовали крест», т. е. присягали; отсюда произошло их название — целовальники), которым передавалось все дело местного управления: суд, борьба с разбоями, сбор налогов. В районах с дворянским землевладением земские старосты ведали только хозяйственно-податными делами, а суд и полиция передавались губным старостам, избранным из дворян. Население, дававшее раньше «кормы» наместникам, платило особый оброк, называвшийся «кормленым окупом», который шел в царскую казну. Из сумм этого оброка бывшие кормленщики получали царское жалованье. Таким образом, местное управление передавалось в руки дворян и высшего разряда посадского и крестьянского населения.

Очень важные мероприятия были приняты для упорядочения военной службы и реорганизации московских войск. В 1550 г. было несколько ограничено местничество, чрезвычайно вредно отражавшееся на военных действиях. При назначении воевод царь хотя и руководствовался знатностью рода, но должен был выдвигать тех, кому «ратный обычай известен». Было установлено старшинство между воеводами тех частей, на которые подразделялась московская армия. В 1550 г. были сформированы в Москве первые шесть стрелецких полков, положивших начало развитию стрелецких войск.

Одновременно с отменой кормлений был установлен общий порядок военной службы для всех землевладельцев. Раньше феодалы выводили на войну своих слуг «по силе». По новому порядку они должны были поставлять с каждых 150 десятин в трех полях одного воина на коне в доспехах, в полном вооружении, с запасной лошадью в дальний поход.

С этого времени вотчины и поместья окончательно были уравнены в отношении службы их владельцев; вотчинники и помещики-дворяне одинаково должны были являться на службу с определенным числом людей. Военные мероприятия значительно подняли боеспособность московской армии.

Быстрое возрастание числа дворян, связанных со службой в Москве, побудило правительство позаботиться об обеспечении их поместьями в окрестностях столицы. В 1550 г. было испомещено вокруг Москвы 1071 чел. («избранная тысяча»), которым было отдано около 100 тыс. гектаров земли из состава дворцовых владений. Этим московским дворянам следовало всегда «быть готовыми к посылке». Они исполняли всевозможные военные, административные и дипломатические поручения. Так было положено начало выделению из состава дворянства его высшего слоя, московских дворян, являвшихся главной опорой царской власти.

Реформа местного управления, финансовая реформа и реорганизация военной службы еще больше повысили деятельность центральных приказов. Число их продолжало увеличиваться. Появилось несколько приказов, заведывавших сбором налогов с определенной территории (они стали называться «четвертями» или «четями»). Усиленная приказная деятельность увеличивала значение неродовитых дьяков. Идеолог боярства князь Курбский был очень недоволен выдвижением приказной бюрократии: «Писари же наши русские, им же князь великий зело верит, — а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простого всенародства».

Реформы 50-х годов явились дальнейшим развитием централизованной государственной системы, основы которой стали складываться еще с конца XV в. Эти реформы придали государственному устройству более стройный характер, усилили верховный аппарат власти и укрепили положение дворянства.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА IV

Главной задачей, стоявшей перед московской внешней политикой в XVI в., было приобретение новых владений, годных для развития поместного землевладения, и обеспечение экономических и политических связей с восточными и западноевропейскими странами. Поэтому основное внимание московского правительства направлялось на завоевание Казанского ханства и выходов к Балтийскому морю, которые были закрыты владениями Ливонского ордена. В отношении Казанского ханства сходились интересы всех слоев господствующих классов Русского государства. Боярство, владевшее многочисленными вотчинами, расположенными на территории между Окой и Волгой, хотело уничтожить постоянную угрозу со стороны казанских татар, нападавших на пограничные земли. Боярство, кроме того, с целью обезопасить свои вотчины от конфискаций, было заинтересовано в приобретении новых территорий. Дворянство, нуждавшееся в земле, видело в Казанском ханстве важный источник для развития поместного землевладения. Купечеству было необходимо обеспечить свободное плавание по Волге и установить непосредственную связь с прикаспийскими и среднеазиатскими странами. Наконец, Казанское ханство мешало развитию московского наступления в Зауралье. Идеолог боярства князь Андрей Михайлович Курбский, так же как дворянский публицист Иван Пересветов, видел в землях Казанского ханства лакомый кусок «подрайской землицы», без которой немыслимо было широкое развитие ни вотчинного, ни поместного землевладения.

Первые походы Ивана IV на Казань кончились неудачей. Поэтому московское правительство решило создать прочную военную базу поблизости от Казани. В 1550 г. в устье реки Свияги был построен город Свияжск, который по своему местоположению имел очень крупное стратегическое значение. После постройки Свияжска под власть московского царя отошло почти все правобережье, заселенное чувашами и черемисами (мари). Царь освободил население от сбора ясака на три года, а влиятельных людей из числа местной знати награждал «великим жалованьем» — собольими шубами и деньгами.

Переход под власть московского государя обширной «горной страны» тяжело отразился на экономическом положении Казанского ханства. Хан и его ближайшие вассалы лишались значительной части доходов, которые в виде ясака собирались с населения правобережья. Московские успехи усилили разлад среди феодальных группировок ханства; крымцы ушли из Казани. Казанцы приняли касимовского царя, вассала Ивана IV, Шах-Али, согласились на присоединение правого берега Волги к Русскому государству и на возвращение русских пленных. В короткое время было возвра-

щено более 60 тыс. русских пленных, обращенных в рабство. Иван IV требовал от своего ставленника Шах-Али, чтобы он «крепил Казань крепко государю да и себе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его было неподвижно». Шах-Али мог держаться в Казани только при помощи отряда русских стрельцов и казаков.

Тяжелые условия договора с московским правительством, а также жестокость и мстительность Шах-Али вызвали большое недовольство в Казани. Шах-Али, несмотря на военную помощь русских, принужден был бежать. После этого казанцы согласились принять московского наместника. Однако, когда последний приблизился к городу, то в Казани 9 марта 1552 г. произошел переворот. Оставшиеся в городе русские были перебиты. На казанский престол был приглашен один из астраханских царевичей — Ядигар, живший у ногайских татар.

Уже с весны 1552 г. была установлена блокада Казани по речным путям. Весною огромная московская армия была собрана в окрестностях Коломны. В это время крымский хан с татарами и турецкими янычарами произвел нападение со стороны южной степи и осадил Тулу, что несколько задержало поход. Посланные под Тулу русские войска отбросили татар и турок. В конце августа московская армия подошла к Казани и начала осаду крепости. На стороне московских войск было не только численное превосходство, но и лучшая организация, более совершенное вооружение и военная техника. Огонь сильной русской артиллерии производил в городе страшные разрушения. При участии приглашенных иностранных инженеров были произведены подкопы под крепостные стены. 2 октября был взорван большой подкоп, пробивший широкую брешь в каменных укреплениях. В образовавшийся пролом бросились московские полки. Несмотря на храброе сопротивление казанцев, город был взят и стал жертвой солдатского грабежа. Почти все население города погибло в страшной уличной резне, жены и дети были уведены в плен.

Лишившиеся столицы, казанские татары, а также мари, чуваши и удмурты еще в течение нескольких лет вели партизанскую войну. Укрываясь в трудно доступных лесах, они нападали на отдельные русские отряды, одерживали даже частичные победы и долго обороняли крепость, построенную на высоком берегу около города Козьмодемьянска. Последние опорные пункты татар были взяты в 1556 г. С этого времени плодородная казанская земля, о которой долго мечтали русские феодалы, стала частью Русского государства.

Московское правительство с беспощадной жестокостью расправилось с татарским населением. Многие феодалы, боровшиеся за самостоятельность ханства, лишились своих земельных владений и были уравнены с остальным ясачным населением. Однако

большая часть феодалов быстро подчинилась царской власти и сохранила свои земельные владения. Казань была превращена в русский административный и торговый центр. Уцелевшие остатки казанского населения были выселены за пределы города в болотистые пустыри; татарам даже было запрещено входить в казанскую крепость. Тотчас после завоевания ханства начался расхват земель церковью и помещиками. Православная церковь повела борьбу с мусульманством. Сборы ясака с населения были регламентированы и усилены. Для закрепления присоединенных земель московское правительство стало строить крепости. Во второй половине XVI в. были построены Чебоксары, Лаишев, Уфа и др.

Взятие Казани открыло купцам свободное движение по Волге, от верховьев до устья реки. Однако выход из Волги в Каспийское море был закрыт Астраханью. Ногайские татары, составлявшие основную массу населения Астраханского ханства, находили поддержку у казанцев и крымцев. После падения Казани положение Астрахани стало трудным, тем более, что среди ногайской знати были сторонники и противники Москвы. Московское правительство при поддержке некоторых ногайских мурз посадило в Астрахань царевича Дербыша. Когда Дербыш сделал попытку освободиться от московской зависимости, к Астрахани был послан отряд. Дербыш бежал, а город в 1556 г. был присоединен к Москве.

Занятие Астрахани привело к подчинению ногайцев, кочевавших на левом берегу Волги.

Враждебные отношения между Крымским ханством и Москвой еще больше усилились после захвата Казани и Астрахани. Крым безуспешно пытался поддержать казанского хана и освободить Астрахань от подчинения Москве.

На нападения крымских татар на русскую южную окраину московское правительство ответило походами на Перекоп. При московском содействии украинский князь Дмитрий Вишневецкий занял в районе днепровских порогов остров Хортицу. Вишневецкий, действуя совместно с Даниилом Адашевым, вторгся в 1559 г. в Крым и подверг сильному опустошению татарские улусы. В это время среди участников «Избранной рады» возник проект полного овладения Крымом. Однако он не был поддержан ни царем, ни дворянами. Московское правительство, следуя советам Ивана Пересветова, ограничилось обороной южных границ.

Река Ока представляла естественный рубеж на юге до XVI в. С захватом заокского южного чернозема система оборонительных сооружений переносилась дальше на юг. Большие оборонительные работы были произведены между 50 и 70-ми годами XVI в. Особая комиссия князя Воротынского в 1571 г. разработала детальный проект защиты южных границ. К этому времени было занято верхнее течение Дона, где был построен город Воронеж. Укрепленная линия состояла из деревянных городков со стенами и башнями, между которыми были протянуты валы и засеки.

С середины 50-х годов все внимание московского правительства обращается на северо-запад, в сторону Балтийского моря. Балтийский вопрос не был разрешен при Иване III. Тем не менее походы в Ливонию в начале XVI в. показали слабость этого государства. В 30 — 40-х годах Польша, Ливония и Швеция ставят своей задачей закрыть для Русского государства выход в открытое море. Между тем экономическое развитие России требовало свободного доступа к морю, необходимого для торговли и для усиления политических и культурных связей с передовыми странами Западной Европы. Магистр Ливонского ордена не только открыто заявлял о необходимости перерезать сношения России с западноевропейскими странами, но и не допускал проезда мастеров и разных специалистов, нанятых московскими агентами за границей. Так, в 1547 г. агент Ивана IV саксонец Ганс Шлитте, получив разрешение у германского императора, набрал 123 человека разных специальностей, которых привез уже в Любек. Правительство этого города под давлением Ливонского ордена арестовало Ганса Шлитте и разогнало всех нанятых им лиц. Шведский король в письме к архиепископу рижскому убеждал внимательно следить за тем, чтобы в Россию не проникали иностранные мастера, сведущие в артиллерийском и военном деле. Когда начались сношения Русского государства с Англией через Белое море, шведский король называл их «неслыханными». Такую же позицию занимал и польский король. Ливония собственными средствами не в состоянии была бы предотвратить выход России на побережье моря. В середине XVI в. Ливония представляла скорее географическое, чем политическое понятие, так как состояла из трех независимых политических систем. Главную роль среди них играл, собственно, Ливонский орден. Он распадался на несколько отдельных областей, каждая из которых имела своего командора. Во главе ордена находился магистр, владевший самым большим количеством замков. Однако магистр не имел в своем распоряжении крупной военной силы и должен был согласовывать свои действия с остальными командорами и дворянством, неохотно поднимавшимся на войну за интересы крупных рыцарских замков. Владения ливонской церкви также распадались на земли пяти епископов. Рижский епископ постоянно враждовал с орденом за земельные владения и за политическое влияние. Торговля в Балтийском море подняла значение городов, находившихся на юго-восточном побережье: Риги, Ревеля и др., которые имели собственное управление, наемные войска и даже выпускали монету.

Таким образом, Ливония представляла собой совокупность трех враждующих систем (орден, церковь и города), между которыми даже в важнейших вопросах трудно было достигнуть единства взглядов. Один современник назвал Ливонию «огромным возом без хозяина». Тяжесть положения Ливонского ордена еще более усиливалась ненавистью коренного латышского и эстонского населения к поработителям — рыцарям, архиепископам и дво-

рянам. Рыцарство и дворянство принадлежали к потомкам немецких колонизаторов. Местное крестьянское население несло на себе и национальный и классовый гнет завоевателей.

В XVI в. все более заинтересованной в ливонских делах становится Швеция, которая стремится утвердиться на южном побережье Балтийского моря. Опасаясь роста Русского государства и выхода его к морю, шведский король Густав Ваза употреблял большие усилия к тому, чтобы создать союз против России из Швеции, Дании, Польши и Ливонского ордена. Ближайшей задачей завоевательной программы шведского короля было присоединение к Швеции бассейна Невы, Ладожского озера и южного побережья Финского залива. Не ограничиваясь этими ближайшими планами, король мечтал о вытеснении русских еще дальше на восток. Он предполагал произвести нападение на русские земли с двух сторон: со стороны Финляндии и со стороны Прибалтики и Польши. Магистр Ливонского ордена обещал королю полнейшую помощь в осуществлении этого плана. В 1555 г. Густав Ваза предполагал, что наступило благоприятное время для войны с Россией, занятой борьбой за Волгу. Однако Швеции пришлось вести войну с Россией (1555—1557) без союзников, так как союзники хотя и сочувствовали королю, но боялись Русского государства. Во время войны шведы неизменно терпели поражения, причем русские войска дошли в Финляндии до Выборга. Шведам пришлось заключить на 40 лет мир, по условиям которого русско-шведская граница к северу от Ладожского озера и Невы была несколько отодвинута на запад по сравнению с условиями мира 1323 года.

В Москве внимательно следили за развитием событий в Прибалтике. Перемирие с Ливонией, заключенное еще в 1503 г., периодически возобновлялось. В 1552 г. в Москве потребовали от Ордена уплаты дани, обусловленной перемирием 1503 г., но не вносившейся в течение 50 лет. За это время сама по себе незначительная сумма дани, которая должна была собираться с владений дерптского епископа (Дерптская дань), выросла до крупного размера. Через два года, в 1554 г., с Ливонией было заключено новое перемирие на 15 лет с условием заплатить «Дерптскую дань» и не заключать соглашения с Польшей.

Ливонский орден был ослаблен также и со стороны Польши, стремившейся захватить прибалтийские порты. Это вызвало войну Польши с Орденом, которая еще больше его ослабила. Магистр Ордена на коленях перед королем принял все его условия. Главным условием мира между Ливонией и Польшей было заключение оборонительного и наступательного союза против России. Таким образом, Орден окончательно стал во враждебное положение к России. Это не могло не привести в ближайшее время к объединению против Русского государства Швеции, Ливонского ордена и Польши при поддержке других западноевропейских стран.

Однако, прежде чем такой союз образовался, Иван IV, не ожидая нападения, сам начал войну. Предлогом к войне было на-

рушение условий перемирия: неуплата «Дерптской дани» и союз Ордена с Польшей.

В начале 1558 г. крупные русские военные силы начали наступление на северо-восточную часть Ливонии. По известиям ливонских источников, в течение 14 дней русские войска уничтожили 4 тыс. дворов, сел и поместий. В мае, после недолгой осады, русские заняли Нарву, представлявшую для этого времени первоклассную крепость. Занятие Нарвы открывало дорогу для движения в сторону Эстляндии. Иван IV предоставил жителям Нарвы большие льготы. Купцы получили права беспошлинной торговли в России и беспрепятственных торговых сношений с Германией. Нарва была объявлена свободной от постоя. Окрестные крестьяне получили зерно для посева, а также скот. В результате этих мероприятий Нарва очень быстро была восстановлена и укреплена. Покровительствуя Нарве, московское правительство стремилось превратить ее в главный торговый порт всей Прибалтики. В августе этого же года русские войска заняли Юрьев (Дерпт), жители которого также получили большие привилегии. Всего до осени было завоевано до 20 укрепленных городов. На занятой территории началась раздача дворянам земель в поместья.

Успехи русских войск в Ливонии в 1558 г. произвели огромное впечатление не только в самой Ливонии и в других прибалтийских странах, но и во всей Европе. Сохранилось письмо одного французского протестанта, в котором он сообщает о необычайных успехах московских войск: «Если суждено какой-нибудь державе в Европе расти, — заканчивается письмо, — так именно этой» (т. е. России).

Во время военных действий следующего года русские войска дошли до Риги и даже перешли на правый берег Западной Двины. Крупные успехи были достигнуты также в третий год войны. Были взяты Мариенбург и лучшая крепость Ливонии — Феллин. На территории Эстляндии русские войска появились в окрестностях Ревеля. Эти успехи вызвали еще большую тревогу в прибалтийских странах, в Польше и в Германии. Расстроенное воображение мелких князьков рисовало перед ними дальнейший захват русскими земель и городов в Западной Европе. Выпускались рисунки, на которых русские были показаны в виде леопардов и медведей, готовых поглотить западные страны. Особенно были встревожены мелкие балтийские княжества. Под впечатлением московской опасности прошел очередной съезд князей Германии, где главным вопросом был вопрос о совместной борьбе против России. Германский император отправил посла в Москву с целью уговорить Ивана IV остановить военные действия. Царь, не желавший ссориться во время войны с императором, с которым его связывали общие интересы по отношению к Польше, ответил письмом, умышленно написанным в таких непонятных выражениях, что в Германии его не могли перевести даже при помощи двух знатоков русского языка. Император выпустил манифест, в кото-

ром писал: «Под страхом уничтожения всех регалий, новых привилегий, льгот и прав мы запрещаем всем подданным империи сноситься с русскими и доставлять им оружие и провиант. Это приказание наше должно быть тотчас обнародовано во всех княжествах, городах и местечках».

Удары, нанесенные Ливонии в первые три года войны, привели Орден к полному распаду. Прибалтийские государства, Польша, Швеция и Дания, каждая в свою пользу, спешили принять участие в дележе Ливонии. «Ливония — богатая невеста, около которой все пляшут», — говорится в одном донесении того времени. Еще осенью 1559 г. польский король и литовский великий князь Сигизмунд II Август подписали с Орденом договор о защите Ливонии при условии уступки ему области по среднему течению Двины. В этом же году епископ эзельский, являвшийся обладателем острова, передал свои владетельные права Дании. Летом ревельцы присягнули шведскому королю. Вскоре вся Эстляндия перешла под власть Швеции. В 1561 г. было подписано новое соглашение с Польшей, по которому Лифляндия за исключением Риги, сохранившей самостоятельность, подчинялась непосредственно польскому королю. Курляндия была объявлена светским герцогством в вассальной зависимости от Польши. Таким образом, Ливонский орден, против которого начал войну Иван IV, больше не существовал. Перед Русским государством в борьбе за выходы к Балтийскому морю вырастали новые хозяева Прибалтики: Швеция, Польша и Литва.

Пользуясь отсутствием согласия в лагере противника (Дания и Польша враждовали со Швецией), Иван IV бросил крупные военные силы против Литвы. В 1563 г. после семи штурмов русские овладели Полоцком. Этот город имел не только большое военное, но и экономическое значение: через Полоцк проходило все торговое движение по Западной Двине из белорусских, украинских и литовских городов. Падение хорошо укрепленного Полоцка вызвало новую тревогу в Литве, Польше и Германии. Однако наряду с воинственными замыслами мелких феодальных владельцев крупные торговые фирмы Германии все больше убеждались в необходимости установить мирные отношения с Россией. Вскоре после занятия русскими Полоцка императору Германского государства была подана обширная записка с предложением заключить союз с Московией и установить с ней прочные торговые отношения. «Настала пора, — говорится в записке, — когда немцы сами должны добиваться дружбы с русскими».

Между тем падение Полоцка побудило Польшу и Литву собрать крупные военные силы. В начале 1564 г. русские войска потерпели военные неудачи на смоленском направлении. Самым крупным событием этого года была измена воеводы князя Андрея Михайловича Курбского, который с несколькими людьми бежал по тайному предварительному соглашению с королем из Юрьева (Дерпта) в литовский лагерь. Всего через несколько месяцев князь

Курбский появился в окрестностях Полоцка во главе польско-литовских войск. Впрочем, Польша и Литва не сумели использовать и развить военные успехи, а в следующие годы русские поправили положение на ливонском театре войны. Поэтому Сигизмунд II Август все больше склонялся к заключению мира с Россией.

Вопрос о заключении мира был отдан Иваном IV в 1566 г. на обсуждение «Земского собора», в совещаниях которого участвовали все основные группы господствующего феодального класса (духовенство, бояре, приказные люди, дворяне) и представители крупного купечества. В числе 374 участников собора было 205 дворян и 75 гостей, московских купцов и смольнян. Таким образом, подавляющее большинство на соборе принадлежало служилому дворянству. По мнению собора, мира с польским королем не следовало заключать без присоединения ливонских городов с Ригой и полоцкой земли на левом берегу Западной Двины. Только при этих условиях, по мнению членов собора, могли быть обеспечены русские интересы в Прибалтике. Результатом этого решения было продолжение войны с Польшей и Литвой.

Международная обстановка к началу 70-х годов стала складываться неблагоприятно для Русского государства. В результате военных неудач в Литве усилились сторонники государственного объединения с Польшей (уния). Сигизмунд II несколько раз собирал совместные съезды представителей польского и литовского панства и шляхты, но встречал противодействие со стороны литовских магнатов, боявшихся за цельность своих владений в случае заключения унии. Вопрос об унии был окончательно решен на Люблинском сейме в 1569 г. По условиям унии Польша и Литва соединились в одно общее государство, получившее название «Речи Посполитой».

Заключение унии позволяло Сигизмунду II широко пользоваться польскими средствами для ведения войны на литовской территории. В 1570 г. закончилась семилетняя война Дании со Швецией, развязавшая руки последней в Ливонии. Наконец, Польше удалось втянуть в борьбу с Россией Турцию и Крымское ханство. Нападения турок и крымцев с юга создавали большую угрозу для всей центральной части государства и для самой столицы. Крымскому хану Девлет-Гирею удалось в 1571 г. сжечь почти весь московский посад.

В этой сложной международной обстановке Иван IV обнаружил большую дипломатическую гибкость. Он объявил брата датского короля принца Магнуса главой вассального королевства в Ливонии. Этим отводилась угроза вмешательства в войну Дании. Сам Иван IV усиленно добивался в случае смерти Сигизмунда II (последнего представителя династии Ягеллонов) польско-литовской короны. Однако после его смерти в 1572 г. по избранию польско-литовским сеймом корона досталась брату французского короля Генриху Валуа. Этот французский принц был польским королем всего несколько месяцев. Узнав о смерти брата, он тайком бежал

из Польши, чтобы стать королем Франции. Только в 1575 г. королем в Польше был избран семиградский князь Стефан Баторий.

В 1576—1577 гг. в результате огромного напряжения, которое с трудом выдерживала разоренная войной и опричниной страна, Ивану IV удалось достигнуть крупных успехов в Эстляндии и на Западной Двине. Под влиянием этих русских успехов в Прибалтике на западе вновь стали раздаваться призывы к созданию противомосковской коалиции. Еще в 1570 г. во время заседания рейхстага по рукам ходила брошюра польского происхождения: «О страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море». Автор негодует, что «московитам» продают оружие, серу, свинец, олово, медь. У русских, говорит он, много корабельного леса, есть паруса, канаты, порох. Русские крепки, сильны, отважны. Бежавший из России авантюрист Генрих Штаден, служивший в опричнине царя, разработал проект создания союза из Германской империи, Пруссии, Польши и Швеции. Он предлагал послать 100-тысячную армию союзников со стороны Белого моря, чтобы нанести удар России с севера.

После того как Стефан Баторий окончательно укрепился на польском престоле, он начал деятельно готовиться к возобновлению войны с Россией. Главной целью войны, по мнению Стефана Батория, должно было стать завоевание Московии. Считая шляхетское ополчение мало пригодным для длительной и упорной войны, Стефан Баторий организовал наемное войско из немцев, венгров и поляков.

Таким образом, истощенной России после 20 лет войны приходилось одновременно вести войну с двумя свежими и сильными противниками: Стефаном Баторием и Швецией. Осенью 1579 г. Стефан Баторий после осады овладел Полоцком. Русский гарнизон крепости вместе с жителями упорно оборонялся, нанося противнику огромные потери. Стефан Баторий говорил по поводу этой осады, что русские в обороне крепостей превосходят все другие народы. В 1580 г. военные действия были перенесены на московскую территорию, а в следующем году Стефан Баторий осадил Псков. Однако жители и воинские люди во главе с князем Иваном Петровичем Шуйским мужественно защищали город.

Несмотря на сильную бомбардировку, все приступы отбивались с большими потерями для неприятеля. За несколько месяцев осады лучшая часть армии Стефана Батория растаяла под стенами Пскова. Истощение Польши войной и неудачи под Псковом побудили короля согласиться на заключение перемирия. Посредником в мирных переговорах выступил римский папа, мечтавший соединить европейские страны для борьбы с Турцией, угрожавшей папским владениям. В январе 1582 г. недалеко от Пскова, у Запольского Ями, было заключено перемирие на 10 лет на условии восстановления старых границ. В следующем — 1583 г. было за-

ключено перемирие на три года со Швецией, которая удержала за собой русскую часть побережья Финского залива (принадлежавшую раньше новгородцам) с городами Ивангородом, Ямом и Копорьем.

Ливонская война за Балтийское побережье, длившаяся четверть века (1558—1583) и стоившая огромных жертв Русскому государству, не разрешила задачи выхода к морю. Россия потеряла и тот небольшой кусок побережья Финского залива, который служил ей единственной связью с морскими путями. Результаты войны не удовлетворили также и врагов России — Швецию и Польшу, мечтавших о крупных завоеваниях на русской территории.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В XVI в. передовые страны Западной Европы вступали на путь капиталистического развития. Открытие Америки и морского пути в Индию вокруг Африки в конце XV в., возникновение обширных колониальных владений Испании и Португалии, рост Ост-Индской и китайской торговли во много раз расширяли область европейских торговых сношений, дали «...неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента» *). Начинается эпоха «первоначального накопления», основным содержанием которого был процесс отделения производителя от средств производства. «...Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города» **).

Общественно-экономическое развитие народов, живших на востоке Европы, значительно отставало. В Русском государстве в XVI в. основой общественного строя продолжали оставаться феодальные производственные отношения; феодальная зависимость крестьян усиливалась и оформлялась в системе крепостного права. Тем не менее русские земли не застывали в одном экономическом состоянии. Развитие производительных сил вызвало дальнейший рост общественного разделения труда, ремесленного производства и торговли. Следствием этого было развитие товарно-денежных отношений. Хотя Русскому государству и не удалось пробиться к незамерзающим морским портам, но установившиеся во второй половине XVI в. сношения с Англией, Голландией и другими странами вовлекали русские земли в международную экономическую жизнь. Поэтому Россия не

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест, стр. 28—29. Политиздат. 1939.

**) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 784.

могла не испытать отдаленного влияния новых экономических отношений, сложившихся на западе Европы.

По далеко не полным подсчетам, число различных ремесленных специальностей в русских городах XVI в. достигало 210. Главными видами ремесла были производства продуктов питания, одежды и обуви, т. е. предметов широкого потребления. При этом происходила большая диференциация по отдельным видам ремесла. Например, выпечкой хлеба занимались хлебники, калачники, пирожники. Ремесленники по изготовлению обуви различались по отдельным ее видам (сапожники, башмачники и др.) и по отдельным несамостоятельным частям работы: одни выделывали голенища, другие — подошвы, третьи — опойки и т. д. Техническое разделение труда невозможно без его кооперирования, что указывает на зарождение мануфактурного производства.

Во второй половине XVI в. ремесленники в среднем составляли около 25 проц. всего населения городов. Часть городов еще сохраняла значительную связь с сельским хозяйством. В таких городах пашня составляла одно из главных занятий жителей. В других городах, наоборот, половина и больше жителей были заняты ремеслом; например, в Коломне число ремесленников достигало 60 проц., а в Можайске — даже 86 проц.

Мелкое ремесленное производство работало в XVI в. уже не на непосредственного потребителя, а на более или менее широкий рыночный сбыт. Только часть товаров потреблялась местным населением города или покупалась крестьянами ближайших сел; другая — и в некоторых случаях более значительная — вывозилась на соседние и более отдаленные рынки. Таким образом, между городскими рынками, даже удаленными друг от друга, устанавливалась более или менее постоянная торговая связь. Рыба северных морских промыслов через Холмогоры вывозилась в Вологду, Новгород, Москву и другие места. Поморье снабжало солью почти все русские города. В Псковской и Новгородской областях возделывались лен и конопля. В Вологде и Ярославле выделывалась кожа. Небольшая Калуга на южной окраине славилась искусной деревянной посудой, которая под названием «калужских ковшиков» расходилась по всей стране. Один иностранец рассказывает, что по утрам на дорогах можно было встретить огромные обозы в 700—800 саней, груженных продуктами, предназначенными для Москвы. Продукты перевозились, по его же словам, на расстояние по крайней мере 1 000 миль (свыше 1 000 км.). Данные как русских, так и иностранных источников указывают на начавшееся слияние местных торжков, на элементы развития общерыночной системы.

Увеличение ремесленно-торгового посадского населения происходило главным образом за счет втягивания крестьян в городские занятия. В городе появилась даже особая категория «посадских крестьян», т. е. крестьян, постоянно живущих на посаде, но еще не вышедших из крестьянского тягла. Многие крестьяне, не имея дворов на посаде, владели лавками. Посадское население в резуль-

тате социальной диференциации разделялось на лучших, средних и молодших людей. По Судебнику 1550 г. за бесчестье «больших гостей» взимался штраф в 50 рублей, тогда как за бесчестье средних посадских людей штраф был определен в 5 рублей, т. е. в 10 раз меньше.

Высший слой московского купечества в XVI столетии получил определенную организацию в виде трех привилегированных корпораций. Сначала возникла организация самого крупного купечества — гостей. Во второй половине столетия сложились еще две корпорации, получившие название гостиной и суконной сотен. Торговые люди этих корпораций получали особые жалованные грамоты, которые устанавливали их привилегированное положение. Они освобождались от посадского тягла, некоторых торговых пошлин, получали право судиться в Москве и другие льготы. Помимо собственных торговых занятий, гости и торговые люди гостиной и суконной сотен выполняли различные казенные поручения: торговали государевым товаром в русских городах и за границей, собирали торговые пошлины и пр. Рост богатства в руках крупного купечества сопровождался обнищанием мелкого посадского люда и увеличением числа нищих. Например, в Можайске нищие составляли почти четвертую часть всего населения.

Развитие русского внутреннего рынка еще более усиливалось благодаря внешним торговым связям. Среди них особенное значение имело установление торговых сношений с Англией, Голландией и другими западноевропейскими странами через Белое море. В XVI столетии английская морская торговля с Америкой и другими странами Атлантического океана натолкнулась на сильное соперничество Испании и Португалии, которым удалось раньше, чем англичанам, овладеть крупнейшими и самыми важными в экономическом отношении колониями. Испанский флот, господствовавший в Атлантическом океане, препятствовал развитию морских сообщений Англии. Поэтому в Лондоне около середины XVI в. возник смелый по замыслу проект, принадлежавший старому моряку Себастьяну Каботу, прославившемуся открытием Северной Америки. Он предлагал проложить новый морской путь в далекие восточные страны не по теплым южным морям, а по суровому Северному океану. Для осуществления этого проекта необходимо было преодолеть огромные трудности, причем одно из самых серьезных препятствий заключалось почти в абсолютном незнакомстве с условиями полярного плавания и в отсутствии элементарных географических сведений о распределении суши и воды за полярным кругом. Сторонники проекта северного морского плавания наивно утешали себя мыслью, что где-нибудь на севере они найдут пролив вроде того, какой на юге нашел Магеллан во время первого кругосветного путешествия, и через этот пролив доберутся до Китая и, может быть, даже до Индии. Проект Себастьяна Кабота был с восторгом принят купцами. Крупные лондонские купцы, поддержанные английской аристократией, организовали компанию с многообе-

ющим названием: «Общество купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых». На средства компании, собравшей 6 тыс. фунтов стерлингов, была снаряжена первая экспедиция в составе трех кораблей. Самый большой корабль обладал грузоподъемностью всего лишь только в 160 тонн. Корабли не были приспособлены для долгого и трудного плавания среди льдов, их размер был небольшим для своего времени, когда уже умели строить корабли вдвое большего тоннажа. Но купцы, учредители компании, предпочли рисковать людьми, чем деньгами, тем более, что коммерческий результат первой экспедиции казался им неясным. Руководящая роль в экспедиции принадлежала не адмиралу, назначенному по аристократическим связям, а его помощнику — талантливому моряку Ричарду Ченслеру. В мае 1553 г. три корабля отправились в плавание, но встречный ветер долго задерживал эскадру у берегов Англии. Только к концу июля она подошла к Норвегии. Через несколько дней пронесшийся шторм разбросал корабли и навсегда отделил корабль «Благое упование» с Ченслером от двух остальных кораблей. Последние продолжали путь на восток. Осеннее ненастье заставило их бросить якорь в маленькой бухточке у входа в горло Белого моря. Эта остановка оказалась для англичан роковой. Вскоре наступила полярная ночь с сильными ветрами и снегопадами. Между тем английские моряки совершенно не были подготовлены к суровой северной зиме. Несколько раз они покидали корабли в поисках какого-нибудь жилья, но каждый раз возвращались обратно. В течение долгой северной зимы экипаж медленно умирал. Летом 1554 г. карелы-рыбаки, пришедшие на морской промысел, случайно нашли два английских корабля с пушками, снарядами, товарами и мертвым экипажем. В русской летописи этот случай записан так: «По зиме прииде весть к царю и к великому князю от приморских карелы. Сказали они: нашли-де мы на Мурманском море два корабля, стоят на якоре в становищах, а люди на них все мертвы, а товаров на них сказывают много».

Третий корабль — «Благое упование»—с Ченслером был более счастливым. В конце августа Ченслер пристал в устье Северной Двины вблизи русского монастыря. Известие о прибытии английских гостей было немедленно сообщено в Москву. Ченслер был хорошо принят Иваном IV, понимавшим значение установления непосредственных сношений с западными странами, минуя Балтийское море. Шла подготовка к Ливонской войне, и Русскому государству необходимы были постоянные, непрерывающиеся сношения с Западной Европой. Ченслер прожил в Москве несколько месяцев, собрал сведения по экономике, политическому устройству и культуре Русского государства. Весной Ченслер отправился в обратный путь, чтобы сообщить в Лондоне о своем неожиданном открытии.

В Лондоне были, повидимому, удовлетворены докладом Чен-

слера, так как сейчас же стали готовить новую экспедицию. Компания получила от короля утвержденный устав, по которому ей предоставлялось исключительное право торговли как в России, так и во всех других странах, лежавших на север, северо-восток и запад от Англии. Из второй экспедиции Ченслер возвращался в Англию уже с русским послом. Корабль потерпел крушение у берегов Шотландии, во время которого Ченслер утонул, а русский посол был спасен и добрался до Лондона.

Экспедиция Ченслера имела огромное экономическое значение для России. С этого времени Северная морская дорога на полтораста лет стала основной торговой магистралью, связывавшей Западную Европу с Россией. Старые торговые дороги, которыми пользовались в сношениях с Западной Европой до XVI в., потеряли значение. Южные пути через Крым были перехвачены татарами. Дорога из Смоленска через Польшу закрывалась во время войны. Старая ганзейская дорога через Балтийское море была бы самой удобной для купцов, если бы их не грабили в Ливонии и в открытом море. Ливония, Швеция и Польша всеми силами старались не допускать сношений России с Западной Европой через Балтийское море.

Таким образом, задолго до Петра I в Европу было прорублено окно, через которое европейский торговый капитал совершал вторжение в Россию, обладавшую большими сырьевыми богатствами.

Вслед за Англией были установлены непосредственные торговые связи с Голландией. Голландские купцы сначала торговали на Кольском полуострове, затем перенесли свою торговлю в устье Северной Двины. В 1585 г. недалеко от морского берега был заложен новый город — Архангельск, который стал главным портом внешней торговли России. Это значение он сохранял до начала XVIII в. Одновременно с развитием западноевропейских торговых связей усилились торговые связи с восточными странами. Падение Казани и Астрахани облегчило торговые сношения с Кавказом и Средней Азией. Уже в следующем году после занятия Астрахани в ней появились торговые гости из Хивы, Шемахи и Дербента. В 1559 г. в Москву прибыло первое посольство из узбекских среднеазиатских ханств. Помимо официальных посольств, сопровождавшихся взаимным принесением подарков, в торговле с обеих сторон участвовали частные купцы. Из России в Среднюю Азию вывозили выделанные кожи, шкуры, шерсть, деревянную посуду, седла и прочие товары; в обмен на эти товары привозились хлопчатобумажные ткани, шелк, краски.

Установление постоянных торговых сношений с Востоком и особенно с Западной Европой имело весьма большое значение для экономического развития России. Английский торговый капитал предъявлял спрос на определенные русские товары, которые способствовали развитию соответствующих видов промыслов и произ-

водств. Внешняя торговля усиливала общественное и территориальное разделение труда. Таким образом, внешняя торговля увеличивала развитие внутренних рыночных связей. Англичане и голландцы, придававшие большое значение русскому рынку, стремились к тому, чтобы стать единственными посредниками в снабжении Европы русскими товарами. Английская компания писала своим агентам в России, что она ставит целью обеспечить получение в свои руки товаров этой страны, «чтобы другие нации могли снабжаться нами и из наших рук».

ОПРИЧНИНА

Во время деятельности «Избранной рады» были проведены крупные реформы, укреплявшие всю централизованную систему государства. Усиление государственного порядка означало вместе с тем усиление царской власти. Поэтому боярство, пытавшееся сохранить свое влиятельное положение при государе, потерпело неудачу. Конфликты между царем и «Избранной радой» начались вскоре после завоевания Казани. Весной 1553 г. царь опасно заболел «огненной болезнью». Близкие к нему люди, ожидавшие смерти царя, с согласия больного, стали приводить бояр к присяге в пользу единственного сына Ивана IV, недавно родившегося царевича Дмитрия (не смешивать с другим царевичем Дмитрием, погибшим впоследствии в Угличе). Часть близких к царю бояр, участников «Избранной рады», во главе с Сильвестром и Адашевым, отказалась присягать под разными предлогами. Когда Иван IV потребовал принесения присяги, то бояре в его присутствии стали между собой спорить: «и бысть меж бояр брань велия и крик, и шум велик, и слова многия бранные». Бояре, отказавшиеся целовать крест на имя Дмитрия, вошли в переговоры с князем Владимиром Андреевичем старицким и с его матерью. Старицкая княгиня собрала своих дворян и начала раздавать им деньги. Было совершенно ясно, что влиятельная боярская группировка, входившая в состав «Избранной рады», хотела видеть на месте Ивана IV удельного князя, при котором она заняла бы очень влиятельное положение. Однако царь Иван не оправдал боярских надежд — не умер, а выздоровел. Этот случай дал ему возможность узнать действительные намерения крупного боярства.

Вскоре после этого события среди бояр начались попытки к отъезду в Литву. На пути в Литву был схвачен один из князей — Ростовский. Иностранным послам на вопрос, много ли хотело уехать с князем Ростовским, было велено отвечать так: «К такому дураку добром кто пристанет? С ним хотели отъехать только родственники его, такие же дураки».

Расхождение между «Избранной радой» и царем еще больше усилилось по вопросу внешней политики. «Избранная рада» не хотела войны за Балтийское побережье. Такая позиция «Избранной

рады» объяснялась незаинтересованностью боярства в выходе к Балтийскому морю, так как основной комплекс их владений лежал в центральных областях страны и не был связан с торговыми путями Прибалтики. Боярство, кроме того, могло опасаться не только больших жертв и расходов во время войны, но и неизбежного усиления дворянской армии. Впоследствии Иван IV говорил, что ему приходилось выслушивать от бояр много упреков по поводу Ливонской войны: «Еже какова скорбная не сотворится нам, то вся Герман ради случися!» («Какая бы неудача ни произошла, все случилось из-за войны с Ливонией»).

В результате конфликта между «Избранной радой» и царем, в конце 50-х годов «Избранная рада» распалась. Сильвестр ушел в Кириллово-Белозерский монастырь, откуда затем был переведен в Соловецкий монастырь. Адашев был отправлен на театр военных действий и вскоре умер в одном из ливонских городов. Сторонники Сильвестра и Адашева были частью сосланы, частью разъехались по различным воеводствам и городам. Так кончилось существование «Избранной рады».

Сущность политических расхождений между царем и боярством мы лучше всего можем представить по переписке князя Андрея Михайловича Курбского с Иваном IV. Курбский был одним из самых близких к царю лиц и принимал деятельное участие во всех военных предприятиях. В 1561 г. Курбский в Ливонии одержал три крупных победы, в том числе над войсками магистра Ливонского ордена. В следующем году Курбский перешел в район действия литовских войск и, одержав над ними победу, опустошил окрестности города Витебска. Осенью этого же года Курбский потерпел сильное поражение под Невелем, несмотря на то, что имел значительное численное превосходство над противником. Однако эта военная неудача не отразилась на положении Курбского, которому удалось восстановить доверие царя; в следующие два года он попрежнему занимал крупные должности в действующей армии. 30 апреля 1564 г. Курбский с несколькими людьми неожиданно бежал из города Юрьева (Дерпта) в город Вольмар, находившийся в польско-литовских руках.

Уже осенью этого года Курбский появился во главе польско-литовских войск под Полоцком. Побег Курбского был сознательным актом измены своей стране. Впоследствии, когда после смерти Курбского происходило судебное разбирательство относительно его имущества, наследники представили суду письма литовского гетмана Радзивилла и короля Сигизмунда II Августа, написанные к Курбскому в то время, когда он находился еще в московских пределах. Король призывал Курбского к себе на службу и обещал приличное содержание и милостивое отношение. Сам Курбский подтверждал эти переговоры, так как в своем завещании он сообщил, что приехал в Литву: «Получив королевскую замирительную грамоту и положившись на присягу их милости панов и сенаторов».

Став изменником и очутившись за литовским рубежом, князь А. М. Курбский в оправдание своего поступка послал царю Ивану письмо — «эпистолию». Царь Иван принял литературный вызов и ответил обширным, «широковещательным и многошумящим писанием», которое в печатном издании Академии наук занимает около 100 страниц текста. С этого времени между беглецом-боярином и царем Иваном завязалась переписка, представляющая для нас выдающийся исторический интерес, так как оба противника откровенно высказывали свои политические взгляды. Помимо писем, Курбский написал «Историю о великом князе московском», т. е. историю царствования самого Ивана, в которой он искал объяснений причин разрыва с царем: «почему воскурилось гонение великое и пожар лютости в земле русской возгорелся».

Взгляды Курбского выражали настроение той части боярской знати, которая пользовалась большим влиянием при «Избранной раде». В противоположность писателям дворянского лагеря Курбский не оставил подробно разработанной политической программы. Это происходило потому, что Пересветов смотрел вперед, а Курбский, очутившийся за московским рубежом, смотрел в прошлое. Пересветов набрасывал широкий план преобразований; Курбский хотел сохранить ранее действовавший московский порядок, который разрушался на его глазах.

Курбский, происходивший из ярославских князей Рюриковичей, причислял себя к тем потомкам Рюриковой династии, власть которых, по его мнению, узурпировал московский государь. Про своих предков Курбский говорил, что они «не обыкли тела своего ясти и крове брати своя пити». Их он противопоставляет московским князьям, род которых называет «издавна кровопивственным родом». По его мнению, начало борьбы положил еще князь Юрий московский, который в Орде «дерзнул» на Михаила Тверского. Юрию Даниловичу подражали его преемники, но окончательно погубил «славу божественной памяти великих князей русских» Иван IV.

Политические взгляды Курбского сводятся к тому, что московский царь должен управлять страной со своим «синклитом», т. е. со своими боярами. Курбский не восставал против объединения великих и удельных княжеств в Русском государстве, но считал, что власть в нем должна разделяться царем с потомками бывших великих и удельных князей. «Царю достойну быти, — говорит Курбский, — аки глава, любити мудрых советников своих, яко свои уды» (члены). Курбский резко протестует против опал и казней бояр, сопровождавшихся конфискацией их старых родовых вотчин. Курбский защищает также право отъезда бояр, т. е. право свободной службы сеньору. Этим он оправдывает и свой уход к польскому королю.

Из боярского лагеря вышло произведение, известное под названием «Беседы валаамских чудотворцев». Этот памятник неизвестного автора написан после 1554 г., но не позже конца 70-х

годов XVI в. Автор бесед выражает по существу те же мысли, что и Курбский. Он восстает против того, что московский царь называет себя самодержцем, так как не сам он управляет царством, а с князьями и боярами. Совет царя с ближайшими боярами — вот основная мысль этого политического памфлета.

Иван изложил свои взгляды на сущность самодержавной власти в очень обширных посланиях. При этом для обоснования самодержавной власти он использовал осифлянское учение церкви о теократическом значении царской власти и современную ему литературу о преемственном переходе власти среди великих монархов мира (Рим — Византия — Москва).

Царь Иван в полном согласии с официальным учением церкви утверждал, что власть царя — божественного происхождения, так как всякая власть от бога. Отсюда Иван IV делает вывод: если царская власть божественного происхождения, то всякий восстающий на царя восстает не на человека, а на бога. Власть, данная богом «древним скипетродержавцам», преемственно передавалась. Еще византийский император Константин получил от бога «символы православия», которые из Византии перешли к киевскому князю Владимиру Святославичу, Владимиру Мономаху, Александру Невскому и далее в род московских князей. Поэтому уже с самого начала Русским государством владеют не бояре и вельможи, а «русское самодержавство». Царская власть передавалась прямым наследникам. Поэтому царем может быть лишь тот, кто «родился в царствии». Иван вспоминает при этом попытку бояр посадить на его место князя Владимира Андреевича старицкого и едко замечает: «А князю Володимиру почему было быть на государстве, от четвертого удельного родился». Из теории божественного происхождения и преемственной передачи самодержавной власти вытекал принцип ее неограниченности, который царь Иван IV выразил в следующих словах: «А пожаловати есма своих холопов вольны, а и казнить вольны ж».

Таким образом, столкновение между Иваном IV и князем А. М. Курбским было результатом тех противоречий в политическом строе Русского государства, которые появились во всей остроте с победой централизованного порядка и самодержавной власти над остатками феодальной раздробленности. Князь А. М. Курбский защищал такие положения, которые в середине XVI в. являлись уже анахронизмом. В этом заключался трагизм боярства, отстаивавшего принципы, опрокинутые ходом общественно-экономического и политического развития Русского государства. Борьба между царем и боярством, начавшаяся рядом личных столкновений, постепенно охватывала все большие круги боярства. В 1564 г. она завершилась организацией опричнины, опираясь на которую царь Иван IV повел жестокую борьбу с остатками феодальной раздробленности и с оппозицией со стороны княжеско-боярской знати.

В 1564 г. произошло резкое ухудшение положения на фронте и внутри страны. В начале года московская армия потерпела два

сильных поражения. Вскоре после этого, в конце апреля, произошла измена князя А. М. Курбского, появившегося затем на фронте во главе литовских войск. Нельзя сомневаться в том, что князь А. М. Курбский выдал противнику военные тайны. Осенью крымский хан неожиданно напал на южные, плохо защищенные окраины. Поход крымского хана хотя и ограничился разорением Рязанской земли, но остро ощущался во всей стране, так как по времени совпал с литовским наступлением на западной границе.

Боярство решило воспользоваться военными затруднениями для выступления против политики Ивана IV. Есть сведения, что вместе с митрополитом Афанасием оно выступило с протестом против действий царя и казни некоторых бояр. Настоящий смысл этого протеста Иван IV мог понять из первого письма Курбского, который договаривал за бояр то, чего они не смели открыто сказать ему в Москве. Царь первую половину лета был занят составлением ответа, превратившегося в обширный обвинительный акт против боярства. Таким образом, выступление бояр в связи с бегством князя А. М. Курбского приобретало особый смысл: глухая борьба превратилась в тайную и открытую боярскую измену, нити которой уходили за московский рубеж. Опасность была тем более велика, что высшие органы управления, с Боярской думой и московскими приказами, фактически находились в распоряжении княжецко-боярской знати. «Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики, — вспоминает Генрих Штаден о положении в стране перед началом опричнины, — были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи». При этих условиях необходимо было принимать особые меры для подавления боярства и укрепления государственного порядка.

3 декабря 1564 г. царь Иван со всей семьей, с близкими к нему боярами, с приказными людьми и с отобранными дворянами, с огромным обозом, нагруженным всяким имуществом, покинул столицу. Эта поездка, ошеломившая население Москвы, не походила ни на обычное царское богомольное путешествие по монастырям, ни на царскую «потеху» (охоту). Проблуждав почти месяц по разным местам, царь Иван, наконец, остановился в Александровской слободе, защищенной крепкими каменными стенами. Ровно через месяц после отъезда царя, 3 января 1565 г., в Москву пришло два царских послания. В послании к митрополиту царь описывал измены бояр, воевод и приказных людей. Бояре в малолетство Ивана расхитили государственные земли, раздавали их своим друзьям и родственникам, разворовывали царскую казну; бояре и воеводы, получая от царя вотчины и поместья, а также богатые кормления, не хотели «радеть о государственной пользе», оборонять государство от недругов — крымцев, немцев и поляков. Духовенство покрывало бояр и вымаливало у царя прощение изменникам. Поэтому, говорилось в послании, царь «от великия жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил

свое государство и поехал где вселится, иде же его государе бог наставит». Второе послание было обращено к купцам и ко всему посадскому населению Москвы. Было велено дьякам прочесть эту грамоту перед народом. В ней писалось, чтобы посадские люди «себе никоторого сумнения не держали, гнева на них и опалы никоторой нет».

Притворным отказом от власти царь Иван, несомненно, достиг цели, так как возможность повторения боярского правления, которое еще хорошо было памятно в Москве, вызвало необычайное возбуждение среди посадского населения. Была составлена большая депутация, которая тотчас отправилась к царю в Александровскую слободу. Вслед за нею туда же отправились многие представители духовенства, бояре, посадские люди и пр. После переговоров с депутацией царь согласился остаться на царстве под условием, что он будет карать изменников: одних казнить, имущество их отбирать, на других класть свою опалу. С этой целью он устраивает в своем государстве «опричнину».

Под опричниной в XV—XVI вв. понималось выделенное владение (от слова опричь — кроме), передававшееся в распоряжение членов княжеской семьи, в удел. Таким образом, устраивая опричнину, Иван IV выделял из территории государства особый, «государев удел».

Конфискация земель в опричнину, начатая в широком размере в первый же год, продолжалась до начала 60-х годов и охватила приблизительно половину всей государственной территории. В составе этих земель можно отметить несколько главных частей. Опричнина охватила за небольшим исключением почти всю территорию центральных уездов государства. Затем на юге к опричнине были присоединены земли, лежавшие за рекой Окой, а на севере — часть Заволжья и обширная область Поморья. Значительная конфискация земель была произведена также на бывшей новгородской территории. В центре страны и за рекой Окой опричнина действовала среди старых и недавно приобретенных княжеских и боярских вотчин. Поморье с его богатыми торговыми городами усиливало материальную базу опричнины; на Новгородской территории опричнина укрепляла ближайший тыл в войне против Ливонии.

С образованием опричнины государство оказалось разделенным на две части: опричнину и земщину. В земщине остались те земли, которые не были отобраны в опричнину, т. е. около половины всей территории. На них продолжал действовать сложившийся порядок управления во главе с Боярской думой и московскими приказами.

В Александровской слободе, которая вначале являлась административным центром опричнины, сложилось отдельное дворцовое хозяйство со всеми необходимыми службами. Для управления перешедших в опричнину территорий были образованы приказы: Дворцовый, Разрядный, Ямской и другие. Во главе приказов стоя-

ла особая Боярская дума «в опричнине». Таким образом, почти все государственные учреждения появились в двойном числе: Боярская дума в земщине и Боярская дума в опричнине, два Дворцовых приказа (в земщине и опричнине), два Разрядных приказа и пр. Опричнина не создавала новых форм государственного порядка, а укрепляла действовавший порядок. Для этого Ивану IV нужны были люди, ничем не связанные с интересами боярства.

Перед учреждением опричнины царь Иван IV отобрал около тысячи дворян из разных городов, которых захватил с собой из Москвы в Александровскую слободу. В дальнейшем численность опричников была значительно увеличена. Если верить словам опричников-иностранцев Крузе и Таубе, то общее число их достигало 6 тыс. человек.

В опричнину принимали тех мелких служилых людей, против кого не было подозрений о дружественных или родственных связях со знатными княжескими и боярскими родами. Если опричник не имел земли или ее было мало, ему дополнительно предоставлялась земля из состава конфискованных боярских владений. Наличие этого социального отбора подтверждает сам Иван Грозный в письме к одному из своих опричников, Василию Грязному, попавшему в плен к крымским татарам. Царь писал ему, что после того как князья и бояре стали изменять, он стал «страдников приближати, хотячи... службы и правды». Опричник, во всем зависевший от царской власти, мог сказать царю: «Ты государь, аки бог и мала и велика чинишь» (слова Василия Грязнова). Для борьбы с боярством Ивану IV нужно было именно такое беспрекословное подчинение.

Однако было бы преувеличением предполагать, что опричнина состояла только из неродовитых людей. В ее составе были люди княжеских, старых боярских и московских служилых родов, не возбуждавшие у царя сомнения в преданности. Так, известно, что в опричнине нашли свое место князья Шуйские, Пронские, Трубецкие и другие, которые даже продолжали между собой местничать. Ближайшие к царю опричники состояли из родовитых людей. К ним относились: князь Афанасий Вяземский, происходивший из рода Рюриковичей, Алексей Басманов-Плещеев и его сын Федор — из старого московского боярского рода, Малюта Скуратов-Бельский и другие.

Опираясь на корпус опричников, в верности которых не было сомнения, царь Иван IV мог разгромить княжеско-боярскую оппозицию. Он «перебирал» один за другим города и уезды и отбирал владения у тех, кто не служил царю. Этим окончательно был разрушен старый порядок, по которому служба вотчинников великому князю носила добровольный характер. Опричнина прошлась страшным террором по княжеским и боярским владениям, во время которого погибли многие представители старой знати. За годы опричнины царь казнил десятками родовитых бояр, разбивал боярские и княжеские гнезда и разметывал их уцелевшие остатки

по разным местам, где они не представляли никакой опасности. Конфискация боярских владений производилась в виде настоящих военных вторжений опричников и в некоторых случаях сопровождалась даже сражениями с вооруженными людьми вотчинников. Это давало повод к колоссальным грабежам. Иностранцы-авантюристы, служившие в опричнине, пользовались такими «походами» для собственного обогащения. Опричник Генрих Штаден, вестфалец по происхождению, про себя рассказывает, что он в один из таких походов отправился с одной лошадью и двумя слугами, а вернулся с 49 лошадьми, из числа которых 22 были запряжены в сани, нагруженные всяким добром.

Придавленная террором, боярская знать, бессильная на открытое выступление, неоднократно пыталась устраивать тайные заговоры, подготовляя государственный переворот. Однако эти заговоры раскрывались один за другим, а их участники платились своими головами. В 1568 — 1569 гг. среди бояр возник заговор, имевший целью убить царя и посадить на его место Владимира Андреевича старицкого. После раскрытия этого заговора террор опричнины принял особенно жестокий массовый характер. По словам современника, все города, большие дороги и монастыри были заняты заставами опричников; ни один город или монастырь ничего не знал о другом. У Владимира Андреевича старицкого царь переменил всех бояр и слуг, а затем отобрал и Старицу, предоставив взамен ее Дмитров со Звенигородом. Через несколько дней мать князя была пострижена в монахини, а Владимир Андреевич неожиданно умер, как полагают, от отравы.

В декабре 1569 г., получив известие о подготовлявшейся измене в Новгороде, Иван IV выступил с опричниками из Александровской слободы. На этот раз он решил разгромить старые феодальные центры: Тверь, Новгород и Псков. По всем дорогам от Клина до Новгорода были произведены страшные опустошения. Сосланный в один из тверских монастырей, митрополит Филипп, происходивший из старинного боярского рода Колычевых, был задушен Малютой Скуратовым. В январе 1570 г. Иван IV вступил в Новгород и 6 недель подвергал его разгрому. Опричники топили тысячи новгородцев в реке, других казнили и вешали.

За семь лет существования опричнина достигла своей цели: она усилила самодержавную власть, укрепила положение дворянства и предотвратила возможность боярской оппозиции или измены. Вместе с тем опричнина увеличила разорение страны, а борьба внутри феодального класса не могла не ослабить политического положения Русского государства, которое вступало в самый тяжелый период Ливонской войны.

С конца 60-х годов участились нападения турок и татар на южные русские земли. Весной 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей поднялся со всей ордой. Хотя большая московская армия заняла обычные переправы через Оку, а сам царь с опричниками закрывал путь к Москве, крымцам удалось при помощи русских изменников

переправиться через реку. Иван с опричниками отступил к Ростову. В мае Девлет-Гирей подошел к столице. На следующий день московский посад был выжжен. В страшном пожаре погибло множество людей. «После пожара, — вспоминает Генрих Штаден, — ничего не осталось в городе — ни кошки, ни собаки». С огромным полоном и добычей хан возвратился в Крым.

Разорение столицы и ухудшение положения на театре Ливонской войны заставили Ивана IV сократить действие опричнины. К тому же были установлены случаи измены среди самих опричников, принадлежавших к высшим слоям. Когда один из опричников — Василий Грязной, оказавшийся в крымском плену, послал царю письмо с просьбой о выкупе, Иван IV в ответе ему обвинял опричников в слабости и в неуменье защищать страну от неприятеля. «Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы, — писал царь в Крым опричнику Василию Грязному, — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали... Крымцы так не спят, как вы, да вас... умеют ловити, да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов. Только б таковы крымцы были, как вы жонки — ино было и за реку (Оку) не бывать, не токмо, что к Москве». После 1572 г. земским стали частично возвращать земли, отобранные у них в опричнину. На этот раз «перебор» коснулся опричников, не исключая самых близких к царю людей. Даже слово «опричнина» было официально заменено словом «двор». Однако эти мероприятия не означали крутого перелома в политике Ивана IV, так как система опричнины под новым названием («государева двора») продолжала существовать до конца его жизни, хотя и в значительно сокращенном размере. Продолжался и пересмотр вотчинного и поместного землевладения.

Общие результаты опричнины были весьма значительными. Широко применяя систему конфискаций, Иван IV нанес сильнейший удар тому привилегированному землевладению, которое сложилось в период феодальной раздробленности. Отобранные вотчины царь обращал или в дворцовые земли, или в поместья, которые раздавал опричникам и другим дворянам. Конфискация боярских земель сопровождалась роспуском вассалов — вотчинников, составлявших особое феодальное войско. Крупный вотчинник, потомок удельного князя или представитель старого боярского рода, не только лишался материального обеспечения, но и военной опоры, находившейся раньше в его полном распоряжении. Вотчинник переселялся в те места, с которыми его не связывали никакие исторические воспоминания, где он был для населения новым человеком, где он превращался в обычного дворянина-помещика. Англичанин Флетчер, наблюдавший московские порядки вскоре после смерти Ивана Грозного, рассказывает, что в результате опричнины «высшая знать, называемая удельными князьями, сравнена с остальными». Конфискации, произведенные опричниной, разрешали важный вопрос, — об обеспечении землей и крестьянами мелких служилых людей. Этим объясняется быстрый численный рост слу-

жилого дворянства. Нельзя упускать из вида и другую сторону опричнины. Сильный аппарат опричнины позволил господствующему классу справиться и с крестьянским движением. Крестьяне выступали под тяжестью государственных налогов и феодальных поборов вотчинников и помещиков против феодального угнетения. Опричнина, на время приостановила развитие крестьянского движения.

Общим результатом опричнины было укрепление самодержавного государства в борьбе с остатками феодальной раздробленности. С этого времени закон об обязательной службе всех землевладельцев и с вотчин, и с поместий стал основой политического порядка. «Нынешний великий князь, — говорит опричник Генрих Штаден, — достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, один вес, одна мера. Только он один и правит. Все, что ни прикажет он, все исполняется и все, что запретит, действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне».

Укрепление военных сил. Опричнина нанесла сильный удар по старой организации феодального войска, в котором еще в первой половине XVI в. выделялись дружины отдельных феодалов. Московская армия во второй половине XVI в. приобретает то устройство, которое она в основном сохранила до преобразований Петра I.

Главная масса войска состояла из дворянской конницы, численность которой может быть установлена только приблизительно. При большом напряжении великому князю удавалось собирать до 25 тыс. дворян, к которым следует присоединить около 50 тыс. их вооруженных конных слуг. Главное вооружение этой конницы состояло из сабель и саадаков (луки со стрелами). Дворяне надевали на себя доспехи: голова защищалась шлемом, корпус и руки прикрывались кольчугой, поверх которой иногда одевалось еще «зерцало», состоявшее из тонких металлических дощечек. Часто дорогие и тяжелые доспехи заменялись толстым кафтаном (тегиляем), который трудно было разрубить ударом холодного оружия, Лишенная, за небольшим исключением, огнестрельного оружия, дворянская конница способна была на короткий удар большой сомкнутой массой, но не выдерживала длительного кавалерийского боя. К дворянской коннице присоединялись отряды конных казаков под командой своих атаманов и отряды вассальных татар.

По сравнению с конницей пехота, состоявшая из стрельцов и пеших казаков, занимала еще второстепенное место. Общая численность ее к концу царствования Ивана IV достигла приблизительно 20 тыс. человек. Стрельцы набирались главным образом из посадских людей и селились в городах особыми слободами. Одновременно с несением военных обязанностей они продолжали заниматься разными промыслами и торговлей. Основным вооружением стрельца была длинная пищаль. Большинство стрельцов находилось в Москве.

Большие успехи были достигнуты в развитии «наряда» артиллерии. Современники-иностранцы считали, что Россия при Иване IV имела до двух тысяч орудий разного калибра. Во всяком случае, артиллерийский парк во время походов часто состоял из 200 и более орудий. Пушечный «наряд» обслуживался особо обученными пушкарями. Ежегодно в Москве в присутствии царя производилась учебная стрельба из пушек.

Иван Грозный. Иван Грозный принадлежит к тем историческим личностям, которые в течение долгого времени были в центре внимания историков, литераторов и художников. Интерес к личности Ивана IV вызывался большими результатами его деятельности и необычным характером этого свирепого, кровавого и «грозного», по народному эпитету, царя.

В характеристике царя Ивана в литературе как специальной, так и художественной можно найти все оттенки. Если одним Иван IV представлялся невменяемым, психически больным человеком с припадками буйного помешательства, то другие видели в нем способного правителя и даже гениального деятеля своего времени. Такая разница суждений объясняется, во-первых, различными взглядами их авторов и, во-вторых, неуменьем рассматривать деятельность Ивана Грозного в сложной исторической обстановке. Еще дворянский историк XVIII в. князь Щербатов говорил, что Иван IV «часто не единым человеком является». На этой же точке зрения стоял и другой дворянский историк — Карамзин, уверявший, что царь Иван «есть для ума загадка». Но и Щербатову и Карамзину Иван представлялся прежде всего как самодержец-мучитель, виновный в разрыве с боярами. С другой позиции смотрел на Ивана IV С. М. Соловьев, который улавливал в действиях Ивана IV социальный смысл борьбы между притязаниями бояр и интересами самодержавной власти. В. О. Ключевский, отступая назад по сравнению с Соловьевым, расценивал Ивана IV главным образом со стороны моральных качеств. Царь Иван IV, по его мнению, являлся любопытным объектом для психиатрических наблюдений. Эта мысль была подхвачена в художественной и в медицинской литературе. В конце XIX в. личностью Ивана IV заинтересовались врачи-психиатры, которые доказывали, что вся «загадка» истории правления Ивана IV разрешается очень легко: царь просто был болен однопредметным буйным помешательством.

Правильная оценка деятельности Ивана IV возможна лишь при условии изучения ее в тесной связи с классовой политикой и исторической обстановкой. По широко распространенному мнению в литературе, вся неуравновешенность царя была результатом его тяжелого детства. Однако тирания Грозного имела и другие основания, заключающиеся в чувстве постоянной неуверенности, в сознании, что только карающая сильная власть способна подавить боярскую измену и укрепить его положение на московском троне. «И повсегда убо царем подобает овозрительным (предусмотри-

тельным) быти, — писал Иван IV князю А. М. Курбскому, — овогда (иногда) кротчайшим, овогда же ярым».

Ряд поступков Ивана IV свидетельствует о том, что его слова о боярском своеволии не были лицемерным самоунижением. Одно время он, повидимому, серьезно думал о пострижении в монахи. Затем, предлагая английской королеве Елизавете заключить союз, царь в числе пунктов тайного договора поместил обязательство, согласно которому «государю одной страны можно было уходить к другому в случае, если бы принудили его к тому смуты в его государстве». Королева Елизавета ответила вежливым отказом, ссылаясь на конституционный строй своего государства. Тогда раздраженный Иван IV послал английской королеве резкое письмо, в котором, между прочим, писал: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня, а ты пребываешь в своем девичьем чине как есть пошлая (настоящая) девица».

Мы располагаем многочисленными свидетельствами об исключительной жестокости Ивана IV, особенно во время острого возбуждения. Во время ссоры в ноябре 1581 г. царь так избил посохом своего наследника, старшего сына Ивана, что царевич вскоре скончался (эта сцена изображена на известной картине И. Е. Репина «Царь Иван у тела убитого им сына»). Иван IV превращал казнь в особый вид царской потехи, обнаруживая большую изобретательность в мучениях своих жертв, страданиями которых он, видимо, наслаждался. Особым издевательствам подвергались ни в чем не повинная дворня и крестьяне осужденных бояр. Впрочем, в этом отношении царь Иван IV немногим отличался от современных ему королей и правителей в других странах. В конце жизни Иван IV велел составить «синодик» (список) казненных для поминания их в церквах. Всегда суеверный царь, повидимому, хотел «устроением душ» в «загробном мире» помириться со своими жертвами, чтобы они не свидетельствовали против него на «страшном суде». В этот список, далеко не полный, вошло около 3 300 человек, среди которых мелькают фамилии крупных княжеских и боярских родов, дворян, дьяков, подьячих, низших дворцовых служителей, холопов, «простых людей» и пр. Часто составители синодика могли указать только общее число убитых по повелению царя, сопровождая эти итоги печальным припевом: «имена их, ты господи, сам веси» (т. е. сам знаешь).

Идея неограниченной власти была воспринята Иваном IV от отца и деда и окрепла в борьбе с боярством. Этой идее он придал теоретическое обоснование и политическую заостренность.

Как политический писатель, Иван IV поражает обилием и разносторонностью знаний. Его литературные произведения насыщены указаниями на прочитанные книги. В них мы встречаем и священное писание, и творения отцов церкви, и выписки из ветхозаветных текстов, образы из классической мифологии, примеры из всемирной истории, заимствования из русских летописей и пр. Во всем этом чувствуется большое, хотя и беспорядочно приобретен-

ное, знание, за которым проглядывает самостоятельная мысль, нетерпеливая и неуравновешенная, но острая, насмешливая и злая.

По словам иностранцев, видевших Ивана IV, он при хорошем сложении был высокого роста, большие глаза бегали и внимательно наблюдали.

Невоздержанная жизнь рано сломила крепкий организм, в 43 года он казался стариком. Тонкую для своего времени характеристику Ивана IV дал талантливый писатель, младший современник царя, князь Иван Катырев-Ростовский. По его словам, Иван IV был высоко образованным человеком своего времени: «муж чудного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Катырев-Ростовский обращает внимание и на другие стороны деятельности царя: большую жестокость и легкое пролитие крови своих подданных. Писатель вспоминает, какое множество народа «от малого до великого» Иван IV погубил во время своего царствования, сколько городов он разорил и какие насилия произвел над населением. По мнению Катырева-Ростовского, положительными качествами царя было то, что он любил свое воинство (т. е. дворян) и не жалел его награждать.

В течение почти 35-летнего царствования Ивана IV основной характер московской политики оставался более или менее постоянным, хотя люди, окружавшие царя, неоднократно менялись. Это была политика укрепления самодержавного феодального государства и его основной классовой силы — служилого дворянства.

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI века

Развитие товарно-денежных отношений в стране заставило феодальное хозяйство еще больше приспосабливаться к рынку. Необходимые для этого деньги землевладельцы получали посредством усиленного отчуждения прибавочного труда крестьян, т. е. усиленной феодальной эксплоатации. Наряду с увеличением повинностей крестьянина в пользу феодального собственника росли его обязанности и по отношению к государству. В XVI в. происходил быстрый рост всех денежных налогов. С одной стороны, он вызывался перестройкой и развитием более дорогого государственного аппарата, с другой стороны—увеличением военных расходов в связи с Ливонской войной. Налоги особенно возросли в последние годы войны, когда истощенная страна вела борьбу со свежими силами, собранными Стефаном Баторием. По произведенным вычислениям, с середины до конца XVI в. оклады только прямых денежных податей увеличились примерно в 3½ раза. Тяжелые налоги и повинности падали на крестьянское хозяйство, в ряде районов разоренное опричниной и запустошенное помещиками. Во время карательных экспедиций опричники уничтожали целые деревни, вытаптывали поля и сжигали хлеб. Очень губительно на

крестьянском хозяйстве отражался переход поместий из рук в руки, так как помещик иногда даже не заводил собственного хозяйства, а ограничивался поборами с крестьян, пока окончательно не «запустошал» поместья. После этого он обычно получал поместье в другом месте. «Когда пустело поместье иноземца, — говорит Генрих Штаден, — великий князь до трех раз давал (ему) другое, в котором жили бы крестьяне. Теперь же (относится к концу 70-х годов XVI в.) с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела». Следует также отметить влияние на крестьянское хозяйство рыночных отношений. Небольшая часть крестьян стала втягиваться в торговлю. Однако в условиях феодально-крепостнического режима ее положение было весьма неустойчивым. По замечанию Генриха Штадена, некоторые крестьяне имели много денег, но этим отнюдь не хвастались: «крестьянин хочет ухорониться, чтобы ему не чинили несправедливостей». В то же время денежные оброки помещикам и царские налоги ставили в самое тяжелое положение маломощное крестьянское хозяйство, органически не связанное с рынком. Чтобы заплатить царские подати и внести денежную ренту помещику, крестьянам приходилось продавать на рынке продукты своего хозяйства, в которых они сами нуждались. «Положение же крестьян, — рассказывает Даниил Принц, посетивший Россию в 70-х годах, — самое ужасное: их принуждают платить по несколько денег каждую неделю великому князю и своим господам; они имеют скот, плоды и, кроме того, что-нибудь из сельских вещей; отказывая себе во всем, они продают их соседним гражданам, а сами вместе с женами и детьми довольствуются черным хлебом, живут очень бедно...».

Признаки хозяйственной разрухи стали появляться в конце 60-х годов. В исторической литературе она получила название «экономического кризиса XVI века». Это название нельзя признать научно правильным, так как экономическое разорение 60—70-х годов XVI в. не было кризисом феодального хозяйства. Оно выражалось в обеднении крестьянства и низших слоев посадского населения, в бегстве населения с насиженных мест, в сокращении площади посевов, в общем росте запустения.

По вычислениям Н. Рожкова, до 70-х годов XVI в. крестьянская запашка на один двор в среднем составляла 15—18—24 десятины в трех полях, в зависимости от свойства почвы. После 70-х годов в центральных районах крестьянская запашка сократилась в несколько раз, а в отдельных случаях даже в 4—5 раз. Сокращение крестьянской запашки происходило быстрее роста барской запашки. Поэтому общая площадь запаханной земли уменьшалась. Пашня покрывалась травой и кустарником и выходила из хозяйственной эксплоатации.

Экономическая разруха 60—70-х годов представляла собой сложное явление. Прежде всего она далеко не равномерно поразила территорию государства. Разорены были больше всего централь-

ные уезды, а также северо-западные и западные окраины. Население с этих окраин сдвинулось в восточном и южном направлениях. Разруха наступала неодновременно: в то время, когда некоторые места уже пережили момент наибольшего запустошения, в других оно только начиналось.

Разорение крестьян приводило и к разорению землевладельцев. Показателем последнего служит рост мелких, средних и крупных вкладов в монастыри, которые в 50—70-х годах достигли больших размеров. Вотчинники, не имея возможности вести хозяйство собственными средствами, передавали его монастырям. Сами они вместе с семьями поступали под опеку монастыря и иногда — на его полное содержание.

Рост хозяйственной разрухи вызвал серьезное опасение у правительства царя Ивана, которое в последние годы царствования делало большие усилия, чтобы остановить ее дальнейшее развитие. Крестьяне, бросая светских вотчинников и помещиков, уходили на церковные земли, пользовавшиеся особыми привилегиями и освобожденные от податей (тарханы). На церковном соборе 1580 г. было решено отписать на государя княжеские и боярские земли, купленные монастырями. Эти земли поступали в поместный фонд. Монастырям с этого времени запрещалось покупать новые земли, брать их в залог и принимать «на помин души». Не менее существенное значение имела отмена в 1584 г. тарханов, т. е. податного иммунитета церковных учреждений. Однако эти меры не могли остановить разброда крестьян, которые продолжали уходить на восток за Волгу и на юг — «в дикое поле». Некоторые поместья в течение одной осени теряли до половины крестьянского населения.

В борьбе за крестьян больше всего страдали мелкие, отчасти средние помещики, на которых ложилась основная тяжесть военных повинностей. Дворяне жаловались, что они не могут нести исправной службы со своих опустошенных поместий. Поэтому, чтобы предотвратить дальнейший разброд населения и уход крестьян из поместий, в самом начале 80-х годов по государеву указу были установлены «заповедные» годы, т. е. те годы, во время которых крестьяне не имели права уходить в Юрьев день со своих участков, а вотчинники и помещики не могли без особого разрешения их перевозить. Первым заповедным годом считается 1581 г. Установление «заповедных лет» входило в систему мероприятий правительства по «устроению земли», т. е. по приведению в порядок феодального хозяйства, сильно расстроенного разрухой и бегством крестьян. Объявляя «заповедные годы», правительство одновременно предприняло общее описание земель, начатое в том же 1581 г. и окончившееся для большинства уездов только в 1592—1593 гг. Книги этого описания («писцовые книги») стали главным документом, удостоверявшим принадлежность крестьян к тому или иному владению. Запрещение уходить в «заповедные годы» не было еще окончательной отменой Юрьева дня, потому что оно устанавливалось до нового «государева указа». Однако в течение

всего последующего 20-летия XVI в. такого указа о восстановлении Юрьева дня не последовало. Поэтому заповедные годы стали для крестьян следующей ступенью в усилении феодальной зависимости и оформлении крепостного права. В том же направлении действовала и практика поместного хозяйства. При большой дробности мелких владений и постоянных переделах крестьянское хозяйство дробилось. Происходило отделение крестьян от их участков, крестьян насильно переводили с одного места в другое, иногда селили на помещичьем дворе и т. д.

Во второй половине XVI в. значительное развитие получает особая форма зависимости, известная под именем кабального холопства. Кабальные люди впервые появились в документах с конца XV в. Сущность кабального холопства заключалась в том, что вольный человек, занявший деньги, обязывался вместо уплаты процентов работать во дворе хозяина-кредитора. В удостоверение этого он выдавал особый документ, получивший название «служилой кабалы». Юридически зависимость кабального человека прекращалась с уплатой долга. Однако возможность уплатить долг была для него небольшой, так как весь труд уходил на погашение одних процентов. Поэтому кабальному человеку легче было переменить хозяина, чем уйти на свободу. Это привело к тому, что заем постепенно превратился в фиктивную сделку.

Развитие кабального холопства было возможно при двух условиях: при разорении деревни, поставлявшей основную массу кабальных людей, и при росте спроса на труд закрепощенного человека. Оба эти условия сложились в экономической обстановке XVI века.

Возникновение казачества. Южные степи служили удобным прибежищем для людей, уходивших от гнета феодальной эксплоатации. В первой половине XVI в. в области Дона жили выходцы из различных татарских улусов, которые называли тюркским словом — казаки (казак — вольный человек, отделившийся от своего племени). С середины XVI в. на Дон начинается приток русских беженцев, крестьян, холопов, разорившихся посадских людей и прочих, которые также становились вольными казаками. В отличие от казаков-татар турки назвали их «казаками русского царя Ивана». Приток беглых на Дон, а также на Яик и Волгу усилился с 70-х годов в связи с разорением крестьян и посадского населения центральных уездов.

Казаки бродили на всей обширной степной территории, от Яика до Днепра, в низовьях которого беглые крестьяне из Украины и Белоруссии положили начало «низовому», или запорожскому казачеству. Казаки под начальством атаманов соединялись в отряды, которые были совершенно независимы друг от друга. Главными их занятиями являлись рыболовство, охота, мелкие промысла и походы за добычей, которая затем «дуванилась» (распределялась между участниками). Донские казаки нападали на окрестности турецкой крепости Азова, а при удаче — громили по берегам Азов-

ского моря татарские улусы. Часто казаки грабили и русские торговые караваны на Волге.

Московское правительство, принимая меры против нападения «воровских» казаков на царских послов и русских купцов, старалось использовать их для сторожевой службы на южных границах. Значительные отряды казаков участвовали в составе русских войск в Ливонской войне.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА в XVI веке

Состояние русской культуры в XVI в. отражало основные явления в социально-экономической и политической жизни Русского государства этого времени. Крестьянское население, а также и часть посадского населения находились в тяжелых материальных условиях существования. Крестьяне, задавленные нуждой и тяжелыми феодальными повинностями, жили в темных, топившихся по-черному, избах. Грамотные люди были редким явлением в деревенской жизни. В материальном и культурном отношениях к крестьянам приближались низшие слои посадского населения. Образование, доступное господствующим классам, ограничивалось изучением грамоты и выучиванием нескольких церковных книг. Грамоте обычно учили священники, дьяконы и дьячки, которые сами плохо ею владели. Поэтому неграмотные люди встречались часто даже среди дворян и купцов. На Стоглавом соборе в 1551 г. был поднят вопрос о заведении школ при церквах, но это предложение не было осуществлено. Вместе с тем экономическое и политическое развитие Русского государства не могло не отразиться на дальнейшем подъеме культуры, коснувшемся, правда, лишь господствующего класса. Такие явления, как борьба с остатками феодальной раздробленности, борьба между боярством и дворянством, создание централизованного управления, укрепление самодержавной власти, Ливонская война, рост политического и культурного общения с Западной Европой и другие события поднимали перед небольшим слоем образованных людей множество разнообразных экономических, политических, религиозных и других вопросов.

Около середины XVI в. в Москве возникло книгопечатание. Книги на славянском языке стали печатать типографским способом в конце XV в. сначала в Кракове, затем в Венеции (Италия) и Цетинье (Черногория). В первой половине XVI в. значительную роль в славянском книгопечатании играл белорусс Франциск Скорино, издававший книги сначала в Праге, а затем в Вильно. В начале 50-х годов были произведены первые опыты книгопечатания в Москве, подробные сведения о которых не сохранились. В следующем десятилетии в Москве была оборудована типография, из которой в 1564 г. вышла первая печатная книга—«Апостол». В московской типографии работали два мастера: дьякон одной из московских церквей Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. Однако первым типографщикам пришлось вскоре покинуть Моск-

ву, так как их работа вызвала недоброжелательное отношение со стороны консервативного духовенства и, повидимому, со стороны переписчиков, боявшихся конкуренции типографского станка. Иван Федоров и Петр Мстиславец сначала поселились недалеко от Белостока, где напечатали несколько книг при помощи литовского гетмана Ходкевича. Вскоре каприз феодала изменился, и гетман стал требовать, чтобы типографщики бросили свое книгопечатание и занялись сельским хозяйством. Петр Мстиславец ушел в Вильно, а Иван Федоров — в Галицкую Русь. Несмотря на нищету и тяжелые лишения, Иван Федоров ни за что не хотел расставаться со своим печатным станком. Последние два года он провел во Львове, где умер в начале 80-х годов XVI в. Типографское дело, основанное в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, не погибло после их отъезда, так как печатная книга становилась все более необходимой в связи с распространением грамотности и появлением, правда, еще в узком кругу новых культурных требований.

Объединение русских земель в системе централизованного государства и развитие внутри страны экономических и культурных связей были главными условиями для образования общерусской культуры. Элементы ее мы находим в XVI в. и в литературе, и в зодчестве, и в изобразительном искусстве. В связи с этим постепенно разрушалась местная культурная ограниченность, сложившаяся в века феодальной раздробленности.

В литературе продолжались работы, начатые московскими книжниками конца XV и начала XVI вв. Основной целью они ставили историческое объяснение и идеологическое обоснование образования Московского царства. Исторические работы ставили задачей, во-первых, показать положение Московского царства среди мировых держав и, во-вторых, — историческую преемственность самодержавной власти от Рюрика до царя Ивана IV. Около середины XVI в. в Москве была составлена Никоновская летопись при участии людей, близких к Ивану IV, в том числе Алексея Адашева. Никоновская летопись объединила большое число местных летописей, дополнив их материалом западноевропейских хроник, а также документальными источниками. В таком виде она являлась настоящей энциклопедией XVI в. Один из списков Никоновской летописи, носящий название «Лицевого свода», был украшен многочисленными миниатюрами (число их доходит до 16 тыс.), исполненными царскими художниками и писцами.

В еще большей степени исторический материал был подчинен политической идее самодержавия в «Степенной книге», составленной при участии митрополита Макария. В ней вся русская история, подразделенная на поколения царей (степени), была представлена, как история русских государей, начиная с Владимира Святославовича и до «государя и самодержца всея Руси и иным многим языкам и царствам одолевателя» царя Ивана Васильевича.

Подобные же крупные работы были предприняты в отношении церковной литературы, целью которых было объединение житийной и морально-поучительной литературы, написанной в разное время и в разных местах. Эта огромная задача, требовавшая собирания многих списков и их редактирования, была выполнена при участии митрополита Макария. В результате появился сборник, подразделенный на 12 томов в соответствии с числом месяцев в году. Он получил название «Четьи-Минеи» (т. е. месячное чтение). Если Никоновская летопись представляла собой историческую энциклопедию, то «Четьи-Минеи» являлись такой же энциклопедией в области церковной литературы; они подводили итог всему, что было создано в этой области, объединяли разновременные литературные произведения и установили для них единую форму и стиль.

Общественная борьба, связанная со столкновениями боярства с самодержавной властью и дворянством, вызвала появление нового вида литературы — небольших публицистических произведений, которые выражали идеологию соответствующей социальной группы. К числу таких публицистических произведений относится сочинение Ивана Пересветова, написанное в стиле, приближающемся к разговорной речи. Талантливым писателем был сам Иван Грозный, который превратил свои письма к князю Андрею Курбскому в обширные политические трактаты. Оппонент царя — А. М. Курбский принадлежал к числу самых образованных людей своего времени. В пожилом возрасте в Литве он продолжал заниматься науками, изучал латинский язык, философию и классическую литературу. Он знал Аристотеля, а в письмах к Ивану Грозному цитировал «премудрого Цицерона римского» и сделал даже перевод из Цицерона, который приложил к своему письму. В сочинениях Курбского чувствуется влияние рационализма, которое, повидимому, проникало из протестантской литературы.

Если в общей исторической и церковной литературе, а также в публицистических произведениях разрабатывалась общая идеология феодальной монархии, то в произведении, известном под названием «Домострой», те же идеи применялись к частной и домашней жизни. По своему составу «Домострой» является сложным произведением, отдельные элементы которого выходят к XV в. До нас дошел список «Домостроя», принадлежавший Сильвестру, на основании которого некоторые исследователи считали его автором всего этого произведения. Однако Сильвестру может быть приписана лишь последняя глава «Домостроя», представляющая наставление отца сыну. Описание картины домашней жизни знакомит нас с бытом господствующего класса. «Домострой» не является лишь жанровой картиной прошлого, а сочетает описание домашней жизни с наставлениями в духе требований, воплощающих не только моральные, но и политические тенденции. «Домострой» наставлял, что царю следует повиноваться «яко самому богу. Кто противится царю, тот противится божьему повеле-

нию». В учении о самодержавной власти мы узнаем идеи, высказываемые осифлянами, Иваном Пересветовым и самим Иваном IV. Основное содержание «Домостроя» посвящено быту и жизни отдельной семьи. В основе семьи, по учению «Домостроя», лежит сильная власть главы семьи — отца, скрепляющая весь родственный союз. Отец должен быть домовладыкой, ответственным перед царем и богом за свою семью. Необходимым качеством его является строгость, а приемами для поддержания этой строгости — наказание и побои. Система воспитания, основанная на постоянных телесных наказаниях, касалась всех членов семьи, но особенно детей: «Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселишися, казни сына своего измлада и порадуешься о нем в мужестве... не дашь ему власть во юности, но сокруши ему ребра донележе растет». «Домострой», правда, возражает против таких наказаний, которые наносили увечья: нельзя бить за всякую вину по уху, кулаком, по сердцу или железной палкой. В качестве лучшего средства он рекомендует плеть: «Плетью можно бить бережно, разумно и больно, и страшно и здорово».

В описании домашней жизни «Домостроя» отразился старый уклад жизни богатого дома, в котором должно быть полное хозяйство, обеспечивающее трудом холопов удовлетворение всех потребностей. В нем были свои плотники, портные, кузнецы, сапожники со всеми необходимыми инструментами. Люди и слуги должны знать разные ремесла. Этому вопросу автор соответствующих частей «Домостроя» посвящает особое внимание. Он рекомендует в самом хозяйстве получать необходимое сырье, из которого выделываются полотно и холст; под присмотром хозяйки и при ее участии девушки ткали, пряли, вышивали. Все обрезки и остатки тщательно складывались по узлам в коробьях и сундуках. Там же берегли дорогую одежду и материи. В праздничные дни все это вынималось, раскладывалось и одевалось.

В других, более поздних частях «Домостроя» уже отразилось влияние рыночных отношений. Так, например, «Домострой» рекомендует на рынке делать годовые запасы, использовать приезд купцов с товарами. Дешевые товары следует покупать даже в тех случаях, когда в них нет непосредственной нужды. Автор последней главы рассказывает о себе, что он освободил своих холопов, некоторые из которых стали потом подьячими, попами, ремесленниками, купцами. Поэтому взамен холопского труда он обращается к свободному труду. В этой части «Домостроя» развертывается картина жизни богатого дворянина или купца, хозяйство которого уже затронуто влиянием рыночных отношений.

В основе развития русского искусства и особенно зодчества лежало национальное художественное наследие прошлых веков: владимиро-суздальская архитектура и народное искусство. В церковной архитектуре окончательно складывается новая форма шатровой церкви. Благодаря этому создается впечатление стремительного движения каменных масс вверх. Примером сооружений мо-

жет служить церковь Вознесения в селе Коломенском, построенная при Василии III, и особенно храм Василия «Блаженного» в Москве. Этот собор был построен в 1555—1560 гг. Бармой и русским мастером, псковитянином по происхождению, Постником Яковлевым. Вокруг центрального шатра расположены 8 столбов, каждый из которых имеет особую архитектурную внешность. Сооружение в целом производит впечатление, несмотря на свою монументальность, необыкновенной легкости. Храм Василия «Блаженного» представляет собой выдающийся памятник искусства. Западное влияние принесло в русское изобразительное искусство черты реализма. Западное влияние мы наблюдаем даже в графике, особенно первопечатных книг. Изображения, данные в них, очень близки к немецкой графике того времени, а рамки исполнены в духе стиля Возрождения. Фрески московских соборов, особенно Благовещенского собора, также ясно отразили влияние эпохи Возрождения. В целом русское изобразительное искусство, представленное рядом прекрасных памятников, позволяет говорить о наступлении русского Возрождения в качестве местной формы общего движения гуманизма.

* * *

При Иване IV происходило дальнейшее развитие централизованной государственной системы, основы которой сложились в конце XV и в начале XVI вв. Существенное значение в этом процессе имела борьба царской власти с консервативной княжеско-боярской знатью, сопротивлявшейся уничтожению остатков феодальной раздробленности. Опричнина укрепила основной социальный базис царской власти — служилое дворянство и усилила ее самодержавный характер.

В результате уничтожения остатков феодальной раздробленности государственная система стала более однородной и прочной. Русская армия, несмотря на техническую отсталость, наносила сильнейшие удары польским, литовским, ливонским и шведским войскам. Рост торговых сношений с передовыми европейскими странами способствовал дальнейшему развитию товарно-денежного обращения в стране. Расширение внутренних экономических связей в рамках централизованного государства укрепляло национальное единство русского народа.

Успехи в развитии Русского государства, остававшегося феодальным по социально-экономической основе, были достигнуты ценою разорения и закрепощения крестьянского населения. Развитие феодального хозяйства приводило к усилению всех видов феодальной эксплоатации. Тяжелые государственные налоги всей тяжестью ложились на эксплоатируемые слои населения. Опричнина сопровождалась жесточайшим террором, в котором гибла не только княжеско-боярская знать, но и крестьянское население феодальных вотчин. В 80-х годах в интересах господствующего класса

был запрещен выход крестьян в Юрьев день. В конце XVI в. происходило обострение всех классовых противоречий.

Расширение Русского государства в XVI в. в сторону Поволжья и Зауралья, населенных татарами, марийцами, чувашами, удмуртами, башкирами, положило начало превращению его в многонациональное; «...так как на востоке Европы, — говорит товарищ Сталин, — процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство» *). «...В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» **).

---

*) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 97—98. Госполитиздат. 1939.

**) Там же, стр. 17.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В НАЧАЛЕ XVII в. РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ в НАЧАЛЕ XVII века

Ближайшие современники крестьянской войны в Русском государстве в начале XVII в. называли ее по наглядным результатам «великим московским разорением», отличая это «великое разорение» от многих других, более мелких. Но уже московские люди первой половины XVII в. стали размышлять над причинами тех необычайных событий, свидетелями которых они были. Бежавший в 60-х годах этого столетия в Швецию московский подьячий Григорий Котошихин назвал события начала XVII в. «Смутным временем». В этом названии был уже заключен элемент того понимания, которое потом вошло в законченную концепцию русской дворянской историографии: народ будто бы «смутился», оставшись без царя.

Историки XIX в. также называли классовую борьбу начала XVII столетия «Смутным временем», потому что причину народных волнений видели в династическом вопросе. Прекращение династии Рюриковичей со смертью Федора Ивановича вызвало борьбу за трон, «смуту», которая охватила все основные слои русского общества. Если эта концепция изменялась по мере углубления исследований, то все же династическая причина оставалась ее главным стержнем.

Научно объяснить события начала XVII в. можно лишь только в том случае, если мы будем изучать их со стороны основного противоречия феодального общества — противоречия между непосредственным производителем и феодальным собственником земли. Маркс и Энгельс указывали на то, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни». Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» подробно остановился на анализе крестьянских войн. На большом историческом материале он выяснил причину крестьянских движений, их характер, связь с городским движением, которое выступает в виде «плебейской оппозиции». Классики марксизма объяснили также причины слабости крестьянских войн в феодальную эпоху, локальную ограниченность

в восстаниях крестьянства, отсутствие ясного классового самосознания.

На крестьянских войнах в России в феодальную эпоху неоднократно останавливались В. И. Ленин и И. В. Сталин. В. И. Ленин подчеркивал прогрессивность крестьянских войн, которые расшатывали устои феодальной эксплоатации. Хотя одни крестьяне не могли победить, но все же крестьяне боролись «как умели и как могли». В то же время В. И. Ленин отмечает органическую слабость крестьянских войн. «...Когда было крепостное право,—пишет В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» *).

Товарищ Сталин так же, как и В. И. Ленин, отмечая историческое значение крестьянских войн в борьбе с устоями феодального строя, дал точное объяснение неудач крестьянских восстаний. «...Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» **).

Таким образом, корни крестьянских восстаний начала XVII в. находятся не в династических спорах, а в противоречиях социально-экономического развития Русского государства XVI в., когда с усилением феодальной эксплоатации феодальная зависимость крестьян облеклась в юридическую форму крепостного права. Близость народного восстания сознавалась некоторыми, более наблюдательными русскими и иностранными современниками. В «Беседе валаамских чудотворцев», памятнике, вышедшем из боярской среды, уже заключалось предвидение возможного народного восстания. Неизвестный нам автор этого произведения говорит, что «при последнем времени» запустеют волости и села, что люди, которых никто не будет гнать, начнут уменьшаться в числе, земля «начнет пространнее быти, а людей будет меньше и тем достальным людям будет на пространной земле жити негде». В этой же части памятника автор предсказывает наступающий кризис царской власти: «Цари на своих степенях царских не возмогут держатися и почасту переменяться начнут».

С наблюдениями русских современников вполне согласуется впечатление иностранцев. Англичанин Флетчер, побывавший в Москве в 1588—1589 гг. и выпустивший в Лондоне вскоре после сво-

*) Ленин. Соч., т. V, стр. 311.
**) Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

его возвращения книгу о Москве, описывая ужасы опричнины, говорит: «Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно кончиться (повидимому) не иначе как всеобщим восстанием».

Накоплявшееся в течение долгого времени классовое возмущение в начале XVII в. вспыхнуло крупным народным восстанием, которое затем превратилось в крестьянскую войну.

ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ ПЕРЕД НАЧАЛОМ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

После смерти царя Ивана IV в 1584 г. царский престол занял его старший сын от Анастасии Романовой — Федор. Младший сын царя Ивана от последней жены, Марии Нагой, царевич Дмитрий, которому в момент смерти отца едва исполнилось два года, был послан вместе с матерью и некоторыми родственниками в город Углич. Хотя он, по московским порядкам, не имел права на наследование престола (Мария Нагая была седьмой женой Ивана Грозного, тогда как церковь признавала «законными» не более трех браков), но близкие люди к Федору Ивановичу опасались интриг в пользу малолетнего царевича.

При вступлении на царствование Федору Ивановичу было уже 27 лет, но по умственному развитию он, по единогласному признанию русских и иностранных современников, напоминал взрослого ребенка. Существует много характеристик царя Федора. При разнообразии в оттенках они сходятся в общем мнении, что этот царь был совершенно не способен к государственным делам. По словам русской официальной и полуофициальной литературы, царь Федор был «блаженным», «царем-иноком», который, по образному выражению одного современника, «земное царство и красное мира совершенно оплевав». Наружность царя, описанная англичанином Флетчером, выдавала признаки слабоумия и вырождения. Царь был маленького роста, приземистый и толстоватый, слабые ноги с трудом поддерживали корпус, с лица почти не сходила бессмысленная улыбка. У Федора было два любимых занятия: наблюдать, как дерутся перед ним шуты, и звонить в колокола. Последняя склонность появилась очень рано. По некоторым известиям, даже царь Иван упрекал Федора, что тот создан быть звонарем, а не царем. Шведский король Иоанн в официальной речи на сейме откровенно говорил: «русский царь несколько помешан. Русские на своем языке называют его «дурак». При слабоумном и безвольном царе Федоре власть перешла в руки приближенных к нему лиц. К ним принадлежали его родственники и некоторые из любимцев царя Ивана последних лет его жизни. По родственным отношениям к царю близко стоял дядя по матери старик Никита Романович Юрьев. Значительным влиянием на царя пользовались также бывшие опричники Богдан Бельский и Борис Федорович

Годунов; последний, кроме того, приходился шурином царю, который был женат на его сестре. К этим лицам близко стояли князья Шуйские, в свое время спасшие себя путем полнейшего подчинения опричнине. Таким образом, среди лиц, окружавших царя Федора, не могло быть общих интересов: с одной стороны, это были выходцы из опричнины, с другой стороны — старые московские бояре.

Между тем Федор Иванович начинал царствование при больших внутренних затруднениях. Страна, пережившая опричнину и долголетнюю Ливонскую войну, еще не вышла из состояния жестокой экономической разрухи. Целые волости были запустошены, а многие посады лишились половины и даже больше населения. Между землевладельцами всех групп (монастырями, светскими вотчинниками и помещиками) происходила жестокая борьба за землю и за крестьян. Недостаток рабочих рук в феодальных владениях значительно повышал спрос на кабальных холопов. Для закабаления употреблялись различные средства, одних завлекали подарками, других «примучивали», с третьих брали кабальную запись в пьяном виде.

Террор опричнины резко нарушил соотношение сил между боярством и дворянством в пользу последнего. Часть княжеских и старых боярских родов навсегда прекратила существование. Другая, меньшая часть титулованного боярства сумела путем полного подчинения опричнинному режиму избежать гибели и даже сохранить свои родовые вотчины. Показателем изменений, происшедших в составе боярства, была сама Боярская дума. В ней в конце XVI в. сохранилась только часть старых княжеских родов, но в то же время появилось много новых, менее родовитых фамилий, выдвинувшихся при царе Иване IV. Поэтому Боярская дума не могла стать органом боярской реакции. Однако противоречия между сильно поредевшим боярством и численно выросшим в XVI в. мелкопоместным дворянством не исчезли и в дальнейшем привели к новым столкновениям между ними.

После смерти царя Ивана придушенная боярская знать тотчас подняла голову и сделала первые попытки воспользоваться ослаблением верховной власти для восстановления своего положения.

Существует известие, что Богдан Бельский, опричник в прошлом, старался убедить царя Федора восстановить опричнину. Помимо личного интереса, Бельским, повидимому, руководило опасение, что бояре захватят власть. Бояре, узнавшие о переговорах Бельского с царем, бросились в Кремль, но стрельцы, поддерживавшие Бельского, отказались их пропустить. Тогда к Кремлю собралась большая толпа народа, возбужденная известиями о восстановлении опричнины. Бояре, воспользовавшись народным движением, настояли на ссылке Бельского.

Однако боярству, лишенному внутреннего единства и разбитому опричниной, еще труднее было сплотиться, чем в малолетство Грозного. Между тем среди окружавших царя лиц произо-

шли крупные перемены. После смерти Никиты Романова, который фактически управлял страной за слабоумного царя, среди остальной дворцовой знати резко выделился Борис Годунов.

Бояре, боявшиеся возвышения Бориса Годунова, пытались в 1587 г. устранить его под предлогом бесплодия царицы. Они рассчитывали на то, что в случае развода Федора с царицей, сестрой Бориса Годунова, последний потеряет всякое влияние при дворе. Было составлено челобитье, «чтобы ради чадородья» царь Федор вступил в новый брак, а старую царицу отпустил бы в «иноческий чин», в монастырь. Подача челобитной сопровождалась выступлением «торговых мужиков», то-есть людей московского посада. Розыск, произведенный по поводу этого волнения, установил, что главными участниками его были князья Шуйские, замешанным оказался и митрополит. В результате 5—6 посадских людей казнили, а Шуйских разослали по разным городам.

После этих событий Борис Годунов не имел больше соперников среди лиц, окружавших царя. 15 мая 1591 г. в Угличе погиб возможный наследник московского престола — сын Ивана Грозного от седьмой жены, Марии Нагой, царевич Дмитрий. Нет необходимости останавливаться на разборе вопроса, насколько Борис Годунов был причастен к смерти Дмитрия. Есть обстоятельства в этом деле, которые при настоящем состоянии источников не могут быть полностью раскрыты. Не исключена возможность, что смерть царевича Дмитрия была результатом несчастного случая (царевич Дмитрий страдал эпилептическими припадками; согласно официальному расследованию он при падении на землю наткнулся на нож, который держал в руке). Но каковы бы ни были действительные причины гибели Дмитрия, она облегчала Борису Годунову путь к престолу. В последние годы царствования Федора Борис Годунов был фактическим правителем государства. Англичане называли его «лордом протектором». Борис получил право отвечать на грамоты иностранных государей. Его собственный дом стал маленькой копией царского дворца. В нем так же торжественно принимали иностранных послов и так же, как во дворце, сидели дворяне в парадных нарядах. Послы называли Бориса «пресветлейшим вельможей».

В 1598 г. болезненный и слабоумный царь Федор умер. В это время единственно возможным соперником Бориса Годунова был старший сын Никиты Романова — Федор Никитич. Как отдаленный родственник царя, он имел большие юридические права на царское наследство, чем вышедший из старинного, но не княжеского рода Борис Годунов. (Предположение, что родоначальником Годуновых был татарский мурза Чет, не подтверждается последними исследованиями). Вопрос о царском избрании был решен на Земском соборе в 1598 г., где абсолютное большинство принадлежало дворянству. Если Федора Никитича поддерживала часть дворянской знати, то на стороне Годунова находилось дворянство и

стрелецкое войско. Эти обстоятельства определили победу Бориса Годунова, который занял царский престол (1598—1605 гг.).

В исторической литературе образ Бориса Годунова сложился давно и держался очень долго. В его основе лежали оценки непосредственных противников Бориса Годунова начала XVII в. — Василия Шуйского и Романовых. При воцарении Василия Шуйского была окончательно принята официальная версия смерти царевича Дмитрия, согласно которой Борис Годунов был организатором убийства. Между тем современники Бориса Годунова, среди которых были люди и сочувствовавшие ему и враждебные, объясняли его политические успехи отнюдь не смертью царевича Дмитрия. По их словам, Борис Годунов обладал большими природными способностями. Дьяк Иван Тимофеев, враждебно настроенный к Борису Годунову, называвший его «рабо-царем», не мог не удержаться, чтобы не выразить удивление перед способностями этого «рабо-царя». Он говорит, что разум других царей, предшествовавших Борису Годунову, был только тенью его разума.

С отзывами русских современников согласуется впечатление иностранцев. Они также сообщают о необычайных успехах Бориса Годунова. С большим административным талантом, с огромной, поражавшей современников, памятью Борис Годунов соединял цепкий, изворотливый ум. Эти же современники, высоко ставившие государственные способности Бориса Годунова, отмечали и другие его качества: хитрость, вероломство и жестокость. Большим преимуществом Бориса Годунова перед его высокородными соперниками было то, что он не только твердо знал, чего добивался, но и хорошо понимал те средства и пути, которые вели к желаемой цели. В борьбе с крупным боярством Борис Годунов соединял свои личные интересы с интересами служилого дворянства, что сообщало всем его мерам большую устойчивость. В его действиях не было необдуманной жестокости Ивана Грозного, так как расчет всегда брал верх над непосредственным чувством. После террора опричнины правление Бориса Годунова казалось даже мягким. Однако, когда современники начинали присматриваться к его результатам, то перед ними оживали знакомые картины из царствования Ивана Грозного. В борьбе со старой знатью Борис Годунов достиг больших успехов, но без того шума, каким сопровождались массовые казни Ивана Грозного. Воспитанный на политических традициях опричнины, Борис Годунов по существу продолжал политику Ивана Грозного по укреплению при поддержке дворянства самодержавной власти и усилению централизованного государственного порядка как во время своего правления при Федоре Ивановиче, так и во время самостоятельного царствования.

В 1592—1593 гг. была закончена новая перепись, причем старожильцами, лишенными права перехода, стали считать всех крестьян, которые были записаны в писцовых книгах 1581—1592 гг. на тягловых участках. Закрепление крестьян вполне соответствовало желаниям дворянства, страдавшего от побегов крестьян и от

перевоза их богатыми землевладельцами. В 1597 г. вышел указ о праве владельцев разыскивать бежавших крестьян в течение пяти лет. Так как крестьяне, записанные в писцовые книги 1581—1592 гг., возвращались в случае побега старым владельцам на основании записи в этих книгах независимо от продолжительности пребывания в бегах, то следует считать, что указ 1597 г. касался не всех крестьян, а только тех, которые не были записаны в книгах, т. е. были «новопришлыми» (стали жить в том или ином владении после составления писцовых книг). Этими обстоятельствами объясняется, почему срок для разыскивания таких крестьян был установлен пятилетний (между окончанием описания в 1592 г. и указом 1597 г. прошло пять лет). Годы, в течение которых помещик мог разыскивать беглых крестьян, получили название «урочных лет».

Указами 1586 и 1597 гг. была усилена зависимость кабальных людей от их господ. Так, от кабальных людей запрещалось принимать уплату займа.

Централизованная система государства нуждалась в такой же централизованной организации церкви. Цепь мероприятий, усиливавших положение русской церкви, завершилась учреждением «всероссийского патриаршества», как высшей церковной власти. Для этого в Москве воспользовались приездом константинопольского патриарха, у которого в 1589 г. вынудили согласие на назначение в русские патриархи московского митрополита Иова, сторонника Бориса Годунова. Учреждение патриаршества в Москве было подтверждено особой грамотой «восточных» (греческих) патриархов, которые считались главою всей православной церкви.

С внутренними мероприятиями Бориса Годунова по усилению централизованного управления были связаны меры по укреплению внешнего положения Русского государства. Московское правительство энергично принялось за перестройку и расширение пограничных укрепленных линий. Особенно много городов было построено в Поволжье (Самара, Царицын, Саратов), на южной степной границе (Белгород, Валуйки, Елец, Воронеж и другие) и на западе, где Смоленск был обнесен новыми каменными стенами.

Борис Годунов продолжал борьбу со Швецией за выходы в Балтийское море. В результате войны 1591—1593 гг., законченной Тявзинским миром 1595 г., Россия возвратила потерянное в Ливонскую войну побережье Финского залива с городами: Ям, Ивангород, Копорье, Корела (Кексгольм).

Начало крестьянских восстаний. Политика Бориса Годунова, направленная к укреплению поместного хозяйства дворянства, имела своим результатом усиление крепостной зависимости крестьян и кабальных людей. Поэтому она еще более обострила классовые противоречия в стране. Усиление феодального закрепощения крестьян вызвало массовые крестьянские восстания. Далеко не все случаи крестьянских волнений нам известны. Несколько лет тому назад при разборе архива Волоколамского монастыря обна-

ружены сведения о волнениях крестьян этого монастыря в 1594—1595 гг. Крестьяне перестали выполнять работы на монастырь и не хотели слушать монастырских приказчиков — «ключников».

Классовая борьба еще больше обострилась в результате голода 1601—1603 гг. Лето 1601 г. было исключительно дождливым. Всходы, залитые «безмерными водами», окончательно погибли от ранних заморозков. Неурожай принял совершенно катастрофические размеры. Крестьяне не имели даже семян на посевы. Поэтому они целыми деревнями бросали старые земли и уходили на поиски хлеба. Цены на хлеб резко возросли, чем немедленно воспользовались богатые люди, купцы и крупные землевладельцы. Многие феодалы, в том числе патриарх, копили огромные запасы хлеба, ожидая дальнейшего повышения цен. Голодные бродили по дорогам и появлялись в большом количестве в самой Москве. По рассказам современников, на улицах Москвы ежедневно можно было видеть сцены голодной смерти и людоедства. Страшное народное бедствие готово было разразиться восстанием голодного населения. Этой угрозой объясняются мероприятия Бориса Годунова, направленные к некоторому ослаблению недовольства. Борис Годунов приказал выдавать хлеб из казенных житниц и производил раздачу денег. Количество розданного хлеба и денег не могло облегчить положение бедного населения, тем более, что значительная часть этих средств попадала в руки приказных людей. В 1601—1603 гг., по указам царя, было частично и временно восстановлено право перевоза крестьян в Юрьев день. Однако его нельзя рассматривать, как это делал М. Н. Покровский, в качестве закона, удовлетворявшего интересы крестьян. Правом перевоза одного — двух крестьян пользовались средние и мелкие землевладельцы за исключением Московского уезда. Эта мера удовлетворяла требование дворян, но не крестьян. Усилившееся бегство крестьян в голодные годы разоряло многих средних и мелких помещиков, что не могло не отразиться на общем положении и настроении служилых землевладельцев.

Рост недовольства среди крестьянского населения и резкое обострение классовой борьбы в городах и деревнях вызвали первые большие крестьянские движения. В 1603—1604 гг. крестьяне, холопы и казаки под предводительством Хлопки Косолапа подошли почти к самой столице. По летописным данным, отряд восставших несколько раз разбивал царские войска. Тогда царь послал «многую рать» под командой окольничего Ивана Басманова. Ожесточенное сражение около Москвы кончилось победой царских войск. Иван Басманов был убит в сражении, а раненый Хлопко Косолап был захвачен царскими войсками.

Движение Хлопки Косолапа является первым крупным событием в развитии крестьянской войны. Однако раньше чем крестьянская война развернулась, внутреннее положение Русского государства осложнилось вмешательством Польши.

ЛЖЕДИМИТРИЙ I — СТАВЛЕННИК ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

Польша была недовольна результатами Ливонской войны. Стефан Баторий почти непосредственно после заключения перемирия начал разрабатывать грандиозный проект завоевания России. Стефан Баторий предполагал сначала овладеть Москвой, затем захватить Кавказ и Персию и, наконец, войдя в Малую Азию, нанести смертельный удар Турецкой империи, угрожавшей польским владениям в Европе. Лозунгом похода должно было стать: «Через Москву на Турцию». Смерть Ивана Грозного и воцарение слабоумного Федора, казалось, создавали благоприятные условия для нападения на Русское государство. Стефан Баторий предполагал, что для осуществления большого завоевательного плана на востоке Европы ему потребуется всего три года. Главным препятствием были состояние шляхетства, сильно потрепанного в Ливонской войне, и отсутствие денежных средств. Римский папа обещал субсидировать московский поход своими средствами. Среди военных приготовлений Стефан Баторий умер в конце 1586 г. Началось обычное для Польши время бескоролевья, сопровождавшееся ожесточенной борьбой разных групп шляхетства за того или другого кандидата. Поэтому план московского похода откладывался на неопределенный срок.

В борьбе шляхетства победила группа, поддерживавшая кандидатуру наследника шведского престола королевича Сигизмунда, который стал королем Польши под именем Сигизмунда III. Шляхта предполагала, что возведение на польский престол наследника шведской короны обеспечит совместные действия Швеции с Польшей и приведет к уступке Польше всего Балтийского побережья с Эстляндией. Шляхта, кроме того, надеялась на помощь Швеции в борьбе с Русским государством. Коронный канцлер и гетман Ян Замойский выражал мнение, что «Сигизмунд если не всем Московским государством овладеет, то, по меньшей мере, возьмет Псков и Смоленск, а военными кораблями шведскими загородит морскую дорогу в Белое море, отчего Московскому государству великий убыток будет». В действительности избрание Сигизмунда только осложнило внешнеполитическое положение Польши. После смерти отца Сигизмунд был возведен на шведский престол. Возвращаясь в Польшу, он оставил в Швеции наместником своего дядю Карла Ваза. Католическая политика Сигизмунда вызвала большое недовольство среди шведского протестантского дворянства. Поэтому, когда через несколько лет Сигизмунд вновь отправился в Швецию, ему пришлось вступить в вооруженную борьбу с дядей, которую он проиграл. Шведским королем стал Карл IX Ваза.

Польское шляхетство не хотело отказываться от Лифляндии и Эстляндии. Борьба за Прибалтику между Польшей и Швецией, осложнившаяся династическим вопросом, продолжалась с перерывами до середины XVII в. Таким образом, и внешнее политиче-

ское положение заставило Польшу временно отказаться от осуществления планов Стефана Батория.

После воцарения Бориса Годунова Сигизмунд III отправил в Москву посольство во главе с литовским канцлером Львом Сапегой с предложением заключить «вечный мир» и тесный союз между обоими государствами. Однако в условиях предлагаемого союза явно преобладали польские интересы. Польша требовала передачи ей Смоленской и Черниговской земель, а также уничтожения всех ограничений для приобретения земельных владений подданными обоих государств на территории каждого из них. Это условие должно было привести к внедрению внутри Русского государства польского землевладения. Переговоры в Москве кончились заключением не союза, а 20-летнего перемирия на прежних условиях.

Ослабленная Польша, не решавшаяся на открытую войну с Русским государством, попыталась прибегнуть к другим мерам для захвата русских земель. К числу этих мер относится выдвижение авантюриста Лжедимитрия I.

Первые известия о появлении в Польше Лжедимитрия, т. е. самозванца, выдававшего себя за погибшего в Угличе в 1591 г. царевича Димитрия Ивановича, появились в Москве еще в 1600 г. Более достоверные сведения о начале авантюры Лжедимитрия мы имеем с 1602 г. Будущий претендент на московский престол в это время бродил по замкам крупных польско-украинских магнатов. Одно время он жил при дворе киевского воеводы князя Константина Острожского, затем перебрался к панам Гойским, где учил детей грамоте и одновременно изучал «рыцарское искусство», затем превратился в слугу князя Адама Вишневецкого. Князья Вишневецкие были одними из самых крупных магнатов на Украине, захваченной Польшей. Их огромные владения не уступали по размеру некоторым европейским государствам. На левом берегу Днепра князьям Вишневецким принадлежало все Посулье (бассейн р. Сулы, притока Днепра), простиравшееся до московской границы.

Осенью 1603 г. князь Вишневецкий уведомил польского короля Сигизмунда III о «чудесном» спасении московского царевича. Польские современники, а затем и позднейшие писатели разукрасили это событие различными фантастическими подробностями. Для нас важно установить, что авантюра Лжедимитрия зародилась в кругу польского магнатства, больше всего заинтересованного в распространении своих владений за московскую границу.

Вопрос о том, кто был в действительности Лжедимитрий, не может быть при настоящем состоянии источников полностью разрешен. Большинство исследователей присоединяется к официальной версии, появившейся вскоре после появления Лжедимитрия в русских пределах, согласно которой им был беглец из Русского государства, мелкий галицкий сын боярский Григорий Отрепьев. Одно время Григорий Отрепьев служил у крупных бояр, бывал у Черкасских и Романовых, затем бродил по монастырям и, нако-

нец, приютился в Чудовом монастыре в Москве. Отсюда с двумя монахами он ушел в Литву. В литературном памятнике, носящем название «Извет Варлаама», рассказывается, как Григорий Отрепьев со своими спутниками бродил по замкам крупных украинско-польских магнатов. Эти сведения подтверждаются современными польскими известиями. В одном из монастырей на Волыни хранился экземпляр книги, данной, как свидетельствует на ней надпись, князем Константином Острожским: «Григорию с братией — с Варлаамом да с Мисаилом». Таким образом, предположение, что Лжедимитрий был в действительности Григорий Отрепьев, находит ряд подтверждений в исторических свидетельствах.

Король Сигизмунд III, получивший известие о появлении «царевича», очень заинтересовался этим событием и велел доставить его к себе в Краков. По дороге в королевскую резиденцию один из Вишневецких задержался с Лжедимитрием в Самборе, в замке воеводы Сандомирского и старосты львовского Юрия Мнишек. История Юрия Мнишек представляет некоторый интерес для характеристики крупного польского панства, делавшего карьеру при королевском дворе. Юрий Мнишек выдвинулся при Сигизмунде II Августе. Он оказывал дряхлому королю личные услуги, не считая для себя позорным поставлять ему гадальщиц и любовниц. После смерти короля Юрий Мнишек с несколькими другими вельможами в одну ночь так ограбил королевскую казну, что смертные останки короля трудно было облечь в подобающую форму. При Сигизмунде Юрий Мнишек заведывал обширными королевскими владениями, которые также нещадно обирал. Король, выведенный из терпения, назначил ревизию, грозившую Юрию Мнишек крупной неприятностью. В это время в его замке оказался московский лжецаревич, что открывало для Юрия Мнишек возможность воспользоваться авантюрой для поправления собственных средств.

В марте 1604 г. Лжедимитрий был принят королем. Хотя Сигизмунд III весьма сочувственно отнесся к предполагаемому походу на Москву, но должен был получить на это согласие сейма. Однако выяснилось, что значительная часть сенаторов опасалась исхода предприятия. Поэтому король обещал Лжедимитрию оказывать тайную поддержку, помогал ему деньгами и разрешил частным образом набирать войско из шляхтичей. За это Лжедимитрий обещал отдать Польско-Литовскому государству Смоленскую и Северскую области, помочь Сигизмунду III овладеть шведским престолом, способствовать распространению католичества в русских землях и подготовить более тесное политическое соединение Русского государства с Польшей. В Кракове Лжедимитрий вступил в сношения с католической церковью, перешел в католицизм и отдался под покровительство папы.

С лета 1604 г. в Самборе происходило открытое приготовление к походу. Дочь Юрия Мнишек была сговорена с Лжедимитрием, который обещал заплатить будущему тестю 100 тыс. злотых, а Марине — в полное управление два русских «государства»:

Псков и Новгород. В подтверждение этого Лжедимитрий выдал Юрию Мнишек особую запись. Авантюра Лжедимитрия вызвала среди польских магнатов и шляхты разное отношение. За немедленное движение в пределы русских земель стояли крупные землевладельцы, особенно те из них, украинские владения которых близко подходили к московским границам. Лжедимитрия поддерживал и литовский канцлер Лев Сапега, выражавший мнение той части литовской шляхты, которая стремилась к захвату пограничных русских земель, особенно в Смоленской области. В войско Лжедимитрия охотно поступали мелкая шляхта и рыцарство. Большинство этих мелких шляхтичей, служившее у богатых магнатов на разных должностях — от военных людей до парадных лакеев, — готово было наняться на любое доходное предприятие. Однако средние землевладельцы действовали более осторожно. Так, против похода на Москву высказался коронный канцлер и гетман Ян Замойский, пользовавшийся большим авторитетом среди польской шляхты. Извещенный о военном приготовлении в Самборе, осторожный Замойский советовал Мнишку переждать до решения общего сейма: «Кость падает иногда недурно, но бросать ее, когда дело идет о важнейшем предприятии, не советуют, опасно!». Замойский знал, что в Москве осведомлены о польских приготовлениях и готовятся к отпору. В речи на сейме Замойский напоминал результаты войны Стефана Батория, который нанес Москве сильный удар. В свое время Замойский был сторонником завоевательных планов этого короля, но план во-время не был осуществлен. Замойский находил, что сложившиеся политические условия не благоприятствовали для крупного предприятия. О Лжедимитрии он отзывался с оттенком презрительной насмешки: «Он (т. е. Лжедимитрий) говорит, что вместо него задушили кого-то другого, помилуй бог, — это комедия Плавта или Теренция что-ли? Вероятное ли дело: велеть кого-либо убить, а потом не посмотреть, тот ли убит, кого приказано убить, а не кто-либо другой». Замойский совершенно ясно указывал на основные причины, требовавшие воздержаться от поддержки Лжедимитрия: отсутствие денежных средств, упадок военной дисциплины, разнузданность шляхты и недооценка военных сил Русского государства. Выступая против поддержки Лжедимитрия, Замойский не был, как и остальная шляхта, противником агрессивной политики Польши по отношению к русским землям, он был сторонником более тщательно подготовленного похода, который, по его мнению, надо было начать сразу движением крупных военных сил. К такому походу Речь Посполитая еще не была готова.

В середине октября 1604 г. польское войско с Лжедимитрием форсировало Днепр выше Киева, являвшийся в это время границей Русского государства. Собственно польские силы составляли около 3 тыс. человек. Ядром их был кавалерийский отряд шляхты, навербованный Мнишек. Вблизи Днепра к Лжедимитрию присоединился отряд донских казаков численностью около 2 тыс. чело-

век. Продвижение к Москве относительно небольшого войска Лжедимитрия облегчалось развитием народного движения против Московского правительства Бориса Годунова. В Польше, повидимому, хорошо были осведомлены о том, что делалось за московской границей. Поэтому при обсуждении плана похода было решено двигаться не по самой короткой дороге через Смоленск и Вязьму, а длинным кружным путем через Киев, Брянск и верховья реки Оки. Этот путь имел то преимущество, что проходил по юго-западным окраинам Русского государства, население которых уже поднялось против Бориса Годунова. По сведениям современника Авраамия Палицына, в этих районах скопилось до 20 тыс. человек из числа беглых холопов, крестьян, казаков и мелких служилых людей, готовых подняться против крепостнического угнетения. Грамоты Лжедимитрия, вводившие народ в заблуждение о якобы чудесном спасении царевича, тайно распространялись среди населения. Еще до перехода русской границы были завязаны сношения с донскими казаками. Первые небольшие крепости — Моравск и Чернигов—сдались без боя. Серьезное сопротивление Лжедимитрий встретил под Новгород-Северским, в котором находился отряд московских стрельцов. В ожидании польского вторжения главные силы царской армии были сосредоточены у Брянска; местоположение его давало возможность действовать в двух направлениях: на запад и на юго-запад, так как план противника не был известен в Москве.

В то время как главные силы Лжедимитрия завязли под Новгород-Северским, выдвинувшиеся вперед и в стороны небольшие отряды, а также действовавшие по Крымской дороге казаки без боя овладели огромной территорией по Десне, Сейму, Северному Донцу, вплоть до верховьев Оки. В течение двух недель Лжедимитрия «признали» Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы и другие города. В Комарицкой волости (около города Севска) вспыхнуло большое крестьянское восстание против московского правительства. Одновременно с походом Лжедимитрия народное движение разлилось широкой волной по всей южной окраине государства, поднимая крестьян, мелких служилых людей и казаков.

В декабре 1604 г. главные силы царских войск подошли на выручку Новгород-Северского и в окрестностях его дали сражение Лжедимитрию. Несмотря на численное превосходство царских войск, ни одна из сторон не могла считать себя победителем. Однако Лжедимитрию все же пришлось снять осаду. Он перешел к Севску, приблизившись к районам крестьянского восстания и к путям, которые вели с Дона.

В январе 1605 г. недалеко от Севска, при деревне Добрыничах, произошло новое сражение, кончившееся полным поражением Лжедимитрия, который с небольшим отрядом бежал в Путивль. Царские ратные люди и касимовские татары по распоряжению царя Бориса совершенно разорили Комарицкую волость. По рассказу современника, голландца Исаака Массы, крестьянское население

поголовно истреблялось с невероятною жестокостью, так что в густо населенной волости «не осталось ни кола, ни двора»; мужчин вешали на деревьях за ноги, женщин насиловали и сажали на колья, даже детей бросали в огонь и воду. Ни военные успехи, ни расправа над населением не улучшили положение Бориса Годунова; площадь, охваченная народным восстанием, продолжала увеличиваться. Главные силы царской армии были заняты осадой Кром, за стенами которого засели стрельцы и казаки, перешедшие на сторону Лжедимитрия. Осада тянулась вяло; дворяне, испуганные развитием крестьянского движения, начали разъезжаться по поместьям. Между тем 13 апреля 1605 г. в Москве при загадочных обстоятельствах умер царь Борис, наследником его был объявлен 16-летний сын Федор Борисович. Смерть царя ускорила полное разложение армии. В начале мая остатки войск, стоявших под Кромами, перешли на сторону Лжедимитрия, путь к Москве был открыт. 1 июня в Москву прибыли посланцы Лжедимитрия—дворяне Плещеев и Гаврила Пушкин. Сын Бориса Годунова Федор вместе с матерью были убиты. Через несколько дней Лжедимитрий во главе польского отряда вошел в столицу.

Легкая победа Лжедимитрия объясняется, во-первых, развитием классовой борьбы, которую Лжедимитрий умело использовал в целях, ничего общего не имевших с интересами эксплоатируемых масс населения, и, во-вторых, активной поддержкой польской военной силы. Однако положение Лжедимитрия резко изменилось после того, как Годунова не стало на троне.

Заняв царский престол при помощи польского рыцарства, Лжедимитрий в Москве сразу должен был почувствовать отсутствие прочной социальной опоры. Прежде всего были приняты меры, чтобы отклонить подозрение в самозванстве. Для этого были возвращены из ссылки родственники убитого царевича Дмитрия—Нагие, в том числе его мать—старица (монахиня) Марфа. Недалеко от столицы Лжедимитрий встретил Марфу и неплохо разыграл роль встречи сына с матерью. Соблазн для Марфы, протомившейся долгие годы в монастырском уединении, был слишком велик, чтобы устоять перед возможностью занять почетное положение царской матери; Марфа публично признала Лжедимитрия своим сыном. Лжедимитрий, стараясь создать себе опору среди московской аристократии, возвратил бояр, пострадавших при Годунове, в том числе Романовых. Однако опереться на боярство, как на крупную социальную силу, Лжедимитрий не мог. Часть боярства, пострадавшая при Борисе Годунове, сочувствовала успехам Лжедимитрия только до тех пор, пока боролась с Борисом Годуновым. С гибелью последнего Лжедимитрий сыграл свою роль для боярства и был ему больше не нужен. Наибольшие усилия Лжедимитрий делал для того, чтобы привлечь на свою сторону средних и мелких землевладельцев — дворянство. В короткое время были повышены денежные оклады; дворянам усиленно раздавали земли в поместья, в интересах средних дворян был разрешен вопрос о кре-

стьянах, бежавших в голодные годы. По указу 1 февраля 1606 г. крестьяне, бежавшие от помещиков до голодных лет, возвращались старым владельцам. Возвращению подлежали также и крестьяне, бежавшие в голодные годы, но имевшие возможность прокормиться на покинутых местах. Не возвращались только крестьяне, которые в голодные годы не могли прокормиться у своих помещиков. Таким образом, этот закон был направлен против крестьянства.

Не создав социальной опоры внутри страны, Лжедимитрий, естественно, должен был опереться на внешнюю силу — на Польшу и на отряды навербованных наемников. Не доверяя русским, он организовал сильную дворцовую стражу из иностранцев. Между тем Польша стала предъявлять требования о выполнении Лжедимитрием данных им обязательств. Лжедимитрий не в состоянии был полностью их выполнить; он не имел возможности отдать Польше Смоленск и Северскую землю, а Мнишкам — Новгород и Псков. Поэтому Лжедимитрий ограничивался раздачей денег да драгоценностей из царской казны. Польские шляхтичи, наехавшие с ним в Москву, мечтавшие хорошо поживиться в России, требовали все новых и новых средств. Очень крупные суммы получил Мнишек. Письма Юрия Мнишек к Лжедимитрию представляют собой сплошные вымогательства. Однако ни Сигизмунд, ни польские паны не были удовлетворены этими подачками. Посол короля в Москве даже припугнул Лжедимитрия возможностью появления нового самозванца. Он рассказал ему про слух, будто бы распространившийся в украинских городах, что Борис Годунов жив и находится в Англии, откуда его в скором времени следует ожидать. Положение Лжедимитрия стало особенно тревожным после приезда весной 1606 г. Марины Мнишек. Невеста прибыла с отцом и родственниками в сопровождении шляхтичей и слуг, составлявших всего около 2 тыс. человек. При въезде в столицу ей была устроена торжественная встреча. Москвичи, по рассказу современников, с изумлением наблюдали, как выгружалось привезенное поляками оружие. Они спрашивали иностранцев: разве существует у них обычай приезжать на свадьбу в полном вооружении? Свадьба была отпразднована с исключительной роскошью. Во время празднеств перепившиеся шляхтичи насильничали, грабили и оскорбляли жителей. Разнузданное поведение шляхты в русской столице ускорило взрыв народного восстания.

Прежде чем стихийно нараставшее народное возбуждение смогло превратиться в восстание, им поспешил воспользоваться кружок бояр во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским. 17 мая по набатному звону толпа бросилась в Кремль. Лжедимитрий был убит, а народ начал громить польских панов и шляхтичей, разместившихся по разным дворам столицы. Бояре были очень напуганы широким размахом народного восстания. Поэтому они поспешили защитить уцелевших поляков. 19 мая на Красной площади бояре и их сторонники перед собравшейся толпой провоз-

гласили царем князя В. И. Шуйского. Боясь повторения времен Ивана Грозного или Бориса Годунова, бояре взяли с Василия Шуйского крестоцеловальную запись, т. е. присягу, по которой царь обязывался никого не лишать жизни без приговора Боярской думы, не подвергать гонению родственников осужденных, проверять доносы на тщательных следствиях. Эти обещания были распространены на купцов и посадское население.

Василий Шуйский тотчас после воцарения осуществил ряд мероприятий, имевших целью раскрыть обман Лжедимитрия и не допустить возможности повторения самозванства. Всего через полмесяца после воцарения он устроил торжественное перенесение останков Димитрия из Углича в Москву. Царевич был объявлен «святым чудотворцем». Церковь стала распространять известия о чудесах, будто бы совершавшихся у его гроба: немые начинали говорить, слепые — видеть, калеки выздоравливали и пр. В грамотах, разосланных по городам, Василий Шуйский доказывал свои права на престол, во-первых, своим происхождением от Рюриковичей и, во-вторых, якобы состоявшимся избранием его на царство всеми людьми Московского государства. (Имелся в виду Земский собор, которого в действительности не было).

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ БОЛОТНИКОВА

На воцарение боярского царя страна ответила новым подъемом народного движения. В самой Москве в конце мая и в середине июня произошли волнения среди мелкого посадского населения. Кремль был поспешно приведен в оборонительное состояние, на стенах были поставлены пушки. Очаг нового восстания лежал в юго-западной окраине, носившей название Северской Украины (Чернигово-Северский край). Начавшись в городах Северского края, восстание распространилось до Рязани и далее на восток, до области мордвы. На юге восстание вспыхнуло в Астрахани и на Тереке, на северо-востоке стали подниматься марийцы и удмурты, жившие в области Вятки, Перми и Камы; не осталась спокойной и северо-западная часть государства, где волнение охватило тверские, псковские и новгородские места. В течение короткого времени центральная часть государства была охвачена широкой волной восстания. По существу это было не одно общее восстание, а большое число местных выступлений, то сливавшихся вместе, то развивавшихся независимо друг от друга. В то время как в одних районах восстание только начиналось, в других — затихало. Поэтому восстания редко могли оказать действительную помощь друг другу.

Народное восстание 1606—1607 гг. проходило в условиях, значительно отличавшихся от обстановки выступления Лжедимитрия I. Переход царской власти в руки представителя княжеско-боярской знати усилил раскол внутри господствующего класса. Воцарением Василия Шуйского было недовольно не только провин-

циальное дворянство, особенно южных уездов, но и часть боярства. Воевода Путивля князь Григорий Шаховской продолжал «действовать именем Дмитрия Ивановича». Не признавал Василия Шуйского и сидевший в Чернигове князь Андрей Телятевский.

Общее ослабление государственной власти в результате событий 1604—1606 гг. и неустойчивое положение царя Василия Шуйского облегчали быстрое развитие народного восстания. В 1606 г. Речь Посполитая, занятая внутренними делами, не могла вмешаться в русские дела. В Польше вспыхнул «рокош» (восстание) части шляхты, недовольной внутренней политикой Сигизмунда III. «Рокошане» провозгласили «бескоролевье», но были разбиты в 1607 г. гетманом Жолкевским.

Поднявшееся летом 1606 г. крестьянское восстание было неорганизованным. Это обстоятельство создавало большое преимущество московскому правительству Василия Шуйского. Силы последнего были сосредоточены, тогда как силы восстания были разбросаны.

Среди отдельных разрозненных выступлений самым крупным было крестьянско-холопское восстание, поднявшееся под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Незначительные биографические сведения о Болотникове мы знаем по рассказам современников иностранцев. В молодости Болотников был боярским холопом, затем ушел на Дон, но был захвачен крымскими татарами и продан туркам. Болотникову удалось бежать из турецкой неволи. Во время скитаний он побывал в Италии, Венгрии и Польше и появился летом 1606 г. на московском рубеже в тот момент, когда в Северской Украине быстро нарастало народное движение. Иван Болотников вскоре выдвинулся как его предводитель. По словам голландца Исаака Массы, Иван Болотников был «детина рослый и дюжий... удалец, отважен и храбр на войне».

Главное участие в восстании приняли крестьяне и холопы, к ним присоединились казаки, часть посадских людей и стрельцы пограничных городов. В народе распространялся слух, что вскоре вновь появится царевич Димитрий Иванович, что в Москве вместо Лжедимитрия убили какого-то «немчина». Источники этих слухов шли, повидимому, из Польши. Хотя Болотников и действовал от имени «царевича Димитрия», но самозванство на этот раз не играло крупной роли.

Восставшие под предводительством Болотникова двинулись из Путивля к Москве через Комарицкую волость, разоренную Борисом Годуновым. Около Оки отряды Болотникова пополнились служилыми землевладельцами: рязанцы подошли под предводительством Григория Сумбулова и Прокопия Ляпунова, из Тулы и Венева пришел с мелкими помещиками Истома Пашков. Увеличение ополчения Болотникова за счет дворянских дружин сыграло отрицательную роль. Дворяне присоединились к Болотникову из желания воспользоваться крестьянским движением как средством в борьбе с правительством боярского царя.

В середине октября 1606 г. Болотников подошел к Москве и остановился в селе Коломенском. Восставшие не могли овладеть столицей, защищенной рядом каменных укреплений с выдвинутыми вперед монастырями, каждый из которых был хорошей крепостью. Сил, находившихся в распоряжении Болотникова, было недостаточно для полного окружения столицы. Поэтому правительство усиливалось за счет прибывавших из разных мест дворянских отрядов. В то же время среди восставших под Москвой началось неизбежное расслоение. Болотников распространял среди населения «прелестные письма» (прокламации). По словам патриарха Гермогена, передавшего в одном из своих посланий содержание «прелестных писем», восставшие предлагали «боярским холопем побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество». Излагая содержание прокламаций, патриарх стремился устрашить свою «паству» и не был заинтересован в точной передаче призывов Болотникова, обращенных к холопам и к плебейской части посадского населения. Социальный смысл этих призывов заключался в истреблении представителей власти, землевладельцев и высшего слоя купечества.

Под Москвой дворяне, находившиеся в армии Болотникова, поняли, что крестьяне и холопы, являвшиеся их классовыми врагами, были для них более опасными, чем боярский царь. Поэтому сознав классовую противоположность интересов и целей движения, дворянские дружины, приведенные рязанскими и тульскими помещиками, стали переходить на сторону Василия Шуйского. Первыми изменили Болотникову рязанские помещики во главе с Прокопием Ляпуновым и Сумбуловым.

2 декабря 1606 г. царские войска, усиленные прибывшими отрядами смоленских помещиков, перешли в наступление на укрепленный лагерь Болотникова у села Коломенского. Во время боя Истома Пашков перешел на сторону Василия Шуйского и облегчил этим его победу. По словам летописи, казаки и холопы упорно сражались. Только после страшной резни Болотников с уцелевшими остатками отступил к Калуге. Царские воеводы захватили несколько тысяч пленных, о которых очевидец этих событий голландец Исаак Масса говорит, что это все были «прирожденные московиты». Большие партии пленных, по его рассказам, каждую ночь выводили из темниц и убивали ударами дубины по голове, а трупы спускались под лед реки.

Удерживая в своих руках Калугу, Болотников сохранял главную коммуникационную линию, дававшую возможность получать помощь со стороны северских городов. Василий Шуйский двинулся против Калуги с огромной дворянской армией, которая, по сообщению иностранцев, достигала 100 тыс. человек. Осада Калуги продолжалась 4 месяца, до начала мая 1607 г. Осажденные, не-

151985

смотря на малочисленность, действовали очень храбро и активно. Постоянными вылазками они наносили большой вред царским войскам: не проходило дня, чтобы царские войска не теряли 40—50 человек.

Между тем на помощь Болотникову подходили новые отряды. Отряд, высланный на помощь Болотникову из Тулы, разбил царские войска на реке Пчельне. Гарнизон Калуги произвел смелую вылазку и заставил царских воевод снять осаду города. Болотников перешел в Тулу, где соединился с казаками, имевшими во главе самозванца, принявшего имя никогда не существовавшего сына царя Федора — Петра (Лжепетр).

После снятия осады с Калуги положение правительства Василия Шуйского стало очень тяжелым. Царь ежедневно посылал гонцов в разные города с известиями о небывших победах его войск. Духовенство звонило в колокола и служило благодарственные молебствия. В это же время была произведена общая мобилизация дворянских войск. Для увеличения денежных средств Василий Шуйский даже распродал часть царского имущества; кроме того, он получил деньги у монастырей и купечества.

С целью привлечь на свою сторону дворянство царь Василий Шуйский издал 9 марта 1607 г. указ, усиливавший борьбу с беглыми крестьянами. Землевладелец, принявший чужого беглого крестьянина, уплачивал единовременный штраф в царскую казну, а также вознаграждение старому владельцу по числу лет, прожитых беглым крестьянином на его земле. Срок давности для розыска беглых крестьян был увеличен до 15 лет. Одновременно Василий Шуйский, опасаясь дальнейшего развития движения среди холопов, несколько смягчил положение «добровольных» холопов, т. е. тех, которые жили во дворах богатых людей, работали на них за пищу и помещение, но не давали на себя кабальных записей (указ 7 марта 1607 г.). По старому указу добровольный холоп через 6 месяцев работы превращался в кабального холопа. Василий Шуйский отменил этот указ, приказав отпускать добровольных холопов на свободу: «Не держи холопа без кабалы ни одного дня, а держал в кабале и кормил, и то у себя сам потерял». Когда восстание Болотникова было подавлено, этот указ был отменен.

В результате проведенной мобилизации царю Василию Шуйскому в конце мая удалось собрать армию, по численности не уступавшую военным силам, собиравшимся во время войн с соседними государствами. В конце мая царь осадил Тулу. Осажденные с прежним упорством защищали город. Осенью на реке Упе была устроена плотина, которая вызвала наводнение в городе. Вода залила погреба с порохом и испортила значительную часть хлебных запасов. Истощенный гарнизон Тулы сдался 10 октября 1607 г. Лжепетр был повешен, Болотников был сослан на север, где его утопили.

Восстание под предводительством Болотникова подняло население Приволжья. Сначала заволновалась мордва, с которой соединились русские крестьяне и боярские холопы. Затем восстание ох-

ватило очень обширный район, от Нижнего Новгорода до Свияжска, и от Яранска на севере до верховьев рр. Суры и Мокши (правый приток Оки) на юге. Восстание, таким образом, захватило и районы, населенные чувашами и марийцами. Среди предводителей восстания упоминаются двое мордовских «старейшин»: Варкадин и Москова (возможно, что мариец). Как и в других местах, восстанием крестьянского населения спешили воспользоваться дворяне, недовольные воцарением Василия Шуйского. Восставшие осадили Нижний-Новгород, но не могли им овладеть. После поражения Болотникова под Москвой восстание было подавлено.

Восстание под предводительством Болотникова обладало всеми характерными чертами, присущими стихийным крестьянским движениям феодальной эпохи. Оно было неорганизованным, крестьянские отряды были плохо вооружены. Не могло быть общего плана ведения войны. В то же время нельзя не отметить больших способностей Болотникова, которому удалось придать временную прочность разнохарактерным отрядам своего ополчения.

«...Мы, большевики, — говорит товарищ Сталин,—всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета» *).

ПОЛЬСКАЯ И ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Неудача авантюры Лжедимитрия I, закончившаяся жестоким погромом польских шляхтичей в Москве, на время приостановила развитие польского наступления. Польша не решилась на объявление войны, как этого опасались в московских боярских кругах, но не отказалась от повторения авантюры самозванца. Когда московские послы в 1606 г. жаловались в Кракове панам на поддержку Польшей самозванцев, то сенаторы откровенно на это отвечали: «если государь ваш отпустит Сандомирского воеводу (Юрия Мнишек) с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь по Москве (имелись в виду поляки, служившие Лжедимитрию I и задержанные после его смерти), то ни Дмитряшки, ни Петрушки не будет, а если государь ваш их не отпустит, то и Дмитрий и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут».

Внутренние осложнения не позволили польскому правительству воспользоваться крестьянской войной, поднявшейся под предводительством Ивана Болотникова. Польша поэтому только ограничилась распространением слухов о спасении Лжедимитрия. Положение изменилось, когда рокошане были разбиты. С этого момента начинается новый этап в развитии польской интервенции в Русское государство.

---

*) Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 8—9. Партиздат. 1933.

Вместо погибшего Лжедимитрия I Польша выдвинула нового авантюриста, известного под именем Лжедимитрия II Тушинского. В Польше долго искали человека, который способен был бы повторить роль «царевича Димитрия». Один из современников рассказывает, что уже в первые дни после убийства Лжедимитрия I поляки распускали молву, что умерщвлен был вовсе не он, а какой-то немец, похожий на царя. «Эта сказка, — прибавляет этот очевидец московских событий, — которой поляки думали со временем воспользоваться». Однако поиски нового авантюриста представляли большие трудности, ими занимались и в Польше и даже в Риме. Самозванец, наконец, нашелся. В июне 1607 г. он появился в небольшом пограничном московском городе Стародубе. Современники рассказывают, что это был человек «грубых и дурных нравов». Дело было не в личных качествах, а в том, что самозванец «весьма мало походил на покойного» (т. е. на Лжедимитрия I). Но у нового авантюриста был свой учитель — Николай Меховецкий, прекрасно знавший Лжедимитрия I. Он так хорошо обучил нового самозванца его роли, что, рассказывают, даже люди, близкие к Лжедимитрию I, ошибались.

В сентябре 1607 г., когда Тула еще оборонялась против войск Василия Шуйского, Лжедимитрий II с польской подмогой двинулся из Стародуба к верховьям Оки. После падения Тулы он сначала с большой поспешностью бежал в район Севска (Комарицкую волость), но затем, оправившись, стал вновь подвигаться к северу и в начале 1608 г. остановился в Орле, где поляки занялись устройством военных сил.

В течение зимы 1607—1608 гг. под знаменами Лжедимитрия II собралось значительное польско-литовское войско, в несколько раз превосходившее военные силы, участвовавшие в походе Лжедимитрия I. Родственник литовского канцлера Ян Сапега с разрешения короля открыто собирал войска для нового похода; приведенный им к Лжедимитрию II отряд насчитывал около 7 тыс. пехоты и конницы. Князь Роман Рожинский пришел с отрядом в 4 тыс. человек. Бывший покровитель Лжедимитрия I князь Адам Вишневецкий привел 2 тыс. конных воинов. Польское правительство дало возможность участникам шляхетского восстания уйти в пределы Русского государства. В армии Лжедимитрия II оказался один из предводителей рокошан — Лисовский. За крупными польскими панами тянулся всякий сброд мелкой польской и литовской шляхты. Московское правительство впоследствии жаловалось в Польше, что «вора» водят по Московскому государству «королевские люди». Один из современников-иностранцев рассказывает, как однажды за столом Ян Сапега стал хвастаться храбростью поляков, которые будто бы превосходили римлян: «За три года перед сим, — говорил он, — вооруженной рукой мы посадили на русский престол бродягу под именем сына царя Иоанна Грозного. Теперь в другой раз даем русским нового царя и уже завоевали для него полгосударства: он также будет называться Димитрием.

Пусть их лопнут с досады, оружием и силой мы сделаем, что хотим».

Помимо основного польско-литовского военного ядра, под знамена Лжедимитрия II стали собираться те, кто продолжал борьбу с боярским правительством. В чернигово-северских городах к нему примкнули мелкие служилые люди, потом подошли свежие отряды донских и запорожских казаков; несколько позже присоединились остатки ополчения Болотникова, в том числе атаман Иван Заруцкий, ставший главным начальником казачьих сил.

Весной 1608 г. Лжедимитрий II с основной частью своего разнородного ополчения начал поход на север. Царские войска были разбиты в двухдневном бою под Болховом. Двигаясь дальше, Лжедимитрий обошел Москву с западной стороны и вышел на Можайскую дорогу. В 20-х числах июня Лжедимитрий с поляками подошел к Москве, но не встретил никакого сочувствия со стороны русского населения столицы: «Мы подошли к столице, — вспоминает один из поляков, служивший в его армии, — которая очень велика и на вид красива. Мы смотрели и ни одной живой души не видели, которая была бы к нам от столицы».

Главная ставка Лжедимитрия II была устроена в нескольких километрах от столицы, на возвышенном берегу Москва-реки, в селе Тушине. Так, друг против друга, появились две столицы: настоящая столица Русского государства Москва, в которой отсиживался боярский царь Василий Иванович Шуйский, и «воровская» столица Тушино, где укрепился при поддержке польского войска «царек», или «Тушинский вор», Лжедимитрий II. Вскоре в Тушинском лагере оказалась Марина Мнишек, которая была обвенчана с новым Лжедимитрием.

После того как в Тушине образовался «воровской» лагерь, в его состав стали по-одиночке и целыми группами вливаться служилые московские люди, а также отдельные представители старых боярских и московских служилых родов, недовольные Василием Шуйским и неуверенные в прочности его власти. К числу последних принадлежали князь Григорий Шаховской, получивший в Тушине звание «слуги и боярина», несколько князей Трубецких (в том числе Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, будущий предводитель казачества). За родовой и богатой знатью потянулись мелкие захудалые князья. Большую роль в Тушинском лагере играл Михаил Глебович Салтыков, происходивший из старого московского боярского рода. Особую группу составили люди, близкие Романовым во главе с «нареченным патриархом» митрополитом Филаретом (Федором Никитичем Романовым). Довольно значительной была группа выходцев из приказной бюрократии и московского торгово-ремесленного посада. Среди них находились бывший пристав при царевиче Димитрии, Михайло Молчанов, торговец кожами Федор Андронов и другие.

Господствующая роль в Тушинском лагере принадлежала

польским панам и шляхте, которая выделила комиссию из 10 человек в качестве высшего правительственного органа.

Если боярско-дворянская группа росла во время существования Тушинского лагеря, то, наоборот, крестьяне и холопы, приставшие после разгрома Болотникова к Лжедимитрию II, отходили от него. Политика Тушинского лагеря и действия польских отрядов показали населению действительное значение тушинского «царька», который являлся игрушкой в руках польской знати и части московских бояр, связавших свою судьбу с польской интервенцией.

У поляков и Лжедимитрия II не было достаточных сил для полного окружения Москвы, поэтому они старались занять дороги в столицу и перерезать все пути, по которым подходили подкрепления и подвозились продукты. Изоляция Москвы с южной стороны не удалась, так как большой польский отряд был разбит под Коломной. Более удачными оказались действия в северном направлении. Сапега и Лисовский захватили всю территорию вплоть до верхнего Поволжья: на северо-западе сторонники Тушина, воспользовавшись восстанием посадского населения против «лучших» людей и царского воеводы, заняли Псков.

Сильное сопротивление польским захватчикам оказал Троице-Сергиевский монастырь (в 70 км. от Москвы по Ярославской дороге), за прочными крепостными стенами которого укрылось окрестное крестьянское население.

После занятия тушинцами обширной территории, простиравшейся на север до Волги, на сельское и городское население были наложены тяжелые поборы деньгами и натурой. Польские предводители захватывали богатые волжские города с единственной целью поживиться за счет собранных в них товаров. Так, например, Ян Сапега отправил отряд на Вологду после того, как узнал, что туда собрались московские торговые гости. Такой же участи подвергся Ярославль. Не довольствуясь ограблением городов, тушинцы грабили крестьянское население. Крестьяне забрасывали тушинского «царька» просьбами о защите: «Пощади сирот своих государевых, — писали они, — не вели нас литовским людям воевати и на смерть побивати и женишек и детишек наших в полон имати». Обман, распространенный поляками, рассеивался, и перед русским населением открывалась действительная роль польского авантюриста Лжедимитрия II.

На насилия тушинцев население уже в конце 1608 г. ответило рядом стихийно поднявшихся выступлений. Центрами народного движения были обычно крупные города: Новгород, Вологда, Великий Устюг, Нижний-Новгород. Население городов соединялось с волостными крестьянами и, наскоро сколачивая ополчения, шло на выручку тех мест, где сидели поляки и тушинцы. В конце 1608 г. восстание охватило уже весь Клязьминский район. Часто предводителями повстанческих отрядов станови-

лись сами крестьяне, холопы, мелкие служилые люди. Предводителем одного крестьянского отряда был холоп Василия Шуйского — Семейка Свистунов. Плохо вооруженные крестьяне были не в состоянии отстоять земли, захваченные поляками, но они доставляли много забот и хлопот тушинскому правительству и польскому командованию. Крестьяне нападали на отдельные отряды, избивали шляхтичей и уходили от них в глухие лесные дебри. Один из современников (Конрад Буссов), рассказывая о движении русского населения против поляков в начале 1609 г., сообщает: «Со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые немцев и поляков истребляли с неимоверной злобой. Беда, если остервенится грубая чернь». Этот же иностранец-современник признается, что причиной восстания были исключительные по жестокости грабежи польской шляхты, которая «без милосердия» обижала «бедных русских». Поэтому народ отомстил полякам: «иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в проруби со словами: полно вам, глаголи, жрать наших коров и телят, ступайте в Волгу ловить нашу рыбу».

Борьба против польских захватчиков соединилась с классовой борьбой. Одновременно продолжалась освободительная борьба угнетенных народностей. Восстание против московского правительства Василия Шуйского захватывало в 1608—1609 гг. новые районы. Весною 1609 г. начались волнения среди народов Западной Сибири — татар, манси (вогулов) и хантов (остяков). Сибирские татары в разных местах сговаривались готовить коней и поднять восстание, как только сойдет снег. Вогулы хотели воспользоваться ослаблением московского правительства: «мы де про русские вести и сами ведаем, — говорили они, — что на Москве русские люди меж собою секутца». Остяки пересылали по становищам стрелы с условными знаками, означавшими готовность к восстанию. Местные князьки мечтали восстановить себе царство, «как было при Кучуме царе». Московским воеводам удалось подавить эти разрозненные выступления, прежде чем они успели объединиться.

Положение правительства Василия Шуйского, потерявшего около половины территории, становилось все более трудным. Летом 1608 г. московскому правительству в результате длительных переговоров с поляками удалось заключить перемирие, хотя и на кратковременный срок: 3 года и 11 месяцев. По перемирию должны были быть восстановлены старые границы, произведен обмен пленными, король должен был отозвать всех поляков, поддерживавших Лжедимитрия II. В действительности в Польше не думали исполнять этого договора. Польский гетман Жолкевский в своем дневнике сообщает, что во время переговоров бояре в Москве сообщили польским послам, что они желали бы видеть на царстве Владислава, так как надеялись при его помощи прекратить кровопролитие и водворить в царстве Московском тишину. Это свидетельство показывает, что еще летом 1608 г. бояре, испуганные ро-

стом народного движения, хотели найти у польского правительства поддержку ценою измены русскому народу. Рассказ польских послов о положении в Русском государстве вызвал необычайный интерес к Польше. Король, который официально до этого времени старался уверить, что не находится во враждебных действиях с Московским государством, считал, что настало время для открытого вторжения в Россию. Сенаторы, бывшие при короле, советовали ему «не упускать такого случая для умножения славы и распространения владений Речи Посполитой».

Между тем Василий Шуйский, заключив перемирие с Польшей, сделал попытку воспользоваться шведской помощью для восстановления своего положения. Шведский король Карл IX несколько раз предлагал свои услуги правительству Шуйского, так как боялся упустить время для захватов на русской территории в пользу Швеции. В Швеции особенно были недовольны мирными условиями 1595 г., по которым старые новгородские владения по берегу Финского залива были возвращены России. Осенью 1608 г. племянник царя князь Скопин-Шуйский начал в Новгороде переговоры о шведской помощи. В конце февраля 1609 г. со Швецией было заключено формальное соглашение, предусматривающее посылку Василию Шуйскому 5 тыс. человек наемного войска. Условием шведской подмоги была передача «в вековечную вотчину» шведской короне русской крепости Корелы (Кексгольма) с уездом. В конце марта шведский отряд, состоявший из разных наемников, численность которого была впоследствии доведена до 15 тыс. человек, под предводительством полководца Якова Делягарди вступил в Новгород.

В исторической литературе было распространено мнение, будто бы шведская помощь, оказанная Василию Шуйскому, была главной причиной вмешательства Сигизмунда III в войну. Действительной причиной военных действий Речи Посполитой были неудачи, связанные с поддержкой обоих самозванцев, и ослабление Русского государства в результате долголетней борьбы. Шведская помощь лишь ускорила вторжение польско-литовских войск. Еще в октябре 1608 г., т. е. до заключения договора со Швецией, поляки начали производить набеги на пограничные русские земли. Вторгаясь на русскую территорию, они жгли деревни, убивали жителей, уничтожали хлебные запасы, увозили с собой крестьянское имущество, даже выдирали пчелиные рои. Эти нападения продолжались в течение всего лета 1609 г. С весны в польском порубежном районе шла деятельная подготовка к большому походу; строились мосты, приводились в порядок дороги. В это же время в Польше происходила детальная разработка плана военных операций. Вопрос о войне предварительно был обсужден и одобрен на местных сеймиках, а затем обсуждался в тайном совете короля и на общем сейме. На полном собрании сейма огромное большинство сенаторов высказалось за немедленное начало войны, против были только 3—4 голоса. Главным затруднением для начала военных

действий было плохое состояние королевской казны, так как шляхетская армия прежде всего требовала жалованья. Король предполагал, что война продлится лишь четверть года: только на этот срок он имел деньги для оплаты военных расходов. Самый талантливый среди польских воевод гетман Жолкевский опасался, что в такой короткий срок не удастся кончить войну и тогда солдаты, не получающие жалованья, могут поднять бунт и остановиться на середине пути. Кроме того, Жолкевский указывал королю на плохую дисциплину в войсках. Однако предостережения Жолкевского не были приняты во внимание, так как за войну стояло огромное большинство польских магнатов, раздраженных предыдущими неудачами. Войну горячо поддерживала и литовская шляхта, мечтавшая о приобретениях в Смоленской области.

Перед началом военных действий Сигизмунд выпустил манифест, в котором стремился исторически оправдать свое вторжение в русские земли. Он доказывал, что польские короли имеют «древнее право на владение Русью», на том основании, что когда-то польский король Болеслав помог киевскому князю Изяславу занять киевский стол. В конце сентября польские войска перешли на русскую границу и направились к Смоленску. Польская шляхта хвастливо уверяла в скором падении этой русской крепости. В действительности Смоленск героически защищался почти два года и приковал к своим стенам главные силы польской армии.

В мае 1609 г. князь Скопин-Шуйский с русскими и шведскими отрядами вышел из Новгорода на Тверь, Переяславль-Залесский, Москву. Скопин-Шуйский двигался по районам, охваченным народным движением, что очень облегчало и ускоряло их окончательное освобождение от польских отрядов. В конце 1609 г. была снята осада Троице-Сергиевского монастыря. Весной 1610 г. Москва была освобождена от блокады. Вскоре после этого князь М. В. Скопин-Шуйский неожиданно умер, как полагали, от отравы. В его смерти обвиняли царя Василия Шуйского, который завидовал и боялся успехов племянника.

Польше, после начала военных действий, Лжедимитрий II был уже не нужен. Наоборот, королю необходимо было стянуть все польские силы, разбросанные в разных местах русской территории. Кроме того, королю необходимо было выяснить положение, занятое шляхтой в Тушинском лагере, и убедить ее подчиниться его распоряжениям. Сначала большинство шляхтичей, находившихся в Тушинском лагере, опасалось, что король лишит их тех выгод, которые они приобрели службой у Лжедимитрия. Тушинские поляки смотрели на захваченные земли как на свою добычу, которой ни с кем не хотели делиться. В этом духе была составлена военная конфедерация. Однако королевским агентам удалось поколебать это настроение и внести разлад в польскую часть Тушинского лагеря. Рассказ современника о приезде первых королевских послов в Тушино прекрасно характеризует отношение поляков к Лжедимитрию. Послы проехали мимо помеще-

ния, из окон которого на них смотрели «царек» с Мариной. Переговоры велись без всякого участия Лжедимитрия II. Когда «царек» спросил пана Рожинского, для какой цели приехали посланцы короля, то в ответ услышал грубые слова, сопровождавшиеся бранью: «А тебе... что за дело, они ко мне, а не к тебе приехали. Чорт тебя знает, кто ты таков, довольно мы служили тебе и проливали кровь, а награды не видим». Другой польский пан назвал Лжедимитрия II «вором и мошенником».

В начале января 1610 г. Лжедимитрий бежал в Калугу. В польском лагере произошел раскол: небольшая часть шляхты вместе с Сапегой ушла за Лжедимитрием, другая часть отправилась к королю под Смоленск, наконец, третья — ожидала дальнейшего развития событий. Поведение Сапеги, не присоединившегося к королю, объясняется тем, что Сапега считал преждевременным бросать Лжедимитрия, полагая, что тот еще может служить орудием для польской политики. Сапега заключил особый договор с Лжедимитрием, по условиям которого Лжедимитрий обещал, овладев московским престолом, платить польскому королю по 300 тыс. злотых в течение 10 лет, а королевичу Владиславу — ежегодно по 100 тыс. злотых. Русские войска должны были завоевать для Польши Ливонскую землю и посадить Сигизмунда на шведский трон. Лжедимитрий обещал также пересмотреть вопрос о Северской земле, т. е. передать ее Польше.

После ухода казаков и поляков в Тушинском лагере осталась часть служивших Лжедимитрию московских бояр и дворян. Они вступили в переговоры с королем и отправили особое посольство под Смоленск, которое заключило 4 (14) февраля 1610 г. договор с Сигизмундом III. В начале марта Тушино было совершенно покинуто.

Договор с Сигизмундом 4 февраля представлял компромисс между требованиями боярства и желаниями служилого дворянства, ориентировавшегося на польскую помощь. Владислав должен был стать московским царем, при условии сохранения в неприкосновенности всего московского социально-экономического порядка. Это прежде всего касалось феодальных владений — монастырей, церквей и светских землевладельцев. Бояре и дворяне просили формально запретить крестьянский выход; подтверждалось закрепление холопов за их господами; судьба казаков отдавалась на усмотрение высшего боярства. В договор вошли почти полностью условия «Крестоцеловальной записи» царя Василия Шуйского, которая соответствовала интересам боярства: королевич Владислав обязывался не накладывать взысканий без боярского суда, не отбирать поместий и вотчин и не ссылать родню осужденных. Боярство стремилось ограничить царскую власть; королевич Владислав обязывался все дела решать при участии и согласии «бояр думных». Новые доходы устанавливались с ведома Боярской думы. Наряду с ясно выраженными интересами боярства было обусловлено и некоторое удовлетворение требований служилого дво-

рянства. Королевич Владислав обязывался повышать дворян по заслугам и разрешать право выезда за границу.

Договор 4 февраля облегчал для короля развитие наступательных операций против Москвы, которые теперь прикрывались заключенным соглашением. По совету приближенных король отправил для занятия Москвы отряд численностью в 6 тыс. человек под начальством гетмана Жолкевского. Навстречу ему был выдвинут московский отряд во главе с бездарным братом царя Дмитрием Шуйским. 24 июня 1610 г. около деревни Клушино произошло сражение, кончившееся полным поражением царских войск. В разгаре боя шведы и другие наемники перешли к полякам и тем облегчили Жолкевскому победу. Впоследствии поляки отпустили шведов, которые заняли часть Новгородской области. После сражения под Клушином дорога в Москву была открыта. С другой стороны к столице подошел Лжедимитрий II. Москва была охвачена паникой. Служилые люди разбегались из армии. В столице началось волнение среди посадского населения. Правительство царя Василия Шуйского потеряло всякий авторитет. Угроза захвата столицы тушинцами или поляками ускорила внутренний переворот.

17 июля 1610 г. дворяне во главе с Захарием Ляпуновым свергли Василия Шуйского. Чтобы лишить возможности в дальнейшем бороться за царскую власть, его насильно постригли в монахи. Однако дворянам, принимавшим участие в этом перевороте, не удалось захватить власть, которая перешла к правительству, образованному из состава высшего боярства во главе с князем Мстиславским. Оно состояло из семи представителей крупной знати, принадлежавших в большинстве к княжеским фамилиям. В литературе это боярское правительство известно под именем «Седьмочисленной думы», или просто «Семибоярщины».

Жолкевский, подошедший в начале августа к Москве, остановился в Можайске и держал под угрозой столицу; он ждал гонца от короля с инструкциями и в то же время стремился договориться с боярским правительством. Повидимому, он намеренно не трогал тушинцев, так как угроза со стороны последних заставляла боярское правительство быть более сговорчивым. В течение августа Лжедимитрий II сделал четыре попытки овладеть Москвой. За это время Жолкевский приобрел многих сторонников в составе боярского правительства. Полученная им инструкция от короля хорошо показывает отношение в Польше к московским боярам. Король предложил своему гетману внушить боярам, особенно князю Мстиславскому, стоявшему во главе правительства, что их служба королю будет с удовольствием принята и «щедро вознаграждена». «Это надо ему сообщить весьма осторожно со всеми подробностями при передаче посылаемого ему доверительного письма»,— писал король. Король обещал сохранить вотчины и поместья и дать в придачу к ним новые земли «в порядке королевской милости».

Переговоры боярского правительства с Жолкевским закончились 17 августа 1610 г. заключением договора. В его основу были

положены условия соглашения 4 февраля. Если февральский договор представлял собой компромисс между интересами боярства и служилым дворянством, то в договоре 17 августа явно преобладали боярские интересы. В связи с этим в договоре исчезло обещание повышать людей по заслугам и разрешать выезд за границу. После заключения договора с Жолкевским под Смоленск к королю было отправлено большое посольство (свыше 1 200 человек) с князем Голицыным и «нареченным» патриархом Филаретом, которое должно было просить королевича на московский престол. Посольство вело бесконечные переговоры, так как король, мечтавший стать московским царем, что означало бы династическую унию с Московским государством в интересах Речи Посполитой, не хотел отпускать сына и выполнять условия августовского договора. Между тем, опасаясь народного восстания в столице, боярское правительство изменнически впустило в Кремль польские войска. Москва в конце сентября была занята польским гарнизоном, начальником которого вместо уехавшего Жолкевского стал пан Гонсевский.

Правление Боярской думы продолжалось недолго. В Москву вместе с Жолкевским, а потом и позже, приехали люди тушинской «знати», которым поляки больше верили. В их руках оказалась фактическая власть. Под Смоленском было составлено расписание должностей, утвержденное королем. Боярская дума оказалась в самом унизительном положении, она должна была послушно выполнять все распоряжения польского коменданта Гонсевского. Бояре жаловались, но на их жалобы никто не обращал внимания. Гонсевский приходил в думу, сажал своих советников и с ними решал дела, так что остальные бояре даже не знали, о чем идет разговор. На их обязанности было только скреплять своею подписью постановления Гонсевского и его советников.

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

После занятия Москвы Сигизмунду III уже не было необходимости прикрываться условиями договора. Он не только не снял осады Смоленска, но продолжал расширять свои требования. Паны в переговорах с московскими послами требовали от них сдачи Смоленска, который продолжал мужественно отражать все приступы неприятеля. Посольство решительно отказывалось выполнить это требование. Дворяне, находившиеся в посольстве, посылали письма в Москву, в которых описывали бедственное и унизительное положение посольства и призывали не подчиняться королю и его сыну, королевичу: «положите о том крепкой совет меж себя: пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижний, нашу грамоту, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всех землею обще стати..., покаместа еще свободны, а не в работе (рабстве) и в плен не разведены». После безрезультатных переговоров паны арестовали послов и отправили в Польшу.

Поляки в Москве обижали жителей, насильничали, грабили, издевались над русскими обычаями, разворовывали ценности, собранные во дворце. Поэтому уже в конце 1610 г. в столице начало расти сильное возбуждение против польской власти. Памятником этого движения является «Новая повесть о преславном Российском царстве», представляющая по своему содержанию воззвание к вооруженной борьбе с польским владычеством. Неизвестный автор этого воззвания, принадлежавший, повидимому, к московской служилой среде, называет бояр, заключивших договор с Жолкевским, «изменниками», «душепагубными волками». Он описывает тяжелое положение страны и населения, на которое наложены «безмерные и неподъятные кормы». Воззвание предупреждает, что польский король хочет овладеть Московским царством и посадить в нем своих подручников. В самой Москве поляки секут жителей саблями и расстреливают их из пищалей. Воззвание заканчивается призывом к восстанию: «Время, время пришло во время дело, подвиг показати и на страсть дерзновение учинити».

В это же время против польской власти выступил глава православной церкви — патриарх Гермоген. По словам современников, Гермоген был грубым человеком, любил лесть, охотно слушал сплетни, но обладал большой волей и упрямством. После того как в Москве и по всей стране стало быстро нарастать народное движение против польского насилия, Гермоген открыто выступил против признания московским царем королевича Владислава. Собрав московских посадских людей в Успенский собор, он объявил, что освобождает их от присяги королевичу Владиславу и королю Сигизмунду. Затем Гермоген стал рассылать грамоты в разные города, призывая собраться всем из всех городов и итти к Москве «на литовских (польских) людей».

Когда несколько таких грамот было перехвачено боярами и поляками, Гермоген был взят сначала под стражу, а затем посажен в заключение. Однако угрозы и притеснения не сломили сильную волю Гермогена. До конца своей жизни он продолжал призывать к борьбе с польским господством. Призыв, обращенный к народу от высшего представителя церкви, еще больше усиливал народное движение. Среди городов, поднявшихся против поляков, одними из первых были Рязань на юге и Нижний-Новгород на северо-востоке. Оба эти города представляли собой важные экономические центры и подвергались не раз угрозе разорения со стороны тушинцев и поляков, но уцелели от погрома. В Рязани восстание против польского и боярского правительства в Москве поднял воевода Прокопий Ляпунов. Он опирался на рязанское дворянство, которое сильно страдало от господства поляков и опасалось репрессий со стороны Боярской думы. Прокопий Ляпунов обратился с призывами к южным и северным городам, где уцелели остатки старых войск царя Василия Шуйского. Затем он обратился к казакам, входившим раньше в Тушинский лагерь и после распада последнего обосновавшимся в Туле и Калуге. Большая часть

тушинских казаков во главе с Иваном Заруцким и князем Дмитрием Трубецким присоединилась к Ляпунову.

Ляпунов рассылал грамоты и другим казачьим отрядам, разбросанным по разным городам, обещал всем дать жалованье, порох и оружие. Он обращался также и к холопам, — «к боярским людям, крепостным и старинным». Ляпунов убеждал их итти в ополчение «без всякого сумнения и боязни», обещал им волю и жалованье, как казакам.

Начавшееся в Рязани движение в короткое время охватило всю область заокских городов, находившихся на юге от Оки. На севере движение распространилось от Нижнего-Новгорода по всему Поволжью. Города присылали друг к другу грамоты с призывами собираться в ополчение. Ярославцы, например, сообщали в Вологду, что к ним подошли польские паны и теснили их поборами, но ярославцы отказались им платить. Уже в феврале 1611 г. из разных мест началось движение казачьих и дворянских отрядов к Москве.

Польский гарнизон в Москве, получив известие о сборе из разных мест ополчений для похода на Москву, приступил к спешному укреплению стен Кремля и Китай-города. Нуждаясь в рабочей силе, паны требовали, чтобы москвичи помогали им устанавливать пушки. Ссора, возникшая по поводу этих требований, перешла в уличную драку, которая 19 марта превратилась в восстание московского населения. Улицы Москвы покрылись баррикадами из возов, бревен и пр.; с крыш, домов, с заборов, из окон в поляков стреляли, бросали камни, били дубьем.

Храброе сопротивление полякам оказал отряд, которым командовал князь Д. М. Пожарский. Он укрепился на Сретенке вблизи своего двора и превратил эту часть посада в настоящую крепость. Во время сражения князь Д. М. Пожарский был ранен. Между тем к Москве стали подходить передовые части ополчения. Опасаясь оказаться под ударами ополченцев и восставшего населения, комендант польского гарнизона Гонсевский по совету бояр приказал сжечь Москву. Пожар, быстро охвативший деревянные дома московского посада, продолжался несколько дней.

Поляки при приближении главных сил ополчения отступили за черту Кремля и Китай-города, удержав за собой и западный участок Белого города.

В течение марта и апреля ополченцы, подходившие из разных городов, становились вокруг Кремля и Китай-города. Однако у Ляпунова не было достаточно сил, чтобы освободить Москву. При этом в ополчении произошел внутренний разлад, бывший результатом неустранимых классовых противоречий. Ополчение резко делилось на две части — дворянскую и казачью; остальные слои населения не играли в нем заметной роли. Дворяне стояли отдельно от казаков и с недоверием относились к своим недавним врагам, многие из которых побывали в Тушинском лагере.

Чтобы придать некоторую организованность разнохарактерному составу ополчения, вожди ополчения Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Иван Заруцкий вошли в соглашение и составили приговор 30 июня 1611 г. Это соглашение имело целью создать временный Совет (правительство), который должен был ведать ратным делом и разбирать все возникающие вопросы. Приговор ясно отразил различие классовых интересов в ополчении и в целом представлял собой документ дворянского происхождения.

Главный вопрос, который интересовал дворян, заключался в упорядочении землевладения, сильно расстроенного в годы крестьянской войны и польской интервенции.

Приговор показывает, что среди дворянской части в ополчении господствовало ядро, состоявшее из служилых людей царя Василия Шуйского. Было решено пересмотреть земельные пожалования, данные тушинским «царьком», и привести их в соответствие с владениями «московских сидельцев» (дворян, сидевших в осаде в Москве). Вопрос о крестьянах решался в интересах всего землевладельческого класса. В годы крестьянской войны крестьяне многих владельцев ушли из своих деревень и частично превратились в казаков. Кроме того, дворяне сами вывозили крестьян из соседних имений. Наконец, многие крестьяне, не спрашивая разрешения помещиков, переселились на посады. По приговору намечалось произвести розыск всех ушедших от владельцев крестьян и возвратить их обратно к старым помещикам.

В приговоре с такой же ясностью отразилось недоверие дворян к казакам. Казаков предполагалось вывести из дворцовых и черных сел (государственных волостей), чтобы они «насильства никоторого по городам и в волостях и на дороге грабежев и убивства не чинили». Было решено отпускать казаков для сбора кормов лишь в сопровождении «добрых дворян».

Для управления делами ополчения были восстановлены главнейшие приказы. Особое значение имело восстановление приказов, занимавшихся сбором денежных налогов, поместным землевладением и военной службой дворян.

Приговор 30 июня, пытавшийся создать определенный порядок и усилить положение дворянства, в действительности внес еще больший разлад. Казаки не хотели подчиняться дворянам и даже производили на них вооруженные нападения. Ляпунов, призывавший холопов присоединиться к ополчению с обещанием освободить их от неволи, не думал его выполнить. Столкновения с казаками закончились в конце июля 1611 г. убийством в казачьем кругу самого Ляпунова. После его смерти ополчение стало распадаться. Казаки, не получавшие снабжения, жили за счет грабежа населения. Большинство дворян разъехалось по поместьям. Под Москвой осталось казачье войско во главе с Иваном Заруцким и князем Дмитрием Трубецким.

Летом 1611 г. положение страны стало особенно тяжелым. Смоленск пал 3 июня, после почти двухлетней героической обороны. Во время последнего приступа, когда неприятель ворвался внутрь крепости, защитники сами взорвали большой пороховой погреб. Под развалинами упавших зданий погибли и русские, и поляки. Защитники Смоленска, не желая отдаваться врагу, бросались в огонь. В Польше взятие Смоленска было отпраздновано с особым торжеством, которое продолжалось несколько дней. Римский папа даже объявил, что отпустит грехи всем, кто посетит в Риме церковь в честь св. Станислава, считавшегося «покровителем» Польши.

Швеция, воспользовавшись ослаблением Русского государства, стала расширять интервенцию. После сражения под Клушином шведы заняли все побережье Финского залива. В июле 1611 г. они овладели крепостью (острогом) на Софийской (левой) стороне Новгорода. После этого они принудили Новгород заключить договор об образовании под властью шведской короны особого Новгородского государства. Предполагалось, что в Новгороде будет посажен «государем» один из сыновей шведского короля. Это должно было положить начало полному присоединению северо-западных русских земель к Швеции.

Распад первого ополчения, однако, не привел к ослаблению народной борьбы. Наоборот, в то время как под Москвой происходило полное разложение остатков ополчения, в Нижнем-Новгороде образовывался новый центр народной борьбы с польским господством.

Нижний-Новгород был одним из самых богатых и многолюдных городов среднего Поволжья. Экономически он был связан со всей волжской речной системой, для которой являлся главным торговым центром. Нижегородский посад насчитывал до 2 тысяч дворов. Этим объясняется политическая роль Нижнего-Новгорода, не пострадавшего от поляков, но находившегося под угрозой разделить участь других разоренных городов.

Движение в Нижнем-Новгороде в пользу образования нового ополчения, начавшееся осенью 1611 г., выдвинуло замечательного организатора народных сил в лице земского старосты Кузьмы Минина-Сухорукова. Кузьма Минин принадлежал к посадскому населению и занимался мясной торговлей. Будучи земским старостой, Кузьма Минин не позже середины сентября выступил с обращением ко всем посадским людям: «Будет нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов своих, да не только животов своих, ино не пожалеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать». Пример патриотической жертвы подал сам Минин, который, по свидетельству одного писателя первой половины XVII в., «мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив пред всеми на строение ратных людей». Этому примеру последовали многие другие. По

предложению Минина нижегородцы составили приговор, что им всем быть «послушными и покорливыми» и давать деньги ратным людям. Помимо добровольных пожертвований, был установлен обязательный сбор, причем нижегородцы дали Кузьме Минину право «страх на ленивых налагати» и продавать дворы укрывающихся плательщиков. Организация ополчения, требовавшая крупных расходов, сразу была поставлена на прочное материальное основание.

По предложению Кузьмы Минина выбор военачальника пал на князя Д. М. Пожарского. Князь Пожарский принадлежал к измельчавшему и обедневшему роду стародубских князей. Начав службу в качестве стольника, Пожарский выдвинулся во время борьбы с поляками при царе Василии Шуйском. В те годы, когда политическая неустойчивость охватила даже близкую к царю княжескую знать, Пожарский ни разу не обнаружил «шатости». В борьбе с поляками он выказал необычайные военные способности. Этим объясняется его большая популярность среди посадского населения. Раненый в бою с поляками в Москве во время подхода первого ополчения, Пожарский лечился в своей родовой вотчине в Суздальском уезде. По приглашению нижегородцев князь Д. М. Пожарский стал воеводой народного ополчения.

Грамоты из Нижнего-Новгорода с призывом подняться на общее дело быстро распространялись среди поволжских городов. Одними из первых на этот призыв откликнулись мелкие смоленские и другие помещики, изгнанные поляками из родных мест. Затем поднялись города верхнего бассейна Волги.

Таким образом, зародившееся в Нижнем-Новгороде ополчение постепенно становилось общенародным делом. Ближайшая цель ополчения сводилась к освобождению страны от иноземных захватчиков. Об этом ясно говорили грамоты, рассылавшиеся из Нижнего-Новгорода: «...быти всем нам православным христианам в любви и в соединении, и прежнего межусобства не счинати, и Московское государство от врагов наших, от польских и от литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати».

Общая обстановка не позволила, однако, начать поход непосредственно к Москве. Польский гарнизон в Москве был усилен подходом новых пополнений. Движение на Москву по местности, в которой еще бродили польские отряды, представляло большую опасность. Кроме того, не была выяснена позиция казацкого войска, стоявшего «табором» у стен столицы во главе с Заруцким и Трубецким. Бояре, сидевшие в Москве с поляками, узнав о сборе нового ополчения, разослали грамоты, требуя присяги на имя королевича Владислава. Между тем различные города, преимущественно верхнего Поволжья, сами стали обращаться за помощью в Нижний-Новгород против польских шаек, рыскавших в

поисках продовольствия, а также и тех казаков, которые не примкнули к ополчению. Когда казаки Заруцкого пытались занять Ярославль, то из Нижнего-Новгорода был послан отряд, который при содействии самих ярославцев освободил город.

В конце марта в Ярославль прибыли главные силы нижегородского ополчения. Эта остановка, занявшая около 4 месяцев, имела большое значение. В Ярославле была закончена организация военных сил ополчения и был образован временный «Совет всей земли», нечто вроде Земского собора. В отличие от первого ополчения, состав второго ополчения охватывал все основные слои населения, за исключением высшей феодальной знати. Военное ядро ополчения составляло лучше организованное и вооруженное мелкое дворянство. Крупную роль играли посадские люди; с течением времени в ополчение стали вливаться казаки. В ополчении участвовали и крестьяне, не только русские, но и другие—татары, марийцы. В «Совете» ополчения в отличие от обычного состава Земских соборов высшее духовенство и боярство играли крайне ничтожную роль (было, повидимому, только четыре «думных чина»). Огромное большинство «Совета» принадлежало к составу мелкого провинциального дворянства и посадского населения. Не исключена возможность участия в «Совете» крестьян дворцовых и черных (государственных) волостей. Таким образом «Совет», представлявший собою правительство нижегородского ополчения, в отличие от Земского собора, был лишен высшей феодальной верхушки.

В летние месяцы 1612 г. обширный край Замосковья, до Волги включительно, был почти полностью освобожден от поляков и враждебных ополчению казацких отрядов. Огромное значение при этом имела партизанская война, которая ставила польские силы под угрозу жестокого голода и способствовала их деморализации. Участник польской армии Маскевич рассказывает, как зимой 1612 г. польский отряд стоял на Волге около деревни Родня, крестьяне которой занимались в качестве промысла приготовлением квашеной капусты. Эта капуста очень понравилась полякам: «Мы не могли досыта наесться ею, но за эту вкусную капусту мы заплатили своими боками». Крестьяне неожиданно напали на польский отряд и захватили все оружие. Шляхтичи с трудом спаслись в поспешном бегстве. Маскевич приводит и другой не менее характерный рассказ: в марте польский отряд получил приказ со съестными припасами пробиться к Москве. Под Можайском, в одной деревне, шляхтичи поймали старика-крестьянина и заставили его быть проводником. Не зная местности, не имея карт, поляки боялись заблудиться и попасть в Волоколамск, где уже стояли ополченцы. Старик-крестьянин ночью умышленно повел поляков на русский отряд. Лишь случай спас поляков от гибели. Проводнику отсекли голову, «но страха нашего никто не вознаградит», — вспоминает Маскевич. Примеров подобного героического самопожертвования безвестных, простых людей, от-

дававших свою жизнь ради защиты родины, было много. На этой почве сложилась легенда об Иване Сусанине. Основой легенды является действительный случай, весьма напоминающий гибель проводника, описанный Маскевичем. Иван Сусанин был крестьянином села Домнина, Костромского уезда. Поляки в 1613 г. требовали от него указать, где находятся русские люди и только-что избранный царь Михаил Романов. Несмотря на то, что старика Сусанина пытали «великими немерными муками», он, зная местопребывание русских, отказался сообщить какие-либо сведения полякам, которые замучили его до смерти.

После освобождения от поляков и враждебных казацких отрядов верхнего Поволжья и территории, лежавшей на юг от Волги, вожди ополчения послали отряды для занятия окских городов. Благодаря этому Москва одновременно охватывалась с севера и с юга. По мере усиления народного ополчения положение казацких таборов под Москвой становилось все более и более тяжелым. Это заставило Трубецкого и Заруцкого обратиться к вождям ополчения в Ярославль с предложением объединиться. Чтобы подкупить Пожарского, ему предлагали богатые села в Костромском уезде. Пожарский отказался от этого подарка. Дальнейшие события показали, что вожди подмосковного казачества действовали неискренно. Во второй половине июля в Ярославле было произведено покушение на Пожарского, организованное, повидимому, Заруцким.

В Польше были очень встревожены теми размерами, которые приняла борьба русского народа. На помощь польскому отряду, засевшему в Москве, был отправлен новый сильный отряд с продовольствием под начальством гетмана Ходкевича. Известия о нем заставили Пожарского и Минина немедлено двинуться к Москве. Первый отряд из Ярославля прибыл к Москве 24 июля и стал отдельно от казаков у Петровских ворот, построив там укрепленный острожок. В августе стали прибывать новые части. Заруцкий, убедившись в твердости политики «Совета» народного ополчения, пытался завести сношения с Ходкевичем, но был разоблачен перед казаками, которые возмутились его предательством. В конце июля он ушел на юг от Москвы, уводя с собой около половины бывших с ним казаков. Остальная половина осталась вместе с казаками Трубецкого.

Главные силы ополчения выступили из Ярославля к Москве в конце июля. Когда Пожарский находился недалеко от Переяславля-Залесского, к нему прибыл немец Яков Шав, сообщивший о прибытии отряда наемников в Архангельск. В ответ на предложение помощи со стороны этого наемного отряда, продававшего свое оружие, Якову Шаву было сказано, что «все Московское государство учинилось в соединении и против польских и литовских людей стали все и стали единомышленно и бьемся... за свое отечество без жалованья... и, чаючи милости божией, оборонимся от польских людей сами Российским государством и без наемных

людей». В заключение предлагалось иностранцам-наемникам в Московское государство не приезжать и «тем себе убытку не делать».

Недалеко от Москвы в ополчении были получены сведения о приближении по Можайской дороге Ходкевича со свежими польскими войсками. 19 августа главные силы ополчения сделали последнюю остановку на реке Яузе. Здесь велись переговоры с представителями Трубецкого, который уговаривал вождей ополчения присоединиться к казачьим таборам в Замоскворечье, но получил решительный отказ. Помимо недоверия к казакам, место, занятое Трубецким, совершенно не годилось для обороны Москвы, так как находилось в стороне от можайской дороги. На следующий день главные силы ополчения с утра подошли к Москве и заняли линию вдоль стен «Белого города» — от Никитских ворот до Москва-реки. Минин и Пожарский остановились у Арбатских ворот. Укрепившись на этой позиции, ополченцы преградили путь Ходкевичу, которого ждали со стороны Поклонной горы, т. е. от Можайска. Ходкевич начал подходить к Москве на следующее утро.

22 августа Ходкевич с утра переправился через Москва-реку возле Новодевичьего монастыря и подошел к Чертольским воротам (площадь строящегося Дворца Советов). Трубецкой, стоявший в Замоскворечье, попросил у Пожарского несколько конных сотен. Пожарский тотчас послал ему пять лучших сотен казаков. После переправы у Чертольских ворот Ходкевич всеми силами набросился на ополченцев Пожарского. Несмотря на то, что ожесточенное сражение продолжалось около семи часов, Трубецкой оставался пассивным зрителем. В его «таборе» с насмешкой говорили об ополченцах: «богати пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана».

Важным преимуществом Ходкевича являлись его кавалерийские, хорошо вооруженные части, которым не могла противостоять конница Пожарского. Пожарский, как опытный воевода, во-время оценил преимущества неприятеля и приказал своим воинам сойти с коней и биться пешими. Тогда казачьи сотни, посланные Пожарским Трубецкому, увидев трудное положение ополченцев, сами пошли к ним на помощь, не спрашивая разрешения начальников. К ним также самостоятельно присоединились некоторые атаманы Трубецкого. Они кричали Трубецкому, что «в вашей нелюбви к Московскому государству и ратным людем пагуба становится». К концу дня Ходкевич с большим уроном был отброшен. На месте сражения было подобрано и закопано больше тысячи трупов. Ночью примерно 600 гайдукам при помощи русского изменника удалось проникнуть в Кремль и усилить польский гарнизон. На следующий день обе стороны готовились к возобновлению сражения. Пожарский перевел часть ополчения на правый берег реки. 24 августа с утра Ходкевич напал на ополченцев в Замоскворечье. После упорного боя Ходкевичу удалось на этом участке опрокинуть ополченцев. Между тем Трубецкой продолжал бездействовать

и даже отошел несколько назад, что позволило полякам занять очень важное место у церкви Климента. Тогда Авраамий Палицын, келарь Троицкого монастыря, отправился в казацкие таборы и добился согласия казаков принять участие в сражении, пообещав отдать драгоценную монастырскую казну. Одновременная атака казаков и ратников Пожарского на польский острожок у церкви Климента закончилась полным успехом, и почти весь гарнизон был перебит, одних венгров было убито до 700 человек; опасность прорыва в Кремль со стороны Замоскворечья была предотвращена.

Под вечер этого дня Кузьма Минин пришел к Пожарскому и стал просить у него людей. Пожарский ответил: «емли ково хощеши». Минин взял несколько сотен, переправился с ними через Москва-реку и напал с фланга на польские конные и пешие роты. Неожиданное нападение вызвало среди поляков большую панику, они не выдержали и побежали к своему лагерю. Успешный натиск Минина стал сигналом к общему наступлению: «пошли тиском» к польскому лагерю. Теснимый ополченцами, Ходкевич «в великой ужасти» отошел к Донскому монастырю, где его отряд стоял всю ночь, не слезая с коней. На следующий день Ходкевич не решился на возобновление попытки прорваться в Кремль. Вскоре он отошел от Москвы — «срама же ради своего прямо в Литву поидоша».

С уходом Ходкевича участь польского гарнизона в Москве была решена. Победа Минина и Пожарского в сражении с лучшими польскими войсками высоко подняла авторитет вождей ополчения. Трубецкому не оставалось другого выхода, как присоединиться к ополчению. Поляки, сидевшие за стенами Китай-города и Кремля, оказались в замкнутом кольце осады. Среди польского гарнизона начался голод. 22 октября штурмом была взята китай-городская стена. Остатки польских войск отступили в Кремль. Однако они не могли больше сопротивляться и через несколько дней сдались вождям ополчения.

26 октября 1612 г. ополченцы вступили в Кремль. Москва была освобождена.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО в XVII веке

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII века

Избрание новой династии. Освобождение Москвы от поляков укрепило положение народного ополчения, во главе которого стояли князь Д. М. Пожарский, Кузьма Минин и князь Д. Т. Трубецкой. Однако общее положение в стране оставалось очень тревожным. Большая часть дворян, находившихся в ополчении, стала постепенно разъезжаться по своим поместьям. Поэтому главной силой в Москве оказались казаки князя Д. Т. Трубецкого. Польские войска стояли под Вязьмой. В начале ноября 1612 г. король Сигизмунд со свежими войсками доходил до Волоколамска, но не решился продолжать наступление на русскую столицу. На северо-западе хозяйничали шведы, которые старались провести на московский престол королевича Карла Филиппа. Во многих местах бродили казачьи отряды, не признававшие правительства народного ополчения.

Важнейшей задачей правительства народного ополчения было восстановление государственной власти и государственного единства. Государственная организация могла быть восстановлена лишь в старой форме — феодальной монархии. Эту задачу должен был выполнить Земский собор, которому предстояло избрать царя и, таким образом, положить начало новой династии. Грамоты о созыве Земского собора были разосланы правительством ополчения в ноябре 1612 г. Заседания собора, одного из самых больших и полных по числу участников, открылись в январе 1613 г. На соборе было представлено не менее 50 городов с уездами. Бояре, сидевшие при польском господстве в Москве, были удалены из столицы и не могли оказать влияния на деятельность собора. В отличие от других земских соборов XVI—XVII вв. в нем была слабо представлена верхушка феодального класса, но зато участвовали казаки, черносошные (государственные) крестьяне и стрельцы.

Вопрос об избрании нового царя обсуждался в течение многих дней в очень горячей обстановке. По словам летописца: «По многих дни бысть собрании людям, дела же устроить не могут и всуе мятутся семо и овамо». Бояре старались выдвинуть кандидата из иностранных принцев, т. е. прежде всего королевича Владислава или шведского принца Карла Филиппа. Однако это встретило противодействие со стороны громадного большинства собора, который

в самом начале принял решение выбирать царя не из иностранцев, а из «русских родов». Другими возможными кандидатами были представители старых княжеских фамилий—князь Мстиславский, князь Голицын и др. Кандидатуры княжеской и боярской знати также не нашли поддержки со стороны дворянской и казачьей части собора. Кроме того, крупные вельможи не могли столковаться друг с другом. Казачество сделало попытку выдвинуть сына Марины Мнишек и Лжедимитрия II, «воренка», но и эта кандидатура была решительно отвергнута дворянством. Интересы различных групп собора больше всего сошлись на сыне Федора Никитича Романова (патриарха Филарета) — Михаиле Романове. Романовы не принадлежали к той княжеской знати, с именем которой были соединены представления об олигархической политике времени Василия Шуйского. В то же время Романовы были связаны родственными отношениями с прежней династией. Наконец, Романовы были хорошо известны в дворянской и казачьей среде, между прочим, и в Тушинском лагере, где Филарет Никитич находился в качестве «нареченного» патриарха.

Было еще одно обстоятельство, действовавшее в пользу Михаила Романова. Шестнадцатилетний, неопытный в политических делах, юноша Михаил не мог угрожать боярству сильной самодержавной властью. Наоборот, придворная знать имела все основания надеяться, что при слабовольном и болезненном царе она займет очень влиятельное положение. Таким образом, кандидатура Михаила Романова была поддержана по различным основаниям самыми влиятельными группами Земского собора. Окончательные выборы состоялись 21 февраля 1613 г. Летом этого же года состоялось венчание Михаила Романова на царство.

Царь Михаил Федорович не обладал ни самостоятельностью, ни волей. Всю жизнь он страдал какой-то болезнью — «скорбел ножками». По его собственным словам, его «до возка и из возка в креслах носят». Существует предположение, основанное на свидетельстве некоторых источников, что придворная знать взяла с Михаила особую ограничительную запись, подобную той, которую дал боярам царь Василий Шуйский. Ограничительная попытка бояр при вступлении на царство Михаила Федоровича была вполне возможной.

При слабовольном царе прежде всего выделилась близкая родня Романовых, получившая разные правительственные должности. Она возглавлялась матерью царя, «великой старицей Марфой», и его дядей Иваном Никитичем Романовым. За ними спешили к власти представители прямых и побочных линий, родственники и свойственники: Салтыковы, Шереметевы, князья Черкасские и др. Весь этот «романовский кружок», добравшийся до власти, прежде всего старался удовлетворить свои личные интересы. По словам голландца Исаака Массы, «если останется в теперешнем положении, долго продлиться не может» (т. е. можно было ожидать восстания).

Восстановление государственного единства. Перед новым правительством стояла трудная и сложная задача по восстановлению государственного единства и государственной власти. В первые годы действие романовского правительства фактически простиралось далеко не на все государство. Одной из первоочередных задач правительства была ликвидация бродивших по стране казачьих отрядов. Самую большую опасность среди них представлял Иван Заруцкий.

Еще до подхода народного ополчения Заруцкий с частью казаков через Коломну ушел за линию Оки. В Коломне он захватил Марину Мнишек с ее маленьким сыном от Лжедимитрия II, которого современники в отличие от «вора» — отца — называли «воренком». Преследуемый московскими войсками, Заруцкий ушел затем за Дон и засел в Астрахани. Здесь он сделал попытку найти поддержку у ногайских татар и у персидского шаха. Документы, относящиеся ко времени астраханского сидения Заруцкого, показывают, что он стал именоваться царем Димитрием Ивановичем, т. е., следуя своим предшественникам, обратился в нового Лжедимитрия, а «воренок» превратился в «царевича Ивана Дмитриевича». Заруцкому, однако, не удалось удержаться в Астрахани. Изгнанный из города населением, он вместе с Мариной и ее сыном бежал на Яик. Там яицкое казачество выдало Заруцкого и Марину с «воренком» московскому правительству. «Воренок» был повешен, а Марина Мнишек окончила свою жизнь в одной из башен Коломенского кремля.

Еще более трудным было положение на северо-западной границе страны, где хозяйничали шведы. Шведский король Густав Адольф не ограничивался уже требованием признать его брата, Карла Филиппа, государем Новгородской земли, а стремился к тому, чтобы Карл Филипп стал царем всего Московского государства. Летом 1613 г., когда в Москве уже образовалось романовское правительство, королевич Карл Филипп приехал в Выборг. Новгородцы согласно заключенным ранее условиям принуждены были послать к нему посольство, которое приглашало королевича сесть на царство в Новгородском государстве. Шведы настаивали на признании Карла Филиппа царем всего Московского государства. Между тем на территории, захваченной шведами, поднялось народное движение против шведской власти. Тогда шведы сделали попытку заставить Новгород присягнуть новому королю, но встретили решительное сопротивление новгородцев, которые говорили уполномоченным короля, что они не отделятся от Русского государства: «Никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен особно не бывал». Готовясь к борьбе, новгородцы дали друг другу обещание — крепко стоять за русские земли. По свидетельству одного документа, они все «с женами и с малыми детьми причастилися и к смерти было изготовилися». Продолжая переговоры с шведским королем, новгородцы в то же

время отправили посольство в Москву с просьбой освободить Новгородскую землю от шведов.

В течение нескольких лет борьба со шведами ограничивалась главным образом районом Тихвина. Последний был освобожден от шведского отряда при помощи местного населения и гарнизона. В июле 1615 г. король Густав Адольф осадил Псков, но не мог им овладеть. Между тем война со Швецией нарушала торговые интересы Англии, которая была заинтересована в восстановлении экономических и политических связей с Московским государством. Поэтому англичане взяли на себя посредничество в деле заключения мира. В 1617 г. в Столбове (вблизи Тихвина) был заключен мирный договор, по условиям которого Швеция возвратила Московскому государству Новгородскую область, но удержала территорию от восточной части побережья Финского залива до Ладожского озера, на которой находились старые русские города: Ям, Копорье, Орешек, Корела, Кексгольм. Московское государство должно было уплатить Швеции 20 тыс. рублей серебром. Таким образом, Россия оказалась совершенно отрезанной от Балтийского моря. В Швеции торжествовали. Король Густав Адольф, выступая на сейме по случаю заключения мира, отметил особое значение для Швеции захвата юго-восточного побережья Балтийского моря: «Русские — опасные соседи, границы земли их простираются до Северного, Каспийского и Черного морей; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города. Они могут выставить в поле большое войско. А теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить в Балтийское море. Большие озера Ладожское и Пейпус (Чудское), Нарвская область, 30 миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море — и бог даст — русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Одновременно с войной против Швеции продолжалась борьба с Речью Посполитой. Потери, понесенные во время интервенции, и недостаток средств не позволяли Сигизмунду III предпринять новый поход на Москву. Неудачи в России значительно понизили воинственное настроение шляхты, к тому же требовавшей выплаты жалованья. Не помогла королю и раздача награбленных в Москве драгоценностей. Поэтому военные действия в первые годы после освобождения Москвы ограничивались порубежными столкновениями. Но польское правительство не хотело заключать мира и тянуло бесконечные переговоры, попрежнему настаивая на признании Владислава московским царем. На польские угрозы московские послы отвечали: «Московского государства людям те грозы не страшны, все ратные люди великого Московского государства и всех государств Российского царствия в сборе и против вас давно готовы все головами своими». Только в 1617 г. королевич Владислав, получив единодушное согласие сейма, отправился

в новый поход для завоевания московского престола. Перед выступлением он заключил договор со своим отцом, польским королем, по которому обязывался отдать Польше большой кусок русской территории. Осенью 1618 г. польские войска с Владиславом появились в окрестностях Москвы. В ночь на 1 октября поляки дошли до Арбатских ворот и сделали попытку овладеть стенами Белого города, но были отброшены при участии населения столицы. Опустошая окрестности Москвы, королевич Владислав отошел к Троице-Сергиевскому монастырю, но также был отбит от его укрепленных стен.

Эта неудача заставила польских уполномоченных в селе Деулине (в 2 верстах от Троице-Сергиевского монастыря) заключить перемирие на 14½ лет. Польша удерживала все свои завоевания — Смоленскую и Северскую области. Королевич Владислав не отказался от притязаний на московский царский престол. Был произведен обмен пленных.

Таким образом, к 1618 г. было восстановлено государственное единство, за исключением земель, отошедших к Швеции по Столбовскому миру и оставшихся под властью Речи Посполитой по Деулинскому перемирию.

Разорение страны. В результате крестьянской войны и действий интервентов страна находилась в состоянии сильного экономического разорения. Оценивая это состояние, современники обычно называли его «великим московским разорением» в отличие от других, менее значительных, неоднократно поражавших русские земли. От войны очень пострадала центральная часть государства, которая была ареной действий польских и тушинского отрядов. Еще сильнее были ими разорены западная и южная окраины страны. Разорение почти не коснулось северных частей Поморья и едва затронуло восточные области Среднего Поволжья. На месте сотен сел и деревень оставались только следы их существования в виде пожарищ. В уцелевших поселениях более или менее значительная часть дворов была брошена владельцами. Одни из них были побиты «литвой», другие разбежались, третьи, обнищав, «ходили по миру». За счет сокращения пашен увеличились перелоги, необработанные поля покрывались кустарниками. Таковы были внешние признаки разорения, которые по своим размерам не уступали хозяйственному упадку 60—70-х годов XVI в. Например, в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря оставалась лишь десятая часть населения, а крестьянские пашни сократились в несколько десятков раз. В общем в местах, затронутых разорением, произошло значительное сокращение запашки, приходившейся на один крестьянский двор. Одним из последствий обнищания сельского населения было превращение части пашенных крестьян в непашенных бобылей. Бобыли или совсем не имели пашни или владели такой сокращенной запашкой, что не могли нести тягла — обязанностей крестьянской общины. Поэтому обедневший крестьянин отрывался от своей общины, выходил из ее тягла, а иногда

и полностью отрывался от сельского хозяйства. Таким образом, в начале XVII в. рост числа бобылей был признаком хозяйственного разорения. В дальнейшем часть бобылей втянулась обратно в сельское хозяйство, другая — перешла к занятиям мелкими промыслами и торговлей.

Восстановление государственной системы. В разрешении очень трудных вопросов внутренней и внешней политики правительство Михаила Романова должно было опереться на помощь и согласие всех основных групп господствующих классов. Это вызвало усиленную деятельность земских соборов. В течение XVI в. земские соборы собирались только два раза — в 1566 г. и в 1598 г.; в первое десятилетие после воцарения Михаила Романова Земские соборы действовали непрерывно. Первый, так называемый избирательный Земский собор не расходился в течение трех лет. Затем состав собора был изменен. Земские соборы занимались главным образом двумя группами вопросов: изысканием финансовых средств для пополнения государственной казны и внешними отношениями. Помимо увеличения всех прямых поземельных налогов, правительство с согласия Земского собора несколько раз собирало чрезвычайные сборы в определенном проценте с движимого и недвижимого имущества, с торговых и промышленных людей. В зависимости от размеров этих отчислений собиралась пятая деньга (20 проц.), десятая деньга (10 проц.), двадцатая деньга (5 проц.). Общее наименование этих сборов было «пятинные деньги». За время 1613—1619 гг. пятинные деньги собирались семь раз.

Деятельность Земских соборов замерла в 1619 г. и прекратилась к 1622 г. Государственная власть достаточно окрепла к этому времени и перестала нуждаться в постоянной помощи представителей феодального класса. Во главе верховной власти стал отец царя Михаила Романова, вернувшийся из плена патриарх Филарет (Федор Никитич).

В молодости Федор Никитич Романов был одним из самых сильных конкурентов Бориса Годунова в борьбе за царскую власть. После победы Годуновых Филарет Никитич оказался в монастыре и еще в молодых годах постриженный в монахи превратился в «старца» Филарета. Почти 13 лет «старец» Филарет жил в монастырском уединении, которое закончилось для него с появлением в Москве Лжедимитрия I. В последующие годы Филарет играл крупную роль в качестве «нареченного» (объявленного, но не утвержденного) патриарха Тушинского лагеря. Филарет, обладавший, по общему мнению современников, большой волей, приобрел и крупный политический опыт. Почти 10-летнее пребывание в польском плену также оказало влияние на сложение политических взглядов патриарха. Повидимому, в Польше он познакомился с порядками тех стран, в которых утвердился абсолютизм. Таким образом, богатые жизненные впечатления и политический опыт, почерп-

нутые в борьбе за московский престол, были дополнены историческими представлениями и теорией раннего абсолютизма. По возвращении на родину Филарет Никитич был объявлен главой русской церкви — патриархом. Фактически он заслонял ничтожную фигуру своего сына. По словам одного современника, Филарет был «нравом опальчив и мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его».

Существует рассказ, что однажды Филарет, рассердившись на сына, несмотря на его царский сан, отшлепал его при боярах по щекам. Не довольствуясь титулом святейшего патриарха, Филарет присоединил к нему и титул «великого государя». Таким образом, появилось как бы два великих государя. Хотя имя царя Михаила Романова писалось впереди отца, но действительная власть находилась не в руках коронованного царя, а в руках «старца». Все дела докладывались царю и патриарху. Грамоту писали от их имен, послы представлялись обоим, подарки подносились также обоим и т. д. По свидетельству современника, Филарет «всеми царскими делами и ратными владел». Филарет за годы своего правления много сделал для дальнейшего укрепления централизованного государственного аппарата, расстроенного в годы крестьянской войны и борьбы с польскими и шведскими интервентами.

Прочность восстановленной государственной системы, как и самой династии, в значительной мере зависела от приведения в порядок вотчинного и поместного землевладения и от удовлетворения основных требований служилого дворянства.

Одним из результатов крестьянской войны была большая путаница в земельных отношениях. Каждое правительство, существовавшее в это время, старалось привлечь на свою сторону дворянство, раздавало земли в вотчины и поместья. В некоторые годы земли раздавались одновременно несколькими правительствами. В 1611—1612 гг. земли раздавались по крайней мере четырьмя правительствами: от имени Владислава в Москве, польским правительством Сигизмунда в Смоленске, в шведском лагере в Новгороде и русским правительством «всей земли» в ополчении Пожарского. Среди служилых людей было много таких, которые ухитрялись получать пожалования от нескольких правительств. Современники называли эти пожалования «шишиморством» (плутовством). Помимо центрального правительства, земли раздавались боярами и воеводами. Наконец, во время фактического распада государства дворяне сами захватывали земли. Таким образом, вопрос об урегулировании поземельных отношений был неотложным и сложным делом. Законными были признаны пожалования царя Василия Шуйского, подтверждались раздачи земель при воеводах первого и второго ополчений и московского правительства до избрания царя Михаила Романова. Впоследствии были узаконены и раздачи, произведенные тушинским правитель-

ством. Безусловно отвергались (а земля конфисковывалась) пожалования Владислава и Сигизмунда. Дворяне, участвовавшие в освобождении Москвы, требовали награждений и новых земельных пожалований, так как многие поместья оказались пустыми и выжженными. Все эти обстоятельства привели к широкой раздаче земель в поместья и в вотчины, причем в раздачу пошли как свободные земли, так и конфискованные и дворцовые.

Если в XVI столетии развитие феодального землевладения происходило за счет численного роста поместных владений, то после окончания крестьянской войны наблюдалось обратное соотношение. Правительство Михаила Романова раздавало земли главным образом в вотчины.

Запутанность земельных отношений сопровождалась не меньшей запутанностью и в отношениях крестьян к своим владельцам. Во время крестьянской войны значительная часть крестьян бросила своих владельцев. Жестокое разорение способствовало дальнейшему передвижению крестьян. Кроме того, при недостатке рабочей силы землевладельцы вели борьбу друг с другом за крестьян, во время которой страдали главным образом мелкие помещики, в особенности если поблизости от них находились крупные владения.

В 1624—1626 гг. было произведено общее описание всех земель. Писцы должны были проверить землевладельческие права и установить военные обязанности вотчинников и помещиков. Это описание, отражавшее все изменения, происшедшие в первой четверти XVII столетия, было главным документом для установления зависимости крестьян.

После воцарения Михаила Федоровича для розыска беглых крестьян применялся пятилетний срок. В некоторых случаях, по особому царскому пожалованию, например, во владениях Троицкого монастыря, срок розыска повышался до 9 и даже до 11 лет. С конца 30-х годов XVII в. дворяне начинают настойчиво подавать коллективные заявления о повышении времени розыска. Первое заявление было подано в начале 1637 г. Провинциальные дворяне жаловались на «московских сильных людей всяких чинов, которые отвозят их беглых крестьян в свои дальние поместья и вотчины». Между тем провинциальные дворяне в течение 5 лет не в состоянии были разыскать своих беглых крестьян, тем более, что большую часть этого времени они находились на государевой службе. Дворяне жаловались также на «московскую волокиту», так как не могли добиться скорого суда по крестьянским вопросам. «И мы, холопи твои, — писали дворяне, — влачимся за судными делами на Москве в приказе лет по пяти и по десяти и побольше, и по тем судным делам нам указу нет, и мы с московские волокиты в конец погибли». В том же 1637 г. последовал царский указ об увеличении срока розыска беглых крестьян до 9 лет.

В 1641 г. дворяне подали новую челобитную, основным содержанием которой был также крестьянский вопрос. Они просили совсем отставить урочные годы, т. е. сделать розыск крестьян бессрочным, отдавать крестьян по писцовым книгам и описям. Подача этой челобитной сопровождалась далеко не мирным выступлением дворян. Один из участников, находившийся на службе в Москве, в письме изобразил подачу дворянского челобитья как военный бунт. «Смешение стало великое, — писал он. — Шла мирская молва про бояр, что боярам от земли быть побитыми». На эту челобитную последовал царский указ, по которому урочные годы для беглых крестьян были увеличены до 10 лет, а для вывезенных другими помещиками — до 15 лет. Постепенное удлинение срока для разыскивания беглых крестьян подготовило полную отмену «урочных» лет, т. е. установление бессрочного сыска.

Смоленская война. Укрепление всей государственной системы позволило к началу 30-х годов поднять вопрос о русских землях, захваченных Речью Посполитой. Несмотря на заключение Деулинского перемирия, польская шляхта продолжала нападать на порубежные земли. Вопрос о защите русских границ и войне с Польшей обсуждался на Земском соборе в 1621 г. Был выдвинут проект союза против Речи Посполитой с Турцией и со Швецией. Однако этот союз не состоялся. Поход турецкого султана в самом начале кончился неудачей, а шведский король Густав Адольф, взяв Ригу, заключил с поляками перемирие. После этого московское правительство стало деятельно готовиться к самостоятельной борьбе за отторгнутые русские земли.

Главная задача в подготовке к войне заключалась в реорганизации и усилении московской армии. Войны начала XVII в. в Западной Европе принесли крупные изменения как в технике военного дела, так и в способах ведения войны. Московская армия с плохо сколоченными дворянскими отрядами, имевшими устаревшее и разнообразное вооружение, в военном отношении уступала западноевропейским войскам. Поэтому было решено призвести вербовку за границей офицеров и солдат. Всего предполагалось организовать 4 «немецких» полка. Кроме того, под начальством иностранцев, но из русских солдат, были сформированы по западноевропейскому образцу 6 пехотных и один конный полк.

Весной 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III. Началось обычное бескоролевье, всегда осложнявшее политическое положение в стране. Поэтому московское правительство, не дождавшись на несколько месяцев срока окончания Деулинского перемирия, решило начать военные действия. Во главе московской армии, отправившейся под Смоленск, был поставлен воевода М. Б. Шеин. Как показали дальнейшие события, это назначение было неудачным: боярин Шеин не обнаружил ни военного таланта, ни решительности. Русская армия, начавшая поход к Смоленску осенью 1632 г., двигалась крайне медленно: за три месяца было пройдено

всего 384 версты; войско подошло к крепости только в середине декабря, когда прошло благоприятное время для осады и штурма крепости. Между тем поляки, чтобы отвлечь внимание русских от Смоленска, организовали нападение на Северские земли, а крымские татары напали на южные уезды. Это вызвало в московской армии под Смоленском, где находилось много помещиков, необычайную тревогу. Многие дворяне, обеспокоенные за судьбу своих владений, самовольно бросали армию и уезжали домой. В начале 1633 г. королем в Польше был избран сын Сигизмунда III Владислав. Последний тотчас отправился с крупными силами на выручку осажденной крепости. Положение русской армии под Смоленском, оказавшейся зажатой между крепостью и подошедшими польскими войсками, было очень тяжелым. Полки, сформированные из иностранцев, которые по замыслу московского правительства должны были составлять основное военное ядро, оказались ненадежными. Не заинтересованные в защите русских земель, наемники искали выгодных для себя материальных условий, изменяли и переходили на сторону противника. Шеин не сумел воспрепятствовать окружению русской армии и согласился на капитуляцию. Русские войска вынуждены были отступить. При этом вся их артиллерия (около 120 пушек) и военные запасы достались полякам.

Наступление поляков было остановлено под небольшой крепостью Белая, защищавшейся гарнизоном, не насчитывающим в своих рядах и тысячи человек. Храбрый гарнизон на предложение поляков сдать крепость твердо ответил, что русские «сели на смерть», т. е. решили оборонять крепость до своей смерти. Полякам так и не удалось овладеть этой крепостью.

Летом 1634 г. между Московским государством и Речью Посполитой на реке Поляновке был заключен мирный договор. По его условиям Речь Посполитая сохранила за собой прежнюю территорию (за исключением города Серпейска с уездом). Владислав отказался от притязаний на московский престол, но получил за это 20 тыс. рублей. В Москве был произведен суд над Шеиным и другими воеводами, сдавшими полякам пушки и оружие. Шеин и его помощник были казнены.

Оборона южной границы. Смоленская война ясно обнаружила слабые стороны в организации обороны на южной окраине. После заключения мира с Польшей московское правительство произвело большие работы по укреплению всей южной границы. Были возобновлены старые укрепления, построены новые города, устроены засеки, валы и прочие оборонительные сооружения. В этот промежуток были построены города Козлов, Тамбов, Орел и др. Московская оборонительная линия проходила от верховьев рек Воронежа и Цны к верховью Донца. Благодаря этим укреплениям весь южный рубеж Рязанского уезда, а также и степные

пространства, лежавшие на юго-запад от него, оказались под защитой укрепленного района.

Оборона южной границы вызывала еще один важный вопрос — об отношении к донскому казачеству. Крестьянская война оказала большое влияние на положение донского казачества. Часть казаков осела в южных московских городках и впоследствии слилась с городовым дворянством. Другая часть ушла обратно на Дон. Эти казаки обычно говорили, что служат они «ни с поместий, ни с вотчин, только с воды и с травы». «Кормит нас молодцев,—говорится в повести об «Азовском сидении» (осады), — и поит Тихий Дон Иванович на поле водою свежею, и рыбами живыми, и зверьми дивиими (дикими)». Царское правительство опасалось казачества, которое продолжало увеличиваться за счет притока беглых с Руси, но в то же время старалось использовать казачьи силы для охраны южных рубежей. В этой политике царское правительство опиралось на высшие слои казачества, которые уже стали выделяться из рядовой казачьей массы. На Дон посылали царское жалованье, порох, свинец, сукна, холст, хлеб и т. д., а также и денежное жалованье. Эта посылка распределялась (дуванилась) преимущественно среди старого казачества Черкасского города. Не занимаясь сельским хозяйством, донское казачество экономически зависело от центральных уездов, откуда получало хлеб и другие необходимые товары. Казаки часто предпринимали грабительские нападения на соседние улусы крымских татар, ходили за добычей, за «зипунами», на Азовское море, а иногда на Волгу и на Каспийское море. Чтобы преградить путь казакам в Азовское море, турки укрепили Азов, который запирал Дон у самого устья. Весной 1637 г. большой отряд донских казаков, соединившийся с отрядом запорожцев, осадил Азов. Через несколько месяцев осады, после взрыва подкопа, крепость была взята. В ответ на это турки послали под Азов значительные войска, но отобрать его у казаков не смогли. С другой стороны, и казаки чувствовали, что одной казачьей силой не отстоять этой крепости. Тогда казаки обратились за помощью в Москву.

Вопрос об Азове обсуждался на Земском соборе 1642 г. За сохранение Азова и за войну с турками решительно высказалось лишь среднепоместное дворянство. Оно жаловалось на столичных московских дворян, которые, «будучи у государева дела, отяжелели и обогатели», а также на приказную администрацию. «Разбогатев мздоимством (дьяки и подьячие), покупали себе многие вотчины и построили себе многие дома, палаты каменные такие, что неудобь сказуемые, каких при прежних государях и у великородных людей не бывало». Однако воинственное настроение провинциального дворянства не было поддержано остальными группами Земского собора, ни «высокородными людьми», ни московским дворянством, ни купечеством. Поэтому московское правительство не решилось начинать войну с Турцией и отдало приказ донским казакам выйти из Азова.

Положение страны в конце царствования Михаила Федоровича. Последние годы царствования Михаила Федоровича проходили в условиях назревающих внутренних затруднений. После неудачной Смоленской войны правительство старалось восстановить расстроенный бюджет посредством нового увеличения прямых налогов. Самый крупный налог, «стрелецкие деньги», был за это время увеличен в несколько раз. Ухудшение экономического положения страны вновь с большой остротой подняло крестьянский вопрос. Крестьяне не выдерживали усиленных налогов и расходились. Разброд крестьян больше всего поражал среднее и мелкое дворянство, тогда как крупные землевладельцы находили возможность удержать основную массу крестьянского населения в своих владениях. Поэтому дворянство особенно настойчиво требовало увеличения срока сыска беглых.

Обострение всех противоречий в стране к концу царствования Михаила Федоровича грозило очень серьезным осложнением. Представитель Швеции в Москве в сообщениях своему правительству писал в 1645 г.: «Общественные дела так запущены, что ни царь, ни его советники не видят исхода. Царский канцлер (дьяк, заведывавший Посольским приказом) охотно даже покинул бы свой пост». Тот же шведский представитель ожидал в недалеком будущем восстания в Москве.

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ 1648—1650 годов

Начало царствования Алексея Михайловича. Прохворав всю свою жизнь, царь Михаил умер от водянки летом 1645 г. Его наследнику, сыну Алексею, исполнилось в то время 15 лет. Только в последние годы жизни отца царевич стал показываться народу. Подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин отметил в своем описании Московского государства, что царь Алексей Михайлович «бе зело тих». Поэтому будто бы бояре не взяли с него никакой записи и обязательства, какое взяли они с его отца царя Михаила. В буржуазной литературе давно сложился образ этого «гораздо тихого», мягкого и незлобивого царя. Современники, однако, иначе понимали «тихие» качества царя Алексея Михайловича. Боярский закладчик Савенко Корепин говорил в 1648 г. в Москве, что «государь-де молодой глуп, а глядит-де все изо рта у бояр, они-де всем владеют, а сам-де он, государь-то, все ведает и молчит, чорт-де у него ум отнял».

Ближайшим помощником молодого царя стал его наставник и воспитатель — «дядька», боярин Б. И. Морозов. По насмешливому выражению австрийского посла, хитрый наставник Морозов держал «по своему произволу скипетр, еще тяжелый для рук юноши». Во дворце Алексея Михайловича появилось великолепие, не свойственное жизни его отца, который предпочитал бесконечные, долгие и утомительные поездки по монастырям. Царь Алексей Михайлович любил различные церемониалы, пышные приемы ино-

странных послов, обильные угощения в праздничные дни, царские выходы, смотры войскам и т. д. Самой большой страстью царя, которую он ставил выше государственных забот, была соколиная охота. Царь Алексей, самостоятельно не написавший ни одного указа, написал целое наставление о соколиной охоте.

Главной заботой правительства Морозова было восстановление расстроенного бюджета. Усиленный сбор недоимок, проводившийся с большой жестокостью и настойчивостью в первые же годы царствования Алексея Михайловича, ясно обнаружил огромные размеры разорения уездного и посадского населения. Правительство в конце концов должно было признать неудачу своих усилий в выколачивании прямых налогов. Поэтому оно перешло к увеличению косвенного обложения. По указу 7 февраля 1646 г. был установлен большой соляной налог, в размере двух гривен с пуда соли. Правительство выражало уверенность, что при таком обложении никто не сможет избежать уплаты налога, так как соль необходима в пищу каждому человеку. Московским экономистам рисовался даже заманчивый проект — заменить все налоги одним большим соляным налогом.

Формально равное косвенное обложение било больше всего по малоимущим слоям населения, по посадской бедноте и крестьянам. В результате действия большого соляного налога резко сократилось потребление соли. На промыслах огромная масса рыбы не была во-время посолена и испортилась. Вздорожание цен еще больше ухудшило материальное положение неимущего населения. Правительство должно было сознаться в неудаче с введением большого соляного налога и отменило его в декабре 1647 года.

Налегая всеми мерами на платежеспособное посадское население, правительство Морозова в то же время старалось укрепить посадскую общину. Был произведен большой розыск, имевший целью пополнить посадскую общину путем возвращения разошедшихся из нее тяглецов. Одновременно правительство Морозова принимало меры к укреплению самой состоятельной части посада — его высшего купеческого слоя. В 1646 г. торговые люди подали обширную декларацию о своих нуждах, в которой просили ограничить торговлю иностранцев внутри страны. В том же году появился первый протекционный тариф, защищавший торговлю русских купцов от конкуренции иностранцев более высокими таможенными пошлинами на иностранные товары.

Одновременно с увеличением прямого и косвенного обложения правительство Морозова пыталось сократить расходный бюджет. При больших тратах царского двора экономию старались получить на расходах по приказам, стрелецкому войску и провинциальной администрации. Приказная бюрократия поспешила вознаградить себя усиленными взятками и поборами. Московские непорядки получили у современников меткое название: «московская волокита». Каждый шаг челобитчика в Москве сопровождался подношениями дьякам и подьячим, без которых челобит-

чик рисковал в хлопотах по приказам состариться или умереть. Как бы ни была велика «московская волокита» при Михаиле Федоровиче, но приказные нравы царя Алексея Михайловича оставляли далеко позади порядки предшествовавшего времени. Эту дикую разнузданность приказной бюрократии современники называли по имени одного из самых ярких ее представителей — начальника Земского приказа Леонтия Плещеева—«плещеевщиной». По словам голландца Адама Олеария, Плещеев нанимал негодяев для того, чтобы они доносили на честных людей, а затем притеснял оговоренных и брал с них взятки. Правительству Бориса Морозова не удалось восстановить экономический порядок внутри страны. Его мероприятия только усилили классовые противоречия.

Дворяне после смерти Михаила Федоровича сделали в 1646 г. еще одну попытку добиться отмены урочных лет. В ответ на их жалобу была произведена новая перепись, которая должна была послужить основанием для розыска беглых крестьян. Поэтому в этой переписи был подробно указан состав каждого крестьянского двора.

Классовые противоречия в городах. Движение среди городского населения, вылившееся в середине XVII в. в ряд волнений и восстаний, было результатом острых противоречий, вызванных экономическим развитием городов и ростом социальной диференциации внутри городского населения.

Тяжесть натуральных повинностей и денежных платежей падала не на все городское население, а только на посадскую общину. Правительство обычно устанавливало общую сумму налога, которая затем развертывалась внутри самой посадской общины между отдельными тяглецами. Мирские выборные должности (земские старосты и целовальники), от которых зависела эта разверстка, были захвачены «лучшими», или «прожиточными», людьми. Опираясь на свое общественное положение и на многочисленных зависимых людей, богатые люди перекладывали налоги на малоимущие слои посадского населения. Это же малоимущее население страдало от эксплоатации со стороны крупного купеческого и ростовщического капитала. В середине столетия существовали ясные признаки массового разорения и обеднения низших слоев посадского населения.

В работе «Крестьянская война» в Германии Энгельс дал характеристику городской оппозиции, которую он делит на две части: плебейскую и бюргерскую.

«Плебейская оппозиция состояла из разорившихся граждан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных зачатков люмпен-пролетариата, встречающихся уже на низших ступенях городского развития» *). Далее Энгельс указывает на то, что городская плебейская оппозиция состояла из очень сме-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 123.

шанных элементов, соединяя «... разложившиеся элементы старого, феодального и цехового общества с еще неразложившимся, едва намечающимся пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества...» *).

Методологические указания Энгельса по истории городских движений в Германии в начале XVI в. вполне приложимы к истории классовой борьбы в городах Московского государства второй половины XVII в., с учетом, разумеется, местных особенностей. Главное отличие заключалось в том, что в московских городах не существовало цехового устройства. Поэтому плебейские элементы города увеличивались не в результате разложения цехового строя, а в результате разорения самостоятельных мелких производителей — ремесленников. Часть их шла в кабалу к богатым торговым людям, часть — превращалась в посадскую «чернь», промышлявшую разной случайной работой. В современных документах они обычно носили название «ярыжек».

Разорение коснулось и некоторых слоев мелких служилых людей, занимавшихся промыслами и торговлей (стрельцы, пушкари и пр.). Поэтому их участие также заметно во всех более или менее крупных городских движениях XVII века.

Бюргерская оппозиция в германских городах начала XVI в. «...обнимала,—как указывает Энгельс, — богатых и средних горожан, а также, в зависимости от местных условий, и бо́льшую или меньшую часть мелких горожан» **). Основные требования заключались в контроле над городским управлением и в ограничении хозяйничанья патрицианских фамилий.

В московских городах главным объектом борьбы посадской общины с феодалами были земли и посадские тяглецы, которых феодалы селили в освобожденных от налогов своих владениях на городской территории. (Эти частновладельческие земли назывались «белыми» в противоположность «черной» посадской земле, а их владельцы, не платившие налогов, — «беломесцами»). Посадские тяглецы, чтобы избегнуть тяжелого обложения, отдавались под покровительство феодалов — беломесцев — и становились их «закладчиками». Они селились на «белых землях» или «обеляли» свои старые участки. Рядом с посадами, а иногда и внутри территории посада возникали целые частновладельческие поселения (слободы) ремесленников и торговых людей, которые успешно конкурировали с посадом. Правительство в первой половине XVII в. не раз предпринимало частичные розыски и возвращение «закладчиков» в посадскую общину. Но эти частичные мероприятия не достигали цели.

По произведенным подсчетам, в середине XVII в. в «государевых» городах (без нескольких городов, еще находившихся в частном владении) было не менее 9 тыс. дворов, принадлежавших раз-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 124.
**) Там же, стр. 123.

ного рода владельцам — церкви, светским вотчинникам и привилегированным торговым людям. Родственник царя — Никита Иванович Романов имел в 17 городах около 1 600 дворов, что составляло почти четверть общего количества дворов, находившихся во владении этого крупного землевладельца. В самой Москве Романовым принадлежало два подгородных села: Бутырки и Измайлово. Московская слобода, Марьина роща, была собственностью князя Черкасского.

Крупные землевладельцы, захватывая посадскую землю, лишали посад хозяйственных угодий, сенокосов, рыбной ловли, пашен, необходимых посаду, который еще не разорвал окончательно связи с сельским хозяйством. Примером запутанности поземельных отношений может служить озеро около города Боровска, находившееся во владении трех собственников: дно озера и земля вокруг него принадлежали местному дворянину, рыба в озере и береговая полоса считались собственностью соседнего монастыря, вода в озере принадлежала посаду.

Таким образом, бюргерская оппозиция в московских городах направлялась против феодального землевладения на городской территории и против особых феодальных прав, стеснявших экономическое развитие посадов.

Восстания в Москве и в других городах в 1648 г. Нараставшее движение среди низших слоев посадского населения прорвалось в 1648 г. рядом городских восстаний и волнений. В Москве, имевшей большой многолюдный посад, все классовые противоречия достигли особой силы. По словам Олеария, «простой народ» открыто выражал недовольство невыносимыми притеснениями. «Утром и вечером у церквей происходили сборища, причем совещались, как быть с этой невзгодой». 1 июня возвращавшийся из поездки на богомолье царь Алексей был встречен толпой челобитчиков, которые пытались передать царю жалобы на притеснения. Охрана царя и окружавших его бояр разогнала челобитчиков ударами палок и кнутов. На следующий день должен был состояться обычный крестный ход из Кремля в один из московских монастырей. Собравшаяся толпа народа воспользовалась появлением царя, чтобы подать жалобу на начальника Земского приказа Леонтия Плещеева. Возбужденная толпа проникла вслед за царем в Кремль, причем на ее сторону перешли стрельцы. Произошел погром боярских и купеческих дворов. В своем доме был убит дьяк Посольского приказа Назарий Чистый, которого считали виновником введения большого соляного налога. 3 июня восстание продолжало разгораться; народ требовал выдачи Леонтия Плещеева и боярина Б. И. Морозова. Испуганные бояре выдали Плещеева, который тут же был убит.

Для переговоров с толпой на Лобное место (Красная площадь) выходили с иконами и с хоругвями патриарх, бояре, самые близкие к царю люди. По свидетельству некоторых источников, к народу на Лобное место выходил и сам царь Алексей Михайлович.

Однако эти переговоры не привели ни к каким результатам. Погром боярских и купеческих дворов продолжался. 5 июня был выдан народу шурин Б. Морозова — начальник Пушкарского приказа — Траханиотов; его тоже убили. Царь, чтобы сохранить своего «дядьку» Морозова, тайно ночью отправил его в Кирилло-Белозерский монастырь.

Восставшая народная масса состояла главным образом из плебейских элементов, мелких ремесленников и торговцев, к которым присоединилась часть стрельцов. Растерявшееся в первое время правительство, чтобы овладеть положением, стало подкупать стрельцов, выдавая им крупные суммы денег. Одновременно выдавалось усиленное жалованье и дворянам. 10 июня состоялось совещание дворянства с участием торговых людей, на котором было решено созвать Земский собор.

1 сентября открылся Земский собор, который перед опасностью растущего народного движения консолидировал силы господствующих классов путем удовлетворения важнейших требований дворянства и купечества. Опираясь на дворянство и зажиточную часть посада, а также и на часть стрельцов, царское правительство уже в конце октября почти восстанавливает свое положение. Морозов был возвращен в Москву и вновь стал во главе правительства.

Московское восстание 1648 г. не было случайным, изолированным эпизодом. Оно отразилось в стране волной городских движений, которые прошли по основной территории государства и даже нашли отклик в Западной Сибири. Многочисленные вспышки волнений и восстаний среди городского населения имели общие причины, крывшиеся в тяжелом материальном положении обедневших слоев посада. Наряду с этим действовали местные условия, которые придавали каждому восстанию в той или иной мере особый характер.

11 июня вспыхнуло движение среди стрельцов, казаков и мелких служилых людей в Козлове, где был произведен погром лавок и их владельцев. Из Козлова движение перебросилось в соседний небольшой Челнавский острожок. Местные стрельцы, узнав, что в Козлове «всяких людей побивают», избили некоторых своих начальников.

22 июня вспыхнуло восстание в Сольвычегодске, направленное против сборщика податей Федора Приклонского. Поводом к восстанию был распространившийся в городе слух, что в Москве государевых бояр и служилых людей «всех посекли». Через несколько дней, в конце июня, из Воронежа бежал царский воевода.

5 июля произошло восстание в Курске. Поводом к нему также послужили слухи о московских событиях. Вернувшийся из Москвы в Курск монастырский крестьянин Кузьма Водяницын призывал убить ненавистных стрелецких начальников, которые силой заставляли крестьян вступать в стрельцы. Перевод крестьян в стрельцы ослаблял крестьянскую общину и ухудшал положение

остававшихся. «Пойдемте-де убьем Константина Теглева, — кричал Кузьма Водяницын, — на Москве-де и лучше его побивают». Стрелецкий начальник действительно был убит.

9 июля произошла самая крупная вспышка восстания на севере, в Устюге Великом. Накануне восстания был ярмарочный день, на который съехалось много торговых людей и крестьян. Среди населения ходили рассказы о московских событиях. На другой день долго накапливавшееся раздражение прорвалось. Вся жизнь Устюга остановилась: подьячие разбежались, крупные торговые люди укрывались в ржаных полях и в соседних монастырях. Во время восстания был убит ближайший помощник воеводы подьячий съезжей избы Анисим Михайлов. Воеводу дважды подводили к реке, угрожая «посадить в воду». Были разграблены дворы богатых посадских людей.

В начале августа произошло волнение на юге, в Чугуеве. В сентябре посадские люди хотели убить недалеко от Москвы — в Рузе — дворянина, посланного для землеустройства. Осенью произошло волнение в Чердыне и Усолье Камском. Здесь также были попытки побить лучших посадских людей, «слыша про московскую смуту».

Наконец, поздней осенью волна городского движения докатилась до Сибири, где произошло волнение в Нарыме и Томске.

Тревожное время в Москве продолжалось до весны 1649 г. Результатом деятельности Земского собора было составление и принятие Соборного уложения, т. е. свода законов, разрешившего главнейшие вопросы внутренней жизни Московского государства.

Восстание в Пскове и Новгороде в 1650 г. Самые крупные восстания произошли в 1650 г. в Пскове и Новгороде. Поводом к ним послужило соглашение со Швецией, по которому московское правительство обязывалось уплатить Швеции 190 тыс. рублей (за перебежчиков на территорию Московского государства из областей, перешедших к Швеции по Столбовскому миру) и продать в счет этой суммы значительную партию ржи по местным рыночным ценам. Закупка хлеба была поручена крупному купцу Федору Емельянову. При этом было указано искусственно поднять цены на псковском рынке, чтобы получить более высокие цены от шведов. Спекуляция Емельянова с хлебом, продавцами которого являлись главным образом псковские помещики, вызвала большое вздорожание цен и ударила по малоимущим слоям населения Пскова. В конце февраля в Пскове начались волнения. Ф. Емельянов тайно бежал из города, двор его был разграблен. Власть воеводы фактически перестала существовать, и управление городом перешло во «всегородную избу», являвшуюся органом посадского самоуправления; посад выбирал из среды «лучших людей» земских старост, на обязанности которых была разверстка повинностей и податей.

В середине марта началось восстание в Новгороде, сопровождавшееся разгромом дворов богатых посадских людей. Когда о

нем узнали в Пскове, то волнение еще больше усилилось. Псковичи говорили: «Не одна Москва то учинила и новгородцы то же сделали и то перво в том деле два города». Между восставшими городами, Новгородом и Псковом, происходили оживленные сношения, чтобы «городу за город стоять вместе».

В Пскове в конце марта старые представители посадского управления, принадлежавшие к составу «лучших» людей, должны были уступить место выборным от «молодших» людей, во главе которых стоял хлебник Гаврило Демидов. С этого времени всегородная изба становится центром по организации восставшего посадского населения. Посад стал вооружаться.

Из Москвы против восставших городов была направлена карательная экспедиция под начальством князя Ив. Хованского. Около середины апреля Хованский вступил в Новгород. Однако падение Новгорода не повлияло на сопротивление Пскова, где было решено продолжать борьбу. Направляясь к Пскову, Хованский послал впереди себя 12 дворян с требованием открыть ему ворота города. Псковичи посадили этих посланцев воеводы в тюрьму. В конце мая между войсками Хованского и псковичами начались военные действия.

История псковского восстания дает нам единственный случай представить организацию города в XVII в., в то время, когда в нем господствовало восставшее посадское население. Важнейшие дела решались мирским сходом, который собирался звоном «всполошного» (набатного) колокола на площади против всегородной избы. На площади стоял большой досчатый настил, с которого говорили ораторы. Псковичи собирались на сход с топорами, пиками и пищалями. Сход был очень многолюдным, иногда на нем присутствовало до 4—5 тыс. человек. Постоянным органом управления была всегородная изба, где сидели выборные люди во главе с земским старостой Гаврилой Демидовым. Они составляли как бы «правительство» восставшего посадского населения.

Во все время осады в Пскове продолжалась ожесточенная классовая борьба. Поэтому правительство «молодших» людей предприняло ряд мероприятий против купцов, дворян и старых, более зажиточных стрельцов, среди которых князь Хованский находил союзников. Будучи неопытными в военном деле, посадские люди требовали, чтобы ими руководили дворяне, но при этом угрожали дворянам расправой, если последние не будут хорошо исполнять свое дело: «Увидим как станете биться, и только станете биться худо, и всех побьем до смерти». После одной неудачной вылазки псковичи выполнили эту угрозу и казнили 10 дворян, руководивших этой военной операцией. Когда начался голод, был переписан хлеб, находившийся в дворянских житницах. По дворянским дворам были собраны лошади и ружья, которые затем были розданы защитникам. Таким образом, все меры, исходившие от всегородной избы, предпринимались в интересах маломощных людей и носили ясно выраженный классовый характер.

Псков был поддержан восстанием в бывших псковских пригородах. Сначала поднялся Гдов, затем Остров, откуда движение перекинулось в Изборск. Некоторый отголосок движения наблюдался даже в отдаленном Олонце.

Псковское восстание дало сильный толчок для развития движения среди крестьянского населения Псковской области. В июне крестьянское восстание распространилось на очень большую территорию, захватив и часть новгородских земель (Шелонскую пятину). Крестьяне соединялись в партизанские отряды, нападали на дворян и сжигали поместья. Псков, несмотря на осаду, посылал им на помощь людей и оружие.

Осада Пскова армией Хованского продолжалась около четырех месяцев. Под влиянием упорной обороны Пскова в ряде мест появились признаки новых волнений. В южных городах вспомнили о курском восстании. В Рязани обсуждали псковские события. В самой Москве, по сообщению шведских послов, было «далеко не спокойно, там уже многих казнили, били кнутом, отрезывали уши». Все это вызывало большую тревогу у правительства, всеми средствами спешившего подавить сопротивление Пскова. В Москве в июле 1650 г. был собран Земский собор, избравший особую делегацию для переговоров с восставшими псковичами.

Между тем внутреннее положение в Пскове вследствие недостатка продовольствия и боевых припасов становилось все более тяжелым. Этими затруднениями воспользовались «лучшие», находившиеся в тайных сношениях с Хованским. Делегация Земского собора, обещавшая в переговорах с псковичами не наказывать никого из восставших, внесла еще больший разлад в среду защитников. В августе «лучшим» удалось отстранить «молодших» от управления всегородной избой. Так была подготовлена капитуляция, совершившаяся в конце августа. Руководители восстания во главе с Гаврилой Демидовым немедленно были схвачены и увезены из Пскова.

Занятие Пскова праздновалось в Москве с особой торжественностью. Однако в Псковской области крестьянское движение продолжалось в течение всей зимы 1650—1651 годов.

Соборное уложение 1649 г. Законы, разработанные особой комиссией под председательством князя Одоевского и принятые Земским собором в январе 1649 г., получили название «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича. Обобщив все предшествующее развитие уголовного и гражданского права, Соборное уложение подводило итог социально-экономическому и политическому развитию Московского государства. Оно удовлетворило важнейшие требования служилого дворянства и высших слоев посадского населения и этим способствовало консолидации господствующих классов. В то же время Соборное уложение укрепляло всю централизованную государственную систему и самодержавную власть московского государя.

Главными источниками для составления Соборного уложения послужили: старые судебники, царские указы и постановления Боярской думы, которые записывались в особые «указные книги» приказов, Литовский статут (законы великого княжества Литовского), челобитья и др. Пользуясь разными источниками, составители уложения переработали их в духе требований господствующих классов.

Соборное уложение отличалось от предшествующих судебников как объемом своего содержания, так и более строгой систематизацией. Однородные вопросы соединялись вместе, в одну главу. Всего в Соборном уложении 963 статьи, разбитых на 25 глав. Необходимо, впрочем, отметить, что эта систематизация соответствовала состоянию права в данное время и, конечно, не удовлетворила бы юридическую науку позднейшего времени.

Соборное уложение было первым русским законодательным памятником, изданным типографским способом. Первое издание появилось уже в мае 1649 г. Соборное уложение вызвало огромный интерес у иностранцев. В XVII в. оно было переведено на латинский и французский языки, а в начале следующего столетия — на немецкий и датский.

Соборное уложение оказало большое влияние на последующее развитие русского права. Достаточно указать, что оно оставалось действующим правом в течение почти двух столетий, до издания в 1832 г. «Свода законов Российской империи».

Удовлетворив требования дворянства, Соборное уложение окончательно юридически оформило феодальную зависимость крестьян, которая выразилась в крепостном праве. «...Основной признак крепостного права тот, — говорил В. И. Ленин, — что крестьянство... считалось прикрепленным к земле,—отсюда произошло и самое понятие—крепостное право» *). Для полного прикрепления крестьян к земле помещикам необходимо было добиться права разыскивать и возвращать беглого крестьянина в любое время, сколько бы лет ни прошло с его побега. Соборное уложение уничтожило «урочные» годы (в течение которых землевладелец мог возвращать беглых крестьян) и сделало розыск крестьян бессрочным.

Вопрос о принадлежности бежавшего крестьянина решался на основании писцовых книг 1626 г., а для последующих лет — на основании «отдельных» и «отказных» книг. Поэтому не подлежали возвращению лишь крестьяне, ушедшие раньше 1626 г. Разысканные крестьяне возвращались старым владельцам с женами и детьми, со всем имуществом, с хлебом стоячим (не снятым с поля) и молоченым. Судебник юридически оформил полную власть землевладельца над жизнью и имуществом крестьянина. В случае имущественной несостоятельности феодала ответственность переносилась на его людей и крестьян, имущество которых конфиско-

*) Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 370.

вывалось или продавалось. При убийстве помещиком чужого крестьянина он не нес никакой уголовной ответственности, а лишь был обязан возместить убыток путем выдачи хозяину взамен убитого крестьянина своего крестьянина с семьей и имуществом.

Очень важное значение для землевладельцев имело упорядочение вотчинного и поместного землевладения. Статьи, посвященные этим вопросам в Соборном уложении, были проникнуты стремлением охранить материальные интересы дворянства и обеспечить за ним исправное несение службы. Для этой цели были пересмотрены нормы поместных дач и размеры царского жалованья. Уже в первой половине XVII в. началось сближение между вотчинами (полная собственность) и поместьями (пожизненное условное владение). Уложением признавалось право передавать поместья, как и вотчины, в наследство, но с условием, чтобы на наследника переходили соответствующие служебные обязательства.

Дворянство добилось в Уложении ограничения церковного землевладения, которое стало быстро возрастать после крестьянской войны. В Соборном уложении церкви было категорически запрещено покупать, принимать «на помин души» или приобретать другими способами вотчинные земли. Для разбора судебных дел, касавшихся церковных организаций, был создан особый Монастырский приказ. Это усиливало зависимость церкви от светской власти и ставило ее под более строгий контроль со стороны общегосударственных органов управления.

Соборное уложение внесло важные изменения в положение посадов. Оно удовлетворило требование высших слоев посадского населения о присоединении к посадам «белых» слобод церковных и светских землевладельцев, расположенных по соседству, а иногда и на старой территории посадов. Население этих слобод включалось в посадскую общину. Было постановлено произвести общий сыск посадских тяглых людей, ушедших из посадской общины. Посадские люди были прикреплены к своей посадской общине и тяглу, подобно тому как крестьяне были прикреплены к тем владениям, в которых они жили. Вместе с тем только посадским людям было предоставлено право заниматься торговлей в городах. Все эти мероприятия усиливали высшие слои торгового населения посада и увеличивали феодальный гнет для его низших слоев.

Наконец, следует отметить большое внимание, уделенное в Соборном уложении упорядочению судопроизводства. Оно явилось ответом на настойчивые жалобы на бесконечную «московскую волокиту», продажность приказных людей и злоупотребления воеводской власти.

Таким образом, удовлетворяя важнейшие требования дворянства и высших слоев торгового населения, Соборное уложение должно было укрепить классовую основу феодально-крепостнического государства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА в XVII веке

Феодальное хозяйство. Следы тяжелого экономического разорения, оставшиеся от времени крестьянской войны, стали исчезать к 30-м годам XVII в. Одновременно происходило быстрое расширение феодального хозяйства, преимущественно вотчинного типа. В раздачу дворянам прежде всего пошли огромные комплексы дворцовых и черносошных земель. Во второй половине XVII в. феодальное землевладение стало захватывать неосвоенные южные степные пространства. Результаты развития феодального хозяйства к началу последней четверти XVII в. мы можем наглядно представить по материалам переписи 1678 г. На европейской территории страны эта перепись насчитывала 888 тыс. тяглых дворов всех видов (посадских и крестьянских). Можно без большой ошибки считать, что в это время посадам принадлежало около 50 тыс. тяглых дворов. Исключая эту цифру из общего итога, мы получим число крестьянских дворов — 838 тыс. Последние распределялись следующим образом: светским землевладельцам (боярам и дворянам) принадлежало 595 тыс. дворов, или 71 проц. всех крестьянских дворов; церкви — 118 тыс. дворов (14 проц.); государеву дворцу — 83 тыс. дворов (10 проц.). На черносошных крестьянских землях находилось всего 42 тыс. дворов (5 проц.). Таким образом, около 95 проц. крестьянского населения своим трудом обслуживало феодальное хозяйство всех типов. Эта цифра ясно указывает на то значение, которое имел труд крепостных крестьян в экономике страны.

Феодальные владения (вотчины и поместья) в экономическом отношении обладали теми же характерными признаками, которые были присущи им и в предшествующее время. Большие хозяйства отличались значительной территориальной разбросанностью. Основной рабочей силой, обслуживавшей феодальное хозяйство, оставались зависимые крестьяне. В XVII столетии докапиталистическая рента получила полное развитие во всех трех своих основных видах, причем в соотношении между ними произошли изменения, вызванные ростом товарно-денежных отношений и приспособлением феодального владения к рынку. В системе отработочной ренты главное место занимала барщина на пахотной земле помещика, отнимавшая у крестьянина в большинстве случаев от трех до четырех дней в неделю. В течение всего столетия происходил значительный рост барской запашки как в результате освоения новой земли, так и в результате присвоения феодалом части крестьянских наделов. Остальные отработки крестьян, состоявшие в подводной повинности, в разных работах во дворе феодала и т. д., занимали относительно второстепенное место. Одновременно с барщиной крестьяне платили натуральный оброк (продуктовую ренту), состоявшую, как и раньше, из различных продуктов крестьянского хозяйства. Под общим именем «столовых запасов» рента

продуктами обслуживала главным образом непосредственные потребности барского двора и его многочисленной дворни. Особенностью феодальных повинностей в XVII в. было значительное возрастание денежной ренты. В ряде случаев натуральная рента почти полностью была переведена в денежную форму.

В результате приспособления феодального хозяйства к рыночным отношениям уже в XVII столетии началось выделение феодального хозяйства разного типа. В северных и отчасти в центральных уездах на малоплодородной почве преобладающими были натуральные и денежные оброки крестьян. В остальной части центральных уездов и особенно на юге, за Окой, в области степного чернозема, главное место в крестьянских повинностях занимала барщина.

Рост феодальной эксплоатации требовал усиления внеэкономического принуждения, способного преодолеть классовое сопротивление крестьян. Последнее достигалось усилением власти землевладельца над крестьянами и юридическим оформлением крепостного права в Соборном уложении 1649 г. Каждое более или менее крупное владение было обособлено в податном и судебном отношении. Землевладелец нес ответственность за правильное поступление «государевых доходов», сам собирая их со своих крестьян через старост и приказчиков, а в некоторых случаях и непосредственно отсылая в соответствующий московский приказ. В руках землевладельца, как и прежде, находился вотчинный суд над крестьянами, за исключением важнейших уголовных преступлений. Вотчинный суд применял все обычные средства допроса с пытками, дыбой и огнем. Помещик не нес ответственности за истязания допрашиваемого даже в том случае, если они кончались смертью. Помещик вмешивался и в личную жизнь крестьянина. Так, крестьянин не мог жениться без разрешения своего владельца.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь феодальной деревни усиливало социальную диференциацию среди крестьян. Уже при натуральной ренте производитель «...получает возможность приобретать своим трудом некоторый излишек сверх того количества продуктов, которое удовлетворяет его необходимые потребности» *). Появившиеся при натуральной ренте зачатки диференциации зависимых крестьян увеличиваются при следующей форме ренты — денежной, предполагающей «...более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения» **).

В феодальном хозяйстве в России в XVII в. денежная рента еще не достигла полного развития. Тем не менее в социально-экономической жизни деревни наблюдаются явления, которые указывают на зарождение элементов буржуазных отношений. Зажиточные крестьяне не только владели более крупными участками земли,

*) Ленин. Соч., т. III, стр. 126—127.
**) Там же, стр. 127.

но и брали землю в аренду иногда у своих же владельцев за особый оброк. Они откупали также мельницы, рыбные ловли и другие промысловые угодья. Но особенно большое значение для обогащения зажиточной части крестьянства имела торговля. Землевладелец охотно покровительствовал торговле своих крестьян, так как извлекал из их торговых операций дополнительный доход. В том случае, когда землевладелец вкладывал собственные средства в торговые операции крепостного крестьянина, он получал часть или даже всю его прибыль. В других случаях землевладелец ограничивался наложением на торгующего крестьянина большого денежного оброка.

Среди владельцев торговых крестьян первое место принадлежало крупным феодалам — родственникам царя — Романовым, Стрешневым, Морозовым и др. Также охотно покровительствовали своим торговым крестьянам патриарх, епископские кафедры и монастыри. Слобода, принадлежавшая патриарху под Нижним-Новгородом, населенная его крестьянами, представляла собой целый торговый пригород. Из среды частновладельческих крестьян вышло несколько крупных представителей купеческого капитала XVII века.

Зажиточные крестьяне составляли незначительную часть всего крестьянского населения, разоренного царскими налогами и феодальными поборами. Стараясь удержать маломощных крестьян от разброда, землевладельцы ссужали их хлебом, который затем при новом урожае взыскивали с невероятной жестокостью, распродавали крестьянское имущество вплоть до лошади. Крестьяне, не имевшие возможности нести наложенное на них тягло, переводились в бобыли и благодаря этому частично или полностью освобождались от тягла. В некоторых случаях крестьяне с разрешения землевладельца уходили из деревни на заработки, нанимались на разнообразные работы, которые позволяли им выплачивать денежный оброк владельцам.

Как и в предшествующее время, холопы исполняли разные обязанности в хозяйстве — служили при господском дворе (дворовые люди), работали в сельском хозяйстве, занимались ремеслом. Во второй половине XVII в. появились признаки сближения в положении холопов и крестьян. Холопы, бобыли и обедневшие крестьяне селились особыми дворами, обычно поблизости господского двора, под общим названием «задворных людей». Главным их занятием была работа на барской пашне. В конце XVII в. число задворных людей заметно увеличилось, в некоторых уездах они составляли 10—12 проц. всего крестьянского населения.

В монастырском хозяйстве особую категорию зависимых людей составляли «детеныши»—осиротевшие и выросшие в монастырях дети крестьян, а также обедневшие крестьяне и бобыли. Они, как правило, не имели собственного хозяйства и полностью находились на монастырском содержании.

С развитием товарно-денежного обращения феодальное хозяйство все сильнее стало втягиваться в рыночные связи. Примером

крупного феодального владения подобного типа середины XVII в. может служить хозяйство воспитателя царя Алексея — боярина Б. И. Морозова. В начале своей служебной деятельности Морозов был еще средним помещиком. После вступления Алексея Михайловича на царство земельные богатства Морозова стали быстро увеличиваться. В очень короткое время Морозов стал владельцем территории, которая по площади не уступала размеру среднего европейского государства. Во владениях Морозова, разбросанных в 17 уездах, насчитывалось до 300 сел и деревень с общим населением свыше 9 тыс. дворов (не менее 40 тыс. человек). Большой двор боярина в Москве насчитывал до 700 человек дворни.

Основной формой эксплоатации крестьян в вотчинах Морозова была барщина. Кроме того, крестьяне платили денежную ренту в размере 1 руб. — 1 руб. 25 коп. со двора. Ежегодный доход от денежной ренты составлял около 10 тыс. рублей. Благодаря большому развитию барщины Морозов собирал в своих владениях огромное количество хлеба. Морозов изучал рыночную конъюнктуру и следил за ростом хлебных цен. При удачных условиях он закупал крупные партии хлеба, которые затем перепродавал в казну. В Нижнем-Новгороде Морозову принадлежало не менее 38 житниц, каждая из которых вмещала до 9 тыс. пудов хлеба. В 1650 г. в житницах у Морозова хранилось свыше 360 тыс. пудов хлеба как домашнего урожая, так и покупного. Продуктовая рента во владениях Морозова не имела самостоятельного значения. Она главным образом предназначалась для обслуживания многолюдного московского двора. Морозов вел также крупные ростовщические операции. После его смерти было установлено, что до 80 тыс. рублей находилось в кабальных долгах. Посол австрийского императора, рассказывая о болезни Морозова, заметил: «Однако же и тут в нем такая же жадность к золоту, как и обыкновенная жажда пить».

Морозов владел рядом промышленных предприятий, среди которых самыми крупными были поташные заводы. Когда в 1662 г. была произведена реквизиция поташа у частных владельцев, то доля Морозова составляла несколько менее половины общего количества. Почти весь поташ отправлялся на заграничные рынки.

Мануфактурное производство. Развитие мелких ремесел было основным условием, необходимым для появления крупного производства в виде мануфактуры. Как указывает Маркс, мануфактура является кооперацией, основанной на разделении труда. В Западной Европе, переживавшей период «первоначального накопления», мануфактура в качестве формы капиталистического производства господствовала приблизительно с половины XVI в. до последней трети XVII в. Зародыши мануфактуры в России следует отнести ко второй половине XVI в. В XVII в. мануфактурное производство медленно развивалось, причем за все столетие мы можем установить всего около 1½ — 2 десятков более крупных мануфактур. Часть мануфактур была организована правительством и об-

служивала узкие нужды дворцового хозяйства. Небольшая часть мануфактур возникла по инициативе торговых людей, преимущественно иностранных гостей. Россия в XVII в. была страной феодально-крепостного хозяйства; число свободных людей, лишенных средств производства, было еще незначительным и не могло удовлетворить потребность в рабочей силе даже немногих мануфактур. Поэтому в русской мануфактуре этого времени крепостной труд преобладал над вольнонаемным трудом. Русская мануфактура в отличие от западноевропейской была не капиталистической, а крепостнической.

Одна из первых крупных мануфактур возникла в Кадашевской дворцовой слободе в Москве. Население этой слободы состояло из ремесленников полотняного дела, обслуживавших своим трудом нужды царского хозяйства. Каждый двор дворцового ремесленника был обложен определенным окладом, выражавшимся в разных полотняных изделиях. По переписной книге 1631 г. указывалось более 20 отдельных специальностей. Если некоторые ремесленники по окладу поставляли готовую продукцию, то другие изготовляли лишь часть работы и, таким образом, оказывались связанными между собой в процессе производства. В начале XVII в. в Кадашевской слободе был выстроен Хамовный двор, значительно расширенный в середине столетия. В это время он состоял уже из большого помещения в два этажа, внутри которого стояло больше 100 ткацких станков. Таким образом, Хамовный двор представлял типичную мануфактуру, но основанную не на вольнонаемном труде, а на труде феодально-зависимых людей.

До XVII в. выплавка чугуна производилась главным образом в небольших крестьянских домницах. Из этого чугуна крестьяне получали хрупкое, ломающееся железо очень низкого качества. Поэтому потребность в черном металле удовлетворялась главным образом посредством иностранного ввоза; особенно было распространено «свитское» (шведское) железо. В XVII столетии возникло несколько центров чугунного и железоделательного производства. Раньше других сложился район Каширского и Тульского железоделательных заводов. Тульская мануфактура была основана голландским купцом Виниусом, который в 1632 г. получил жалованную грамоту от царя Михаила на право разработки железной руды. Сырьевой базой для завода был Дедиловский рудник, поставлявший бурый железняк. Впоследствии Виниус составил компанию, в которую вошел крупный датский купец Петр Марселис.

Во второй половине XVII в. завод переходил к нескольким владельцам, но преимущественно оставался за Марселисом. В середине XVII столетия к тульским заводам присоединились каширские заводы. Оба комплекса заводов находились в производственной связи между собой: тульские заводы вырабатывали чугун и железные полуфабрикаты, которые затем перерабатывались на каширских заводах в разнообразные железные изделия.

В конце 60-х годов при участии иностранных предпринимателей возникли медные и железоделательные заводы в Олонецком крае.

Можно указать также на отдельные случаи русской инициативы в области металлургического производства. Так, Б. И. Морозов устроил железоделательный завод в Звенигородском уезде, в селе Павловском. После смерти Морозова Звенигородский завод поступил в ведение казны. В конце 60-х — начале 70-х годов XVII в. он был перестроен и расширен.

На железоделательных заводах XVII в. применялась относительно высокая техника, значительно повышавшая производительность труда. Доменная печь на Тульском заводе давала в сутки 1 600 — 1 900 кг. чугуна (лучшие домны в Западной Европе в это время выпускали до 2 500 кг. чугуна). Применение тяжелого оборудования (большой молот на Тульском заводе весил 432 кг.) вызвало в широком размере использование водяной силы посредством устройства водяных мельниц. Ассортимент производства на железоделательных заводах был очень разнообразен. Московское правительство, готовясь к войне с Польшей и Швецией, было особенно заинтересовано в производстве предметов вооружения. На заводах изготовляли пушки разного калибра, пищали, карабины, мушкеты, ядра, латы, шпаги, бердыши, пики и пр. Вместе с тем изготовлялись также орудия производства, в том числе для сельского хозяйства (сохи, топоры, лопаты, ручные хлебомолотные мельницы и пр.), предметы обихода и строительные материалы. Большая часть производственной продукции, в особенности оружия и строительных материалов, закупалась казной. Только относительно небольшая часть поступала на рынок.

Другая группа мануфактур возникла в области производства стекла, которое до середины XVII в. являлось большой редкостью. Оконное стекло заменялось частью рыбьим пузырем, частью слюдой. Организатором первого стекольного завода был нанятый в Швеции мастер пушечного дела Юлий Койет. В 30-х годах Ю. Койет построил первый завод недалеко от Москвы (около Нового Иерусалима). Этот завод, просуществовавший до XVII в., изготовлял оконное стекло, аптекарскую посуду, а также посуду «по заморскому образцу». Продукция шла в казну, но частично продавалась на рынке не только в Москве, но и в других городах. В конце 60-х годов в Москве был устроен другой стекольный завод — Измайловский. Были некоторые другие, более кратковременные попытки заводить стекольные заводы, вызванные растущим спросом на стеклянные изделия.

Возникновение первых бумажных мануфактур следует отнести ко второй половине XVI в. В XVII в. была устроена бумажная мельница на реке Пахре для Печатного двора.

Большое число мелких мануфактур было создано по частной инициативе в области кожевенного производства. Русский «красный» юхотный товар (особый вид кожи) считался в Европе одним

из лучших по качеству и поэтому находил большой сбыт на заграничном рынке. В 1666 г. правительство построило в Москве сафьянный завод, заимствовавший технику производства сафьяна с Востока.

Торговля. Основная часть товаров, поступавших на рынок, вырабатывалась или в крестьянском и помещичьем хозяйстве или городскими ремесленниками. В XVII столетии ремесленное производство охватило новые отрасли производства.

В. И. Ленин указывал:

«В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит... территориальное разделение труда, специализация отдельных районов на производстве одного продукта...» *). Эти явления мы наблюдаем уже в XVII в. в распределении районов сельскохозяйственной культуры, крестьянских промыслов и городского ремесла.

В соответствии с естественно-географическими и рыночными условиями образовалось несколько районов зерновых культур, поставлявших хлеб на вывоз. Один из них сложился в бассейне Верхней Волги и в северной части Двинской системы. Отсюда часть хлеба вывозилась на заграничные рынки, частично в Сибирь, которая в XVII в. имела незначительную собственную запашку. Другой район сложился в области южного чернозема. Такие же более или менее ясно очерченные районы образовались и для технических культур: конопли, из которой вырабатывалась пенька, и льна.

Подобную специализацию мы наблюдаем и в отношении мелких крестьянских промыслов и городских ремесел. Ярославль был известен производством зеркал и железными изделиями: ножами, замками и т. д. Вологда поставляла в большом количестве кожевенные изделия. Лучшее мыло производилось в Костроме, за которой следовали Ярославль и Борисоглебск. Калуга и Тверь славились деревянной посудой особой местной формы. Сольвычегодск был известен финифтью. Все эти предметы вывозились за сотни верст и обычно сохраняли название своего города: ярославские зеркала, вологодские кожи, ивановские полотна, ярославские ножи, устюжские ножницы и пр.

В XVII столетии продолжалось усиление торговых связей Московского государства с европейскими и восточными странами. Характер московской внешней торговли был прежний: экспорт сырья и полуфабрикатов, необходимых для развивающейся европейской мануфактурной промышленности, и ввоз товаров мануфактурного производства, а также металлов. Главным портом для внешней торговли был Архангельск, где каждую осень открывалась ярмарка. По сводной таблице вывоза из Архангельска, составленной шведским послом в Москве в 1653 г., мы можем установить соотношение между различными видами товаров. На первом месте

*) Ленин. Соч., т. III, стр. 335.

стоит кожа (32,2 проц.), затем следуют: рожь, ячмень и пшеница (21,7 проц.), сало (11 проц.), поташ (10,4 проц.), меха (8,5 проц.). Далее в убывающем количестве шли: шпик, мясо, икра, свиная щетина, полотно, воск и т. д. Таким образом, за исключением кожи, полотна и грубого крестьянского сукна, все остальные товары представляли собой сырье, производившееся в сельском хозяйстве или являвшееся продуктами лесных промыслов.

В течение XVII в. спрос заграничного рынка на хлеб быстро возрастал. На рынках Англии и Голландии рост хлебных цен стал заметно увеличиваться с начала 20-х годов. Так, в Амстердаме за восемь лет цены на хлеб возросли почти в шесть раз. Благодаря этому получался огромный разрыв в стоимости хлеба на востоке Европы и в западных странах. Недостаток хлеба на Западе и дешевизна его в России побуждали иностранных купцов домогаться права свободно закупать хлеб в России. Однако хлебный экспорт из Московского государства в XVII столетии не был значителен, так как в результате роста посадского и другого непроизводящего населения хлеб уходил на внутреннее потребление.

Возрастающее значение русского рынка для Западной Европы вызвало соперничество между экономически развитыми и сильными странами, особенно между Голландией и Англией. Если в XVI столетии английская торговля господствовала над голландской, то в XVII столетии это положение начинает изменяться. В XVII в. происходило общее усиление торгового могущества Голландии. «...Голландия, — говорил Маркс, — где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества» *). В 1600 г. в Архангельский порт прибыло 12 английских и 9 голландских кораблей, в 1613 г. было уже 30 голландских кораблей, а в 1630 г. пришло 100 голландских кораблей и всего несколько английских.

Третьей соперничавшей страной за русский рынок была Швеция, которая значительно усилилась после Вестфальского мира 1648 г. В Швеции разработан был даже проект переноса русской торговли на берега Балтийского моря. Попытка шведского посла в Москве добиться по этому вопросу соглашения с голландскими и английскими купцами не привела к успеху.

Развитие рыночной системы усиливало связь между отдельными пунктами торговли, а также между внутренним рынком и внешним товарооборотом. В. И. Ленин, характеризуя новый период русской истории (примерно с XVII в.), в который произошло действительное фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, устанавливает, что это слияние «...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» **).

*) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 605. Партиздат. 1935.
**) Ленин. Соч., т. I,, стр. 73.

Города. Развитие товарно-денежных отношений было главным условием, влиявшим на развитие московских посадов. В 20-х годах XVII в. на европейской территории государства насчитывался 181 город, из них 42 города были только крепостями, не имевшими посадов (23,2 проц. от всего количества городов). От середины 30-х годов до начала 50-х годов было вновь построено 45 городов. Таким образом, для 1650 г. можно установить на европейской территории 226 городов, из которых 66 (29,2 проц.) не имели посадов.

После Земского собора 1649 г., принявшего решение о возвращении посадам всех городских слобод церковных и светских землевладельцев, в посады было переведено от беломесцев 10 095 дворов, что составляло около 25 проц. от всего посадского населения. В середине XVII столетия после перевода дворов от беломесцев общее число «черных» посадских дворов исчислялось несколько более 41 тыс. из общего числа 100 тыс. дворов в городах. Таким образом, тяглое посадское население составляло лишь треть всего населения городов.

Зарождение меркантилистической системы. Экспансия иностранного торгового капитала—английского, голландского и шведского — на русский рынок затрагивала экономические интересы русского купечества, заметно усилившегося в XVII столетии. Русское купечество, чувствовавшее свою слабость по сравнению с иностранным купечеством, многократно обращалось к правительству за помощью. От времени до времени торговые люди подавали коллективные заявления, в которых просили оградить их от конкуренции иностранных купцов и запретить последним торговать внутри России. Первое известное нам заявление подобного рода было составлено в 1627 году. В 1649 г. торговые люди добились запрещения англичанам торговать внутри страны. Поводом к высылке английских купцов послужила революция в Англии. «Царскому величеству, — говорилось в указе, — ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти».

В соответствии с интересами русского купечества московское правительство предприняло для охраны русской торговли ряд мер, входивших в общую систему меркантилизма. Меркантилизм в Западной Европе возник в XVII столетии в эпоху «первоначального накопления», в условиях большого развития мануфактурного производства, расширения колониальной торговли и образования крупных капиталистических предприятий. По мнению меркантилистов, богатство страны выражалось в денежном капитале. Меркантилисты не понимали природы стоимости товара, думали, что прибавочная стоимость может возникнуть в процессе обращения в результате самовозрастания денежного капитала. Маркс указывает на то, что меркантилистическая система исходила «...из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в

движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явлений» *). По мнению меркантилистов, государство должно было взять на себя регулирование внешней торговли, целью которого было привлечение денежного металла в страну. Ранний меркантилизм, так называемый «монетарный», преследовал задачу создания выгодного денежного баланса. В дальнейшем меркантилисты перешли к борьбе за торговый баланс. Они считали, что основой торговли является поступающая на рынок масса товаров. Поэтому они признавали необходимым развитие сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности. При этом меркантилисты обращали особое внимание на производство тех товаров, которые имели наибольшую стоимость в чужих странах. Одним из средств защиты собственного производства и торговли был протекционный тариф, выражавшийся в усиленном обложении торговыми пошлинами ввозившихся иностранцами товаров.

Московское правительство имело возможность познакомиться как с экономической политикой западных стран, так и с теоретической разработкой этих вопросов. Проводниками идей западноевропейского меркантилизма в России были Жан де Грон, Петр Марселис и Юрий Крижанич. Жан де Грон, явившийся в Москву в середине столетия, был типичным авантюристом, много раз менявшим свои занятия и своих хозяев. Во время скитаний по Европе он изучил политическую систему разных стран и познакомился с основами коммерческих наук. В Москве Жан де Грон представил сочинение об основах экономической политики. Основной мыслью его было развитие внешней торговли для достижения выгодного торгового баланса. Значительно глубже и шире охватывал меркантилистическую систему ученый хорват Юрий Крижанич. Приехав в Москву, он вскоре по неизвестным причинам был сослан в Тобольск, где написал несколько обширных произведений. Среди них основное место занимает большой политико-экономический и исторический трактат, известный под названием «Политичных дум». В этой работе Юрий Крижанич дал наиболее полное и обстоятельное изложение меркантилистической системы, которую он хотел применить к условиям экономического состояния и развития России. Наконец, очень крупную роль в деле распространения меркантилизма сыграл датчанин, крупный купец и предприниматель, Петр Марселис.

Ознакомление с меркантилистической системой других стран помогло московскому правительству выработать ряд экономических мероприятий, направленных к защите интересов крупного русского купечества и к достижению во внешней торговле выгодного торгового баланса. В 1653 г. правительство разработало но-

*) К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 236. Партиздат. 1935.

вый торговый тариф, который был построен на элементах протекционизма. Торговые пошлины различались в пограничных пунктах и внутри страны, где они были значительно выше.

В 1667 г. при участии А. Л. Ордын-Нащокина и гостя Петра Марселиса был разработан новый торговый устав. Можно предполагать, что первоначальный набросок нового торгового положения был составлен Петром Марселисом. Устанавливая меры для охраны интересов русского рынка, Петр Марселис в то же время старался защитить и иностранное купечество, к которому он сам принадлежал. Проект Марселиса был переработан в духе требований русских торговых людей и в таком виде вошел в Новоторговый устав 1667 года.

Ограничение иностранной торговли достигалось урезыванием прав иностранных купцов (торговля иностранцам разрешалась только в пограничных пунктах, запрещалась иностранным купцам розничная торговля) и протекционным тарифом. Разница в обложении русских и иностранных купцов достигла 100 проц. Ставя задачей создание выгодного торгового баланса, Новоторговый устав указывал на необходимость ограничить высокими пошлинами ввоз предметов роскоши, приобретение которых вело к большому вывозу денег за границу.

Таким образом, в экономической политике правительства времени Алексея Михайловича мы можем наблюдать зарождение той системы меркантилизма, которая получила дальнейшее развитие при Петре I в начале XVIII в.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА в XVII веке

Политический строй Московского государства в XVII столетии являлся дальнейшим развитием системы централизованного государственного управления, которая начала складываться с конца XV века.

Существенной стороной в этом процессе было преодоление местных особенностей, сохранившихся в качестве пережитков от времени феодальной раздробленности. В. И. Ленин указывает, что «...государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.» *). Большинство этих пережитков исчезло в XVII в. В связи с развитием всероссийского рынка и усилением обмена между областями происходило фактическое слияние всех земель в одно целое — Русское государство, которое официально с начала XVII в. стало называться Московским государством.

---

*) Ленин. Соч., т. I, стр. 73.

Царская власть. В XVI в. при Иване Грозном царская власть вышла усилившейся из борьбы с боярством. Хотя она сохранила многие старые атрибуты, но фактически являлась самодержавной. Деятельность Бориса Годунова, не принадлежавшего к «царскому кореню», была направлена на дальнейшее укрепление самодержавной власти и ее социального базиса — дворянства. Наступившие после смерти Бориса Годунова события не могли не отразиться на положении верховной власти.

Лжедимитрий I не только пытался сохранить самодержавный характер царской власти, но и резко порывал с ее старыми формами и традициями. Существует известие, что он даже хотел принять титул императора. Однако, являясь ставленником и орудием польской политики, он не в силах был разрешить противоречия, вызванные его появлением на московском троне. Боярство, пришедшее к власти с Василием Шуйским, стремилось вернуться к порядкам, существовавшим до опричнины Ивана Грозного. Поэтому оно взяло с Василия Шуйского ограничительную «крестоцеловальную запись», усиливавшую значение Боярской думы.

Первый представитель новой династии, царь Михаил Федорович Романов, по свидетельству подьячего Григория Котошихина, «хотя «самодержцем» писался, однако, без боярского совету не мог делать ничего».

Восстановление централизованной системы неизбежно должно было привести к новому усилению царской власти. Большой успех в этом отношении был достигнут уже во время фактического правления патриарха Филарета, который последовательно проводил политику абсолютизма. Этим была подготовлена почва, на которой выросла самодержавная власть Алексея Михайловича, не связанного никаким формальным ограничением. Окрепшее московское самодержавие XVII в. восприняло идеологию феодальной монархии, сложившуюся до крестьянской войны, и ее главную основу—учение о божественном происхождении царской власти.

Царь Алексей Михайлович выразил это в следующих словах: «Бог благословил и предал нам государю правити и рассуждати люди своя на Востоке и на Западе и на Юге и на Севере в правду, и мы божие дела и наши государевы на всех странах полагаем».

В Соборном уложении Алексея Михайловича две главы были посвящены обереганию «чести государевой» и обиходу его дворцовой жизни. Вся обстановка жизни царского дворца должна была высоко поставить царя по отношению к его подданным. По словам англичанина Карлейля, пышный двор московского царя поражал своим великолепием: «Подданные, ослепленные его блеском, приучались очень благоговеть перед царем и чтить его почти наравне с богом».

Царская власть к середине XVII в. не только полностью восстановила то положение, которого она достигла в борьбе с остатками феодальной раздробленности во второй половине XVI в.,

но и еще в большей степени приобрела самодержавный характер (абсолютизм).

Боярская дума. В управлении страной царь продолжал опираться на Боярскую думу, которая в течение всего XVII в. оставалась высшим органом государственной власти. В. И. Ленин, устанавливая отдельные этапы в развитии русского самодержавия, указывает на Боярскую думу и боярскую аристократию как на характерные явления для самодержавия XVII века *).

Боярская дума состояла из тех же думных чинов, которые образовались в XVI в., — бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. Думные чины давались по особому пожалованию государем в соответствии с знатностью рода и служилым положением. Число бояр не было постоянным. В начале XVII столетия оно приближалось к двум десяткам, а к концу царствования Алексея Михайловича увеличилось почти вдвое. Около трех четвертей боярских фамилий принадлежало к старой титулованной знати, в числе которых мы находим потомков удельных и великих князей. За боярами следовали окольничие, число которых примерно равнялось половине числа бояр. Из них несколько больше половины принадлежало к княжеским, но менее знатным родам. Число думных дворян, оставшееся до середины столетия незначительным, резко выросло в третьей четверти века. Думные дворяне обычно выходили из столичного дворянства и возвышались за различные заслуги. Среди них в течение XVII столетия не было ни одного с княжеским титулом.

Особое положение в думе занимали «думные» дьяки, число которых значительно увеличилось в XVII в. в связи с развитием приказной деятельности. Думные дьяки, стоявшие во главе самых крупных приказов, являлись докладчиками в думе по важнейшим вопросам. Думные дворяне и думные дьяки вносили в состав Боярской думы, как органа высшей феодальной знати, новый элемент — бюрократизацию, постепенно усиливавшуюся к исходу XVII века.

Боярская дума при царе являлась совещательным органом. В ряде случаев царь действовал совершенно самостоятельно и принимал решения, которые могли расходиться с мнением большинства членов Боярской думы. Однако мы не знаем ни одного случая, чтобы она вступала в конфликт с царем. Таким образом, Боярская дума в XVII в. уже не являлась органом боярской оппозиции. Область ведения думы не была строго определена. На ее обсуждение вносились все дела, не решенные в соответствующих приказах. Дума ведала назначениями на важнейшие должности (послов, воевод и пр.). Особое внимание дума уделяла военным делам и внешней политике. Поэтому с Боярской думой особенно тесно были связаны Разрядный и Посольский приказы, являвшиеся как бы канцеляриями думы. Заседания Боярской думы производи-

*) См. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 18.

лись обычно в присутствии царя. Когда же царя не было, то заседания вел один из старейших и наиболее родовитых бояр. После доклада, сделанного думным дьяком, происходило обсуждение дела, красочно описанное Григорием Котошихиным: «Кто из тех бояр побольши и разумнее, или кто и из меньших и они мысль свою к способу объявливают; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвещают, потому, что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованые, однако сыщется и окроме их кому быти на ответе разумному из больших и меньших статей бояр».

Помимо Боярской думы, при царе существовал неофициальный совет из нескольких близких к нему лиц, иногда даже неродовитого происхождения и невысокого положения. Он составлял как бы «ближнюю государеву думу». Известны случаи, когда царь Алексей Михайлович совещался по тем или другим важнейшим вопросам со своей ближней думой, не перенося их затем на рассмотрение всей Боярской думы.

Земские соборы. Другим высшим правительственным органом был Земский собор, усиленная деятельность которого падает на первое десятилетие (1613—1622) царствования Михаила Федоровича. После возвращения из плена отца царя, патриарха Филарета, деятельность Земских соборов замирает. К этому времени окрепшая царская власть, опираясь на Приказное управление, перестала нуждаться в постоянной деятельности обширного феодального совещания. Правительство созывало Земский собор только в отдельных случаях — по вопросам внешней политики или под влиянием серьезных внутренних затруднений. Такие Земские соборы были созваны в 1632 и 1634 гг. в связи со Смоленской войной. Вопрос об Азове, взятом донскими казаками, рассматривался на Земском соборе 1642 г. Очень большое значение имел собор 1648—1649 гг., созванный непосредственно после восстания в Москве. В 1650 г. действовал Земский собор, созванный по поводу восстания в Пскове. В 1651 и 1653 гг. были созваны Земские соборы по вопросам о польских делах и принятии Украины в состав Русского государства. Собор 1653 г. был последним, если не считать неполных совещаний при участии дворянства и посадских людей, которые по существу являлись комиссиями, созывавшимися по тому или другому случаю.

Состав Земских соборов в рассматриваемый промежуток времени также подвергся значительным изменениям. В более ранних соборах главную роль играло столичное дворянство, тогда как провинция была представлена слабо. В соборах, созванных Михаилом Федоровичем в 30-х годах, роль провинциального дворянства и посадского населения значительно возрастала, причем для столицы и провинции установилось равное представительство. Такими же были соборы 1651 и 1653 гг., рассматривавшие вопросы об Украине и войне с Польшей.

Прекращение деятельности Земских соборов во второй половине XVII в. не было случайным явлением. Оно вытекало из общего укрепления централизованного аппарата самодержавной власти.

Приказная система. Вся текущая деятельность по административному и хозяйственному управлению страной лежала на московских приказах. Приказная система, возникшая в конце XV в., развилась за полтора столетия в сложную организацию, которая включила в свой состав свыше 40 отдельных приказов. Большинство из них возникло вместе с появлением соответствующей необходимости. Область ведения каждого приказа не была строго ограничена, и деятельность многих из них переплеталась между собой.

Вопросы внешней политики находились в ведении Посольского приказа, который в то же время собирал в пяти городах кабацкие сборы и таможенные доходы. Организация дворянского войска была подведомственна Разрядному приказу. Последний ведал примерно двумя десятками городов, находившихся на южной окраине государства. Стрельцами заведывал Стрелецкий приказ, собиравший на их содержание «стрелецкие деньги» с крестьян, но не со всего государства, а только с определенной территории. Вотчинное и поместное землевладение находилось в ведении Поместного приказа. Сбор налогов и разных доходов был разбит среди ряда приказов. Среди них по финансовому значению выделились «четверти», или «чети», в которые поступали основные прямые налоги, а также торговое обложение с определенной территории. «Большая казна» в XVII столетии ведала царской торговлей. Наряду с крупными приказами существовало большое количество мелких, обслуживавших частные нужды дворцового хозяйства: Аптекарский, Золотой и Серебряный, Мастерская палата; был даже приказ, который заведывал панихидами по царским родственникам и носил название «Панихидного».

Несмотря на несовершенство приказной организации, она имела существенное значение в деле усиления центральной власти. Во второй половине XVII столетия были сделаны первые попытки к систематизации и упорядочению управления отдельных приказов.

Местное управление. Местное управление в XVII в. было построено на сочетании воеводской власти с земским самоуправлением. Воеводы в городах появились повсеместно в конце крестьянской войны, так как оказались в это время единственной реальной силой. С восстановлением государственного порядка воеводское управление стало частью всей административной системы. Воевода ведал городом с уездом (в особенно крупные города назначалось по двое воевод), подчиняясь тому приказу, в управлении которого находился город. Благодаря этому усиливалась связь между провинцией и центром.

Функции воевод были очень широкие. Воеводы начальствовали над местными гарнизонами, обладали судебной и административной властью (частновладельческие крестьяне подчинялись

вотчинному суду землевладельца), должны были заботиться об исправном сборе с населения налогов и пр. Воеводам были фактически подчинены местные выборные земские органы, введенные при Иване IV. Таким образом, воеводское управление было проводником правительственной централизации. Поэтому воеводы в городах XVII в. играли другую роль, чем кормленщики, наместники и волостели XV—XVII вв., хотя в практике воеводского управления частично сохранились порядки и обычаи старого времени.

Правительство назначало на воеводство дворян в качестве награды за военную службу, раненых и больных, возвратившихся из плена, «за полонное терпение». Сами дворяне, просившие дать им воеводство, смотрели на эту должность как на возможность поправить расстроенное материальное положение. Население подносило воеводе, членам его семьи и его людям подарки деньгами и продуктами. Правительство не преследовало этих поборов, если только не поступали жалобы, что воевода своей непомерной алчностью запустошил тот или иной город с уездом. Любопытный рассказ мы находим у историка XVIII в. Татищева. Один дворянин просил царя Алексея Михайловича дать ему в воеводство такой город, чтобы он мог нажить 500 — 600 руб. Царь послал его в Кострому, сказав при этом, чтобы на нажитые деньги дворянин купил себе деревни. Дворянин, окончив срок воеводства, пожаловался царю, что он нажил только 400 руб. Тогда царь, убедившись в правдивости этих слов, дал дворянину другой, более доходный город. В воеводском управлении смешивались черты старого кормления с новыми элементами централизованного государственного порядка.

Армия. Основу военных сил Русского государства в XVII в. составляли, как и во второй половине предшествующего столетия, дворянская конница и стрелецкие полки. К ним во время войны присоединялись отряды русских казаков, татар, башкир и других народов, входивших в состав Русского государства. Войны первой половины XVII в. наглядно показали отсталость московской военной организации. Поэтому правительство уже в 30-х годах приступило к формированию полков «иноземного строя», приглашая на службу иностранных офицеров, знавших военное дело и имевших боевой опыт.

Полки иноземного строя делились на «солдатские» (пехота), рейтарские и гусарские (конница) и драгунские (действовали и в конном и в пешем строю). В отношении организации, вооружения и обучения полки иноземного строя стояли значительно выше дворянской конницы, а также и стрельцов. Солдаты были одинаково вооружены мушкетами (ружьями), шпагами или пиками. Рейтары одевали тяжелые латы и шишаки (железные шапки особой формы). Вооружение их состояло из пары пистолей и шпаги.

Соотношение между частями армии в течение столетия изменялось в пользу полков иноземного строя. В 1681 г. вся армия насчитывала около 184 тыс. человек (кроме украинских казаков

и разных национальных отрядов), в том числе 90 тыс., т. е. около половины, войск иноземного строя (60 тыс. пехоты и 30 тыс. кавалерии).

В 1647 г. было напечатано первое наставление для военного обучения: «Книга о ратной пехотной мудрости».

Русская армия в XVII в. имела очень многочисленную артиллерию, состоявшую более чем из 3 тыс. орудий (по одной описи в 96 городах насчитывалось 2 730 орудий). Артиллерия подразделялась на крепостную, осадную и полковую (полевую). Пушки — медные, железные и чугунные — были, за редким исключением, отечественного производства. Важнейшим техническим недостатком в материальной части артиллерии был полный произвол в устройстве орудий — в отношении калибра, длины, веса, толщины и пр. Все это всецело зависело от мастера, изготовлявшего орудия, от его умения и опыта. Поэтому, помимо большого разнообразия в калибрах, орудия даже одинакового калибра имели различный вес и устройство. Снабжение разнокалиберной артиллерии боевыми припасами представляло большую трудность. Гордостью русской артиллерии были тяжелые осадные орудия, вызывавшие изумление у иностранцев. Многие пушки носили собственные имена: царь Ахиллес, Аспид, Инрог и др.

Следует отметить появление в XVII в. в устройстве орудий таких нововведений, которые опередили артиллерийскую технику западных стран. Сохранились образцы нарезных, заряжающихся с казенной части, орудий, изготовленных в начале XVII в. (пищаль 1615 г., в канале — 10 нарезов, запиралась с казенной части клином, который входил в горизонтальное отверстие).

Россия, отрезанная от европейских морей, не могла иметь флота. Во второй половине XVII в. была сделана попытка завести флот в Каспийском море, необходимый для охраны русской торговли с Персией. В 1667—1668 гг. с помощью приглашенных голландских мастеров и матросов в селе Дединове, на берегу Оки, был построен трехмачтовый корабль «Орел», вооруженный 22 пушками. Весной 1669 г. корабль был проведен Волгою в Астрахань, где его сжег Степан Разин.

Церковь. Русская церковь дольше, чем государственная система, сохранила пережитки времен феодальной раздробленности, выражавшиеся в отсутствии строгого однообразия в церковных догматах и обрядах. Разница возникла частично в результате самостоятельного развития отдельных церковных организаций и отчасти — при переписке церковных книг. Кроме того, появились некоторые несущественные отличия обрядово-догматического характера между русской церковью и греческой. На неисправность рукописных церковных книг обратил внимание еще Стоглавый собор 1551 г. С этого времени делались неоднократные попытки унифицировать обряды, без чего нельзя было создать строго централизованной организации всей русской церкви. Работа по исправлению церковных книг усилилась после крестьянской войны,

когда стала восстанавливаться и еще больше укрепляться вся централизованная система государства.

В вопросе о том, кто являлся хранителем «древнего благочестия», русское духовенство до XVII в. решительно высказывалось за превосходство русской церкви над греческой, авторитет которой упал после Флорентийской унии и завоевания турками Византийской империи. После крестьянской войны произошли события, которые заставили русскую церковь пойти на сближение с греческой. Польская интервенция, сопровождавшаяся попытками внедрения католицизма, остро поставила вопрос о борьбе с католической пропагандой. В первой половине XVII в. усилилась и другая религиозная опасность — протестантское учение, заносившееся иностранцами—лютеранами и кальвинистами, выезжавшими на московскую службу. Между тем мало образованное русское духовенство чувствовало свою слабость в теоретических спорах и поэтому вынуждено было обращаться за помощью и содействием к греческим ученым монахам. Решительным сторонником сближения с греческой церковью для борьбы с «Лютером» и «латынью» являлся патриарх Филарет.

Церковная борьба еще больше обострилась в 40-х годах в связи с украинско-белорусским вопросом. Напряженная борьба на Украине и в Белоруссии против католицизма и унии была частью народной освободительной борьбы против польского господства. В эту борьбу втянулась и русская церковь, за которой стояло московское правительство. В Москву усилился приезд украинских монахов, воспитанников Киевской академии, основанной Петром Могилой. Сближение с православной церковью на Украине также требовало унификации догматов и обрядов.

Наконец, сближение с греческой церковью вызывалось и общими политическими задачами московского правительства, которое стало разрабатывать план объединения всех православных народов в одном христианском царстве под властью московского государя. Царь Алексей Михайлович заявлял, что считает себя не только государем «всея Руси», но и всего православного Востока. Осуществление этого плана требовало религиозного объединения всех народов, где господствовала православная религия.

В числе подарков, посылавшихся из Москвы православной церкви в греческих и славянских землях, находились богослужебные книги, которые в большом количестве стали печататься в московской типографии. Греческое духовенство обнаружило отличия, содержащиеся в этих книгах, от принятых в греческой церкви обрядов и объявило их «еретическими». На Афоне, считавшемся самым крупным религиозным центром на Востоке, было произведено публичное сожжение московских церковных книг, причем вместе с ними едва не сожгли и старца (монаха), имевшего неосторожность ими пользоваться.

Рассказы о сожжении греками московских книг распространялись среди православного населения, подвластного турецкому сул-

тану, и наносили большой ущерб политическому авторитету московского правительства. Тогда в Москве было окончательно решено произвести обрядово-догматическую реформу, которая сразу приняла широкий размах, как только патриархом стал Никон.

Никон и обрядово-догматическая реформа. В политических взглядах царя Алексея Михайловича особое место занимал образ сильного царя. Идеалом для Алексея Михайловича был царь Иван IV, которому он настойчиво, но безуспешно старался подражать. Царь Алексей Михайлович никогда не отличался твердым характером. Он всегда должен был опираться на какие-то другие, более сильные руки. Сначала царь опирался на своего воспитателя — «дядьку» Бориса Морозова. Затем ближайшим советником стал его тесть — И. Д. Милославский. Морозов и Милославский были опытными дельцами, но не подходили к роли сильных правителей. Царю Алексею после событий 1648—1650 гг. нужен был помощник, способный поднять и укрепить царскую власть, окружить ее особым почитанием и благословением церкви. Такой человек нашелся в лице Никона, сделавшего поразительную карьеру от бедного сельского попа, выходца из крестьянского мира, до новгородского митрополита, а потом патриарха «всея Руси». Авторитет Никона очень сильно вырос после новгородского восстания 1650 г., когда при общей растерянности власти Никон занимал твердую позицию. Если царю Алексею нужен был Никон, то и Никон понимал свое значение для царя. В 1652 г. Никон был поставлен патриархом при особых условиях. Он потребовал от царя торжественного обещания ему, патриарху: «послушатися во всем, яко начальнику и пастырю и отцу краснейшему». С первых же лет патриаршества Никон добился исключительного положения. Подобно Филарету, он стал именовать себя «великим государем и святейшим патриархом». Для царя он был «собинным (близким) другом», а для народа — грозным правителем. Царя Алексея народ видал лишь в торжественной обстановке царского «выхода». Народу лучше был известен другой «великий государь» — «святейший патриарх» Никон.

Первым делом Никона была церковно-обрядовая реформа, произведенная с большой поспешностью в течение 1653—1656 гг.

В 1653 г. на Афон, являвшийся самым богатым хранителем древних греческих рукописей, был послан работавший в Москве грек Арсений Суханов. Ему удалось вывезти в Москву огромное собрание рукописей, доходившее до 500 экземпляров, среди которых были редчайшие памятники VII—X вв. Рукописи церковного содержания должны были послужить основным материалом для решения церковных споров и исправления догматов и обрядов. Но среди рукописей, привезенных Арсением Сухановым, были рукописи и светского содержания, сочинения Софокла, Плутарха, Аристотеля и других, повидимому, предназначенные для открытой в Москве греко-латинской школы.

Уже в 1654 г., т. е. всего лишь через два года патриаршества Никона, церковный собор признал правильным исправление церковных обрядов и постановил произвести сверку церковных книг с древними греческими оригиналами. Исправление книг в Москве производилось при участии киевских ученых монахов. Первые исправленные книги были выпущены из печати в 1655 г. Церковная реформа была утверждена на церковном соборе 1656 г.

Вся церковно-обрядовая реформа Никона поддерживалась царем, так как соответствовала планам в области внешней политики и укрепляла государственную систему в целом. Однако взгляды, развитые Никоном на сущность взаимоотношений между светской и духовной властью, должны были неизбежно привести к полному разрыву. Никон учил, что в мире владычествуют две власти, или, как он говорил, «два меча» — духовный и мирской. По мнению патриарха, бог вручил церковной власти «ключи царствия небесного». Отсюда следовал вывод: царь по объему власти должен быть ниже высшего представителя церкви. Власть церкви — это солнце, царская власть — месяц на небе. Подобно тому как месяц получает свет от солнца и освещает этим светом землю, так царь получает власть от церкви. В своем сопоставлении Никон идет еще дальше. Он уподобляет церковь великой туче, а светскую власть — капле от этой тучи.

В связи с учением Никона о первенстве церковной власти было и его особое отношение к Ивану Грозному. Никон добился перенесения в Москву останков убитого по приказу Ивана Грозного митрополита Филиппа. Во время нового погребения, произведенного с особой торжественностью, Алексей Михайлович должен был даже попросить прощения за своих предков перед гробом митрополита Филиппа.

Внешняя обстановка, которую Никон придал своей власти, еще более подчеркивала его властное положение. В грамотах к иностранным представителям он писал: «Никон божей милостью великий господин». Во время войны с Польшей, когда царь уехал к войскам, Никон стал фактически главою государства. Не ограничиваясь внутренними делами, он проявлял живой интерес к внешним отношениям и к военным действиям. Никон был сторонником широкой завоевательной политики, уговаривал царя взять Варшаву, Краков и овладеть всей Польшей. Он вмешивался даже в стратегические планы, занимался подготовкой для войны вооружения, снаряжения и т. д. Начальники московских приказов должны были ежедневно являться на доклад к патриарху и подолгу ожидать приема у его наружной двери, иногда на сильном холоде. По словам современника, бояре, оставшиеся в Москве, входили к патриарху «с чрезвычайной робостью и страхом». Высокомерие Никона проявлялось даже по отношению к царю. По свидетельству одного современника, Никон говорил: «Мне-де и царская помощь негодна и ненадобна, да таки-де на нее я плюю и сморкаю».

Власть Никона опиралась на колоссальные материальные богатства, которые, хотя и не поддаются точному учету, но во всяком случае были огромны. Не обращая внимания на запрещение церкви приобретать новые земли, Никон во много раз увеличил владения патриаршей кафедры. По современным сведениям, на землях, принадлежавших патриарху, находилось до 120 тыс. крестьянских дворов. Три монастыря составляли его личную собственность. К этим монастырям были приписаны многие другие монастыри и многочисленные земли со всякими угодьями, соляными источниками, рыбными ловлями и пр. Владения патриарха, находившиеся в бесконтрольном распоряжении Никона, представляли по существу большое церковное полугосударство. Население патриаршего владения не знало иной власти, кроме власти, поставленной патриархом. Никон отличался жестокой эксплоатацией низшего духовенства и населения своих вотчин. На его суровость было подано много жалоб, которые царь обычно отсылал самому патриарху. Никона спрашивали: «Какая честь тебе... что всему еси страшен и друг другу грозя глаголят: знаешь ли кто ты? зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк?».

Учение Никона о первенстве церковной власти и его высокомерное поведение вызвали полный разрыв с царем. Поводом для него послужил случай, происшедший в 1658 г. во время приезда грузинского царя в Москву. Никон не был приглашен на торжественную встречу. Окольничий, распоряжавшийся парадом при приезде грузинского царя, ударил по голове служившего у патриарха князя Мещерского. Жалоба Никона на это оскорбление не была удовлетворена. Через несколько дней Никон, после службы в Успенском соборе, демонстративно снял с себя облачение патриарха и надел простую монашескую рясу. Он уехал в один из своих подмосковных монастырей, ожидая посланца с извинением от имени царя. Однако этого не произошло.

Все реформы Никона по укреплению церковной организации были признаны, но сам Никон с его высокомерными взглядами и хищническими приемами был больше не нужен. Через несколько лет Никон сделал попытку восстановить свое положение. В конце 1664 г. он ночью неожиданно приехал в Москву и, как раньше, стал на место патриарха в Успенском соборе. Однако он должен был повиноваться царскому приказу, потребовавшему немедленного удаления патриарха из столицы. Созванный в 1666 г. церковный собор при участии приехавших в Москву греческих патриархов осудил Никона.

Раскол. Церковно-обрядовая реформа была принята огромным большинством церкви и стала поэтому ее господствующей системой, признанной светской властью. В то же время она вызвала в православной церкви раскол, так как часть духовенства не хотела признавать произведенных реформ (впоследствии противников реформ Никона стали называть «старообрядцами»). Противодействия господствующей церкви со стороны раскольников носи-

ли «реакционную форму» (Энгельс), потому что в развитии церкви они видели только вырождение. Раскол не мог остаться лишь внутренним делом церковной организации. Протест против реформ Никона, распространяясь в массе эксплоатируемого населения, стал средством борьбы против господствующей церкви, которая являлась «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя». Поэтому борьба эксплоатируемого населения с господствующей церковью заключала в большей или меньшей степени элементы классовой борьбы.

Одним из первых представителей раскольничьего движения был протопоп Аввакум, происходивший из семьи бедного сельского священника. Незначительное сельское духовенство в XVII в. близко стояло к жизни крестьян. Мы можем проследить, как постепенно развивалось протестующее настроение Аввакума, а его защита старых догматов против нововведений, производившихся патриархом, соединялась с социальным протестом против бесправия и угнетения. Вся жизнь Аввакума прошла в столкновениях с сильными людьми. Будучи сельским попом, Аввакум, в результате преследования со стороны местного воеводы, должен был бросить свой двор и после скитаний оказался в Москве, где сначала сблизился с влиятельным придворным духовенством. За выступление против Никона Аввакум был сослан в Тобольск, а затем на реку Лену. После десяти лет сибирской ссылки Аввакум на короткое время вернулся в Москву и даже помирился с царем. Однако и на этот раз он остался непреклонным противником церковно-обрядовой реформы, несмотря на заманчивые обещания за отречение от убеждений.

Собор 1666 г. проклял Аввакума. Впрочем, и Аввакум не остался в долгу и ответил таким же проклятием членам церковного собора, принадлежавшим к высшему духовенству. Аввакума сослали в Пустозерск, где его посадили в «земляную тюрьму», т. е. в глубокую яму.

Протест Аввакума глубоко консервативен. Аввакум выступал против всяких нововведений, в которых он видел искажение основ русской жизни. С борьбой за старину он соединял огромный религиозный фанатизм. Влияние Аввакума среди народа объясняется его волей и непреклонностью в борьбе с господствующей системой церкви, его обличением сильных людей и его уменьем сделать свое учение легко доступным народному восприятию.

С социальным протестом против реформ Никона ничего общего не имел протест, исходивший из среды богатого посадского населения и части придворной знати, где также были противники реформ Никона (князья Хованские, сестры Соковнины — Морозова и княгиня Урусова и др.). Непризнание в этой среде церковно-обрядовой реформы вызывалось общим религиозным консерватизмом и боязнью ослабления церковного авторитета. Раскольничье движение в народе в конце XVII в. приняло массовый характер,

все теснее соединяясь с классовой борьбой, в среде же господствующего класса оно осталось выражением личных настроений.

Раскольничье движение в народной массе, среди крестьян, мелких посадских и служилых людей, стало быстро развиваться после подавления восстания Степана Разина.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Выпуск медных денег и восстание в Москве в 1662 г. Городские восстания в середине XVII в. явились началом нового обострения классовой борьбы, которая в исходе третьей четверти столетия вылилась в крестьянскую войну под предводительством Степана Разина. Феодально-крепостнический гнет был оформлен в систему крепостного права. Положение крестьянского и посадского населения резко ухудшилось во время продолжительных войн с Польшей и Швецией (1654—1667 гг.), сопровождавшихся увеличением всего налогового бремени. Начиная войну с Польшей за Украину, правительство царя Алексея Михайловича для покрытия крупных военных расходов обратилось к выпуску медных денег. Московское правительство в прошлом не раз прибегало к порче серебряной монеты, понижая ее вес. Однако эти меры, очень распространенные в средневековой финансовой практике, принципиально отличались от той денежной операции, которую произвело правительство в 1654 г. Отношение рыночных цен серебра и меди было 60 : 1, тогда как одинаковое весовое количество этих металлов в серебряных и медных монетах имело одинаковую номинальную (объявленную) цену. Таким образом, выпущенные медные деньги были денежными знаками. Заключенный в них металл (медь) имел ничтожную рыночную стоимость, совершенно не соответствующую объявленной цене.

В результате усиленного выпуска медных денег в течение 10 лет (1654—1663 гг.) в обращение поступило огромное количество денежных знаков. По словам Мейерберга, может быть несколько преувеличенным, всего было выпущено медных денег на сумму 20 млн. руб. Такое количество денежных знаков во много раз превышало потребность в них в соответствии с состоянием товарного рынка. Уже в первые годы денежной операции серебряные монеты стали исчезать из обращения. Крупные купцы и землевладельцы откладывали серебро в виде сбережений. Правительство выкачивало серебро из населения разными способами, в том числе и посредством денежного налога. В результате резкого увеличения количества медных денег на рынке уже в 1658 г. появились две цены: на белые (серебряные) и на красные (медные) деньги. Лаж на медные деньги, увеличивавшийся с каждым годом, привел к вздорожанию всех цен на продукты первой необходимости; особенно резкое вздорожание произошло в городах, не имев-

ших поблизости сельскохозяйственной базы. В самом тяжелом положении оказались мелкие служилые люди, получавшие жалованье из государевой казны медными деньгами, а также посадское население, занятое промыслами и торговлей и покупавшее продукты на рынке.

Медные деньги вызвали серьезную хозяйственную разруху и в деревне. Крестьяне перестали продавать товары на обесцененные медные деньги, что еще больше увеличило недостаток в продуктах. Уже к началу 1660-х годов произошло полное расстройство денежного обращения. Наиболее широкие размеры разорение приняло в Москве. Разрыв рыночной системы поставил мелкие слои московского посадского населения, а также служилых людей, стрельцов, солдат и др., в отчаянное положение. Раздражение населения, нараставшее в течение нескольких лет, привело в Москве в 1662 г. к восстанию, известному в литературе под названием «медного бунта».

Незадолго до московского восстания была объявлена новая экстренная подать — «пятая деньга» (20 проц. с торгов и промыслов), которая еще больше усилила возбуждение среди посадского населения. 25 июля население Москвы горячо обсуждало условия нового сбора. В это же время появились «письма», прибитые к столбам в разных местах города. В них сообщались имена некоторых бояр и крупных купцов, обвинявшихся в измене. Чтение воззваний собрало большую толпу, которая, захватывая по дороге мелкий обездоленный люд и стрельцов, двинулась в село Коломенское, где находился царь Алексей Михайлович. Появление толпы в Коломенском застало царский двор врасплох. Царь находился в церкви празднуя день рождения дочери. Алексей Михайлович вышел к толпе. Вокруг раздались крики с требованием облегчить налоги. По словам Котошихина, народ требовал у царя бояр «на убиение», а царь уговаривал «тихим обычаем», обещал «учинить розыски и указ». Но словам царя не верили. Кто-то из толпы держал его за пуговицу платья и спрашивал: «чему-де верить?». Царь Алексей клялся богом и «дал им на своем слове руку», а один из говоривших даже «бил с царем по рукам».

Поведение царя Алексея Михайловича перед толпой объяснялось полной беспомощностью и желанием выиграть время. В тот момент, когда царь «тихим обычаем» говорил с восставшими, в Москву был послан дворянин с приказом немедленно привести стрелецкие полки, а также полки иноземного строя. Полки были далеко не в полном составе; часть стрельцов и солдат не повиновалась своим начальникам, а часть — находилась среди восставшего населения. Два стрелецких полка прибыли в Коломенское в тот момент, когда вернувшаяся обратно толпа опять настаивала на казни названных ею бояр. Стрельцы были впущены через задние ворота и вместе с дворянами неожиданно напали на безоружных людей. Часть толпы была загнана в реку. По свидетельству Кото-

шихина, вероятно преувеличенному, было пересечено и переловлено, кроме разбежавшихся, более 7 тыс. человек, а около 100 человек потонуло в реке. После этого была произведена суровая расправа с захваченными. Всех арестованных было велено перепятнать: на левой щеке раскаленным железом выжигали букву «Б» («буки» — бунтовщик).

Тревожное настроение в Москве продолжалось и после подавления восстания. Шведский агент в 1663 г. доносил: «В Москве общественное настроение дурное. Там недовольны новыми налогами... слышится повсеместный ропот».

Непосредственным результатом восстания 1662 г. была отмена медных денег. Правительство объявило обмен медных денег на серебряные из расчета 1 проц., что еще более усилило разорение мелкого посадского населения и крестьян.

Положение на Дону перед крестьянской войной. С середины XVII в. приток беглых в область Донского казачества стал резко увеличиваться. Беглые состояли главным образом из частновладельческих крестьян и холопов. К ним присоединялись посадские люди, мелкие разорившиеся ремесленники и торговцы— городской плебс. На юг уходили и служилые люди «по прибору»: стрельцы, казаки, пушкари и пр., которые также чувствовали на себе тяжесть экономического разорения и усиленного податного пресса. Крестьяне иногда снимались целыми деревнями, предварительно разграбив помещичьи усадьбы. Часто ушедшие крестьяне возвращались в старые деревни и уводили с собой остальных. Дворяне устраивали погони за крестьянами, но последние, вооруженные пищалями, луками и копьями, отбивались от преследующих, били их и убивали. Главная масса беглых, направлявшаяся в заокские степные районы, оседала в Воронежском и Тамбовском краях, а также усеивала новыми поселениями (городками) берега верховьев Дона и его притоков: Хопра, Бузулука, Медведицы, Северного Донца.

С середины XVII в. помещичья колонизация стала продвигаться к южным рубежам. Плодородные земли Козловского и Тамбовского краев обладали прекрасными условиями для развития феодального хозяйства. Крестьянину, только-что вырвавшемуся из крепостной неволи и обратившемуся в степного казака, вновь грозила крепостная петля. Поэтому беглые уходили дальше — «на великую реку» Дон.

Во второй половине XVII в. усилилось социальное расслоение казачества. Более зажиточным было низовое казачество, группировавшееся вокруг Черкасска, который являлся административным центром для всего донского казачества. Многие низовые казаки обзавелись промыслами и торгами; в современных документах их называют «домовитыми». Нуждаясь в рабочей силе, домовитые вербовали казачью голытьбу. Иногда они снабжали голытьбу запасами пороха, припасами, а затем отбирали в свою пользу привезен-

ную добычу. Приток большого населения на Дон ставил необеспеченные слои казачества в особенно трудное материальное положение. После того как в 1642 г. за турками окончательно остался укрепленный Азов, для казаков был закрыт выход в Азовское и Черное моря. Казакам поэтому приходилось обшаривать не берега ближайших татарских улусов, а уходить на Волгу, куда их привлекали торговые караваны. Более крупные казачьи экспедиции направлялись по Волге к Каспийскому морю, к «кызылбашам», т. е. к персидским городам.

В конце 60-х годов положение на Дону стало особенно тревожным. Московское правительство было очень обеспокоено ростом беглого населения и в особых грамотах на Волгу и Дон предупреждало воевод о необходимости большей осторожности: «Во многие донские городки, — писалось в одной из царских грамот,— пришли с Украины беглые боярские люди и крестьяне, с женами и детьми и от-того теперь на Дону голод большой».

Крестьянская война под руководством Степана Разина. В июне 1666 г. с Дона к Воронежу подошел отряд донских казаков с атаманом Василием Усом, всего около 500 человек. Отсюда казаки направились к Туле, по дороге к ним присоединялись частновладельческие крестьяне. Когда казаки Василия Уса расположились недалеко от Тулы, то к ним тотчас стали присоединяться крестьяне местных владений, разорявшие помещичьи усадьбы. Семьи тульских помещиков в панике «от казацкого страха и разорения» бежали в Тулу. К казакам пристали также драгуны и солдаты проходившего мимо отряда. В том же году Василий Ус вернулся обратно на Дон. Этот случай показывал, что социальная почва для большого народного восстания была готова.

Летом 1667 г. около города Паншина, на Дону, появился большой отряд голытьбы с атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным, который обосновался на некоторое время на берегу реки. В мае Разин с казаками перешел на Волгу, где захватил караван купеческих судов, состоявший из стругов, принадлежавших патриарху, царю, крупнейшему купцу — гостю Василию Шорину и др. «Ярыжные» люди, работавшие на веслах, присоединились к отряду. Затем Разин захватил судно, которое везло ссыльных людей. Последние также были освобождены и пополнили собою его отряд.

Направляясь далее на юг, разинский отряд разбил высланных против него астраханских стрельцов и по одному из рукавов Волги, минуя Астрахань, выплыл в Каспийское море. В это время он представлял уже внушительную силу, так как состоял из 30 стругов, на которых находилось до 1 500 человек. Из устья Волги Разин направился к Яику. Недалеко от берега моря на Яике находился укрепленный острожок, занятый довольно сильным гарнизоном стрельцов. Разин с небольшой группой казаков подошел к воротам яицкого городка и попросил впустить его для богомолья. Когда ворота были открыты, внутрь городка бросились остальные

казаки. Яицкий городок был взят, а часть его гарнизона перешла на сторону Разина.

Перезимовав в яицком городе, Степан Разин весною 1668 г. направился в море. Сначала он остановился недалеко от устья Терека, где его отряд пополнился новыми группами голытьбы, пришедшей с Дона под влиянием слухов об успехах Разина. С отрядом, выросшим уже до 2 тыс. человек, Разин разорил побережье от Дербента до Баку. Далее он вступил на территорию, подвластную персидскому шаху. Достигнув города Решта, Разин послал шаху предложение предоставить казакам возможность поселиться во владениях Персии. Вскоре, однако, между казаками Разина и местными жителями начались столкновения, которые превратились в настоящую войну. Разин разграбил несколько торговых городов, разорил купцов, но освобождал при этом рабов и русских пленных. В 1668—1669 гг. казаки перезимовали на одном из островов в южной части Каспийского моря. Персидский шах не только отклонил предложение Разина и перебил его послов, но направил против него крупный военный флот, состоявший из 50 кораблей с экипажем, превышавшим 3½ тыс. человек. В сражении с Разиным персы были разбиты. Однако Разину было трудно оставаться на берегах Каспийского моря, далеко от своей базы. У казаков нехватало продовольствия; начались болезни — цынга и лихорадка; много казаков погибло в сражениях с персами. Осенью 1669 г. со всем отрядом, обремененным большой добычей, Разин подошел к устью р. Волги. За время его отсутствия Астрахань была сильно укреплена. Из Москвы был послан воевода князь Прозоровский с ратными людьми, с пушками, ядрами и порохом. Но московское правительство и астраханский воевода, сознавая силу казаков и зная о тревожном настроении на Дону, избегали открыто выступать против Разина. В это время политическая обстановка на Украине и на Дону слагалась крайне неблагоприятно для московского правительства. Есть сведения, что еще в конце 1667 г. Разин вступил в переговоры с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко, приглашая его напасть на пограничные московские города. В январе 1668 г. в Левобережной Украине началось движение части зажиточного казачества во главе с Брюховецким. Брюховецкий, пытаясь воспользоваться восстанием на Дону, приглашал донское казачество «порадеть о золотой вольности», не прельщаться «обманчивым московским жалованьем» и тою «несчетной казной», которую будут привозить царские посланцы. Этими обстоятельствами объясняется нерешительность астраханских властей. Против Разина было направлено на 36 стругах до 4 тыс. стрельцов. Однако столкновения между Разиным и царским отрядом не произошло. Переговоры закончились соглашением, по которому Разину разрешалось пройти с казаками на Дон, но с условием отдать в Астрахани оружие. В конце августа Разин был принят воеводою в Астрахани, однако, оружия, за исключением некоторого количества пушек, не сдал.

Пребывание Разина в Астрахани описал голландец Стрейс, находившийся в числе моряков, навербованных для первого русского корабля «Орел», который был спущен по Волге в Каспийское море. По словам Стрейса, лично видевшего Разина, его появление произвело огромное впечатление среди бедного народа. Голытьба Астрахани наблюдала, с каким богатством вернулись казаки из удачного каспийского похода. «Простые казаки, — рассказывает Стрейс, — были одеты как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканные золотом». Разин, по словам Стрейса, ничем не отличался от остальных, если бы «он не выделялся по чести, которую ему оказывал народ, называя Разина не иначе как батькой» (т. е. отцом). Стрейс оставил и описание наружности Разина: «Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным, прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью». Стрейс должен был признать, что Разин поддерживал строгий порядок среди казаков.

Астраханские власти постарались сами избавиться от Разина. В начале сентября Разин, захватив часть пушек, ушел на Дон, где был с восторгом встречен голытьбой. На острове, недалеко от Кагальника (близ Черкасска), разинцы соорудили «земляной город», т. е. укрепленный валами казачий лагерь. Благодаря этому агенты московского правительства не могли разведать действительных намерений Разина. Между тем в Кагальнике всю зиму продолжалась напряженная подготовка к большому походу. Удачные действия Разина создали ему необычайную популярность, распространявшуюся далеко за пределами Дона. Из разных мест к Разину собирались казаки, крестьяне, холопы, гулящие люди, стрельцы и др. В короткое время Разинский отряд вырос до 3 тыс. человек. В таком составе он не мог оставаться на острове, так как это грозило бы ему голодом.

Весной 1670 г. в Черкасск прибыло московское посольство во главе с дворянином Евдокимовым. Оно имело целью разведать настроение казачества и узнать о планах Разина. Зажиточные казаки с честью приняли московского посла и решили отправить к царю ответную «станицу» (посольство). Между тем на казачий круг прибыл Степан Разин, и настроение казачьей голытьбы резко изменилось. «Станица» была распущена, московский посол был «посажен в воду» (утоплен). Когда атаман Корнило Яковлев, ставленник зажиточного казачества, попытался остановить Разина, последний ответил ему: «Ты владей своим войском, а я владею своим». Однако оказалось, что у Корнило Яковлева не было никакого войска, так как незначительная часть зажиточных казаков была терроризована голытьбой.

Ранней весной Разин покинул Кагальник и пошел вверх по Дону, а затем перешел на Волгу.

Поставив своей целью движение на московские города, а затем и на столицу, Разин предварительно должен был укрепить свой тыл, так как в Астрахани находился сильный гарнизон во главе с

царским воеводой. Главной опорой воеводы были мелкие дворяне, часть стрельцов и нанятый на корабль «Орел» голландский экипаж моряков. Стрельцы не были надежными. По словам Стрейса, они кричали: «Восстань, восстань, народ! К чему нам служить без жалованья и итти на смерть. Деньги и припасы истрачены. Мы не получали платы за год. Мы проданы и преданы!». Настроение малоимущих слоев астраханского населения было, несомненно, в пользу Разина.

19 июня 1670 г. Разин подошел к Астрахани. В ночь на 22 июня часть казачьих отрядов привлекла внимание астраханского гарнизона к одной части города. Другая часть казаков обошла городские стены и с противоположной стороны проникла внутрь города при помощи жителей. К утру последний опорный пункт воеводы — собор — был взят. В Астрахани были убиты сотни «начальных людей», дворян, приказных людей. Погиб и воевода князь Прозоровский.

После 4-недельной остановки Разин пошел вверх по Волге. В Астрахани был оставлен его верный помощник Василий Ус. Большой казачий отряд под командой брата Разина Флора был отправлен на Дон для связи с донским казачеством. С походом Разина вверх по Волге восстание стало быстро распространяться на север, в сторону московских городов, охватывая территорию вотчинного и поместного землевладения, поднимая многотысячное русское крестьянское и нерусское население. С этого времени восстание казачьей голытьбы превратилось в крестьянскую войну. К Саратову Разин подошел уже с ополчением, насчитывавшим 8—10 тыс. человек, большинство которых имело крайне слабое вооружение. «Многие-де люди, — доносил воевода, — у него, Стеньки, без ружья, только-де одни у них дротики».

При приближении этого слабо вооруженного ополчения, в которое большими массами вливались крестьяне, хорошо вооруженные города сдавались почти без боя. Так пали Саратов и Самара; воеводы были утоплены, а большинство дворян — перебито. В начале сентября Разин подошел к Симбирску, но, несмотря на ожесточенный приступ, овладел только одной частью крепости. В главной части укрепленного острова засел воевода с оставшимися стрельцами.

Осада Симбирска длилась с 4 сентября до 1 октября 1670 г. За это время восстание охватило огромную территорию на правом берегу Волги, достигнув реки Оки. Посланцы Разина рассеивались по разным местам с «прелесными письмами». Появление даже небольшого разинского отряда в мелких городках Правобережья обычно служило сигналом для внутреннего восстания. Распространяясь по Волге, восстание стало охватывать верхнее Поволжье. Вблизи Нижнего-Новгорода поднялись крестьяне бывших морозовских вотчин — Лыскова и Мурашкина. Разинцы появились и в области Унжи и Ветлуги.

Между Самарой и Симбирском Разин вступил на территорию со значительным крестьянским населением. Еще на Дону Разин говорил, что идет не против царя, а против бояр. Эта царистская тенденция ясно проглядывала и в тех прокламациях, которые распространял Разин. В них сообщалось, что Разин идет «за великого государя и за всю чернь». Во флотилии Разина находились два струга — баржи. Казаки сообщали, что в одном из них, обитом красным бархатом, находился сын Алексея Михайловича (в действительности царевич Алексей умер за два года до начала восстания Разина). В другой же барже, обитой черным бархатом, будто бы сидел опальный патриарх Никон. Царистские тенденции в идеологии Разина вполне соответствовали настроению крестьянской массы, которая поднималась против своих непосредственных угнетателей, бояр, воевод, дворян, приказных людей, и не понимала связи, существующей между системой феодальной эксплоатации и царской властью.

В революционных прокламациях Разин обращался «ко всей черни». Он звал к себе всех «кабальных и опальных» людей. Его призывы одинаково относились и к русским крестьянам, и к татарам, и к чувашам, и к мордве. Стрейс рассказывает, что всюду говорили об убитых дворянах, что многие «господа» бежали, переодевшись в простое платье. Крестьяне и крепостные приходили к Разину с головами своих владельцев в мешках и клали их к его ногам. Правильное представление о классовой направленности восстания мы получаем из сообщения одного местного дворянина, который при расспросе показал, что «ездя-де они, воровские казаки, по уездам рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных-де людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных служилых людей никого не рубят и не грабят».

Уже летом 1670 г. царское правительство убедилось, что оно не в состоянии местными силами справиться с народным восстанием. 1 августа 1670 г. в Москве была объявлена мобилизация столичного дворянства. Дворянам указывалось ехать сражаться «за великого государя и за все Московское государство и за свои дома». Один из современников — Яков Рейтенфельс оставил подробное описание смотра дворянской армии, произведенного в окрестностях Москвы. Смотр, длившийся около 8 дней, поразил иностранца своей пышностью. Среди поля находилась царская ставка в виде дома, обтянутого снаружи красным сукном, а внутри выложенного белыми и пурпурными златотканными коврами. Вокруг этого дома были расставлены пушки с цепью солдат. Внимание иностранца привлекало исключительно богатое убранство всадников. За каждым из них вели разукрашенного коня в сопровождении многочисленных холопов. Рейтенфельс сообщает, что всего на смотру участвовало до 60 тыс. дворян. Если эта цифра несколько преувеличена, то во всяком случае под Москвой была собрана армия примерно такой численности, в какой она отправлялась на

театр военных действий. Командование ею было поручено князю Юрию Долгорукову.

Через месяц после царского смотра князь Юрий Долгоруков вышел из Москвы. С другой стороны, на выручку симбирского воеводы подошел со свежими силами князь Юрий Барятинский. 1 октября на реке Свияге, недалеко от Симбирска, князь Барятинский напал на Разина. Сражение, начавшееся утром, продолжалось до позднего вечера. «Люди в людях мешались, и стрельба ружейная и пушечная была в притин (в упор)», — доносил Барятинский. Несмотря на упорное сопротивление, казаки были разбиты лучше вооруженными и более многочисленными царскими войсками. Разин, раненый в этом бою, сделал еще попытку овладеть Симбирским острогом, но был отбит. Тогда Разин с частью казаков ушел на Дон, где он еще мог надеяться пополнить свои силы за счет оставшегося на Дону казачества. Между тем восстание продолжало развиваться и после ухода Разина. Признаки волнения появились даже и в самой Москве. По словам современника, в Москве открыто говорили, что «Стенька не вор, но ищет воли и свободы народу, надо его встретить с хлебом-солью».

Партизанская борьба в районах, захваченных восстанием, доставила много хлопот царским воеводам. Крестьяне не в силах были сражаться с хорошо вооруженными на иностранный образец солдатскими полками. Но они нападали на отдельные отряды, перерезывали пути снабжения. Среди партизанских отрядов выделялся отряд под предводительством женщины — «старицы» Алены. Старица Алена, происходившая из крестьянской семьи, жила в одном из монастырей, келью которого она покинула при приближении Разина. Она собрала отряд, который насчитывал до 600 человек и считался одним из самых сильных крестьянских отрядов.

Продвигаясь на юг, князь Барятинский и князь Юрий Долгоруков разбивали по частям отдельные казачьи и крестьянские отряды. Закончив покорение Симбирско-Казанского района, они повели наступление в сторону Пензы и Тамбова. В то же время на соединение с ними двигались правительственные войска из Тамбова.

Центром карательных экспедиций был Арзамас, в окрестностях которого производились массовые казни захваченных в плен казаков и крестьян. По рассказам иностранца, окрестности Арзамаса казались настоящим адом: поля были залиты кровью, в которой лежали сотни отрубленных голов. На виселицах гнили тела повешанных.

Разину не удалось поднять на Дону новые казачьи массы. После ухода голытьбы на Волгу в Черкасске усилилось зажиточное казачество, возглавлявшееся атаманом Корнилой Яковлевым. 14 апреля 1671 г. зажиточные казаки разорили Кагальник, в котором отсиживался Разин, перебили его главных сторонников и захватили Степана Разина и его брата Фрола вместе с их женами.

Скованный железными кандалами, Разин был предан царским властям. 6 июня 1671 г. Степана и Фрола Разиных «четвертовали» в Москве.

Подавление очагов восстания в Приволжье продолжалось до весны 1671 г. Летом 1671 г. сподвижники Разина, оставшиеся в Астрахани, предприняли новый поход вверх по Волге. Атаман Шелудяк в мае пытался овладеть Симбирском, но был отбит. Астрахань была взята царскими войсками только в конце ноября 1671 г. К этому моменту все очаги восстания были подавлены.

Буржуазные историки, пользуясь сообщением Стрейса, видели в восстании Разина личную месть за брата, которого казнил князь Юрий Долгоруков. Сам Стрейс, однако, не верил этому сообщению. Деятельность Разина показывает, что он был не случайным предводителем казачьей голытьбы и угнетенного крестьянства. Личная биография Разина нам плохо известна. Разин родился в станице Зимовейской, где столетием позже появился другой предводитель крестьянства — Емельян Пугачев. До начала восстания Степан Разин участвовал в нескольких походах, вел переговоры с калмыками, дважды отправлялся на богомолье. В 1661 г. он проделал дальний путь через Москву в Соловецкий монастырь. По поверью, ходившему среди казаков, в Соловецком монастыре исцеляли раны, полученные на войне. Путешествуя по стране, Разин должен был столкнуться с разнообразными людьми, увидеть жизнь и быт населения Русского государства, отягощенного разными поборами и феодальной эксплоатацией. Именно в это время, в результате экономического разорения, вызванного войной и расстройством денежной системы (медные деньги), все классовые противоречия должны были проявиться с особой силой.

Успехи Разина создали веру в его непобедимость. Уже при жизни Разина появилась легенда, что Разин «заговоренный» человек, что его пуля не берет. Этому рассказу верили даже царские воеводы. Воевода города Царицына оправдывался перед царем, что «того атамана и эсаула ни пищаль, ни сабля, ничего не возьмет». В народных воспоминаниях Степан Разин сложился в образ чудо-богатыря. Он мог уйти из тюрьмы на лодке, нарисованной углем на стене. Он мог летать на ковре-самолете и т. д. Народный эпос связывал Степана Разина с именем Ильи Муромца. Берега Волги хранят народную память о восстании. В одном месте показывали на «стол Степана Разина», где он обедал с товарищами, в другом — бугор называли «шапкой Степана Разина» и т. д. В народе долго верили, что Степан Разин не умер, что придет время, когда он вновь появится на Волге.

Отношение народа к Степану Разину вылилось в многочисленных народных песнях, которые разносились по разным местам России. В одной из них говорится:

«Ты взойди, взойди, солнце красное,
Над горой взойди, над высокою,

Над дубравушкой над зеленою,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, нас ты беглых.
Мы не воры то, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички».

Общая причина неудачи восстания Разина крылась в условиях крестьянских войн феодально-крепостнической эпохи, в раздроблении, разъединении революционных сил, в локальной ограниченности крестьянских движений, в слабом развитии классового сознания, в неспособности крестьянской массы самостоятельно произвести общественный переворот и закрепить его в новой политической системе. Степан Разин, как и другие вожди крестьянской войны эпохи феодализма, был «царистом», т. е. он выступал против феодалов, но за «хорошего царя».

Победа над крестьянской войной не принесла полного спокойствия московскому правительству. Голландский посол сообщал своему правительству в 1676 г.: «Народ, который здесь очень притеснен и с которым рабски обращаются, непременно восстанет против помещиков и потребует силой, чтобы они возвратили ему свободу; так случилось недавно еще, лет шесть тому назад, когда Стенька Разин опустошил всю страну; тогда тысячами народ нападал на господ и немалое число, и даже из самой знати, ограбил и изувечил. Тоже предстоит всей стране».

Одним из результатов разгрома крестьянской войны было усиление классовых и социальных мотивов в старообрядческом движении. Борьба с господствующей церковью в народе получает в последней четверти XVII в. характер массового движения, сложного по составу и идеологии. «...Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление» *).

Самым крупным эпизодом в этом движении было волнение в Соловецком монастыре, длившееся около семи лет (1669—1676). Движение началось с протеста монастырских властей против ограничения административно-хозяйственной самостоятельности монастыря. Однако вскоре управление монастырем взяли в свои руки рядовые монахи («черные старцы»), большинство которых было выходцами из крестьянского и посадского мира. После разгрома народного восстания в монастырь проникли казаки, стрельцы, холопы и другие «пущие мятежники». Московское войско долго не могло овладеть хорошо укрепленным монастырем, который был взят благодаря измене только в январе 1676 года.

---

*) Сталин. О Ленине, стр. 28—29. Госполитиздат. 1940.

Поражением крестьянской войны и, как следствие этого, разочарованием в успехе борьбы с феодальным угнетением воспользовались различные фанатики и изуверы, призывавшие население «пострадать за старую веру». Они проповедывали скорый приход антихриста и конец мира, застращивали народ и обещали ему за «мученический конец» райскую, блаженную жизнь. Под влиянием проповеди этих изуверов люди добровольно резали себя ножами, топились в реках и озерах, умирали голодною смертью и сжигали себя на кострах. Первые случаи «горения» произошли в 1672 г. в Нижегородском крае, т. е. сейчас же после крестьянской войны. Затем самосожжение распространилось на северные уезды, Поморье и Западную Сибирь. Люди сжигали себя отдельными семьями и целыми деревнями. В Тобольском уезде в 1679 г. одновременно погибло в огне 1 700 человек. Общее число самосожженцев достигло к концу XVII в. многих тысяч человек. Однако во многих случаях проповедь самосожжения встречала резкий отпор со стороны населения.

Спасаясь от преследований со стороны церкви и государства, старообрядцы уходили в приволжские и придонские степи. В конце столетия в верховьях Дона и его притоков появилось большое количество старообрядческих поселений — «скитов». Вместе с религиозным протестом старообрядцы приносили с собой в новые места острую ненависть к феодально-крепостническому строю. Впоследствии старообрядцы приняли деятельное участие в народных восстаниях XVIII века.

КУЛЬТУРА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVII ВЕКА

Отсталость Русского государства в XVII в. Отсталость Русского государства в XVII столетии была основной причиной его слабости. Товарищ Сталин, касаясь истории старой России, говорит: «...Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» *).

В Западной Европе в XVII в. продолжалось накапливание элементов капиталистического производства. В странах, где уже произошло падение крепостного права, торговый капитал быстро разлагал старый способ производства и преобразовывал некапиталистическую промышленность в формы капиталистического производства, главным видом которой становится мануфактура. Этот переход сопровождался внедрением новой техники и значительным ростом производительности труда. Огромные успехи были достигнуты в науке, которая окончательно низложила средневековую схоластику. Гениальные работы Лейбница и Ньютона положили начало новому периоду в развитии математических и физических наук.

*) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 328. Изд. 11.

Россия в XVII в. еще не вступила в период первоначального накопления. Она оставалась феодально-крепостнической страной с отсталым сельским хозяйством и мелким, распыленным ремеслом. Приспособление феодального хозяйства к рынку привело к дальнейшему усилению феодальной эксплоатации и крепостнической зависимости крестьян. Торговый капитал в области сельского хозяйства в XVII в. консервировал феодальный способ производства. При незначительном развитии промышленного производства Россия экономически зависела от стран, поставлявших ей необходимые товары. Собственная военная промышленность не в состоянии была обслужить потребности армии, особенно в военное время.

Русская армия уступала европейским войскам как в отношении организации, так и в отношении вооружения и обучения. Русские войска проявляли большое мужество в войнах, но одерживали победы ценою крупных потерь.

Государственная система с неповоротливой Боярской думой и кучей разнородных приказов, с воеводами в городах, смотревшими на свою должность глазами старого кормленщика, с малообразованной, жадной и нечестной приказной бюрократией представляла собой тяжелую, плохо вертевшуюся машину, сохранявшую многие старые пережитки. В таком состоянии она не отвечала потребностям социально-экономического развития страны.

Отсталости страны в области сельского хозяйства и промышленности, военного дела и государственной системы соответствовала и общая культурная отсталость.

Яркую картину московской отсталости дал подьячий одного из приказов Григорий Котошихин. «Русские люди, — писал он, — природой своей спесивы и необычны (не привычны) ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и бесстыдства, и ненависти, и неправды: для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают».

Горькая насмешка Котошихина над отсталыми порядками своей страны показывает, что вредные последствия отсталости уже сознавались наиболее образованными, передовыми и мыслящими людьми. Крестьянская война и борьба русского народа с польской и шведской интервенцией всколыхнули общественную мысль и задали ей большую работу. Экономическое развитие втягивало Московское государство в более тесное общение с западноевропейским миром. Внутри страны, среди боярской знати, дворянства и купечества, происходил рост материальных потребностей, которые не мог удовлетворить московский рынок.

Образование. Одной из причин культурной отсталости было отсутствие правильного образования. До середины XVII в. можно отметить лишь отдельные, иногда неудачные попытки по устройству школ. Обучение продолжали вести бродячие учителя грамотности и дьячки при церквах и монастырях. Дети обычно начинали учение с 7 лет. За два года они должны были выучиться чтению,

письму и пению. Обучение чтению производилось по азбуке-букварю, а письму — по азбуке-прописи. В первой половине XVII в. наряду с рукописной появилась печатная азбука. Первый печатный букварь вышел в 1634 г. По расходным книгам Московского печатного двора устанавливается, что в середине XVII в. за четыре года было выпущено 9 600 экземпляров печатной азбуки. В 1648 г. в Москве была перепечатана славянская грамматика Мелетия Смотрицкого: «В научение православным, паче же детем сущим».

Обучение детей грамоте производилось при помощи крайне отсталых приемов. Ученик должен был нараспев повторять то, что говорил учитель, при этом азбуку изучали на память сверху вниз и в обратном порядке. «Благоразумная отроча должен по сей лестнице от нижния ступени на вышнюю восступать», — поучает азбука 1634 г. В народе сложилась даже поговорка: «Азбуку учить — во всю избу кричать». Азбука сопровождалась нравоучительными изречениями, поговорками, образцами письма и пр.; например, под буквой «О» было помещено следующее наставление: «Отврати лицо свое от жены чужия, много с ней не беседуй». Одолев с помощью учителя букварь, ученик переходил к чтению нескольких церковно-назидательных книг, большие отрывки из которых выучивал на память. На этом обычно обучение заканчивалось. Лишь немногие не удовлетворялись таким скромным запасом знаний. Главным средством обучения служила розга, изображение которой помещалось в начале учебника. В московском букваре 1674 г. розга даже воспевалась в стихах, переведенных с польского: «Розга ум вострит, памят возбуждает и волю злую в благо преломляет».

Число грамотных людей хотя и увеличилось по сравнению с предшествующим временем, но все же оставалось небольшим. По данным академика А. Соболевского, свыше половины землевладельцев были грамотными (в отдельных случаях, например, среди псковских помещиков в 30-х годах XVII в. грамотные составляли 65 проц.). Процент грамотных между посадскими людьми был около 20. Последние преимущественно принадлежали к высшему, богатому слою торговых людей. Грамотность среди мелких служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей и пр.) была совсем незначительной. Такой же незначительной была грамотность среди крестьянского населения.

Культурное влияние Западной Европы. Рост культурных потребностей усиливался благодаря сношениям со странами Западной Европы, стоявшими на более высоком уровне культурного развития. Московские послы за границей знакомились с чуждой им жизнью и свои впечатления передавали на родине. Большое число иностранцев побывало в самом Московском государстве в качестве послов, мастеров, военных специалистов, купцов и их приказчиков. В некоторых городах уже в конце XVI в. образовались небольшие колонии иностранцев, воспроизводивших в России обычаи далекого Запада. Самой крупной из них была колония в Мо-

скве, получившая название «Немецкой слободы». Поселение иностранцев в Москве возникло еще в конце XVI в. В 1652 г. по настоянию патриарха Никона все иностранцы в столице были удалены за Земляной город, к реке Яузе, где возникла новая «Немецкая слобода» («немцами» называли в России всех иностранцев из Западной Европы, без различия их национальности). Произведенная лет через 10 после этого перепись насчитывала уже 204 дома, принадлежавших представителям различных специальностей: купцам, докторам, пасторам, проповедникам и другим. Среди обывателей слободы были представлены почти все европейские народы, но преобладали выходцы из германских государств. По внешнему виду слобода резко отличалась от других частей Москвы. В противоположность скученным и грязным улицам Москвы, здесь пролегали прямые проспекты, с обеих сторон которых находились дома европейского стиля, окруженные садами и палисадниками.

В результате сближения с Украиной и Белоруссией с середины XVII в. стало усиливаться украинское и белорусское культурное влияние. Большое число украинцев и белоруссов появилось в русских городах во время войны с Польшей и особенно после заключения Андрусовского перемирия. Многие из них уехали в русские земли, чтобы избежать польского преследования. Среди украинцев выделялись воспитанники академии, основанной в Киеве Петром Могилой. К числу ученых киевских монахов принадлежал Епифаний Славинецкий, который являлся в Москве советником по богословским и каноническим вопросам. Крупную роль в качестве воспитателя царских детей играл белорусс по происхождению Симеон Полоцкий. Украинское влияние также способствовало внедрению элементов западноевропейской культуры.

Во второй половине XVII в. среди придворного общества и столичного дворянства находилось значительное число лиц, которые, преодолев старую московскую брезгливость ко всему иностранному, охотно сближались с иностранцами и вводили у себя дома порядки на манер западноевропейской жизни. К числу таких проводников западного влияния принадлежал Ф. М. Ртищев, покровительствовавший ученым киевским монахам. При его помощи было основано общежитие монахов под Москвой, ставшее своеобразной школой для русских учеников.

К числу таких же людей принадлежал крупный дипломат времен царя Алексея А. Л. Ордын-Нащокин, происходивший из псковских служилых людей. Жизнь и служба на западном рубеже приучила Ордын-Нащокина присматриваться к иностранным порядкам и обычаям. Ордын-Нащокин старался действовать «по примеру сторонних чужих земель». Другой, близкий царю Алексею человек, боярин А. С. Матвеев также был, по мнению современников, горячим приверженцем западных обычаев. Стараясь жить «с манеру немецкого», он соответствующим образом обставил свой московский дом.

Живой интерес к западной культуре проявлял сам царь Алексей Михайлович, постоянно дававший своим агентам за границей поручения, касавшиеся той или другой новинки западной культуры. Например, однажды царь поручил одному из своих агентов привезти ему «стекла такие, как под город пришли, и чтобы в городе мочно высмотреть все: стоит тот город головой вниз и человека мочно поставить вниз головою» (имелась в виду линза без выпрямляющего изображения).

Западное влияние раньше всего коснулось материального быта зажиточного дворянского и посадского общества. В обстановке боярского, дворянского и крупного купеческого дома появились иноземные вещи: стулья и кресла, штофы и портреты на стенах, часы, разные безделушки и другие предметы. Вещи иноземного происхождения разносились даже коробейниками вместе с другими товарами и попадали в зажиточные крестьянские избы.

Более сложным было литературное влияние. В XVI—XVII вв. западные страны еще переживали возбуждение, вызванное эпохой Возрождения и Реформации. Однако западноевропейские литературные произведения проходили длинный путь, прежде чем попадали на московскую почву. Передатчиками их были преимущественно Украина и Белоруссия. В Польше были широко распространены литературные переводы с немецкого и латинского языков. Затем эти книги переводились на украинский и белорусский языки и в таком виде, «в украинской или белорусской одежде», попадали в Москву. При последующей переписке они подвергались дальнейшей обработке уже на русской почве. Приток западноевропейской литературы в XVII столетии был огромный. Достаточно указать на сборник, известный под названием «Великое зерцало», который содержал в русской редакции до 900 разных повестей. В числе переводных произведений были разные странствующие истории-легенды, рыцарские романы и пр. В Москве была известна «История о Мемозине», которая во Франции появилась во второй половине XIV в. За рыцарскими романами явились новеллы, небольшие шуточные произведения, стихотворения, повести и пр. Таким образом, западноевропейская переводная литература знакомила русских читателей с жанром светских произведений, описывающих быт и приключения разных людей.

Русская бытовая повесть. В XVII в. появилась и русская бытовая повесть, знакомившая читателя с бытом тех слоев населения, которые раньше не выступали героями повестей. Описание дворянского и купеческого быта часто сопровождалось острой насмешкой. Купеческий быт был описан в повести «О Савве Гудцине» (Савва Гудцин был крупным торговым человеком). Дворянскому быту посвящена «История о российском дворянине Фроле Скабееве». В этой повести рассказывается, как небогатый, но плутоватый дворянин Фрол Скабеев, по профессии ябедник, сумел соблазнить дочь богатого стольника. Он увез ее тайком от родите-

лей и повенчался с нею. Родители должны были примириться с этим фактом, и Фрол Скабеев стал богатым человеком.

Особый интерес представляют сатирические произведения. В них, наряду с шуточными элементами, выступают социальные мотивы. Например, в «Азбуке о голом и небогатом человеке» описывается горькая доля бедняка: «Люди вижу, что богато живут, а нам голым ничего не дают. Чорт знает их, куда и на что деньги берегут». Другая повесть — «Калязинская челобитная» — осмеивала пьянство и распутную жизнь монахов. Повесть «О Ерше Ершовиче» представляла собой сатиру на неправедного судью. Пародия на церковную службу была дана в сатирической повести «Праздник кабацких ярыжек». Весь «праздник» был построен по системе церковного богослужения, только молитвы были заменены иными словами, например, вместо молитвы «Сподоби, господи, в вечор сей без греха сохранитеся нам» стояло: «Сподоби, господи, вечор сей без побоев до пьяна напитися нам».

Наука. Новая политическая обстановка оказала большое влияние на состояние исторической литературы. В XVII столетии окончательно исчезает летописание. Одной из последних летописей, составленных в царствование Михаила Федоровича, была летопись «Новый летописец». Изложение прошлых событий в XVII столетии производится не в форме летописи, а в форме исторических повествований. Большое влияние на них оказали многочисленные западные хроники, в том числе польские хроники Стрыйковского, Бельского и других. Хотя в этих хрониках сообщалось много баснословного материала, но все же они расширяли научный кругозор русских читателей.

В конце 60-х годов дьяк Федор Грибоедов (предок по прямой линии знаменитого русского писателя Грибоедова) составил историю «О царях и великих князьях земли русской». Цель этого произведения совпадала с задачей, стоявшей перед авторами «Степенной книги» времен царя Ивана Грозного. Если «Степенная книга» показывала всю русскую историю в истории русских государей, восходящих по ступеням (поколениям), то история дьяка Ф. Грибоедова стремилась продолжить эти ступени дальше, связав династию Романовых со старой династией. Главным источником для Грибоедова до XVI в. включительно послужила «Степенная книга». Для изложения событий крестьянской войны Грибоедов воспользовался записками Авраамия Палицына.

В 1674 г. в Киеве по инициативе архимандрита Печерского монастыря Иннокентия Гизеля было издано типографским способом обозрение всей русской истории под названием «Синопсис». В этой книге наряду с русскими летописными источниками были использованы и польские хроники. «Синопсис» получил очень большое распространение.

Познания в области естественных наук принадлежали, за небольшим исключением, еще к средневековой схоластической системе. В то время как на Западе гениальный ученый Кеплер по-

ложил твердые основания «небесной механики», позволившей научно объяснить движение планет, в Москве еще господствовала аристотельская натурфилософия с ее геоцентрическими представлениями. Система мира, в которой центральное место занимала земля, была изображена даже на потолке столовой комнаты во дворце Алексея Михайловича. В середине XVII в. в Россию впервые проникло гелиоцентрическое учение Коперника. Ученый киевский монах Епифаний Славинецкий перевел на русский с латинского космографию — «Зерцало всея вселенныя». Вводная часть этого сочинения, излагавшая систему Коперника, попала во многие рукописные сборники XVII в., что может служить свидетельством ее распространения.

Искусство. Общий характер развития русского искусства XVII в. определялся действием социально-экономической обстановки, которая способствовала повороту в искусстве от условности к воспроизведению жизненных явлений, к реализму.

В области зодчества в XVII столетии продолжалось развитие тех тенденций, которые в качестве характерных явлений русского искусства сложились в XVI в. Патриарх Никон, стремившийся ввести однообразную систему во всех областях церковной жизни, хотел унифицировать церковную архитектуру, взяв за образец византийские формы. Но Никон не мог добиться полного однообразия, тем более, что строителями церковных сооружений являлись люди из разных слоев общества. Тем не менее официальный византийский стиль оказал некоторое влияние на развитие русского искусства, в основе которого было шатровое построение храмов.

В конце XVII столетия в Россию проникло влияние западноевропейского стиля барокко, который был применен к местным архитектурным формам и в таком виде получил название «московского барокко». В стиле барокко был сооружен ряд храмов, построенных крупными землевладельцами (Нарышкины, Голицын) и купцами (Строгановы). Элементы стиля барокко перешли и на гражданскую архитектуру.

Образцом великолепного деревянного строительства в русском стиле было сооружение при Алексее Михайловиче Коломенского дворца. Симеон Полоцкий воспел его в своих виршах в качестве восьмого чуда света. Этот дворец производил большое впечатление и на иностранцев. Рейтенфельс сравнивал его с красивой игрушкой. В Москве в последней четверти XVII в. было сооружено несколько дворцов московской знати, среди которых выделялся дом В. В. Голицына в Охотном ряду. Ряд каменных построек сохранился в Пскове. Среди них самым большим зданием являются палаты купцов Поганкиных.

Важнейшим явлением в развитии изобразительного искусства было усиление реалистических тенденций, шедших на смену чисто условных форм иконописного письма. В начале XVII столетия появляется портретная живопись, или, как называли ее в России, «парсунное письмо». В XVII столетии существовал ряд художе-

ственных школ: Новгородская, Строгановская и др. Реалистическое направление живописи вызвало реакцию со стороны части консервативного духовенства. Известный старообрядческий деятель протопоп Аввакум возражал против икон, написанных по «плотскому умыслу». Его противник — патриарх Никон сходился в этом отношении с Аввакумом. Патриарх собственноручно ломал и разбивал иконы нового письма. Тем не менее реалистические тенденции сделали огромный успех. Представителем новой школы живописи был замечательный русский художник Симон Ушаков, на художественное развитие которого оказала влияние нидерландская школа. Симону Ушакову принадлежит первый теоретический трактат о живописи «Слово к люботщателям иконного письма». Ушаков напоминает о поразительном свойстве зеркал, которые в точности воспроизводят реальный мир. Этой способности Ушаков желает и для живописцев.

Новым видом искусства в России XVII в. был театр. До середины XVII в. театральные представления существовали или в виде народного театра скоморохов, жестоко преследовавшихся церковью, или в виде воспроизведения библейских сцен в церковной службе («Пещное действие»).

Русские, попадавшие за границу, имели возможность наблюдать все виды театрального искусства (оперу, балет, драму). Русский посол в Париже Потемкин в 1668 г. присутствовал на спектакле труппы Мольера «Хозяин». Французский дневник сообщает, что спектакль, сопровождавшийся клоунадой и балетом, очень понравился русскому послу и его сыну.

В 70-х годах впервые была сделана попытка организовать театр в Москве. По желанию царя Алексея боярин А. М. Матвеев поручил одному из московских агентов набрать среди «добрых мастеров» разных специальностей трубачей также «самых добрых и ученых» и двух человек, «которые б умели всякие комедии строить». Однако московскому агенту, вступившему в переговоры с лучшими артистами за границей, не удалось их убедить отправиться в Московское государство. Вернувшись не с артистами, а с трубачами, он утешал А. М. Матвеева тем, что «к комедиантам эти трубачи гораздо годны». Обязанности антрепренера и режиссера пришлось принять на себя бывшему пастору кирхи в Немецкой слободе Иоганну Готфриду Григори, который в молодости, прежде чем стать пастором, бывал и солдатом и учителем. Повидимому, ему было известно и театральное искусство. Получив в свое распоряжение денежные средства, Готфрид Григори обучил труппу артистов, составленную из иностранцев, живших в Москве, приготовил декорации, костюмы и оборудовал для театра особое помещение. Первое представление на библейскую тему «Как Юдифь Олоферну отсекла голову» было дано осенью 1672 г. в присутствии царя Алексея, который наблюдал за игрой артистов в течение 10 часов. На следующем представлении, помимо царя, присутствовала вся его семья. Затем театральные представления

стали даваться по праздникам. Театр, предназначавшийся для более теплого времени, был устроен в селе Преображенском. Зимой представление давалось в театре, устроенном над царской аптекой. Это было большое помещение, богато убранное внутри. Сцена отделялась от зрительного зала раздвижными занавесами. Перед сценой было устроено место для царя, а за ним находилась галлерея с решетками для царского семейства. Иоганн Григори был обязан в течение месяца приготовить русских актеров, которых ему было дано в обучение 27 человек. Актеры получали жалованье по 2 копейки в день. Однако, повидимому, эта попытка не увенчалась успехом.

НАРОДЫ СИБИРИ в XVI—XVII вв. ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ ЦАРИЗМОМ

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ СИБИРИ. ПОХОД ЕРМАКА

До середины XVI в. русские экспедиции за Урал носили более или менее случайный характер и ограничивались сбором дани, захватом добычи и элементарным обменом. Планомерное движение на восток стало возможным лишь после падения Казанского ханства. В конце 50-х годов на берегах Камы, на пожалованных землях, возникло обширное хозяйство сольвычегодских купцов Строгановых. Этот край был покрыт густыми лесами, среди которых находились редко разбросанные поселения вогулов (манси). Леса выжигались, и земля возделывалась для пашни. В глухих лесных дебрях возникли русские поселения. Вогулы упорно защищали свои улусы и священные места (мольбища). В 1573 г. вспыхнуло большое восстание на Каме марийцев и вогулов, на помощь которым пришел племянник сибирского хана Кучума. Строгановы ограждали свои владения небольшими острожками, которые являлись опорными пунктами и для продвижения в Западную Сибирь.

В 1574 г. Строгановы получили официальное разрешение отправлять военные экспедиции в Зауралье, «на сибирского салтана» (хана). В течение ряда лет они изучали этот плохо известный русским край и пути сообщения с ним. На службе у Строгановых находился нидерландец Оливер Брюнель. Попав в плен к русским, он несколько лет просидел в заключении, а затем был отдан Строгановым. Оливер Брюнель по поручению своих хозяев совершил две экспедиции за Урал: одну — сухопутным путем, другую — из устьев реки Печоры морем в устье реки Оби. В результате этих поездок Строгановы получили более точные сведения о народах и естественных богатствах Приобского бассейна.

В это время заметно усилилось Сибирское ханство, во главе которого стоял внук Ибака—Кучум. Владения его на юге доходили до Барабинской степи, а на север простирались почти до Ледовитого океана. Под властью сибирского хана находилась также вся область восточных склонов Урала. Центром ханства, как и раньше, была сравнительно ограниченная территория, лежавшая на нижнем течении Иртыша и в бассейне Тобола. Остяцкие и вогульские княжества признавали себя вассалами сибирского хана и платили ему ясак. Таким образом, Сибирское ханство не представляло сильной сплоченной системы, а состояло из многих мелких, разбросанных владений.

Походы за Урал, предпринимавшиеся на средства Строгановых, закончились большой экспедицией под начальством казака Ермака (Ермолая) Тимофеевича, результатом которой был разгром Сибирского ханства.

Прошлое этого выдающегося завоевателя земель Сибири нам плохо известно. По данным сибирской летописи, Ермак разбойничал с казачьим отрядом на Волге. По одному известию, он поступил к Строгановым, страшась наказания за разбои, во время которых пострадал царский посол, следовавший с казной в Астрахань. По другим известиям, Строгановы сами пригласили к себе Ермака с казаками на службу.

В 1581 г. на средства Строгановых была снаряжена большая экспедиция Ермака. Точное число ее участников неизвестно, но, во всяком случае достигало нескольких сотен человек, «буйственных и храбрых». Строгановы снабдили их провиантом, ружьями, свинцом, порохом, пушками.

Необходимо, однако, отметить, что известия об участии Строгановых в снаряжении экспедиции Ермака подвергаются сомнению, так как сообщения об этом находятся не в ранних сибирских летописях, а в «Строгановской летописи», составленной, повидимому, во второй половине XVII в. Ермак отправился со своим отрядом вверх по реке Чусовой, но должен был зазимовать в верховьях этой реки. Место лагеря, огороженное тыном, стало затем известно под названием Ермакова городища. За зиму отряд Ермака уменьшился почти наполовину: часть была убита в мелких стычках с местными жителями, часть погибла от разных болезней и, наконец, часть не выдержала трудностей похода и разбежалась. Весной, перейдя волоком междуречье обоих склонов Урала, Ермак по Тагилу добрался до реки Туры. Во время всего пути происходили частые стычки с вогулами, которые с высоких берегов осыпали казаков тучами стрел, но не могли нанести им существенного вреда. Достигнув Тюмени, Ермак двинулся на Иртыш и Тобол, в центр расположения Сибирского ханства.

Легкая победа Ермака была результатом действия огнестрельного оружия, почти неизвестного местному населению, и внутренней слабости державы Кучума. Сибирская летопись рассказывает, что первые известия о появлении сильного врага ввергли Кучума в глубокую печаль. Люди, встречавшиеся с казаками, сообщили ему, что противники, вторгшиеся в пределы царства, «яко такови суть сильны, егда из луков своих стреляют, тогда огнь пышет, и дым велик исходит и громко блеснет, аки гром на небеси; а как стрелы из луков их исходят, ино их не видят, а уязвляют и смертно побивают, а ущититься от нея никакими мерами, ни ратными збруями не возможно; куяки и бахтерцы, и панцыри, и кольчуги наши наскрозь пробивают...».

Поздней осенью 1582 г. казаки после жестокого штурма овладели главным укреплением Кучума, охранявшим подступы к столице, — Чувашевой горой. После поражения Кучум бежал в южном

направлении в степь. Ермак без боя с казаками занял Кашлык (Сибирь). Вассалы Кучума, платившие дань татарскому хану, не были заинтересованы в том, чтобы охранять своего властителя против смертоносного оружия русских. Часть остяцких и вогульских князьков, а также часть тобольских татар вернулись на покинутые места и согласились давать русским ясак.

Таким образом, непосредственным результатом смелого предприятия Ермака, носившего характер разбойничьего налета, было полное разрушение Сибирского ханства.

Однако занятием Кашлыка и бегством Кучума борьба еще не кончилась. Небольшой казачий отряд, отдаленный от своей базы на сотни верст трудного пути, сам оказался в очень тяжелом положении. Только через два года на помощь ему прибыли свежие войска, посланные московским правительством. Эта небольшая помощь не улучшила положения. Кучум продолжал борьбу, нападал на казаков и наносил им чувствительные потери. Татарам удалось заманить Ермака в засаду, причем сам Ермак при попытке переплыть на ладье Иртыш утонул в реке (1585).

Страдая от недостатка продовольствия, сильно уменьшившийся в числе русский отряд принужден был бросить Кашлык, и кружным путем через Обь и Печору возвратился обратно.

Несмотря на временную неудачу, поход Ермака положил начало планомерному наступлению за Урал. Через несколько лет туда были отправлены новые отряды войск, которые шли уже по путям, проторенным Ермаком. Московские ратные люди строили небольшие укрепленные города, способные выдержать натиск неожиданных нападений. Так возникли Тюмень, Тобольск (недалеко от столицы Кучума, на реке Тоболе), Верхотурье, Тара. Последняя послужила опорным пунктом для наступления в степь. В 1598 г. Кучуму было нанесено сильное поражение, после которого он не мог больше оправиться и вскоре погиб в степях Средней Азии. Борьбу с русскими завоевателями еще в течение нескольких десятилетий продолжали его сыновья и внуки, известные в русских источниках под общим именем «кучумовых детей».

В последнее десятилетие XVI в. было закончено завоевание всего бассейна реки Оби — от Нарыма до Обской губы. В ее восточной части, в глубине «студеной» тундры, был построен Мангазейский городок, ставший крупным центром соболиных промыслов, куда стекались огромные пушные богатства сибирских земель.

НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

Колоссальные пространства Сибири, от Уральского хребта до Тихого океана и Охотского моря и от южных монгольских степей до Ледовитого океана, представляли сочетание трех главных естественных условий: степей, охватывавших преимущественно южную часть этой территории, лесов, тянувшихся широкой полосой от Урала на восток, и «студеной» тундры. Вся эта территория была

прорезана мощными речными системами, представлявшими единственную возможность относительно быстрого и удобного сообщения.

Население Сибири состояло из многих племен, в большинстве случаев еще не утративших основ родового строя. В более или менее чистом виде первобытно-общинный строй сохранялся лишь на северо-востоке Сибири. В остальных сибирских землях он уже находился в процессе большего или меньшего разложения, причем этот процесс совершался быстрее у скотоводов южных степей и у населения, сосредоточенного по течению сибирских рек, втянувшегося в торговое и культурное общение с Китаем и со Средней Азией.

Западная часть Сибири была населена главным образом татарами (между Иртышом и Тоболом), вогулами — манси (левый берег Иртыша, от впадения в него Тобола, и левые притоки Тобола: Конда, Тавда, Тура), остяками — хантами (по течению реки Оби) и самоедами-ненцами (крайний север).

Главным занятием остяков была рыбная ловля. Рыба, сырая и сушеная, составляла основную пищу, а рыбья кожа употреблялась для выделки одежды. Менее важную роль в хозяйстве играл звериный промысел, так как в прилегающей к Оби тундре пушной зверь почти не водился. Охота служила остякам главным образом средством для уплаты ясака.

Вогулы жили на лесистых склонах Урала, богатых разнообразным зверем. Поэтому в их занятиях охота имела большое хозяйственное значение. Частично вогулы знали земледелие, но оно не играло существенной роли. При некотором различии, социальный строй вогулов и остяков был близок друг к другу. Основной ячейкой являлась большая, не разделенная семья, состоящая из отца с сыновьями, братьев с племянниками, а также некоторым количеством пришлых людей. Такая семья составляла отдельный юрт, который в экономическом отношении представлял законченное целое. Несколько вогульских юрт входило в состав более крупного объединения (русские называли их «сотнями»), в основе которого лежали родовые связи. У приобских остяков было распространено деление на «волости», иногда относительно большого размера (в отдельных волостях было до 300 взрослых мужчин).

Отдельные родовые группы и более крупные их объединения входили в состав племенных княжеств, сложившихся еще до начала русского завоевания. Среди остяцких княжеств самым крупным было княжество Кода, расположенное на берегах Оби. Оно просуществовало до 1643 г. Князья Коды после победы казаков Ермака на Чувашевой горе признали себя в вассальных отношениях к Москве. Владения кодских князей были закреплены московским правительством. У впадения реки Оби в море лежало Обдорское княжество. У вогулов самым крупным было Пелымское княжество, которое в свою очередь охватывало ряд мелких образований. Центр этого княжества находился в месте

слияния реки Пелыма с Тавдой. Во главе мелких княжеств стояли местные князья, передававшие власть по наследству. Таким образом, в социальном строе остяков и вогулов можно отметить имущественную и социальную диференциацию, результатом которой было появление родовой знати. Остяцкие и вогульские князьки владели значительными промысловыми угодьями, рыбными ловлями и местами охоты. Они получали подарки со своих соплеменников, которые русские называли «поминками». Богатства князьков еще больше увеличивались в результате поступления дани (ясака) с соседних покоренных племен. Мелкие остяцкие и вогульские племена и княжества вели постоянную войну между собой, результатом которой для победителей была добыча и военнопленные, превращавшиеся в рабов. Патриархальное рабство было относительно широко распространено в хозяйстве князьков. Трудом рабов обслуживались промысловые угодья.

Наконец, следует отметить наличие обедневших людей, не имевших возможности собственными силами вести рыболовное или охотничье хозяйство. Обычно такие люди поступали на службу или шли в кабалу к богатым князькам и работали в их хозяйстве. Торговля, известная остякам и вогулам еще до русского завоевания, усилилась с приходом русских промышленников и купцов.

Обширные пространства северной тундры—от Канина полуострова до низовьев реки Енисея и реки Хатанги — занимали ненцы (самоядь). Со стадами оленей ненцы переходили с места на место в поисках неистощенных пастбищ. Оленеводство доставляло все необходимое для жизни ненцев: мясо шло в пищу, а шкуры были главным материалом для устройства жилья. Меньшее значение в хозяйстве имела охота на диких оленей и песцов, а также рыбная ловля. Продукты охоты служили предметами обмена с соседними народами — с остяками, а потом с русскими промышленниками и купцами.

Основой социальной организации ненецкого населения был патриархальный род, слегка лишь затронутый разложением. Родовые обычаи у ненцев были более прочными, чем у их соседей—остяков. Первоначально каждый род ненцев представлял вполне самостоятельную единицу. Он возглавлялся родовладыкой, которого русские называли князем, и род носил название по его имени. Власть родовладык была очень большой; в XVI в. они являлись и жрецами (шаманами); но в XVII в. шаманы уже сложились в особую категорию. Несмотря на относительную прочность родовых организаций, и среди ненецкого населения можно отметить элементы имущественной диференциации. Русские источники XVII в. знают богатых ненцев, владевших большими стадами оленей. В то же время бедный ненец совсем не имел животных и принужден был искать заработка.

Территория, лежавшая на восток от Енисея до Охотского моря и от Забайкалья до Ледовитого океана, была занята эвенками (тунгусами). Большая часть этой территории была покрыта леса-

ми, богатыми пушным зверем. Поэтому основным занятием эвенков была охота. В поисках зверя эвенки часто меняли места и только на время останавливались в становищах, где разбивали чумы (шалаши, покрытые оленьими шкурами). Подсобным занятием для них была рыбная ловля. В южной части Забайкалья эвенки занимались скотоводством. Основой социальной организации также был родовой строй при некоторых элементах начавшегося разложения. У эвенков существовало патриархальное рабство, необходимое для развитого скотоводческого хозяйства. Несколько родов входило в состав племенного объединения, что также указывает на начавшееся разложение родового строя.

В области верхнего течения Енисея обитали тюркские или отюреченные племена. Среди них самым крупным племенем были киргизы, которых китайцы называли хакасами. Киргизы были скотоводы. Они делились на три княжества, причем общие дела решались на съезде «всей киргизской земли».

Территория около Ангары и берегов Байкальского озера была занята родственными монголам бурятами («братские народы» по терминологии русских XVII в.). Главным занятием бурят также было скотоводство. Западные буряты занимались, кроме того, примитивным земледелием. Среди бурят в XVII столетии существовала значительная социальная диференциация, на основе которой в конце XVII — начале XVIII вв. стали слагаться феодальные отношения. Недавно в архивных материалах была найдена запись обычного права бурят, сделанная в конце XVII в. в Балаганском остроге на основании показаний бурятских «лучших» людей (нойонов). По своему содержанию она напоминает подобные же «варварские правды» других народов. Анализ этой записи бурятского обычного права раскрывает перед нами социальные отношения общества, которое хотя и сохраняло основы родовой организации, но уже находилось на пути превращения в классовое общество. Кровная месть, характерная для родового общества, заменена штрафом в пользу пострадавших. В системе штрафов резко проведена разница между свободным и рабом. За убийство свободного мужчины виновные должны были уплатить штраф в размере 66 голов лошадей и рогатого скота (за свободную женщину — половина). За убийство же раба виновный отдавал только одну «добрую» лошадь с седлом и с уздою или уплачивал соответствующую сумму денег. Повидимому, это соответствовало средней стоимости раба.

Область верхнего и среднего Приамурья, тянувшаяся неширокой плодородной полосой от слияния Шилки и Аргуни до устья р. Дондона, занимали племена дауров и дучеров. Даурам принадлежала западная часть этого района, включая нижнее течение р. Зеи. Далее, вниз по Амуру, а также по Уссури, жили дучеры.

Основным занятием этого населения было земледелие. Из зерновых культур возделывались рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха. Относительно высоко было развито огородничество

(огурцы, чеснок, бобы и пр.). В садах росли груши и яблони. Второстепенное значение имели охота и рыболовство.

Дауры и дучеры подразделялись на небольшие родовые группы — «улусы», во главе которых стояли князьки. В состав рода входили не только сородичи, но и пришлые, а также зависимые люди. Земля, по крайней мере в основной части, еще находилась в общинном владении. Однако среди сородичей уже не было полного равенства. У дауров существовал княжеский род, представители которого сидели по отдельным улусам, подчиняясь старшему или главному князю.

Центром отдельного улуса был городок, окруженный рвом с валом и обнесенный деревянной стеной с башнями. Некоторые городки имели две стены, пространство между которыми и заполнялось землей. Постройка хорошо укрепленных городков была вызвана постоянной борьбой между родо-племенными группами, характерной для времени распадения первобытно-общинного строя. Дауры имели довольно высокую культуру, в которой было заметно китайское влияние. Они жили в деревянных и каменных домах, носили одежду китайского покроя, получали через купцов шелк и другие китайские товары. В первой половине XVII в. население Приамурья платило дань богдыхану, которую собирали присылавшиеся из китайских городов сборщики.

В низовьях Амура жили гольды (очаны), занимавшиеся исключительно рыбной ловлей. Их одежда состояла из сшитых рыбьих кож, которые затем раскрашивались красками пестрых цветов. Китайцы называли очан и их соседей-гиляков «жителями северных стран, одевающимися в рыбью кожу». Очаны жили родовыми общинами, но уже знали некоторую социальную диференциацию.

Бассейн среднего течения реки Лены от Олекмы до Вилюя населяли якуты (сахи). Главным занятием их было скотоводство. Якуты заготовляли сено на зиму, вели молочное хозяйство; населению были известны некоторые виды ремесла, особенно кузнечное дело. Якуты жили в более или менее постоянных селениях, в деревянных избах. Лето население проводило на пастбищах.

Якуты распадались на большое число независимых родо-племенных групп, каждая из которых имела особое название. (В середине XVII в. было известно до 70 племенных названий у якутов). Племена не были многолюдными, только самые крупные из них насчитывали от 500 до 900 взрослых мужчин. Родо-племенная группа сообща владела пастбищной территорией, охотничьими угодьями, местами рыбной ловли. Скот и все имущество принадлежали не общине, а отдельным семьям. Поэтому среди якутского населения к моменту русского завоевания существовало имущественное неравенство хотя и сохранились некоторые пережитки родового строя (экзогамия, родовая кровная месть). В хозяйстве использовался труд рабов (патриархальное рабство). Рабами становились захваченные на войне пленные и обедневшие скотоводы

как сородичи, так и люди чужих родов. Положение последних было более тяжелым.

Во главе родов и племен стояли князьки — «тойоны», общественные функции которых ограничивались предводительством на войне. Тойоны выделялись из остального населения размером своего скотоводческого хозяйства. Они имели более или менее значительное число рабов, слуг и зависимых людей. Дружины тойонов состояли из нескольких десятков, а иногда и сотен воинов. Во главе этих дружин тойоны ходили в грабительские набеги на соседей, отгоняли скот и уводили в плен людей.

Якутская народность сложилась из нескольких этнических групп, местных и пришлых. Якутский язык очень близок к тюркским языкам (казахскому, киргизскому и др.), но имеет и много слов монгольского происхождения. Предполагают, что части тюркских и отчасти монгольских племен, жившие раньше в районе Прибайкалья, постепенно передвинулись в бассейн среднего течения Лены. Эти группы племен привели с собою скот (древнее местное население, жившее на Лене, занималось охотой и рыболовством) и ввели в употребление железо. Возможно, что начало этого передвижения следует отнести к XII в. и поставить в связь с перегруппировкой племен во время образования державы Чингис-хана. На новых местах пришлое население слилось с местным населением. Так сложилась якутская народность. Интересно отметить, что среди якутов сохранились предания, что их предки пришли с юга, спустившись вниз по большой реке (Лене).

В XVII в. среди якутов продолжался процесс образования классового общества. Огромное значение имело усиленное развитие частной собственности на землю, которая захватывалась тойонами. Патриархальное рабство вытеснялось феодальными формами зависимости.

По тундрам северо-восточной Сибири бродили мелкие племена, находившиеся еще полностью в стадии первобытно-общинного строя.

По рекам, впадающим в Ледовитый океан, жили юкагиры (одулы).

Чукотский полуостров был занят чукчами (луораветланы). К югу от них обитали коряки (нымыланы).

Основная территория Камчатского полуострова была занята камчадалами (ительмены).

На Сахалине жили айны, которых родственные им гиляки называли «волосатыми людьми»; они носили кости в ушах и носу, орлиные перья завязывали наверху в пучок.

Все эти народы пользовались еще костяными и каменными орудиями и не знали употребления железа. Главным их занятием были морской промысел и рыбная ловля. Охота на пушного зверя до прихода русских не имела существенного значения.

ЗАВОЕВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ в XVII веке

Несколько дорог вело из Поморья в Зауралье и далее в глубь сибирских земель. Одним из самых древних был путь, проходивший по течению реки Печоры и ее правым притокам (р. Уса с ее притоками), близко подходившими к левому притоку Нижней Оби — Соби. Водораздел между бассейнами Печоры и Оби проходили «волоком», т. е. перетаскивали ладьи и переносили на себе груз. Этот путь современники называли дорогою через «Камень» (Уральские горы), или просто «чрезкаменный путь». Им пользовались еще новгородцы в походах в Зауралье. «Чрезкаменный» путь, несмотря на огромные трудности, связанные с плаванием по рекам вдоль безлюдных лесных пространств и опасностью от нападений при переходе через волок, в течение всего XVII в. сохранял крупное экономическое значение в качестве «большой сибирской дороги».

До начала XVI в. существовал путь морем мимо Пустозерского острога (в устье р. Печоры), вдоль побережья Ледовитого океана, в Обскую губу. Путь «морем-окияном» совершался на небольших плоскодонных барках, ходивших под парусами. Морской путь представлял большие опасности для русских мореходов, смело преодолевавших «непроходимые злые места».

После завоевания Казанского ханства и Западной Сибири стало возрастать значение путей, которые вели за Урал с верховьев бассейна р. Камы. В конце XVI в. был проложен самый короткий путь — от Соликамска в верховья реки Туры. В 1598 г. в верховьях этой реки был основан город Верхотурье, игравший потом столь значительную роль в сношениях с Сибирью, что иностранцы называли его «воротами Сибири». Дорога через Верхотурье была дорогой, официально признанной московским правительством.

Русское продвижение на восток, достигшее в конце XVI в. реки Оби, было несколько задержано во время крестьянской войны и борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией, хотя и в это время оно не остановилось вполне. С большой силой наступление на восток развернулось к 20-м годам XVII в. Большие сибирские реки — Обь, Енисей, Лена, впадающие в Ледовитый океан, составляли естественные рубежи продвижения. Левые и правые притоки разветвленной речной системы Сибири близко подходят друг к другу и составляют почти параллельные дороги. Северный речной путь в основном был образован Нижней Тунгуской (правый приток Енисея) и Вилюем (левый приток Лены). Южнее лежал второй речной путь, проходивший по правым притокам Оби (Кеть) и Верхней Тунгуски (Ангара), а также по верховьям реки Лены. Между верховьями сближавшихся между собой рек лежали волоки, через которые лодки и груз люди волочили на себе. Таким образом, продвижение на восточном направлении совершалось одновременно по нескольким речным путям. Удобное

расположение речной системы Сибири весьма облегчало это движение, так как тундра северных районов и тайга южных представляли почти непреодолимые препятствия.

Захват обширных сибирских земель совершался без определенного плана. Это не было организованное и систематически проводимое наступление. Слабость сопротивления со стороны коренного населения при перспективе легкого обогащения способствовала широкому развитию частной инициативы. Обычно впереди шли ватаги купцов и промышленников, организованные на частные средства. По следам промышленников, а иногда и самостоятельно двигались служилые люди из разных сибирских городов. Все эти ватаги промышленных и служилых людей ставили своей задачей поиски «немирных землиц», еще не обложенных ясаком, мест, богатых соболем. За ватагами завоевателей двигалась правительственная власть, которая закрепляла пройденные пространства постройкой небольших деревянных острожков. Затем острожки становились военно-административными центрами и местами торгового обмена.

В 1619 г. на Енисее был построен Енисейский острожок. С Верхней Тунгуски (Ангара) открывались пути в страну бурят. Буряты оказали сильное сопротивление. Но уже через десяток лет после основания Енисейска промышленники и служилые люди вышли на верхнее течение Лены, где построили на волоке Илимский острог и другой острог в верховьях Лены. Еще несколько раньше на Лену вышла военно-промысловая экспедиция со стороны Нижней Тунгуски. В 1632 г. был основан Якутский острог, который вскоре стал административным центром обширного воеводства. В Москве быстро оценили экономическое значение северо-восточной окраины Сибири, на которой еще «не испромышлялся соболь». Из Якутского острога выходили многочисленные военно-промышленные экспедиции, широко раздвинувшие границы московских владений. Всего через год после основания Якутского острога экспедиция Ильи Перфильева с промышленными людьми спустилась на лодках по Лене в океан. Следуя вдоль берега на восток, она достигла устья реки Яна. Другая такая же экспедиция достигла устья реки Индигирки.

Плавание по Ледовитому океану на небольших парусных плоскодонных лодках (кочах) являлось выдающимся по смелости предприятием. Несмотря на огромные трудности, стоявшие перед промышленниками и служилыми людьми, на необозримые, лишенные населения и продовольствия пространства, на неблагоприятные климатические условия, на суровые северные штормы и неожиданные движения льдов, казаки и промышленники на небольших ладьях уходили далеко в Северный океан.

Из этих экспедиций вышло замечательное предприятие якутского казака, устюжанина по происхождению, Семена Дежнева. В июне 1648 г. С. Дежнев вышел на 6 кочах (парусных лодках), имея 80 человек экипажа, из устья реки Колымы, взяв направле-

ние на восток. Через три месяца опасного плавания по океану он достиг Чукотского носа (мыс Дежнева). Участники экспедиции выходили на берег, где имели стычки с эскимосами. Про последних Дежнев говорил, что соседи называли их «зубатыми людьми», так как эскимосы продевали через губы по два моржовых клыка. Во время дальнейшего плавания буря разбросала кочи по морю; коч Дежнева был выброшен на берег к югу от устья реки Анадыря.

Таким образом, С. Дежневу и его спутникам принадлежит честь открытия пролива, отделяющего азиатский материк от Северной Америки. Это замечательное открытие к началу XVIII в. было настолько основательно забыто, что в научной литературе в Германии шел спор о том, соединяются ли между собой азиатский и американский материки.

В 1639 г. отряд атамана Копылова поднялся по р. Мае (приток Алдана) и, преодолев трудный Становой хребет, вышел на берег Охотского моря, где было построено несколько острожков.

Если основной причиной, направлявшей отважных «землепроходцев» в трудно доступные северные пространства были поиски богатых соболиных мест, то Даурская земля (Амурский край) привлекала прежде всего своим хлебным обилием. Тунгусы, жившие по Олекме и Алдану, рассказывали русским о «хлебных людях», живших на «хлебной реке» Амуре (т. е. о населении Приамурья, занимавшемся хлебопашеством). Между тем снабжение хлебом русских служилых людей в Якутском остроге и в других местах северо-восточной Сибири представляло весьма сложную задачу; хлеб приходилось вести за тысячи верст по труднейшему пути. Поэтому обладание местным районом сельскохозяйственной культуры имело исключительно большое значение в деле освоения края и эксплоатации его пушных богатств. Почти одновременно в Даурию двигались промышленники и служилые люди из Якутского острога и от Байкала, вблизи которого был построен Иркутский острог (1652).

В 1643 г. из Якутска снаряжена была экспедиция под начальством Василия Пояркова. Она везла с собой пушку, свинец и порох. Экспедиция двигалась по Лене, затем по Алдану и Зее. Путь был очень труден, приходилось преодолевать многочисленные речные пороги, которые при быстром течении реки создавали грозные препятствия. Во время зимовки на реке Зее экспедиция Пояркова испытывала ужасные бедствия. После того как кончился захваченный в дорогу провиант, начался сильнейший голод. Обессиленные участники экспедиции ели даже трупы убитых. На следующее лето Поярков все же вышел на Амур и спустился по реке до моря, а затем вернулся в Якутск. Василий Поярков, собравший сведения о Даурской земле, представлял ее как заманчивый край, от обладания которым следовало ожидать «многие прибыли». «Те земли, — доносил В. Поярков, — людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны». Эти

рассказы еще больше укрепили мнение о большом экономическом значении Даурии.

Новая экспедиция в бассейн Амура была совершена по инициативе Ерофея Хабарова-Святицкого, происходившего из пашенных крестьян Устюжского уезда. Разбогатев в Сибири, Ерофей Хабаров-Святицкий занимался торговлей и скопил значительные средства, которые вложил в организацию похода на Амур. Воевода Якутска оказал ему помощь оружием, запасами продовольствия и собственными средствами, которыми воевода охотно ссужал торговых людей под большие проценты. С партией промышленников и казаков, насчитывавшей около 70 человек, Ерофей Хабаров отправился из Якутска по реке Олекме и ее притоку Тугиру, откуда весной 1650 г. перешел на Амур. Дауры уже были предупреждены о движении русского отряда и покинули свои поселения.

Двигаясь вниз по Амуру, казаки Хабарова встречали брошенные жителями хорошо укрепленные города со рвами и башнями. Лишь с большим трудом им удалось захватить несколько пленных, от которых они получили некоторые сведения о стране. При дальнейшем движении Хабарову пришлось уже отражать нападения дауров. Убедившись в том, что его малочисленный отряд не в состоянии овладеть огромной страной, имеющей значительное население, Хабаров оставил отряд на зимовку, а сам отправился за помощью в Якутск. Весной следующего года он привел около сотни человек, вооруженных ружьями и тремя пушками. С пополненным отрядом Хабаров поплыл вниз по Амуру. Казаки жгли городки и деревни, расположенные по берегам реки, убивали жителей, захватывали в плен женщин и детей, собирали ясак. В некоторых местах дауры отчаянно сопротивлялись, но не могли одолеть казаков, вооруженных огнестрельным оружием. На Амуре казаки впервые столкнулись с китайцами, которые приходили в Даурию для сбора дани. Всего Хабаров пробыл на Амуре около трех лет. За это время казачий отряд поставил несколько острожков.

Известие о захвате Амура вызвало в Москве большой интерес. На Амур был командирован дворянин. Обратно в Москву он отправился вместе с Хабаровым, который получил награды, был возведен в дворяне, но больше не вернулся в завоеванный им край.

Московское правительство опасалось вступать в управление Даурской землей, так как не без основания рассчитывало на осложнения с Китаем. Вскоре после отъезда Хабарова перед русским отрядом, засевшим в наскоро построенном Комарском острожке, появилось значительное китайское войско. Обстреляв острог из пушек, китайцы затем целую ночь штурмовали его, но были отбиты. Воспользовавшись этим, казаки произвели удачную вылазку. Трехнедельная осада острога не поколебала защитников. Китайское войско сняло осаду и отошло за Амур. Между тем положение казаков становилось с каждым годом труднее. Продолжавшиеся столкновения с китайцами и недостаток продовольствия заставили небольшое число остававшихся казаков покинуть берега Амура.

Однако рассказы о богатствах Даурской земли, о ее многих городах, о хлебородной земле и ценной пушнине продолжали привлекать внимание промышленников и казаков. На свой страх и риск они совершали отдельные походы на Амур, которые по существу были простыми грабительскими набегами. Предводителем одной из таких экспедиций был Никифор Черниговский. Поссорившись с одним из сибирских воевод, Никифор Черниговский убил его, а затем, опасаясь наказания, собрал казаков и вместе с ними отправился на Амур. В 1665 г. на Амуре, на месте разоренного городка даурского князя Албаза, казаки отряда Никифора Черниговского поставили новый острожек, получивший название Албазина. В сущности это было поселение вольной казачьей общины, не подчинявшейся никакой власти. Все дела решались в казачьем кругу. Поэтому русские воеводы называли Албазин «воровским острожком». Албазин быстро заселялся; за казаками потянулись промышленники, купцы и крестьяне. Постепенно приспосабливаясь к новым условиям, русские поселенцы завели сельское хозяйство и стали снимать богатый урожай с тучного амурского чернозема.

По мере продвижения на восток Сибири русские все ближе подходили к границам китайских владений. Первое посольство в Китай относится к 1618—1619 гг. После выхода в бассейн Амура московское правительство решило отправить новое посольство во главе с Байковым. Официальной целью его было установление торговых отношений. Но неофициальной и действительной задачей являлось изучение Китая и выяснение его отношения к появлению русских в Даурии. Посольство Байкова (1654—1658) также окончилось неудачей.

Китайцы были очень обеспокоены появлением русских, которых они называли «ло-че». О русских им было известно, что это люди «храбрые как тигры и искусные в стрельбе». В Китае недоверчиво отнеслись к предложению русских послов установить мирные торговые сношения.

Во второй половине XVII в. было еще несколько поездок русских в Китай. Самой крупной из них было посольство Николая Спафария (1675—1677). Переговоры Спафария, продолжавшиеся около года в Пекине, велись при посредстве иезуитов. Проникнув еще при старой династии в Китай, иезуиты заняли очень влиятельное положение. Они являлись главными советниками богдыхана в европейских делах Китая. Посольство Спафария также потерпело неудачу. Поводом к ней послужило невыполнение русскими послами унизительных требований китайского церемониала. Но действительная причина заключалась в начинавшейся борьбе за Даурию (Амурский край).

В начале 80-х годов китайцы вытеснили русских поселенцев из восточного Приамурья. Ниже устья Зеи они построили на правом берегу Амура крепость Аргун, которая являлась опорным пунктом для действий в верхнем Приамурье. В течение нескольких лет китайцы внимательно изучали Албазинский район. В 1685 г.

многотысячное китайское войско осадило Албазин, защищавшийся четырьмя с половиной сотнями русских казаков, промышленников и крестьян под начальством воеводы Алексея Толбузина. Гарнизон, истратив запасы пороха и свинца и исчерпав продовольствие, покинул Албазин. Китайцы разорили остатки города. Но на следующее лето Алексей Толбузин с казаками и промышленниками вернулся на старое место. В короткое время крепость была восстановлена. Через несколько месяцев, летом 1686 г., под Албазином вновь появился большой китайский флот, состоявший из 150 речных кораблей, каждый из которых вмещал 20—40 человек. По берегам двигались отряды конницы. Гарнизон Албазина упорно защищался в течение десяти месяцев, несмотря на жестокий обстрел крепости и недостаток продовольствия. Во время осады был убит Толбузин. В мае следующего года китайцы прекратили осаду и отошли на несколько километров от города. В Пекин в это время прибыли гонцы из Москвы с известием о согласии Московского правительства начать мирные переговоры. Благодаря отдаленности Амура и трудности сообщения, московское правительство было не в состоянии поддерживать в Приамурье небольшие русские городки. В 1689 г. в Нерчинске был заключен мирный договор, по условиям которого русско-китайская граница была установлена по рекам Аргуни и Горбице.

СИБИРЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ЦАРИЗМА в XVII веке

Присоединяя сибирские земли к владениям московского государя, русские накладывали на покоренное население натуральный налог, носивший общее название «ясака». Значительная часть сибирского населения платила ясак разным феодальным владельцам еще до прихода русских. Поэтому московскому правительству оставалось систематизировать эту существовавшую систему обложения и распространить ее на ту часть населения, которая не знала регулярной подати. Ясак собирался шкурами наиболее ценного пушного зверя: соболей, чернобурых лисиц, куниц, россомах, горностаев, бобров, белок и др. По форме обложения ясак распадался на окладной и неокладной. При окладном ясаке размер дани заранее точно определялся. Сначала ясак устанавливался в виде определенного количества шкурок зверя с каждого обложенного человека или отдельного хозяйства. Ввиду того, что качество шкурок было не одинаковое, а цены на них подвергались рыночным изменениям, случайным или более постоянным, ясак впоследствии был переведен на денежное исчисление. При неокладном ясаке размер его не определялся, а сборщики брали с населения «то, что принесут». Этим ясаком облагалось то кочевое население, сбор податей с которого трудно было подвергнуть какой-либо регламентации. Помимо окладного и неокладного ясака население давало «поминки» (дары). В начале они носили добровольный характер, но постепенно превратились в принудительный дополнительный сбор.

Воеводы установили, кроме царских поминок, еще свои собственные «воеводские поминки». Правительство наложило руку и на этот сбор. Таким образом, натуральная подать развилась в целую систему обязательных и формально добровольных, а в действительности также обязательных приношений. За всем этим следовали еще сборы в пользу сборщиков и воевод.

Чтобы заставить население давать полностью ясак, с него бралась присяга — шерть. Шертовали, т. е. присягали, согласно религиозным обрядам и обычаям. Однако присяга не всегда обеспечивала поступление ясака. Поэтому наряду с ней русские воеводы и сборщики брали заложников (аманаты), обычно из числа родовитых и богатых людей, пользовавшихся влиянием среди населения. Часто аманатов захватывали силой и держали в особых помещениях, иногда скованными в ножных кандалах. Объезжая определенную территорию, сборщики везли с собой связанных аманатов, привлекали этим местное население и заставляли его уплачивать ясак.

Однако и захват аманатов не всегда гарантировал поступление налогов. Московское правительство предписывало сборщикам действовать то страхом, то «ласкою и приветом». Ясачным людям, т. е. тем, кто исправно оплачивал ясак, выдавалось «государево жалованье». Оно состояло из бисера разных цветов, олова, оловянной и медной посуды, железных изделий, предметов украшений и пр. В ряде случаев эти «отдарки» превращались в своеобразную мену с ясачным населением на дорогую пушнину. Той же цели служило угощение ясачных людей. Местных жителей приводили в избу, являвшуюся местом сбора, предварительно продемонстрировав перед ними военную силу русской власти. Служилые люди одевались в полный военный наряд и для большего впечатления стреляли в тундру из ружей и пушек. Затем производилось угощение людей, приехавших с ясаком.

В результате всех этих сборов в царскую казну поступали огромные пушные богатства, выражавшиеся в десятках тысяч соболиных шкур, кроме других менее ценных мехов. Общая сумма ежегодных сибирских поступлений колебалась в пределах от 75 до 150 тыс. рублей (по ценам XVII в.), что составляло не меньше четверти общегосударственного бюджета. Часть пушнины предназначалась для удовлетворения потребностей царского двора, другая часть выдавалась в качестве жалованья служилым людям, а также в виде многочисленных подарков русским и иностранцам. Наконец, остатки, иногда более или менее значительные, отправлялись на архангельскую или иные ярмарки. Ясачный сбор имел для московского правительства большое экономическое значение.

Ясачный сбор составлял лишь часть ежегодного вывоза пушнины из Сибири, другая часть которой принадлежала частным промышленникам и купцам. Каждый год по сибирским рекам в глубокую тайгу отправлялись большие партии торгово-промышленных

людей и купцов. На несколько месяцев малолюдные сибирские города оживлялись. Крупные купцы русских городов снаряжали в Сибирь большие промышленные ватаги, которых снабжали всем необходимым: оружием, промысловым снаряжением и продовольствием. Часть промышленников работала на свои средства. Иногда самостоятельные промышленники соединялись в артель. Каждый год в Сибирь отправлялись также приказчики крупных купцов с большими партиями русского и иностранного товара, который в Сибири обменивался на пушнину. Вся масса промышленников и купцов, двигаясь на восток, растекалась по сибирским рекам для того, чтобы через некоторое время собраться для обратного похода на Русь с драгоценным товаром. Общее количество пушнины, вывозившейся из Сибири купцами и промышленниками, было весьма значительным. В середине столетия по Северному пути (через Обдорскую заставу) вывозилось свыше 70 тысяч шкурок одного соболя. Применявшиеся способы охоты приводили к быстрому истреблению самых ценных пород. Во второй половине столетия соболь уже «испромышлился» на всей основной территории Западной Сибири. Главная масса пушнины в это время поступала из бассейна р. Лены.

Во время ежегодных поездок за соболем далеко не все промышленники возвращались обратно. Часть их осаживалась в разных сибирских городах, заводила собственные промыслы и лавки для торговли.

Основывая городки в важнейших местах сибирских путей, московское правительство было очень заинтересовано в наборе служилых людей. Основной контингент их состоял из добровольцев, так называемых «охочих людей», верставшихся в казаки. Но уже в середине XVII в. количество добровольцев не удовлетворяло требованиям правительства, которое стало прибегать к «прибору» служилых людей, посылая их в принудительном порядке на более или менее продолжительные сроки в разные сибирские города.

Наряду с промышленной и военной колонизацией с конца XVI в. происходила крестьянская колонизация, усилившаяся в конце следующего столетия. В это время Северное Поморье испытывало тяжелое экономическое разорение, которое заставляло крестьян уходить за Урал. Заселение Сибири русскими выходцами остро ставило вопрос о снабжении их хлебом и другими необходимыми продуктами, так как в Сибири до русского завоевания хлеб, за исключением отдельных мест, не возделывался. В конце XVI в. в Западной Сибири при участии русских поселенцев была заведена «государева пашня». Русские поселенцы получали земельные наделы с обязательством заниматься пашенным хозяйством. Недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве вызвал ряд мер к переселению крестьян в принудительном порядке. Царское правительство охотно посылало на сибирскую пашню разных ссыльных людей. Однако до конца столетия Сибирь не могла обходиться без привозного хлеба. До второй половины XVII в. существовала особая

повинность поморских городов по поставке в Сибирь «хлебных запасов», очень тяжело ложившаяся на хозяйство крестьянского населения Поморья.

Общая численность русского населения Сибири к исходу XVII в. могла быть установлена лишь в приблизительном размере. По данным переписи конца 70-х годов, в Сибири числилось свыше 10 тыс. крестьянских и посадских дворов.

Система ясачного обложения тяжело отразилась на экономическом положении коренного населения Сибири. Тяжесть государевых налогов, ясака, поминок и других сборов, а также обязательной службы усиливалась грубыми приемами сбора, грабительством местных воевод и злоупотреблениями сборщиков. Московское правительство мало считалось с фактом истребления зверя и продолжало требовать полного сбора ясака по старым окладам. Только опасность разогнать население и потерять ясачных плательщиков заставляла иногда пересматривать нормы оклада. Население неоднократно делало отчаянные попытки освободиться от угнетения и тяжелой власти московских воевод. Среди многочисленных мелких восстаний, которые обычно локализовались в определенных районах, более крупным было движение среди бурятских народов, а также борьба, которую в течение многих лет вели якуты. Самое большое восстание в Западной Сибири вспыхнуло в начале 60-х годов под предводительством внука сибирского хана Кучума-Девлет-Гирея. Это восстание, охватившее почти весь район бывшего Сибирского ханства, перебросилось затем на западные склоны Урала и распространилось до Камы. В восстании приняли участие тобольские татары, вогулы, черемисы (марийцы) и башкиры. Большое волнение охватило также приобских остяков (хантов). Даже на крайнем севере ненцы (самоядь) перебили сборщиков ясака. Восставшие сожгли несколько городков, в том числе город Кунгур. Восстание было подавлено после посылки значительной военной силы и упорной борьбы.

В классовых и народно-освободительных движениях в Сибири можно отметить неоднократные случаи объединения местного населения с русскими колонистами-крестьянами, посадскими и служилыми людьми. Некоторые восстания руских служилых людей тянулись по нескольку лет. Так, восстание в Красноярске продолжалось около трех лет, причем в нем вместе с русскими участвовала часть местных татар.

Русская колонизация Сибири привела к постепенному сближению русского и коренного населения, принадлежавшего к разным сибирским народам. Русские, попадая в новые, незнакомые им раньше условия, перенимали местные обычаи, пользовались одеждой и жилищами, приспособленными к климатическим условиям Сибири, вступали в брак с местным населением и т. д. Со своей стороны местное население находилось под более или менее значительным русским культурным влиянием. Соседство с русскими, стоявшими на более высокой ступени развития, не могло не отра-

зиться на общественных отношениях коренного населения. Происходившее до появления русских разложение родового строя получило новый толчок. Политика московского правительства способствовала дальнейшему подъему родо-племенной знати. Сбор ясака стал для нее средством усиления политического влияния среди соплеменников. В том же направлении действовала торговля, разрушавшая замкнутые родо-племенные общины, и обогащавшая их верхние слои. Уже во второй половине XVII в. мелкие родовые вожди и князьки стали поступать на «государеву службу». В целом русское влияние ускоряло среди местного населения развитие феодальных отношений.

Русская колонизация содействовала подъему производительных сил Сибири. Уже во второй половине XVII в. в ряде сибирских городов стало складываться ремесленное производство. Большое значение имело развитие земледелия.

В результате заселения Сибири и развития в ней товарно-денежных отношений, экономические связи Сибири с европейской территорией Русского государства стали более прочными и постоянными.

Лучшими показателями развития русской культуры в Сибири в XVII в. являются написанные в ней исторические, географические и этнографические сочинения. Первое описание похода Ермака было составлено его участниками еще в начале 20-х годов («Написание»). В 1636 г. подьячий в Тобольске Савва Есипов переработал это описание в повесть о взятии Сибири («Есиповская летопись»). Так было положено начало сибирскому летописанию. Большое научное значение имели работы в конце XVII и в начале XVIII вв. коренного сибиряка, тобольского служилого человека Семена Ремезова, отец и дед которого также служили в Тобольске. Семену Ремезову принадлежат «История Сибирская» («Ремезовская летопись»), описание сибирских народов и карты («Чертежи») Сибири.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ, КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ в XVI—XVII веках

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ в XVI—XVII веках

Казахи. Излагая историю распада Золотой Орды, нам уже приходилось останавливаться на событиях, происшедших в Узбекском союзе в середине XV в. Тогда часть родо-племенных групп, входивших раньше в Узбекский союз, откочевала в долину реки Чу. За населением политического объединения, образовавшегося в этом районе под властью противников Абулхайра, Гирея и Джанибека, утвердилось название «казахи», которое сначала имело не этническое, а социально-политическое значение («казахи» в смысле свободных людей, выделившихся из своих родо-племенных союзов). Еще в начале XVI в. существовал двойной термин: «узбеки-казахи». После того как другая часть узбеков ушла в конце XV в. в Мавераннахр, название казахов распространилось на все кочевое население степей (Дешт-и-Кыпчак), простиравшихся к северу от Сыр-Дарьи. Западная граница казахов не была точно определена, но уже в XVI в. временами достигала течения реки Яика. В состав Казахского союза, образовавшегося на этой обширной территории, вошли части некоторых общих с узбеками родов и племен (этим объясняются одинаковые родо-племенные названия у казахов и узбеков) и разные другие племена, входившие и не входившие в старый Узбекский союз. Большинство казахских родов и племен было тюркского происхождения. Общность экономических и политических условий в жизни этого населения привела к образованию в XVI в. казахской народности. Казахский союз состоял из большого числа полунезависимых владений, имевших отдельных ханов. Временами политическое объединение Казахского союза усиливалось под властью главного хана, принадлежавшего к потомкам Гирея или Джанибека. Объединению казахов способствовала упорная борьба, которая велась ими в течение почти всего XVI в. с узбекскими ханствами в Мавераннахре.

В тридцатых годах XVI в. политический центр Казахского союза переместился из восточной в западную часть. Во второй половине этого столетия Казахский союз, с самого своего возникновения не обладавший прочным политическим единством, стал распадаться на два казахских государства или «орды». В восточной части его, в области озера Иссык-Куль и к северу от него,

обособилась «Большая», или «Старая» орда. Территория, охватывавшая низовья Сыр-Дарьи и простиравшаяся на север до реки Иртыша и на восток до реки Чу, стала районом кочевьев «Средней» орды. В конце XVII в. из «Средней» орды выделилась «Малая» орда, занявшая земли, расположенные к северу от Аральского озера.

Узбекские ханства в Средней Азии. Во второй половине XV в. держава Тимуридов (потомков Тимура) в Средней Азии распалась на большое количество владений, во главе которых стояли прямые и отдаленные потомки Тимура. Из этих владений самыми значительными были Герат (главный город Хорасана) и Самарканд. Крупные владения в свою очередь подразделялись на полузависимые уделы и области. Степную территорию между Каспийским морем и Аму-Дарьей занимали кочевые туркменские племена. В Мавераннахре жили таджики, а также среднеазиатские тюрки, к числу которых принадлежали кочевники «чагатаи», составлявшие основную военную силу Тимуридов. Таджики занимались земледелием, ремеслами и торговлей в городах. Оседлое население, преимущественно в Хорезме, носило еще общее название — «сартов», независимо от племенной принадлежности (слово «сарт» индийского происхождения, употреблялось еще в XI в. в тюркской литературе в смысле «купец»).

Высшая феодальная знать пыталась подражать Тимуру: строила роскошные дворцы и тратила на придворную жизнь огромные средства, которые выколачивала из феодально-зависимого населения.

Расцвет Герата относится к тому времени, когда он стал столицей независимого эмирства (при Хусейне, 1468 — 1505). Султан по примеру многих других властителей восточного средневековья старался придать своему главному городу облик пышного великолепия и создать в нем утонченную придворную культуру. «Хорасан стал грудью земной поверхности, а Герат является ее сердцем!» — восклицает современный поэт.

С этой гератской эпохой в культурной жизни Средней Азии связана деятельность ряда талантливых поэтов, музыкантов, художников. Особо высокого совершенства достигла художественная рукопись, объединявшая труд трех специалистов: каллиграфа, миниатюриста и переплетчика. Средневековая восточная каллиграфия была сложнейшим искусством, созданным трудом многих поколений. Техника каллиграфии имела свои секреты, ревниво охранявшиеся мастерами от постороннего любопытства (состав бумаги, рецептура чернил, способ приготовления тонких перьев из лучшего тростника и пр.). Текст рукописи обрамлялся рамкой из цветных и золотых линий. Большое значение придавалось красочным заставкам, концовкам, виньеткам и миниатюрам, воспроизводившим различные сюжеты текста. Чудесная рукопись распространяла тонкий аромат, так как в чернила подмешивались пахучие

СРЕДНЯЯ АЗИЯ, КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ в XVI—XVII веках

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ в XVI—XVII веках

Казахи. Излагая историю распада Золотой Орды, нам уже приходилось останавливаться на событиях, происшедших в Узбекском союзе в середине XV в. Тогда часть родо-племенных групп, входивших раньше в Узбекский союз, откочевала в долину реки Чу. За населением политического объединения, образовавшегося в этом районе под властью противников Абулхайра, Гирея и Джанибека, утвердилось название «казахи», которое сначала имело не этническое, а социально-политическое значение («казахи» в смысле свободных людей, выделившихся из своих родо-племенных союзов). Еще в начале XVI в. существовал двойной термин: «узбеки-казахи». После того как другая часть узбеков ушла в конце XV в. в Мавераннахр, название казахов распространилось на все кочевое население степей (Дешт-и-Кыпчак), простиравшихся к северу от Сыр-Дарьи. Западная граница казахов не была точно определена, но уже в XVI в. временами достигала течения реки Яика. В состав Казахского союза, образовавшегося на этой обширной территории, вошли части некоторых общих с узбеками родов и племен (этим объясняются одинаковые родо-племенные названия у казахов и узбеков) и разные другие племена, входившие и не входившие в старый Узбекский союз. Большинство казахских родов и племен было тюркского происхождения. Общность экономических и политических условий в жизни этого населения привела к образованию в XVI в. казахской народности. Казахский союз состоял из большого числа полунезависимых владений, имевших отдельных ханов. Временами политическое объединение Казахского союза усиливалось под властью главного хана, принадлежавшего к потомкам Гирея или Джанибека. Объединению казахов способствовала упорная борьба, которая велась ими в течение почти всего XVI в. с узбекскими ханствами в Мавераннахре.

В тридцатых годах XVI в. политический центр Казахского союза переместился из восточной в западную часть. Во второй половине этого столетия Казахский союз, с самого своего возникновения не обладавший прочным политическим единством, стал распадаться на два казахских государства или «орды». В восточной части его, в области озера Иссык-Куль и к северу от него,

обособилась «Большая», или «Старая» орда. Территория, охватывавшая низовья Сыр-Дарьи и простиравшаяся на север до реки Иртыша и на восток до реки Чу, стала районом кочевьев «Средней» орды. В конце XVII в. из «Средней» орды выделилась «Малая» орда, занявшая земли, расположенные к северу от Аральского озера.

Узбекские ханства в Средней Азии. Во второй половине XV в. держава Тимуридов (потомков Тимура) в Средней Азии распалась на большое количество владений, во главе которых стояли прямые и отдаленные потомки Тимура. Из этих владений самыми значительными были Герат (главный город Хорасана) и Самарканд. Крупные владения в свою очередь подразделялись на полузависимые уделы и области. Степную территорию между Каспийским морем и Аму-Дарьей занимали кочевые туркменские племена. В Мавераннахре жили таджики, а также среднеазиатские тюрки, к числу которых принадлежали кочевники «чагатаи», составлявшие основную военную силу Тимуридов. Таджики занимались земледелием, ремеслами и торговлей в городах. Оседлое население, преимущественно в Хорезме, носило еще общее название — «сартов», независимо от племенной принадлежности (слово «сарт» индийского происхождения, употреблялось еще в XI в. в тюркской литературе в смысле «купец»).

Высшая феодальная знать пыталась подражать Тимуру: строила роскошные дворцы и тратила на придворную жизнь огромные средства, которые выколачивала из феодально-зависимого населения.

Расцвет Герата относится к тому времени, когда он стал столицей независимого эмирства (при Хусейне, 1468 — 1505). Султан по примеру многих других властителей восточного средневековья старался придать своему главному городу облик пышного великолепия и создать в нем утонченную придворную культуру. «Хорасан стал грудью земной поверхности, а Герат является ее сердцем!» — восклицает современный поэт.

С этой гератской эпохой в культурной жизни Средней Азии связана деятельность ряда талантливых поэтов, музыкантов, художников. Особо высокого совершенства достигла художественная рукопись, объединявшая труд трех специалистов: каллиграфа, миниатюриста и переплетчика. Средневековая восточная каллиграфия была сложнейшим искусством, созданным трудом многих поколений. Техника каллиграфии имела свои секреты, ревниво охранявшиеся мастерами от постороннего любопытства (состав бумаги, рецептура чернил, способ приготовления тонких перьев из лучшего тростника и пр.). Текст рукописи обрамлялся рамкой из цветных и золотых линий. Большое значение придавалось красочным заставкам, концовкам, виньеткам и миниатюрам, воспроизводившим различные сюжеты текста. Чудесная рукопись распространяла тонкий аромат, так как в чернила подмешивались пахучие

вещества. Разумеется, обладателями таких драгоценных рукописей могли быть лишь султаны и богатые вельможи.

Изумительным художником-каллиграфом гератской эпохи был султан-Али, которого современники прозвали «царем каллиграфов». Султан-Али с таким мастерством исполнил надпись на надгробной плите султана Хусейна, что, по выражению одного писателя, каждый, увидев ее, «от изумления прикусывает палец». Исключительного совершенства в художественной миниатюре достиг Бехзад, про которого один современник сказал: «Волос его кисти благодаря его мастерству дал жизнь неодушевленным предметам».

Самым блестящим представителем этой эпохи был гениальный родоначальник узбекской литературы Алишер (Али-Шир) Навои, родившийся в Герате в 1441 г. Алишер принадлежал по происхождению к служилой знати, близко стоявшей к дому Тимуридов. При султане Хусейне он занимал влиятельную должность эмира, покровительствовал художникам и писателям и построил ряд великолепных сооружений в Герате.

Придворная знать не любила Алишера за его обличения алчных вельмож, обогащавшихся на народные средства. Одно время Алишер был отстранен от дел и сослан в Астрабад, где его даже пытались отравить. Умер Алишер в 1501 г. Его могила находится в Герате, в городе, где великий писатель провел лучшие годы своей жизни.

Алишер Навои большинство своих произведений написал не на персидском языке, языке придворной знати и официальной литературы, а на том народном тюркском языке (на чагатайском наречии), который стал языком узбекского народа. Алишер смело поднялся на защиту родного языка. С этой целью им было написано большое сочинение: «Суждение о двух языках». Поэт, обладавший большими лингвистическими познаниями, поставил своею целью доказать, что тюркский язык не хуже персидского может передать все тончайшие изгибы мысли, все оттенки человеческого чувства. «И этот цветущий сад (тюркский язык), — пишет Алишер, — и эта сокровищница была до сего времени скрыта от людей, до их ценностей не дотрагивались человеческие руки». В творчестве Алишера Навои народный язык, находившийся в пренебрежении у господствующих классов, впервые зазвучал с огромной выразительностью и силой.

Самые крупные произведения Алишера написаны на сюжеты очень древнего происхождения, в обработке которых он имел таких великих предшественников, как Фердовси, Низами, мир-Хосров. Следуя примеру Низами и мир-Хосрова (персидский поэт XIV в.), Алишер создал свою «Пятерицу», своих пять больших поэм, хорошо сознавая те трудности, которые стояли перед ним: «не легко устоять на этой арене и бить пятерней пятерню Низами», — писал поэт.

Одно из центральных мест в «Пятерице» Навои занимает поэма «Лейли и Меджнун — старинная трогательная повесть о несчастной любви юноши и девушки. Проф. Бертельс в недавно появившейся работе об этой поэме пришел к следующему заключению: «В изложении Навои предание о Меджнуне превращается в роман, в полном смысле этого слова, и притом роман для Переднего Востока крайне актуальный, поднимающий такой вопрос, как проблема брака».

В другой поэме — «Фархад и Ширин» (у предшественников Навои поэма на ту же тему носила название «Хосров и Ширин») Навои главным героем делает не царя-тирана, а свободолюбивого принца Фархада. В его образе поэт соединил лучшие человеческие качества: бескорыстие, честность, отзывчивость, трудолюбие, знание. Эта поэма представляет собой гимн труду и творчеству:

«Все, что достиг человек,
Достиг он усилием мысли...
Когда работает человеческая мысль,
Нет непреодолимых препятствий».

Помимо больших поэм Алишеру Навои принадлежит множество лирических произведений, написанных и на персидском, и на среднеазиатском тюркском (узбекском) языках.

Великая сила творчества Навои заключается прежде всего в глубокой искренности и правдивости: «Когда язык твой может сказать правду, не пачкай его грязью обмана». Правдивыми не могли бы быть произведения, если бы их не одушевляла любовь к народу, не к изысканному кругу богатых вельмож, ценителей придворного искусства, а к широкой народной массе. «Если ты человек, то не называй человеком того, кто не заботится о народе». Поэтому имя Алишера Навои пользовалось необычайной популярностью, показателями которой являются огромное количество списков с его произведениями и влияние его творчества на среднеазиатский фольклор.

Гератская эпоха (вторая половина XV в. — начало XVI в.) показывает, как глубоки были культурные традиции в жизни народов Средней Азии, которых не могли уничтожить полчища разных завоевателей, превращавших многолюдные города в развалины. В начале XVI в. на этом древнем культурном наследии сложились узбекские государства.

Политическое ослабление державы Тимуридов облегчало для узбеков вторжение и захват Мавераннахра. Предводителем узбекских племен в движении с территории прежних кочевьев на юг, в глубь земледельческих оазисов Средней Азии, стал внук Абулхайра — Шейбани. Уже к началу XVI в. были завоеваны основные земли Мавераннахра. После занятия Самарканда Шейбани захватил Бухару, Ташкент, Фергану. Особенно сильное сопротивление Шейбани встретил в области Хорезма и на юге, где узбеки столкну-

лись с шахом Исмаилом I, основателем династии Сефевидов в Иране (Кызылбашское государство). В окрестностях Мерва в 1510 г. Шейбани погиб в сражении. Узбеки окончательно укрепились в Средней Азии в 1512 г., за исключением низовьев Аму-Дарьи (Хорезма). Вскоре, однако, жители Хорезма восстали против наместника персидского шаха, угнетавшего их поборами, и призвали одного из степных узбекских ханов — Ильбарса, который стал родоначальником династии, управлявшей Хорезмом около 200 лет.

Завоевавшие Мавераннахр узбеки слились с местным тюркским населением, в том числе с чагатаями, образовав узбекскую народность. Большая часть таджиков сохранила свой язык и свою национальную обособленность. В Средней Азии сложилось два основных узбекских государства. Одно из них находилось на нижнем течении Аму-Дарьи, в Хорезме. Столицей этого ханства вначале преимущественно был город Ургенч. Около середины XVII в. столица была перенесена на юг, в Хиву, по имени которой узбекское государство в Хорезме стали называть Хивинским (официально оно так не называлось). Другое узбекское государство сложилось в Мавераннахре. Столицей его был Самарканд, хотя ханы не всегда после воцарения переезжали в этот город. Уже в XVI в. наиболее могущественные ханы жили в Бухаре. По имени этого города узбекское государство в Мавераннахре получило название Бухарского ханства. Оба государства — Хивинское и Бухарское — распадались на множество средних и мелких уделов, находившихся в руках родственников ханов.

После завоевания Мавераннахра узбеки-кочевники начали частично переходить к оседлому сельскому хозяйству. Земельные пожалования, получавшиеся представителями узбекской знати, способствовали развитию феодального землевладения. Уже в XVI в. в руках узбекской знати находились большие земельные богатства.

Важное значение в доходах узбекской знати имела также подать, налагавшаяся на зависимое таджикское и туркменское население. Кочевники-туркмены должны были поставлять для хана и его дружины (нукеров) овец. Подать делилась на «податных овец», предназначавшихся на содержание нукеров, и на «котловых овец», шедших на нужды ханского двора. С земледельческих промыслов бралась десятина урожая. Не ограничиваясь сбором постоянной дани, хивинские и бухарские ханы нападали и грабили подвластные им племена, особенно туркмен.

Значительное усиление ханской власти в Бухаре произошло во время правления Абдул-хана (1583—1598). Пользуясь раздроблением и противоречиями среди узбекской племенной знати, он по существу, превратил ее в служилых людей. При Абдул-хане произошло общее укрепление Бухарского государства. Были предприняты меры для улучшения хозяйства: были устроены новые дороги, восстановлена ирригационная система, выкопаны водоемы, колодцы в пустынях.

Династия, родоначальником которой был Шейбани (Шейбаниды), прекратилась в конце XVI в. После этого власть в ханствах перешла в руки племенных вождей (биев). В Бухаре появилась новая династия (Аштарханиды), которая вела происхождение от последнего астраханского хана, переселившегося в Бухару после завоевания Астрахани Иваном IV. Однако власть большинства ханов этой династии была незначительной, так как узбекская племенная знать превратила хана в свое более или менее послушное орудие.

Подъем Хивинского ханства связан с правлением Абулгази (1643—1663). Абулгази родился в Ургенче в начале XVII в. и в молодости вел жизнь, полную лишений. Борьба между отцом и братьями и междоусобицы между братьями заставили Абулгази в течение многих лет скитаться среди узбеков и других кочевников. Только на сороковом году своей жизни Абулгази смог захватить власть и обладал ею в течение 20 лет. Абулгази был талантливым писателем и историком. Ему принадлежат два сочинения по истории туркмен и тюрков. В первом сочинении сообщается много легендарных, мало достоверных сведений. В другом — родословная тюрков («Родословное древо тюрков») — наиболее ценными являются сведения, относящиеся к истории Средней Азии XV и особенно XVI—XVII вв., т. е. ко времени, близкому к Абулгази. Сын и преемник Абулгази закончил историю своего отца рассказом о его смерти. «Родословное древо тюрков» представляет для нас ценный источник по истории Средней Азии.

С установлением во второй половине XVI в. более прочного политического порядка в Средней Азии стала оживать торговая жизнь в городах, связанных караванными дорогами с Китаем, Индией и Русским государством.

Захват Казани и Астрахани открыл русским купцам дорогу в Среднюю Азию и положил начало непосредственным сношениям между Москвой и узбекскими ханствами. Во вторую половину XVI в. было отправлено 21 посольство в Москву из Хивы и Бухары и 3 ответных посольства из Москвы. Экономические и политические связи еще больше развились в следующем столетии. Из Средней Азии в русские города вывозились шелк, хлопчатобумажные ткани, ковры; обратно поступали меха, кожи, моржовая кость, посуда и другие товары.

В XVI — XVII вв. официальными языками узбекских ханств стали таджикский и чагатайский литературные языки. Помимо литературных произведений, написанных придворными поэтами в Бухаре, были составлены обширные труды по истории и мусульманскому праву, свидетельствующие о распространении образования и о хорошем знакомстве с работами восточных авторов. Блестящими памятниками архитектуры являются медрессе в Самарканде, построенные в первой половине XVII в. могущественным аталыком Яллантуш-бием.

Появление в Средней Азии киргизов и кара-калпаков. К середине XV в. относятся первые сведения о появлении в Средней Азии (в области Тянь-Шаня) киргизов. Основная масса киргизов жила в бассейне Енисея, откуда стала передвигаться на юго-запад, разместившись к началу XVII в. в северной части современной Киргизской АССР.

К этому же времени относится переселение в Среднюю Азию кара-калпаков, кочевья которых находились вблизи территории, занятой ногайцами. В XVI в., при Абдул-хане, кара-калпаки заняли нижнее течение Сыр-Дарьи.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ в XVI—XVII веках

Борьба между Персией и Турцией за Кавказ. Народы Северного Кавказа и Закавказья в XVI—XVII вв. стали объектом одновременного наступления со стороны Турецкой империи и Персии. Сильное Персидское государство в Иране с династией Сефевидов окончательно сложилось к концу XV в. Ядром его была феодальная знать семи тюркских племен, кочевавших в южном Азербайджане. По названию этих племен (по красному цвету тюрбана их называли «кызылбашами», в переводе «красноголовыми») подданные Сефевидов, в число которых входило и персидское население Ирана, получили общее название кызылбашей, а государство — Кызылбашского. В XVI в. Персия начинает продвигаться в сторону Азербайджана, Грузии и Армении. В Закавказье она столкнулась со встречным движением Турции. Могущественная империя османских турок сложилась в тридцатилетнее царствование Мухаммеда II в громадных размерах, от Малой Азии до южной Италии и от Пелопоннеса на юге до Крыма на севере. В начале 60-х годов XV в. Мухаммед II покончил с Трапезундским царством — соседом юго-западной Грузии. Вскоре после этого было сломлено сопротивление венецианских колоний на Черноморском побережье. Затем власть Мухаммеда II распространилась на Крым, хан которого стал вассалом турецкого султана. Таким образом, в конце царствования Мухаммеда II господство турок установилось во всем Черноморском бассейне. Для большой державы османских турок Кавказ и Закавказье имели крупное экономическое и политическое значение. Через Закавказье проходили транзитные пути в сношениях Европы с восточными странами. Закавказье, а также Азербайджан были богаты нефтью, солью; отсюда поступали прекрасный шелк, хлопок, великолепные лошади, серебро и другие товары, на которые существовал спрос в Турецкой империи. Кавказ играл важную стратегическую роль в борьбе Турции с Персией, а затем с Русским государством.

Турецкое наступление на Кавказ и Закавказье развивалось одновременно в двух направлениях, охватывая эти земли с юга и с севера; оба направления встречались в Дербенте. Господствуя в юго-западной части Закавказья, Турция пробивалась на север от

Кавказского хребта через Крым, Азов и Северный Кавказ к Астрахани и Дербенту. В другом направлении турки вели наступление через Ереван, Тифлис, Ганджу, Шемаху, Баку и Дербент. С захватом Дербента, имевшего большое стратегическое значение на берегу Каспийского моря, и Шемахи — главного торгового центра— Турция получила бы большие экономические и политические преимущества на севере Кавказа и на всем побережье Каспийского моря.

После завоевания Русским государством Астраханского ханства в 1556 г. с противоположной стороны начинает развиваться московское наступление. В конце XVI в. оно достигает берегов Терека и предгорьев Большого Кавказского хребта.

Народы Северного Кавказа. Народы Северного Кавказа в XVI—XVII вв. были разбиты на множество отдельных владений и племенных групп. Западная часть Северного Кавказа, носившая у русских название «Пятигорские Черкассы», была населена главным образом черкесскими племенами (адиге). В средней части Северного Кавказа находилась Кабарда, население которой также принадлежало к черкесским племенам. В этой стране было широко развито скотоводство (коневодство и овцеводство) и земледелие. Своим хлебом Кабарда снабжала горные районы и степных ногайцев. Через Кабарду проходил один из главных северокавказских путей из Крыма в сторону Дагестана и далее на юг. Через нее также проходили перевальные пути в Закавказье, в том числе знаменитый путь через Дарьяльское ущелье.

Кабарда распадалась на ряд небольших владений, каждое из которых состояло из группы поселений и носило название по имени князя-владельца. Во главе Кабарды стоял выбранный старший князь, хотя фактически его власть была незначительной. История Кабарды XVI—XVII вв. наполнена кровавыми столкновениями между отдельными владельцами.

На восток от Кабарды, в степной и приморской части Северного Дагестана, население состояло из тюркских племен, носивших общее название кумыков. В этой части находилось также несколько феодальных владений, среди которых самым крупным было Шамхальское. Оно распадалось на мелкие владения кумыцких князей, глава которых носил титул шамхала. Шамхалы выбирались на собрании князей из старшего княжеского рода. Власть шамхала по отношению к другим кумыцким князьям и феодальной знати была очень небольшой. Феодалы (мурзы, беки), сидевшие по миниатюрным владениям, являлись на помощь шамхалу со своими конными отрядами, в случае если они не враждовали с ним. Дружины феодалов состояли из узденей, некоторые из них в свою очередь имели вооруженных людей; остальное население состояло из свободных крестьян, объединенных в общины и сохранивших некоторые пережитки родовых отношений, крепостных и холопов, работавших в хозяйстве князей и беков.

В нагорной части Дагестана жили дагестанские (яфетические) народы и племена: лезгины, авары и другие. В горных, трудно доступных районах, из которых некоторые были почти отрезаны от сообщения с долиной, более устойчиво держались патриархальные отношения. Во главе мелких общин стояли «старшины», выбиравшиеся из зажиточных родов. Власть их в это время уже становилась наследственной. Однако были районы, в которых уже к концу XVI в. существовали более или менее развитые феодальные отношения. В целом нагорный Дагестан XVI—XVII вв. можно характеризовать как страну полупатриархального — полуфеодального быта.

Турции было важно утвердиться в Северном Дагестане, так как это облегчало ей наступление на Персию с севера. Под сильным крымско-турецким давлением оказались прежде всего западные черкесские племена. Уже в середине XVI в. некоторые черкесские князья сделали попытку противопоставить турецко-крымскому наступлению московскую помощь и защиту. Послы просили московского царя, чтобы он «от крымского царя оборонил». В Москве воспользовались этой возможностью, так как в 50-х годах, после завоевания Казани, старались ослабить положение Крымского ханства. В начале 60-х годов была сделана попытка подчинить Черкесию, куда были отправлены попы для крещения народа и воевода князь Дмитрий Вишневецкий. Эта попытка кончилась неудачей, так как Москва вскоре была отвлечена ливонской войной. В Черкесии после этого надолго утвердилось крымско-турецкое влияние. Черкесские князья и беки стали вассалами крымского хана и турецкого султана и получали султанские фирманы (грамоты на княжение). Они были обязаны оказывать военную помощь и выплачивать дань, в состав которой входили невольники. Однако отношения западночеркесских племен к крымцам не всегда были мирными. Часто крымцы, пользуясь раздорами между феодалами, производили набеги на черкесов, разоряли их и уводили пленников. Дань, накладывавшаяся крымскими ханами, была чрезвычайно тяжелой. Так, в 1625 г. хан потребовал от одного из черкесских племен ясак: «ясырю, женок и девок, и аргамаков, и панцырей» по тысяче.

Если Русскому государству в XVI—XVII вв. не удалось укрепиться в западной Черкесии, то со значительно большим успехом оно утвердилось в Кабарде. Кабардинские владельцы с трудом отбивались от враждебных соседей: с одной стороны, им грозили шамхалы, с другой стороны, кабардинские князья вели постоянную борьбу с высокогорными племенами. Наконец, еще большую опасность для них представляли крымцы и турки. В 1557 г. кабардинские князья обратились в Астрахань с просьбой принять их в московское «холопство», т. е. в вассальную зависимость от московского царя. В 1561 г. связь с Кабардой была закреплена браком Ивана IV с дочерью кабардинского князя Темрюка (Марией

Темрюковной). Вскоре после этого к Темрюку был послан воевода с русскими войсками, чтобы «жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречь». По просьбе Темрюка у устья реки Сунжи на Тереке был построен укрепленный городок, имевший большое стратегическое значение, так как он перерезал дорогу, служившую крымцам и туркам для сообщений с Дагестаном и Азербайджаном. После неудачной попытки турок в 1569 г. взять Астрахань турецкий султан потребовал уничтожить городок на Тереке и «дорогу отпереть». Вскоре городок был покинут русскими, но через несколько лет на новом месте, у устья Терека, был построен другой городок, известный под названием Терского. Он был хорошо укреплен и стал до начала XVIII в. главным русским опорным пунктом на Северном Кавказе.

Во второй половине XVI в. на левом берегу реки Терека и на притоке Сунже появились вольные казачьи поселения, состоявшие из выходцев с Дона и Волги (гребенские и терские казаки). Казаки построили свои городки: Моздок, Кизляр и др. В результате усиления политических связей с Черкесией с конца XVI в. начался выезд кабардинских князей на московскую службу. Они вливались под именем князей Черкасских в ряды московской аристократии. Часть этих князей породнилась с царствующим домом и впоследствии играла крупную политическую роль. Другая часть кабардинских феодалов селилась под защитой Терского городка, где образовалось нечто вроде пограничного вассального княжества.

Московское продвижение в сторону Дагестана встретилось с турецким наступлением. Уже в конце XVI в. многие дагестанские владения попали в вассальную зависимость к турецкому султану. Общая заинтересованность в противодействии туркам привела к некоторому объединению Персии и Московского государства в борьбе с Турцией. Персия, воевавшая с Турцией, соглашалась даже на крупные уступки в пользу Русского государства, отдавая ему Дербент и Баку. Московское правительство в конце XVI в. делало усиленные попытки укрепиться в Дагестане. Опираясь на Терский городок, московские ратные люди вторгались во владения шамхалов и предпринимали походы на Тарки. Однако попытки утвердиться в Северном Дагестане были неудачными.

После того как в начале XVII в. турки были вытеснены из восточной части Кавказа, отношение Персии к московскому продвижению резко изменилось. Дербент попал в вассальную зависимость от шаха. Затем под власть шаха подпали многие другие кумыцкие князья. Часть князей, признававших вассальную зависимость от шаха, старалась затем избавиться от нее, отдаваясь под покровительство Москвы. Это привело к тому, что некоторые из них, например, шамхал, оказались в двойной зависимости — от Персии и от Москвы. Персидское давление на Дагестан особенно усилилось при персидском шахе Аббасе II (1642—1667).

Грузия. После кратковременного усиления царской власти в начале XV в. Грузия стала быстро распадаться на отдельные части, во главе которых стояли местные цари и мтавары (князья).

На востоке лежало Кахетинское царство. Оба берега по верхнему течению Куры занимало Картлийское царство со столицей в Тбилиси. Западная часть Грузии с гор. Кутаиси входила в Имеретинское царство. В этих трех царствах утвердились различные линии династии Багратидов. Юго-западная часть Грузии составляла самостоятельное атабегство — Месхетию (Самцхэ-Саатабаго). Каждое из грузинских государств состояло из более или менее значительного числа крупных светских и церковных феодальных владений, экономическая и политическая связь между которыми была незначительной. Каждая светская сеньерия (сатавадо) находилась в обладании определенного феодального рода под общим управлением его главы (тавада). Члены рода жили отдельно, вели самостоятельное хозяйство, но имели и общую собственность, состоявшую из лесов, пастбищ, садов, пахотных земель и разных хозяйственных угодий. Глава фамилии был ее представителем в сношениях с царем и с соседними сеньериями. На войне он предводительствовал феодальной дружиной.

Характеризуя феодальную раздробленность Грузии, товарищ Сталин говорит: «...Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян» *).

При феодальной раздробленности сопротивление турецким и персидским вторжениям не могло быть успешным. В борьбе между собой и с царской властью крупные феодалы нередко старались опереться на чужеземную помощь, превращаясь в вассалов султана или шаха. Во время нашествий турки и персы захватывали множество пленных, которых обращали в рабство. Кроме того, большое количество рабов поступало в Персию и Турцию в качестве дани. Взрослые мужчины предназначались для тяжелых работ, женщины поступали в гаремы, а дети воспитывались для службы в войсках.

Положение крестьян внутри страны было очень тяжелым. По полному бесправию и личной зависимости от феодала они мало чем отличались от рабов. В результате экономического упадка и общего сокращения хозяйства феодалы не нуждались в сохранении на

*) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10. Госполитиздат. 1939.

своих землях большого крестьянского населения, которое было бы способно обслуживать своим трудом потребности замка; стремясь в то же время в бытовой обстановке подражать турецким властителям, они стали широко практиковать продажу крепостных крестьян в другие земли, получая в обмен на них предметы роскоши. «Пленнопродавство» представляло очень грозное общественное явление, так как усиливало экономическую деградацию страны. В течение XVI в. население одной Западной Грузии уменьшилось примерно в два раза.

В особенно тяжелом положении оказалась юго-западная часть Грузии — Месхетия. Князьям Месхетии приходилось отстаивать свою независимость от соседних царей — картлийского и имеретинского. Месхетия оказалась в центре главного внимания Персии и Турции, которые не щадили средств и сил, чтобы укрепиться в этой стране. По миру, заключенному в 1555 г. между Персией и Турцией, Месхетия была разделена на две части. Однако вскоре Турция захватила всю Месхетию.

В Имеретии цари вели успешную борьбу с турками и собственными вассалами до середины XVI в. Был произведен ряд мероприятий для усиления центральной власти. После победы, одержанной турками в 1545 г., Имеретия фактически потеряла независимость. Султан превратил крупных имеретинских феодалов в своих вассалов. Например, мтавар (князь) Гурии вместо прежнего титула «раб божий, вассал царя, владетельный князь Гурии» стал носить титул «раб божий, вассал султана, хан Гурии».

Почти в таком же положении оказалось Картлийское царство, переживавшее в XVI в. экономический и политический упадок. Показателем его является бегство населения, частично укрывавшегося в Кахетии. Постоянные набеги и войны с персами, турками и соседними грузинскими владениями, столкновения с горскими племенами, особенно с хевсурами, губительно отражались на состоянии хозяйства. Посол Венецианской республики, посетивший в 70-х годах XVI в. Тифлис, наблюдал ясные следы разорения края.

В лучшем положении находилась Кахетия. Вблизи ее проходила дорога, соединявшая нижнее Поволжье с Закавказьем и южным берегом Каспийского моря, получившая название «шелкового пути». Города Кахетии сохранили торговое значение. Кахетинским царям в XVI в. удалось провести реформы, подрывавшие независимое положение крупных феодалов. Вместо деления страны на обширные наместничества (эриставства) было введено большое число мелких административных подразделений, что усиливало связь их с центральной властью. Во главе четырех военных округов были поставлены епископы, которым подчинялись феодалы и начальники областей. Церковь поддерживала царскую власть и способствовала ее укреплению. По миру 1555 г. Кахетия признала себя вассалом персидского шаха. После укрепления Русского государства в Северном Кавказе Кахетия, находившаяся поблизости от

торговых путей, раньше других грузинских земель стала сближаться с Москвой, в поддержке которой искала защиту против персидских и турецких притязаний.

В 70-х годах XVI в. положение Кахетии стало особенно тяжелым. Одержав победу над главными силами персидского войска, турки приступили к захвату восточной части Закавказья, находившейся прежде под персидским протекторатом. Кахетинский царь Александр, спасая страну от разорения, должен был признать власть султана. Турки, чтобы укрепить свое положение в восточной части Кавказа и Закавказья, поддерживали шамхала, враждовавшего с кахетинцами. Таким образом, Кахетия оказалась между турками, персами и дагестанскими владениями. Тогда царь Александр сделал попытку найти помощь со стороны Русского государства.

Воспользовавшись приездом из Астрахани московского толмача (переводчика), который должен был «проведывать дороги в грузинскую землю и земли грузинские — какова земля», кахетинский царь Александр отправил с толмачом посольство, которое в 1586 г. было принято в Москве. Кахетинские послы передали царю Федору Ивановичу грамоту, в которой сообщалось о тяжелом положении Кахетии и предлагалось стать в зависимость и под защиту московского царя. В Москве это предложение было встречено с большим сочувствием, так как оно вполне соответствовало политическим интересам московского правительства, стремившегося укрепиться на Северном Кавказе. Поэтому из Москвы в Кахетию тотчас было отправлено первое посольство, которое взяло с царя Александра «целовальную запись» (присягу) о подданстве с обязательством ежегодно посылать в Москву подарки — персидский шелк и ковры. Впрочем, эта зависимость носила номинальный характер. Никакой помощи Кахетии московское правительство в действительности оказать не могло.

Борьба Грузии с Турцией и Персией в XVII в. вступила в новую фазу развития. Оба государства не довольствовались признанием вассальной зависимости со стороны грузинских царей, а стремились к полному поглощению грузинских земель. С 1603 г. начались войны шаха Аббаса I с Турцией. Во время вторжения шаха в Кахетию и Картлию оба грузинских царя бежали в западную Грузию.

Жестокие притеснения со стороны персов вызвали массовые восстания населения, которыми воспользовался кахетинский царь Теймураз. В битвах с персами он, несмотря на превосходство противников, победил их и отправил султану 2 500 срезанных голов. В 1616 г. шах Аббас I вновь вторгся с крупными силами в Картлию и Кахетию. После занятия Кахетии он пытался осуществить грандиозный план: выселить всех грузин в Персию, а на их место поселить полукочевые туркменские племена. Для этой цели было велено перехватить дороги, по которым могли бежать жители. В то же время шах умело использовал вражду между грузинами и

дагестанскими племенами. Кахетия за короткое время потеряла около 230 тыс. человек убитыми, пленными и выселенными. Цветущая страна буквально опустела. Оставшиеся жители скрывались в горах. Еще через четверть века, по словам современника, повсюду встречались живые следы этого опустошения. Несмотря на поражение, царь Теймураз продолжал борьбу. Он пытался получить военную помощь от Русского государства. Но в Москве с большой осторожностью относились к его просьбам.

В 1623 г. в Картлии началось общее восстание против персидского господства. Теймураз сделал новую попытку утвердиться в Кахетии. Ожесточенное сражение в июне 1624 г. при деревне Марабда, в 30 километрах на юг от Тифлиса, хотя и кончилось поражением грузинского войска, но и персы понесли чрезвычайно тяжелые потери. Одними убитыми они потеряли свыше 14 тыс. воинов. Население продолжало вести партизанскую войну.

В 1639 г. Теймураз с сыном и феодальной знатью присягнул на верность московскому царю, надеясь, таким образом, получить более реальную помощь. Однако положение его продолжало оставаться неустойчивым. Между тем персидское правительство после смерти шаха Аббаса I продолжало выполнение его плана выселения грузин. Так, из Азербайджана в Кахетию было переселено до 15 тыс. туркменских семейств, которым отвели лучшие земли. Пришедшие скотоводы грозили занять все земли, годные для земледелия. Против персидского господства вновь поднялась вся страна. В результате ожесточенной борьбы туркмены были изгнаны.

Примеру Теймураза последовал имеретинский царь Александр, который в 1651 г. со своими вельможами также присягнул московскому царю. В 1657 г., уже 70-летним стариком, Теймураз сам отправился в Москву. Несмотря на пышный прием, устроенный в русской столице, ему не удалось добиться военной помощи. Московское правительство, занятое войной с Польшей за Украину и со Швецией за берега Прибалтики, не хотело осложнять отношений с Персией и боялось за свои южные владения. Потеряв надежду на помощь Москвы, Теймураз отправился к шаху в Персию. Там он был заточен в крепость и умер в неволе. Кахетия и Картлия остались под властью шаха.

Положение Картлии и Кахетии во второй половине XVII в. стало несколько улучшаться. Прекращение войн между Персией и Турцией за Закавказье приостановило дальнейшее разорение страны. Постепенно восстанавливается сельское хозяйство, возобновляются разрушенные поселения, беглецы возвращаются на старые места. Крупные феодалы, расширяя хозяйство, были заинтересованы в привлечении населения. В связи с экономическим оживлением Тифлис опять становится крупным торговым центром. Француз Шарден, посетивший Тифлис во второй половине XVII в., нашел его густонаселенным городом с обширными, выстроенными из камня рынками и хорошими караван-сараями, в которых оста-

навливались приезжие иностранные купцы. Город был окружен прекрасными садами.

В XVI—XVII вв. грузинская культура подвергалась персидскому и турецкому влиянию. Грузинская феодальная знать перенимала турецкие и персидские обычаи и порядки. Появились многочисленные восточные подражания в художественной литературе. В искусстве, особенно в живописи, персидское влияние было особенно заметным. В конце XVII в. в связи с героической борьбой за независимость в литературе усиливаются национальные тенденции, представителем которых был царь Арчил. Выступая за объединение грузин для борьбы с Персией и Турцией, Арчил противопоставлял современной ему Грузии могущественное грузинское государство эпохи Тамары. В своих литературных произведениях Арчил старался очистить грузинский язык от чуждых ему персидских и турецких слов. Темой для них он брал события из грузинской истории и современную ему жизнь Грузии.

В 1699 г. Арчил был вынужден переселиться в Россию, где, тоскуя по родине, продолжал заниматься литературной деятельностью.

Другим блестящим представителем возрождающейся грузинской литературы был Сулхан Орбелиани, родившийся в 1658 г. В последний период своей жизни он много путешествовал, выполняя разные дипломатические поручения. Важнейшей задачей Орбелиани являлось усиление политических и культурных связей Грузии с Западной Европой, так как он надеялся получить помощь для освобождения родины от турецкого угнетения. Чтобы заручиться поддержкой папы, Орбелиани перешел даже в католичество. В Париже он побывал у короля Людовика XIV. Однако все эти попытки были тщетны.

Орбелиани оставил интересное описание своего путешествия по Западной Европе. Впечатления, полученные им во время путешествия, не могли вытеснить мыслей и воспоминаний о родине, которые возникали и в то время, когда он любовался пейзажем в окрестностях Флоренции, и тогда, когда он пил итальянское вино.

Крупнейшим лингвистическим трудом Орбелиани был словарь грузинского языка, на который он потратил свыше тридцати лет работы. Важнейшим литературным произведением является книга «Мудрости и лжи». Она содержит более 150 небольших рассказов и басен, представленных в виде диалога между несколькими лицами. Нравоучительная цель этого сочинения — служить руководством для воспитания правителя. Но действительное значение ее было шире. Орбелиани широко использовал богатство грузинского фольклора, а также сюжеты, взятые из всемирной литературы. Многое в книге принадлежит самому автору, обладавшему хорошей наблюдательностью, умением высмеять человеческие пороки, дать острую сатиру на представителей феодального мира, царей, вельмож, судей, духовенство, мелких чиновников и др.

Книга «Мудрости и лжи» пользовалась большой популярностью. Сохранилось свыше тридцати списков этого сочинения.

Незадолго до смерти Орбелиани отправился с братьями и племянниками в Москву, где умер в начале 1725 года.

Азербайджан и Армения. В течение XVII в. Азербайджан находился под властью шаха (с 1606 до 1722 г.). В этот период турецкие войска вторгались несколько раз только в южную часть страны. Тем не менее положение крестьянского населения, задавленного непосильными поборами, было исключительно тяжелым. В лучшем состоянии находились города, продолжавшие играть крупную роль в торговле. Среди них выделялись Шемаха и Баку. По рассказам иностранцев, Шемаха, окруженная каменной стеной, имела около 10 тыс. домов. В ней, кроме коренного населения, жили купцы различных народов: персы, армяне, грузины, русские, евреи и др. Из Баку вывозились главным образом соль и нефть.

В XVI в. азербайджанская литература стала освобождаться от арабского и фарсидского языков. Первым, кто сделал серьезную попытку в этом направлении, был замечательный поэт Мамед Физули (родился в конце XV в., умер в 1563 г.). Почти всю жизнь Физули провел в Багдаде, вдалеке от родного Азербайджана. Тем не менее большинство его произведений было написано на азербайджанском языке.

Мамед Физули был не только поэтом, но и крупным разносторонним ученым, хорошо знавшим как восточную, так и европейскую научную литературу. Он занимался филологией, философией, астрономией, математикой, медициной. Физули верил в огромную силу человеческого слова, более могучего, чем армия завоевателей.

«Посмотри: это я властелин-дервиш, сильный
войсками слов.
Громоносное слово — источник победы моей.
Видишь, каждое слово мое — великан, что из
истины силу берет.
Если слово захочет, будут море и суша покорны ему,
И куда б я его ни послал, слову чужды почет
и казна:
Слово, взявши страну, никого не заточит в тюрьму».

Лирика Физули, представленная изящными музыкальными газелями, полна искреннего чувства и теплоты. Поэт воспевал с оттенком грусти свою идеальную любовь, которая не принесла ему счастья в жизни. Но поэт не утратил жизнерадостного отношения к окружающему миру. Мамед Физули жил и умер бедняком, дервишем.

Армения, так же как и Грузия, в результате войн Турции и Персии была разрезана на две части, причем под властью Турции с начала XVII в. находились южная и западная части Армении.

Армянское нагорье, являвшееся главной территорией, на которой в XVI в. разыгрывались битвы между войсками султана и шаха, потеряло большое население избитыми, погибшими от голода и уведенными в плен.

Не менее существенное значение для феодального хозяйства Армении имел захват плодородных долин скотоводческими племенами (кызылбашами, курдами, туркменами). Армянское население, особенно в турецкой части, вытеснялось в менее удобные для сельского хозяйства — нагорные районы. И в турецкой и в персидской части целые округа отдавались в наследственное владение вождям кочевых племен, которые, не развивая собственного хозяйства, довольствовались эксплоатацией подчиненного населения, не имевшей никаких регламентированных форм. Остатки армянской феодальной знати сохранились главным образом в персидской части Армении. Здесь армянским феодалам, находившимся под протекторатом шаха, принадлежали значительные владения. Крупное хозяйство велось также монастырями. Примером последнего может служить Эчмиадзинский монастырь, ставший с сороковых годов XV в. местопребыванием католикоса. Хозяйство монастыря после длительного упадка стало восстанавливаться с начала XVII в. Монастырь по особым пожалованиям шаха получил значительное количество сел, население которых было обязано платить монастырю ренту в размере десятой доли урожая. С 30-х годов XVII в. католикосы развили энергичную деятельность по увеличению монастырских владений. Они покупали целые мулкадарские селения (население уплачивало «мулк»), закабаляли деревни, заставляя платить «двойной мулк», приобретали отдельные участки пахотной земли и т. д. Одновременно расширялось собственное хозяйство, участки которого были разбросаны среди крестьянских общинных земель. Они состояли из пашен, сенокосов и садов. Большое значение вследствие засушливого характера Араратской равнины имело орошение. Монастырь проводит каналы, расширяет истоки небольших речек, устраивает стоки подземных вод, сооружает запруды. Все эти работы, требовавшие большой затраты труда, выполнялись частично крепостными крестьянами, частично — наемными людьми.

Особое положение занимало армянское купечество, игравшее крупную роль в посреднической торговле между Азией и Европой. На востоке армянские купцы проникали до Индии, на запад ездили в Италию, Францию, Голландию и другие страны. Основная торговая магистраль проходила через турецкую Малую Азию (Тавриз—Смирна—Стамбул).

Армянские купцы пользовались покровительством шаха, который извлекал из торговли значительный доход. До начала XVII в. важнейшим торговым центром был город Джульфа, окруженный торговыми селами. Сюда поступал весь шелк из Гиляна (Персия). Джульфа играла очень крупную роль в международной торговле

шелком. Шах Аббас I, опасаясь, чтобы Джульфа не досталась Турции, велел в 1603 г. сжечь город, а купцов поселил около Испагани.

Неустойчивая политическая обстановка в Малой Азии побуждала армянских купцов искать других направлений для вывоза товаров. В XVII в. усиливались торговые сношения между Арменией и Россией. В 1667 г. в Москве был заключен договор с Армянской торговой компанией, по условиям которого весь шелк должен был вывозиться через Астрахань в Москву. Непроданные в Москве товары армянские купцы могли везти в порубежные русские города: Смоленск, Великий Новгород, Архангельск и отправлять их «за море». Этим было положено начало развитию экономических и культурных сношений между Россией и Арменией.

БОРЬБА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. ПРИСОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ К РОССИИ

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ПОЛЬШИ

До объединения Польши и Литвы в 1569 г. в систему Польско-Литовского государства белорусские земли входили в состав территории великого княжества Литовского. Из украинских земель Польше принадлежала Галицкая Русь, Западная Волынь и западная часть Подолии. Остальные украинские земли находились под властью Литвы.

Ряд явлений экономической жизни свидетельствует о значительных успехах в развитии товарно-денежных отношений к середине XVI в., ослаблявших обособленность феодального хозяйства в различных частях великого княжества Литовского. Течения рек Вислы, Немана и Западной Двины давали сельскохозяйственным продуктам удобный выход к портам Балтийского моря. Одновременно увеличивалась емкость внутреннего рынка. В более крупных городах происходили по одному, а иногда и по нескольку раз в год ярмарки, усиливавшие связь между городским рынком и сельской местностью. Внешняя и внутренняя торговля втягивала феодальное хозяйство в рыночные отношения и заставляла крупных землевладельцев принимать меры к увеличению доходности своих владений. Крупные мероприятия по реорганизации хозяйства были проведены в господарских владениях. В 1557 г. великий князь Сигизмунд II Август утвердил особую инструкцию для управляющих своих владений — «Устава на волоки». Сначала была произведена проверка права на владение землей, причем земля отбиралась у всех держателей, не сумевших представить нужные документы. Затем весь земельный фонд господарских владений был разделен на новые земельные единицы — «волоки» (около 20 га). Часть волоков отводилась под фольварочное хозяйство, остальная часть отдавалась крестьянам, которые разделялись на «тяглых» и «осадных» (оброчных). В связи с этой реформой «невольная челядь» (холопы) стала сливаться с крестьянами. Сельское население господарских владений было прикреплено к своим участкам. Аграрная реформа в господарских владениях подняла их доходность путем усиления феодальной эксплоатации. Крестьяне сопротивлялись проведению реформ, прогоняли княжеских чинов-

ников, отказывались платить новые налоги и уходили в привольные степи Нижнего Приднепровья, где уже в первой половине XV в. стало образовываться поселение вольных казаков.

Люблинская уния. Попытка польского магнатства настоять на выполнении Кревской унии, заключенной в 1385 г., не удалась. С развитием феодального хозяйства и ростом торговли сельскохозяйственными продуктами, поставлявшимися на западноевропейский рынок, польское крупное землевладение стремилось расшириться за счет литовских, белорусских и украинских земель. Согласно привилею Казимира IV от 1447 г. великие князья литовские не должны были раздавать замки, имения и должности чужестранцам. Поэтому польское магнатство и шляхта прилагали все усилия к тому, чтобы уничтожить эти ограничения. Но уничтожить ограничения было возможно лишь в результате возобновления или нового заключения унии. Вопрос о возобновлении унии неоднократно поднимался в Польше, но не встречал полного единодушия среди литовского землевладельческого класса. В 60-х годах XVI в. литовская шляхта получила ряд привилегий, которые еще больше сближали ее с положением польской шляхты. Она стала собираться на поветовые сеймики, получила выборные суды и военное устройство по польскому образцу. Заинтересованная в еще большем сближении с организацией польской шляхты, пользовавшейся значительным влиянием в политической жизни Польши, литовская шляхта готова была согласиться на заключение унии, т. е. на объединение Литовского государства с Польским.

Другое положение занимали литовские магнаты, которые не без основания опасались конкуренции со стороны польского землевладения. Поэтому они противились заключению унии и были сторонниками сохранения особого государственного устройства Литвы. Неудачи и крупные жертвы, понесенные литовскими панами и шляхтой во время Ливонской войны, несколько сгладили противоречия внутри класса литовских землевладельцев и сделали его более уступчивым к польским требованиям. Литовские паны и шляхта надеялись в результате заключения унии с Польшей получить материальную и военную помощь со стороны «короны».

После нескольких безрезультатных съездов польских и литовских уполномоченных король назначил для решения вопроса об унии общий польско-литовский сейм в Люблине, который открылся в январе 1569 г. Польские представители доказывали, что вопрос поднимался не о новой унии, а о соблюдении старых условий, в свое время принятых королем Ягайло. Литовские сенаторы отвергали всякое значение старых условий Кревской унии и продолжали настаивать на сохранении автономных порядков на территории великого княжества. Литовский контрпроект вызвал негодование со стороны польской части сейма. Литовские делегаты покинули сейм. Тогда Сигизмунд II Август рядом особых королевских указов присоединил к Польше Подляшье (Берестейскую землю), Волынь и Киевскую землю, которые входили в состав тер-

ритории великого княжества Литовского. Потеряв важные в экономическом отношении земли, литовские послы вернулись на заседание сейма. После новых переговоров 1 июля состоялось официальное соглашение о заключении унии.

По условиям Люблинской унии Польша («корона» польская) и Литва (великое княжество Литовское) соединялись в одно государство, получившее название «Речи Посполитой».

Общее государство Польши и Литвы должно было иметь общие органы верховного управления. Общий государь (польский король и великий князь литовский) избирался сообща панами и всеми станами обеих частей. Был уничтожен отдельный литовский сейм, взамен которого остался общий сейм («Вальный сейм» Речи Посполитой). Он состоял из двух частей — Сената и Посольской избы. Сенат был органом высшей феодальной знати. Сенаторы состояли из высшего католического духовенства (архиепископов и епископов), министров, воевод и каштелянов (комендантов крепостей). В Посольскую избу входили представители шляхты, выбиравшиеся на местных сеймиках. Уния предусматривала общую внешнюю политику, вводила одинаковую денежную систему. Были уничтожены все ограничения для приобретения поляками земель на территории великого княжества. Унию, однако, нельзя рассматривать как простое инкорпорирование (втеление, вхождение) Литовского государства в польскую государственную систему, так как великое княжество Литовское частично сохраняло автономию. В Литве были сохранены особые центральные должности (министерства, устроенные по польскому образцу), она продолжала иметь отдельную центральную администрацию, особую казну (скарб), особое войско; были сохранены также литовские законы, объединенные в «Литовском статуте». Однако сохранение автономного литовского порядка не коснулось некоторых частей территории. Брацлавская земля, Волынь и Киевщина считались непосредственно присоединенными к Польше; на них была перенесена вся польская административная система за исключением судебного устройства.

Люблинская уния имела очень важные последствия для всего великого княжества Литовского и особенно для украинских и белорусских земель. Уничтожение ограничений для польского землевладения привело к его быстрому распространению в землях великого княжества. Вместе с польским землевладением переносились и польское право и польские крепостнические порядки. Уравнение в правах литовского, белорусского и украинского шляхетства с польским способствовало их полонизации. Украинская и белорусская шляхта стала говорить на польском языке и перенимать польскую культуру. Однако шляхта великого княжества Литовского (украинская, белорусская и литовская) не получила тех преимуществ, на которые она рассчитывала в результате заключения Люблинской унии, так как на общем сейме голоса ее

представителей тонули среди подавляющего большинства голосов польских делегатов. В целом Люблинская уния соответствовала интересам польских крупных магнатов и шляхты.

Захват польскими панами украинских земель. На основе Люблинской унии и особого сеймового постановления 1590 г. крупные польские феодалы с поразительной быстротой и жадностью стали расхватывать земли среднего Приднепровья. В области южного Побужья утвердились польские магнаты из Подолии: Язловецкие, Замойские, Потоцкие, Конецпольские и пр. В Поднепровье и Заднепровье проникали землевладельцы преимущественно из Волыни: князья Острожские, Рожинские, Чарторыйские, Вишневецкие и др. Уже в XVI столетии польское землевладение перекинулось на левый берег Днепра и стало захватывать нижнее Поднепровье, где расстилалась очень плодородная, но мало освоенная степь. К качалу XVII в. эта территория совершенно изменила свой прежний вид; на степном раздолье появились многочисленные польские замки, ставшие центрами обширного феодального хозяйства. «Польское право и польский порядок надвигались туда, — говорит один историк, — где еще недавно паслись дикие кони и шумел степной ковыль».

Польское землевладение быстро разрушало в Западной Украине и в Западной Белоруссии сельскую общину, носившую название «дворища». В общине-дворище объединялось несколько родственных семейств под управлением одного главы, к которым присоединялись люди со стороны. Дворище развивалось на земельном просторе; оно заключало вместе с пашней озера, пожни, бортные леса и другие хозяйственные угодья. С развитием польского землевладения территория общины делилась на определенные участки — волоки. Земля отдельного дворища обычно делилась на несколько волоков, при этом лучшая часть отрезалась под панские хозяйственные хутора, носившие название фольварков. Феодальная эксплоатация велась главным образом при помощи барщинных работ. В некоторых случаях польские землевладельцы присваивали себе так называемые «пустынки», т. е. незаселенные пространства. Туда они перевозили своих людей из других владений, а затем призывали и крестьян, обещая разнообразные льготы. После окончания короткого льготного срока крестьяне оказывались в самой тяжелой крепостной неволе. На частновладельческих крестьян были перенесены польские крепостные порядки, являвшиеся наиболее тяжелыми во всей феодальной Европе. Паны распоряжались не только имуществом, но и жизнью крестьянина; пан мог подвергнуть его любому наказанию, даже убить. Правительственная власть совершенно не вмешивалась в отношения между землевладельцами и населением их владений, получившим характерное название «подданных».

В результате развития польского землевладения и перенесения на украинскую и белорусскую почву польского крепостного права крестьяне стали покидать освоенные панами и шляхтой зем-

ли и уходить в свободные степи к днепровским порогам, за реку Рось. Главным центром поселения беглых крестьян, ставших вольными «запорожскими» казаками, был остров Тамань у Хортицы. По системе укреплений, образуемых засекой из поваленных деревьев, место казачьего лагеря получило в начале XVII в. название «Сичь» (Сечь). Впрочем, сами казаки называли его в официальных сношениях «вельможным кошем славных низовых казаков». Сечь оживала только в летнее время, когда из украинских и белорусских городов, сел и деревень тянулись на Днепр, «за пороги», казаки, крестьяне, мещане. В течение летних месяцев они занимались рыбной ловлей, охотой, скотоводством, ремеслом, торговали, ходили в походы на крымские улусы и во владения турецкого султана. Осенью Сечь пустела до наступления теплой погоды. Казаки прятали челны, складывали оружие и уходили на промыслы в украинские города и села «долеживать» зимние месяцы.

В Запорожье казаки вступали в близкое соприкосновение с татарами, которые, кроме Крыма, занимали приднепровскую степь, простиравшуюся на север примерно до реки Конские Воды. Татары в южной степи образовали несколько орд, находившихся в вассальном подчинении крымскому хану. Каждая орда распадалась на мелкие аулы по 100—200 кибиток в каждом.

Татары при господстве кочевого хозяйства удовлетворяли потребности богатой знати главным образом посредством ограбления соседних культурных земель. Добыча служила также средством для уплаты дани султану и для обмена на другие товары. Особое значение в этой добыче занимали обращавшиеся в рабство пленные, на которых существовал большой спрос на восточных рынках. Подбираясь степными дорогами к населенным землям Южной Украины, татары при удаче уводили с собою огромные толпы пленных, предпочитая среди них женщин и детей. По современным источникам, число захваченных пленных во время одного похода составило 5—15 тыс. человек, а в исключительных случаях достигало 50 и даже 60 тыс. человек. По сообщению Михаила Литвина, один меняла еврей, живший у Перекопа и наблюдавший возвращение орды после набегов с длинными вереницами пленных, с удивлением спрашивал, остались ли еще люди в тех странах, куда ходили татары.

Образование у днепровских порогов казачьего войска имело огромное значение для обороны степной — южной — части Украины. Хотя казаки не могли предотвратить татарских вторжений, но часто подстерегали татар при обратном возвращении и отбивали у них награбленную добычу и пленных.

Появление в низовьях Днепра вольного казачества не могло, с другой стороны, не беспокоить польского правительства и польских панов, боявшихся за свои украинские владения. Еще король Стефан Баторий решил узаконить часть казачества с тем, чтобы воспользоваться им в интересах польской власти. В начале 80-х годов

XVI в. были составлены особые списки — «реестры», по имени которых казаки, попавшие в эти списки, получили название «реестровых». Они считались находившимися на королевской службе, были обеспечены некоторыми привилегиями, получали жалованье в военные годы, имели право выбирать гетмана. В число реестровых казаков выбирались преимущественно более зажиточные казаки. Выборная казачья власть впоследствии получила название «старшины». С течением времени старшина обзаводилась собственными хуторами, вела при помощи крепостных крестьян феодальное хозяйство и стала приближаться по социально-экономическому положению к шляхте.

В 1590 г. была принята первая сеймовая конституция по вопросу о запорожских казаках. Численность казачьего войска была установлена всего в 1 000 человек пехоты. Назначение его, по официальному выражению, состояло в «укрощении украинского своевольства и в поддержании мира с соседними государствами». Таким образом, польское правительство пыталось превратить низовое казачество в пограничную стражу Польского государства.

Наступление польского землевладения на украинские земли и стеснительные мероприятия, принятые в отношении запорожских казаков, уже в конце XVI в. вызвали первые массовые восстания, движущей силой которых были низовое казачество и крепостные крестьяне.

Первое крупное восстание произошло в 1591—1593 гг. под предводительством Криштофа Косинского, принадлежавшего к числу православных шляхтичей, родом из Подляшья. В 1591 г. Косинский с низовыми казаками находился в Белоцерковщине, где казаки по обычаю собрались «долежать» зимние месяцы. В конце декабря 1591 г. казаки Косинского стали нападать на владения крупнейшего магната князя Острожского в Правобережной Украине. В течение короткого времени они заняли Белую Церковь, а затем и ряд других городов. Одновременно казаки и присоединявшиеся к ним крестьяне разоряли и опустошали королевские и панские замки. Затем казаки ушли в Подолье, где остановились во владениях князя Острожского и разбили войска этого украинского магната. Движение казаков и крестьян вызвало необычайную тревогу в Польше. Сейм решил назвать казаков «врагами отечества». Был созван экстренный сбор шляхетского ополчения. Не полагаясь на малодисциплинированные шляхетские войска, польское правительство обратилось к помощи наемной венгерской пехоты. Под давлением превосходных сил Криштоф Косинский принужден был сдаться, часть казаков ушла в Запорожье, часть разошлась по домам, часть двинулась под Киев и даже на время овладела этим городом.

Брестская религиозная уния. Для укрепления своей власти в Украине и Белоруссии польское правительство обратилось к помощи католической церкви и особенно к помощи иезуитов. Впер-

вые иезуиты из Западной Европы появились в Литве и в городах Волыни в год заключения Люблинской унии. Иезуиты стали проникать в дома крупных магнатов, а в городах — открывать свои школы. Они нашли полную поддержку со стороны Стефана Батория, который видел в католической церкви одно из главных условий политического единства Речи Посполитой. Иезуитами был выдвинут проект объединения (унии) православной и католической церквей под властью папы. Православная церковь в Белоруссии и Украине не была в состоянии оказать большого сопротивления насильственному распространению католицизма. Хотя православная церковь возглавлялась киевским митрополитом, но в действительности отдельные церковные организации, особенно епископы, пользовались почти полной самостоятельностью. Епископские кафедры замещались по желанию короля, а иногда и крупных магнатов людьми, не имевшими ничего общего с церковной жизнью.

Практически вопрос об унии был поднят по инициативе нескольких православных и католических деятелей в конце 80-х годов XVI в. Одним из первых организаторов ее был Ипатий Потей, занимавший место земского судьи в Бресте. Король Сигизмунд III, осведомленный о его ревностном старании в деле присоединения православной церкви к католической, возвел Ипатия Потея, несмотря на то, что последний, как православный, считался «схизматиком», в должность каштеляна, что давало право заседать в Сенате. Вскоре после этого Ипатий Потей стал епископом брестским и владимирским.

В первое время план унии разрабатывался в полном секрете в кругу нескольких православных епископов при участии представителя папы в Польше (нунция) и при поддержке польского правительства. Епископы православной церкви желали получить места в Сенате, что уравнивало их в политических правах с католическими епископами. Сторонником унии стал и киевский митрополит Михаил Рагоза. Получив письмо за подписью четырех епископов о введении унии, Сигизмунд III издал особый универсал (указ) о соединении церквей. После этого Ипатий Потей с епископом Кириллом Терлецким отправился в Рим, где во время торжественного приема папой заявил ему о желании православной церкви в Польше соединиться с католической под главенством папы, хотя никаких полномочий для этого не имел.

Известие о деятельности Михаила Рагозы, Ипатия Потея и других сторонников унии вызвало глубокое возмущение среди православного населения Украины и Белоруссии. Православные магнаты и шляхта настояли на созыве церковного собора, который собрался в Бресте в начале октября 1596 г. На стороне унии оказалось большинство высших иерархов православной церкви (митрополит и пять епископов, тогда как против унии высказалось только два епископа). К числу противников унии принадлежало рядовое духовенство, православная шляхта во главе с крупнейшим

магнатом — князем Константином Острожским и мещанство (на соборе присутствовали послы от Киева, Львова, Минска и других городов). Собор сразу разделился на две части, которые ни разу не сошлись на общее заседание. Несмотря на то, что подавляющее большинство участников собора принадлежало к противникам унии, польское правительство признало законным лишь решение епископов, которое в литературе получило название Брестской религиозной унии (1596).

По условиям унии православная церковь принимала все основные догматы католической церкви и соединялась с ней в одно целое под главенством папы; была сохранена лишь часть православных обрядов. Польское правительство поддерживало унию, так как видело в ней средство для усиления своей власти в землях с православным украинским и белорусским населением. Планы польско-литовского панства шли еще дальше: предполагалось, что уния может в будущем способствовать подчинению Московского государства интересам Речи Посполитой.

Борьба украинского и белорусского народов против польского гнета в конце XVI в. и в первой половине XVII в. Введение унии усилило религиозный гнет украинского и белорусского населения. Православные церкви стали отдаваться на откуп. Православные христиане должны были платить откупщикам за совершение церковных обрядов. С течением времени украинская и белорусская шляхта все больше подпадала под влияние католической церкви. Но народные массы, казачество, крестьяне и мещане, упорно боролись против попытки ввести унию. Таким образом, к классовым и национальным противоречиям прибавились еще религиозные преследования.

Одним из средств борьбы украинского и белорусского народов против национального и религиозного угнетения была организация в городах «братств». Братства были организованы во Львове, Вильно, Бресте, Минске, Пинске, Киеве и других городах. Особенно много братств возникло в 90-х годах XVI в. В «братство» вступали прихожане, группировавшиеся вокруг какой-либо церкви, с целью ее материальной поддержки и взаимной помощи друг другу. Борьба за сохранение национальной самобытности вовлекла братства в более широкую деятельность. Братства стали открывать школы, заводить типографии, распространять книги, направленные против унии, и пр. Первая школа была открыта при львовском братстве (1586).

Во второй половине XVI в. в Украине и Белоруссии работали бежавшие из Москвы первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславцев. Оба они остались верными своему делу, несмотря на многие бедствия и лишения. Иван Федоров и Петр Мстиславцев ввели в украинское и белорусское книгопечатание тот же шрифт, который был принят и в Москве (шрифт изданий Франциска Скорина имел значительные элементы западноевропейской графики).

Введение унии дало новый толчок к подъему казацко-крестьянского восстания. Предводителем его был Северин (Семерин) Наливайко. Отец Наливайко имел небольшой участок земли. Местный пан захватил эту землю, а старика Наливайко так избил, что он умер. Впоследствии Северин Наливайко, никогда не забывавший этого насилия, говорил: «Ведь отец-то у меня один». В молодости Наливайко занимался «казацким промыслом», потом поступил в войска князя Константина Острожского. Находясь на службе у Острожского, Северин Наливайко принимал участие в действиях против Косинского. После этого Наливайко ушел в казачьи походы на турецкие владения. Вернувшись из третьего похода с большой добычей, он отослал часть ее, в том числе много лошадей, в Запорожскую Сечь. Так был заключен мир между Наливайко и низовым казачеством.

Весной 1595 г. Наливайко разгромил резиденцию сторонника унии епископа Кирилла Терлецкого — город Луцк. Из Волыни Наливайко отправился в Белоруссию, где восстание тотчас охватило огромную территорию. В руки восставших перешли города Могилев, Слуцк, Речица, Пинск. Крупнейший литовский магнат Сапега писал: «Холопы, наши подданные, наезжают, все уничтожают, воюют, пануют над нами, а нам паче руки звязаны — не только не можем оплатить им, но даже оборонитися от них».

В конце января 1596 г. Наливайко вновь появился на Волыни, где продолжал громить родственников и сторонников Кирилла Терлецкого и других приверженцев унии. Восстание Наливайко вызвало мобилизацию коронного войска. Под давлением превосходных сил Наливайко перешел на левый берег Днепра, где соединился с низовыми запорожскими казаками, приведенными Григорием Лободой. Гетману Жолкевскому, командовавшему польскими войсками, удалось окружить казацко-крестьянский лагерь около города Лубен. В течение некоторого времени, несмотря на чрезвычайно трудное положение, казаки и крестьяне под предводительством Северина Наливайко и Григория Лободы успешно отражали нападения шляхтичей. Осажденные очень страдали от недостатка воды, припасов и боевого снаряжения. К тому же крестьяне, уходившие из панских владений, забирали с собою семьи, женщин и детей, которые стесняли действия осажденных. Внутри лагеря начались раздоры, во время которых сторонники Наливайко убили Григория Лободу. Воспользовавшись голодом и борьбой среди казаков, шляхтичи ворвались в лагерь и произвели исключительное по жестокости избиение находившихся в нем. Согласно польскому источнику, из 10 тысяч человек, сидевших в лагере, спаслось только полторы тысячи, которым удалось прорваться в степь. Наливайко был захвачен в плен и казнен в Варшаве. Согласно народным преданиям, попавшим и в украинскую летопись, он был подвергнут утонченно-жестокой казни: посадили Наливайко внутрь сделанного из меди быка, которого раскаляли на огне.

После подавления восстания Наливайко Украина, по выражению одного польского историка, «сделалась добычей польского плуга».

Неудача восстания Наливайко и усиление польской власти в Украине и Белоруссии несколько понизили в первой четверти XVII в. активность народной борьбы, хотя и не прекратили ее полностью. Возникали новые вспышки возмущения среди казачества. Происходили волнения в некоторых городах. Не оставалось спокойным и крестьянство. Польское правительство прилагало большие усилия к тому, чтобы направить низовое казачество на внешние предприятия в соответствии с общими задачами польской политики. Это особенно касалось участия казаков в московских походах, в поддержке самозванцев, а затем и в открытой войне с Русским государством. Крупный отряд запорожских казаков под предводительством гетмана Петра Сагайдачного участвовал в походе Владислава на Москву в 1617 году.

Излюбленным направлением для казачьих экспедиций этого времени были берега Черного моря и Молдавия, находившаяся под властью Турции. Казаки буквально не давали покоя могущественной империи турецкого султана. Современники рассказывают, что на легких «чайках» они с такой быстротой проплывали расстояние от устья Днепра до Константинополя, что турецкая стража, наблюдавшая за выходом казаков в Черное море, не всегда успевала вовремя сообщить в столицу о приближающейся опасности. Казаки разоряли и грабили окрестности Константинополя на глазах султана.

Особенно прославился смелыми морскими набегами Петр Сагайдачный, под предводительством которого казаки жестоко опустошали южное побережье Черного моря, осаждали Трапезунд, Синоп и Варну. Петр Сагайдачный не только помирился с московским правительством, но даже прислал в Москву послов с извещением, что казаки готовы ходить на татарские улусы в Крыму и хотят служить Москве «всеми головами своими». Крымские татары и турки в свою очередь разоряли Левобережную и Правобережную Украину. В некоторых случаях они доходили до польской территории.

Панский гнет толкал в Запорожье новые массы украинских и белорусских крестьян, разорившихся мещан и отдельных шляхтичей. Жизнь казаков, проходившая в военных предприятиях и полная неожиданных опасностей, приучила их к выносливости и храбрости. Француз Боплан, служивший польскому правительству на Украине, сообщает в своих записках о хороших боевых качествах казаков: «Казаки страстно любят свободу; смерть предпочитают рабству... телосложения крепкого, легко переносят холод и голод, зной и жажду; в войне неутомимы, отважны, храбры или, лучше сказать, дерзки и мало дорожат своей жизнью... Немногие из них умирают на постели, и то в глубокой старости: большая часть оставляет свои головы на поле чести».

Польское правительство очень опасалось присутствия в низовьях Днепра этой вольной и смелой силы, всегда готовой появиться на самой Украине и зажечь пламя крестьянской войны.

Польское правительство во время осложнений с Турцией охотно прибегало к помощи Запорожья и давало ему разнообразные обещания, которые систематически не выполняло, когда надобность в казачьей силе проходила. В 1621 г. король заключил мир с Турцией, по условиям которого обязывался удерживать казаков от нападений на турецкие владения. С этого времени польское правительство стало все больше и больше стеснять Запорожье, доставлявшее ему много внутренних и внешних осложнений.

Особенное беспокойство в Польше вызывали сношения казаков и украинского православного духовенства с московским правительством. Высшие представители православной церкви на Украине, притесняемые польской властью и униатами, все чаще обращались за помощью к Москве. В 1622 г. перемышльский епископ велел своим посланцам передать царю, что «все... православные христиане и запорожские казаки, как им от поляков утесненье будет, хотят ехать к тебе, великому государю». Еще с более определенными предложениями выступил через два года киевский митрополит Иов, вступивший через своих посланцев в Москве в тайные переговоры о соединении Украины с Московским государством. Однако в Москве с большой осторожностью отнеслись к этому предложению: «из твоих речей видно, — говорили бояре посланцу киевского митрополита,—что мысль эта в вас самих еще не утвердилась, так теперь дела этого царскому величеству начать нельзя, но если впредь вам от поляков будет в вере утесненье, а у вас против них будет соединенье и укрепленье, тогда вы дайте знать царскому величеству и святейшему патриарху и они будут с том мыслить, как бы православную веру и вас всех от еретиков в избавленье видеть».

С другой стороны, в Польше не могли не замечать усилившегося значения казачества во внутренней жизни Украины. Об этом наглядно свидетельствовала королевская инструкция сеймикам: «Вся Украина им (казакам) подвластна. Шляхтич не свободен в своем доме. По королевским городам и местечкам все управление, вся власть у казаков». Казачество, таким образом, становится организующей силой народной борьбы. Поэтому в Варшаве считали, что настало время для разгрома казачества. В 1625 г. на Украину было послано значительное коронное войско под командованием гетмана Конецпольского, к которому по дороге присоединились отряды отдельных магнатов. В польском войске находилась и наемная, хорошо вооруженная, немецкая пехота. Казаки были застигнуты врасплох и не имели времени для соединения. Отступая в сторону Запорожья, казаки остановились у Курукова озера (около Кременчуга), где отразили ожесточенные атаки противника. Тем не менее положение казачьего войска, понесшего

большие потери в сражениях и не имевшего запасов продовольствия, было очень трудным. В результате переговоров был заключен мир на тяжелых для казачества условиях (Куруковский договор).

Казаки обещали не предпринимать походов на Крым и Турцию без разрешения польского правительства. Численность реестрового казачьего войска была установлена в 6 тыс. человек. Избиравшийся казаками гетман (старшой) должен был утверждаться польской властью. Все казаки, не вошедшие в это число реестровых, так называемые «выписчики», должны были вернуться в прежнее состояние, т. е. в большинстве случаев — к своим старым панам-землевладельцам. «Выписчики», однако, не намерены были возвращаться под панское ярмо. В то время как шеститысячный реестр был составлен из «лучших», то-есть более зажиточных казаков, многие из которых владели хуторами, «выписчики» в основном принадлежали к бедноте — «нетягам». Это была плохо организованная масса, состав которой постоянно изменялся, но очень подвижная, легко поднимавшаяся на самые смелые и рискованные предприятия, всегда пылавшая острой ненавистью к панству и всегда готовая поддержать тех, кто выступал против него. Интересы «реестровых» и «выписчиков», из которых главным образом состояло Запорожье, часто расходились. Польскому правительству легче было поладить с реестровыми, чем с «выписчиками». Последние во всех казацких восстаниях были наиболее деятельной силой.

Куруковский договор привел к результатам, обратным тем, на которые рассчитывало польское правительство, стремившееся обессилить казачество. Поставив низовое казачество под угрозу полного уничтожения, он вызвал новый подъем движения, длившегося почти целое десятилетие (1630—1639). За это время произошло несколько крупных выступлений низового казачества, старавшегося прорваться в глубь Украины, где на горячей социальной почве готово было вспыхнуть общее народное восстание. Упорство, с которым казаки поднимались, несмотря на неудачи и поражения, свидетельствует о большой остроте классовых и национальных противоречий.

В 1630 г. запорожские казаки выбрали своим гетманом Тараса Федоровича (Трясилу). Гетман реестровых казаков (Грицько Черный) был схвачен, привезен в Запорожье, обвинен в измене казачеству и убит. Затем запорожцы с Тарасом Федоровичем двинулись в Украину, где к ним присоединилась часть реестровых. Главным требованием было уничтожение тяжелых условий Куруковского договора.

Появление казаков вызвало движение среди крестьян. Даже паны в отдаленной Галичине жаловались, что их крепостные убегали в Поднепровье, чтобы присоединиться к восставшим казакам.

Казаки и коронное войско встретились под Переяславлем. Около трех недель продолжалась борьба, не приносившая опреде-

ленных результатов ни одной, ни другой стороне. Несогласия в казачьем лагере очень ослабляли положение восставших. Под Переяславлем был заключен мир на основе Куруковского договора, но с некоторыми уступками в пользу казачества. Тарас Федорович сложил с себя власть гетмана. Таким образом, если казачеству не удалось уничтожить условия Куруковского договора, то и Польше не удалось разгромить казачество. Несмотря на неудачу, казачество после Переяславского мира должно было почувствовать свою несломленную силу.

В 1632 г. умер король Сигизмунд III. Делегация казаков сообщила сенату, что казаки, составляющие часть Польского государства, требуют участия в выборах нового короля и прекращения преследований. Сенат Речи Посполитой отвечал, что казаки действительно составляют часть Польского государства, но такую, как волосы или ногти на теле человека: когда они слишком вырастут — их стригут. Чтобы предотвратить возможность дальнейших выступлений низового казачества, а главное, чтобы перерезать сношения между Украиной и запорожским низом, в 1635 г. на днепровских порогах выше Сечи французский инженер Боплан построил крепость Кодак (крепость находилась против первого порога, носившего название Кодацкого). Гарнизоном этой крепости командовал приглашенный на польскую службу французский полковник. Запорожская сечь не могла существовать без постоянных сношений с Украиной. Казаки нуждались в привозном хлебе, в порохе, свинце, оружии и разных товарах. Поэтому создание Кодацкой крепости отразилось самым тяжелым образом на Запорожье. Когда осенью 1635 г. казаки под предводительством Ивана Сулимы вернулись из обычного морского похода и увидели крепость, преграждавшую им путь, они немедленно овладели ею и перебили весь гарнизон. Затем Сулима поднялся вверх по Днепру, намереваясь начать борьбу с поляками. Однако в самом начале этой борьбы он попал в плен и был казнен. В начале 1637 г. движение вновь усилилось и сразу приняло крупные размеры. Запорожье в это время было особенно многолюдным вследствие непрерывного притока беглых. Реестровые казаки были раздражены невыплатой жалованья. Волнение затем охватило крестьян королевских и панских владений. По словам современника, паны убегали из своих замков проселочными дорогами. Обширные владения князя Иеремия Вишневецкого на левом берегу Днепра были главным очагом крестьянского восстания.

Казаки выбрали своим гетманом Павлюка (Павла Бута), известного Запорожью и Украине за смелость и удачные походы. Двинувшись на Украину, Павлюк обратился с универсалом к населению, призывая его подняться против «неприятеля народа русского» (т. е. украинского).

Благодаря расколу среди казаков, более зажиточная часть которых не хотела ссориться с польским правительством, Павлюк

потерпел поражение и был замучен поляками. После разгрома Павлюка гетман Потоцкий всю дорогу в Нежин обставил кольями с посаженными на них казаками и крестьянами. Он сам рассказывал, что ездил любоваться на страдания людей. В Нежине несколько дней происходили истязания и казни. «Если ты, пан гетман, — говорили ему украинцы, — будешь отыскивать и казнить виновных, то разом посади на кол все Поднепровье и Заднепровье».

В 1638 г. сейм одобрил все репрессии против казачества и принял «ординацию (устройство) войска реестрового запорожского». Ординация уничтожала «на вечные времена» все казачьи льготы, доходы, самоуправление. Высшая войсковая власть должна была состоять из шляхтичей. Казаки не могли жить в городах, кроме пограничных. Мещанам (горожанам) не только запрещалось под страхом конфискации имущества записываться в казаки, но даже отдавать замуж за казаков своих дочерей. Была составлена, кроме того, тайная инструкция, которая установила еще более строгую систему контроля. Таким образом, украинское казачество потеряло все приобретения; оно вновь обращалось в особый вид польской пограничной стражи. Понятно, что основная масса казаков не могла примириться с этим положением. В 1638 г. запорожские казаки, едва оправившись от поражения, выдвинули нового вождя — Якова Остранина. Снова начало подниматься крестьянское население Левобережья. На помощь Запорожью подошел отряд донских казаков. Сначала Остранин имел крупный успех над коронными польскими войсками. Затем ему пришлось отойти в северо-восточную часть Полтавщины, где массами поднимались крестьяне. По польским источникам, в одной только Роменщине восстало до десяти тысяч крестьян. Полякам удалось изолировать Остранина и прервать его связь с Запорожьем. Потерпев поражение, Остранин ушел за московскую границу.

Казаки некоторое время еще продолжали борьбу под предводительством Дмитро Гуня, который даже сделал попытку получить помощь от крымских татар. Гуня обладал хорошими военными способностями; даже шляхтичи удивлялись «изобретательности грубого хлопа и его искусству». Однако общая обстановка в это время была крайне неблагоприятной для восстания. Между Польшей и Крымом временно установились мирные отношения. В Украине вследствие исключительно засушливого лета наступил голод. Потеряв надежду на успех, Дмитро Гуня по примеру Остранина ушел за московский рубеж. Силы казачества были сломлены.

Главными причинами неудач в восстаниях 1630—1638 гг. были: отсутствие единения народных сил, разногласия между реестровыми и остальной казачьей массой, предательское поведение части старшины, разрозненность отдельных выступлений, стихийный характер крестьянского движения, недостаток вооружения и организации у восставших. После подавления восстания польское

правительство занялось восстановлением Кодацкой крепости. Существует рассказ, что когда крепость была восстановлена, гетман Конецпольский спросил чигиринского сотника Богдана Хмельницкого: «Каковым вам кажется Кодакс?». Хмельницкий многозначительно отвечал: «Что руками создается, то руками может быть и разрушено».

Десятилетие 1638—1648 гг. польские современники называли временем «золотого покоя». Впрочем, «покоем» оно было только по сравнению с предшествующим бурным десятилетием и с последующим периодом народной борьбы. Польские паны, уверенные в прочности своей власти, еще с большей силой стали притеснять украинское население. «Паны украинские урядники (польские начальники) насильно берут все, что им понравится в доме казака; жены, дочери казацкие принуждены плясать, когда они заиграют» (из «исчисления обид», изложенных Богданом Хмельницким). Особенно тяжело было крепостным крестьянам, отданным на полный произвол панам, жестоко мстившим им за участие в народных движениях. Донесения московских агентов сообщали о тяжелом состоянии Украины: «Польские, литовские люди их (украинцев) христианскую веру нарушали... и людей, собирая в храмах пожигают, и пищальное зелье насыпают в их пазуху, и сосцы у жен их резали, и дворы и всякое строение разорили и пограбили».

В это же десятилетие под покровом внешнего спокойствия созревали силы общенародного выступления.

БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА ПОД РУКОВОДСТВОМ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

В конце 1647 г. появились явные признаки начинавшегося подъема крестьянского и казачьего движения. Организатором казачества в борьбе с польской властью стал чигиринский сотник Богдан (Зиновий) Хмельницкий, давно и хорошо известный в Украине и в Запорожье. По преданиям, он получил образование сначала в Киевской академии, а потом в школе иезуитов в Ярославле. Подтверждением этого предания является хорошее знание Хмельницким латинского языка. В 20 — 30-х годах Богдан Хмельницкий был участником многих морских походов, некоторые из них совершались под его предводительством. Около двух лет он провел в турецком плену. Несколько раз Богдан участвовал в депутациях, посылавшихся в королю или к сейму от имени запорожского войска. Богдан Хмельницкий владел хутором Субботов (недалеко от Черкас), который называл своим родовым владением. Хмельницкий принадлежал к слою украинских средних землевладельцев, пользовавшихся трудом крепостных крестьян. После принятия сеймом ординаций запорожского войска Богдан Хмельницкий принужден был сложить с себя влиятельное звание войскового писаря. В это же время он

стал жертвой грубого нападения пана Чаплицкого и, таким образом, на самом себе испытал то бесправное положение, в котором находилось украинское казачество в системе Польского государства. Пан Чаплицкий с толпой своих людей неожиданно напал на хутор Субботов, заковал домашних Богдана в цепи и разграбил его хозяйство. Хмельницкий сделал попытку обратиться за помощью к коронному суду, но последний был бессилен что-либо предпринять по отношению к влиятельному пану и не особенно хотел вмешиваться в его раздоры с украинским сотником. Пользуясь полной безнаказанностью, пан Чаплицкий решил отомстить Хмельницкому за обращение к суду; он приказал своей дворне поймать и высечь плетьми его 10-летнего сына. Это приказание было исполнено с такой жестокостью, что мальчик, чуть живой, был перенесен домой и вскоре умер. Тогда Богдан Хмельницкий отправился с жалобой в Варшаву к королю. Но и эта поездка не дала никаких результатов. Возвращаясь из Варшавы на Украину, Хмельницкий останавливался в местечках и селах, внимательно изучая настроение народа. После возвращения он созвал тайное собрание казаков, на котором впервые изложил план восстания. «Нет справедливости в Польше, — говорил Хмельницкий.—Проезжая по Руси, я везде видел страшное утеснение. Несчастный народ вопит о помощи. Все готовы взять оружие. Все обещают стать с нами заодно».

Польское правительство, осведомленное через шпионов о замыслах Хмельницкого, арестовало его. Однако Богдану удалось бежать в Запорожье, где он с казаками занял один из островов. Попытки польских властей захватить Хмельницкого в Запорожье окончились неудачей. Хмельницкий, хорошо знавший положение в стране, понимал, что одно казачество, даже в союзе с крестьянством, не в состоянии вести борьбу с многочисленным и хорошо вооруженным шляхетским ополчением и королевским войском. Поэтому Хмельницкий решил обратиться за помощью к одному из соседних государств. Наиболее близкое украинскому населению Московское государство в это время еще не могло оказать немедленной помощи. В Москве опасались начинать войну с Польшей, помня неудачу Смоленской кампании. Весь государственный бюджет был сильно расстроен; в стране в 1648 г. происходил ряд городских восстаний. Поэтому Хмельницкий решил обратиться к недавнему врагу Запорожья — к крымскому хану.

Ранней весной 1648 г. Богдан Хмельницкий вместе с сыном и с несколькими казаками отправился в ханскую столицу—Бахчисарай. Хан, недовольный польским королем за неуплату дани, решил воспользоваться борьбой казачества с Польшей и согласился отпустить с Хмельницким одного из своих мурз—Тугай-Бея с 4-тысячным отрядом. В начале апреля Хмельницкий вернулся в Сечь с представителем хана. Немедленно собравшаяся казачья рада провозгласила Хмельницкого «старшим» (гетманом) и вручила ему знаки власти: бунчук, булаву и войсковую печать.

В Польше знали о волнениях в Запорожье и готовились к их подавлению, хотя и недооценивали размеров движения. Весной 1648 г., когда Хмельницкий вел переговоры в Крыму, народные массы Правобережья были охвачены глубоким возбуждением. Польские магнаты засыпали правительство просьбами скорее «потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорелось, что не было ни одной деревни, ни одного города, в которых бы ни раздавался призыв к своеволию и где бы ни замышляли на жизнь и имущество своих панов державцев». Паны находили у своих крестьян оружие. Один из крупных магнатов отобрал у крестьян несколько тысяч самопалов (ружей). Гетман Потоцкий писал королю, что хотя Хмельницкий имеет в своем распоряжении только около 3 тыс. казаков, но если он войдет с ними в Украину, тогда эти 3 тыс. быстро превратятся в 100 тыс. человек.

Польские войска во главе с гетманом Потоцким ко времени начала восстания были сосредоточены в Черкасах. Отсюда Потоцкий двинулся вниз по Днепру, стремясь преградить Хмельницкому путь в Украину. Военный поход по обычаю превратился в увеселительную поездку: за панами тянулся огромный обоз с винами, продуктами и со всем необходимым для веселой лагерной жизни. Каждый пан стремился затмить другого роскошью угощения и блеском своего оружия. По словам польских источников, Потоцкий, выражавший общее мнение собравшейся шляхты, считал недостойным для нее посылать большое войско против «хлопов». Поэтому вперед был выдвинут отряд под командой сына гетмана, Стефана Потоцкого. К этому отряду были приданы части реестровых казаков. Когда Стефан Потоцкий приблизился к Хмельницкому, то реестровые казаки-украинцы перебили начальников и перешли на сторону Хмельницкого. 6 мая 1648 г. около речки Желтые Воды Хмельницкий полностью уничтожил отряд Стефана Потоцкого. В главном лагере Потоцкого сначала не хотели верить известию о поражении и поверили только тогда, когда получили подтверждение от раненого польского шляхтича. Беспечность, царившая в шляхетском лагере, сменилась полной растерянностью. Большое шляхетское войско поспешно отступило к Корсуни. Хмельницкий не дал возможности ему устроиться и через несколько дней — 16 мая разбил в окрестностях Корсуни главные силы Потоцкого. Коронный гетман Потоцкий и его помощник гетман Калиновский были захвачены в плен. Хмельницкий отправил обоих пленных в подарок в Крым.

Эти две победы произвели сильное впечатление во всей Украине и в Польше. Они вызвали еще большую панику среди польских землевладельцев на Украине и острую тревогу в самой Варшаве. С другой стороны, они способствовали быстрому расширению и усилению народного восстания, вовлекшего массы крестьян и низших слоев городского населения (мещан).

Переписка представителей польской власти на Украине дает

поразительно яркую картину полной растерянности. В письме воеводы брацлавского к одному из католических архиепископов сообщалось: «Уже без сомнения известно вашей милости, какой ужасный переворот последовал в делах нашего отечества, что войско наше поражено и разбито на голову, что оба гетмана — теперь жалкие пленники... Рабы теперь господствуют над нами; изменник учреждает новое княжество. Несчастные братья наши, среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другие драгоценные предметы, бегут во внутренность государства... Безумная чернь, обольщенная тем, что Хмельницкий щадит ее, предавая огню и мечу одно только шляхетское сословие, отворяет города, замки, и, вводя его туда, как торжествующего победителя, вступает в его подданство... Так внезапно и так сильно этот неприятель растоптал славу поляков и любезное наше отечество... Если несколько тысяч казаков (о несчастная година!) уничтожили наше войско и гетманов, то чего ожидать должно теперь, когда их 100 тыс., а после будет и вдвое больше. Мы теперь имеем дело не с той древней Русью, которая с луками и рогатинами вступала в бой, но с страшным огнестрельным войском, которое мы должны считать в таком количестве, что против одной головы кого-нибудь из нас явится тысяча хлопских голов с ружьями».

Одержав победу под Корсунью, Хмельницкий остановился в Белой Церкви. Он отправил посольство к королю с изложением тех условий, на которых соглашался прекратить военные действия. Хмельницкий требовал увеличения числа реестровых казаков с 6 тыс. до 12 тыс., выплаты жалованья, прекращения своевольства панов и шляхты, прекращения притеснения казаков, преследований православной церкви. В этих требованиях не было условий, которые бы касались изменения социально-политического порядка в Украине. Таким образом, Хмельницкий в этот период времени боролся еще за интересы реестровых казаков. Однако распространение народного восстания превратило его в организатора борьбы всего украинского народа с Польшей. После корсунской победы крестьянское восстание в короткое время охватило все Заднепровье и почти полностью Киевское и Брацлавское воеводства. По словам современников, паны бросали замки и имущество и спасались бегством «одними душами». В разных местах появились крестьянские «загоны» (отряды), разрушавшие панские замки, наводившие ужас и панику на шляхту.

Самым талантливым предводителем крестьянских загонов был Максим Кривонос. Перед его крестьянскими отрядами отступал даже грозный Иеремия Вишневецкий, самый жестокий представитель панской власти на Украине. Восстание затем охватило Волынь, Галицкую Русь и перебросилось в Белоруссию. Здесь также появились крестьянские загоны, выдвинувшие ряд предводителей: Небабу, Кривошапку и других. Один из крестьянских заго-

нов показался даже в окрестностях Варшавы, где в это время заседал сейм, избиравший короля.

В сентябре 1648 г. Хмельницкий совместно с присоединившимися к нему отрядами Максима Кривоноса нанес новое, еще более сильное поражение польским войскам на реке Пилявке. В руки казаков попала огромная добыча. По насмешливому замечанию современника, паны после поражения добрались до Львова в три дня, тогда как в обычное время они совершали этот путь в полгода.

Победа на реке Пилявке открывала перед Хмельницким дорогу на Варшаву. Однако Хмельницкий продолжал колебаться, в его действиях не было решимости. Он дошел до Львова, осадил этот город, но затем снял осаду и двинулся к Замостью. Казаки и крестьяне требовали продолжения похода на польскую столицу. Страна, охваченная со всех сторон крестьянским восстанием, имела все возможности для окончательной победы над поляками. Но Хмельницкий еще надеялся на возможность мирного соглашения с королевской властью и от Замостья медленно отошел к Киеву. Въезд Хмельницкого в Киев в конце декабря 1648 г. превратился в большой народный праздник. В Хмельницком население встречало избавителя Украины от долголетнего польского панского гнета. В Киеве начались переговоры с королевскими послами. Дневник, который вели польские послы, представляет собою замечательный исторический документ, хорошо рисующий перелом в настроении Хмельницкого. Если до этого времени он выступал как представитель реестрового казачества, то в переговорах в Киеве Хмельницкий говорил уже от лица украинского народа, ожидавшего освобождения от польского угнетения. На предложение послов, согласившихся на уступки казакам с тем, чтобы Хмельницкий «оставил чернь в покое, чтобы крестьяне пахали», Хмельницкий отвечал: «Напрасно толковать. Много было времени вести переговоры со мною, когда Потоцкие искали и преследовали меня на Днепре и за Днепром... Теперь уже не время; мне удалось сделать то, о чем я никогда и не мыслил, а после окажется, что я замыслил.Я исторгну весь русский народ (т. е. украинский народ) из польской неволи. Прежде я воевал за причиненный мне вред и за свою обиду; теперь пойду сражаться за нашу православную веру. Вся чернь, по Люблин и Краков, будет помогать мне в этом деле. Я своих единоверцев не могу оставить, они правая рука наша... Не пойду воевать за границу, сабли на турок и татар не подниму. Довольно с нас будет Украины, Волыни и Подолии. Теперь довольно у меня выгод и богатства в моей земле и в моем княжестве, простирающемся по Львов, Кульм и Галич. А ставши на Висле, я скажу прочим ляхам: сидите, молчите, ляхи! Туда я загоню всех дуков и князей, а если будут брыкать и за Вислою, то я наверно и там их найду. Во всей Украине не останется ни одного князя и ни одного шляхтича».

Переговоры с польскими послами в Киеве к соглашению не привели. Летом 1649 г. Хмельницкий снова двинулся в поход. В конце июня он встретил под Збаражем крупные силы польских войск. Поляки окопались в лагере и больше месяца отбивались от осаждавших казаков и подошедших к ним татар. В начале августа подошли новые войска под предводительством короля. Хмельницкий вместе с крымским ханом отправился к нему навстречу и окружил войско с королем под Зборовом. Казалось, что полное поражение поляков было неизбежно. О размере паники, охватившей шляхту, свидетельствует следующее сообщение московского представителя царю: «Панские дети и знатная шляхта и короля видев, и его королевские слова слыша, на бой против казаков и против татар никто не поехал и хоронились в возы свои, и иные под возы, в попоны завиваяся».

Польскому правительству удалось вступить в переговоры с ханом и вынудить у него обещание разорвать союз с Хмельницким под условием выплаты большой дани золотом. Тогда хан потребовал от Хмельницкого заключить мир с королем. Хмельницкий, не имевший возможности бороться одновременно с ханом и с Польшей, согласился на мирный договор на следующих условиях: численность реестрового казачьего войска, включая запорожское, доводилась до 40 тыс. человек; в казаки могли записаться все живущие как в королевских, так и шляхетских владениях; не попавшие в реестр (список) возвращались в прежнее состояние; казаки могли жить по всей территории Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, причем в местах их расположения не должны были оставаться королевские войска; сохранялось полностью все казачье управление во главе с выборным гетманом. Король обязывался остальные должности на территории трех выделенных воеводств замещать православными украинцами, обещая прекратить преследование православной церкви и закрыть школы иезуитов в тех городах, где находились русские (украинские) школы. Зборовский мир удовлетворял основные требования одного украинского казачьего войска. Он не изменил ни положения польских землевладельцев, ни положения крестьян, которые попрежнему должны были находиться в крепостной зависимости от панов и шляхты. Между тем число участвовавших под знаменами Хмельницкого в войне с Польшей значительно превосходило установленную численность казачьего войска. Таким образом, Зборовский мир, оставлявший нетронутым прежний социально-экономический порядок, должен был вызвать острое раздражение во всех эксплоатируемых слоях украинского населения.

В Польше были очень недовольны условиями Зборовского мира. В Варшаве распространялись оскорбительные для короля стихи, на улицах распевались насмешливые песни. «Тайный шопот, — говорит современник, — предупреждал всех, что мир, который служил к унижению шляхетского сословия и достоинства,

не мог быть продолжителен. Это значит присыпать пеплом огонь, который со временем должен будет вспыхнуть снова».

Положение Украины было очень тяжелым. Опустошения, произведенные поляками во время войны, довершил неурожай. Страшный голод поразил большую часть территории. После заключения Зборовского мира польские землевладельцы стали возвращаться в свои владения. Однако часть их была перебита крестьянами, а другие принуждены были бежать. Возмущение крестьян усилилось еще и потому, что крупные магнаты мстили участникам восстания. Хмельницкий пытался заставить население выполнять условия Зборовского мира. Он выпустил даже универсал с требованием, чтобы крестьяне подчинялись своим помещикам. Ответом на это был ропот населения против Хмельницкого. Среди казачества и даже старшины были люди, не желавшие подчиняться условиям Зборовского мира. Один из вождей казацко-крестьянских отрядов, прославившийся в борьбе с панами, Нечай говорил Хмельницкому: «Поступай же как хочешь. Если тебе нравится неволя, оставайся в ней, а мы выберем себе другого старшого, который лучше тебя постоит за нас». Таким образом, авторитет Хмельницкого стал падать.

В Польше велась усиленная подготовка к возобновлению войны. В самом конце 1650 г. сейм объявил о начале военных действий, и в начале следующего года польские отряды неожиданно вторглись на территорию Украины. Нечай выпустил универсал, в котором призывал весь народ подняться на борьбу. Полякам удалось ночью окружить отряд Нечая у местечка Красное. Казаки вместе с населением мужественно оборонялись в течение трех дней и были почти полностью перебиты; в числе погибших был и Нечай.

Более удачными были действия другого замечательного предводителя казацко-крестьянских отрядов — Богуна, который громил поляков на территории Винницы. Главные силы Хмельницкого встретились с польскими войсками в июне 1651 г. под Берестечком. Польская армия была очень многочисленной, в несколько раз превосходила силы Хмельницкого. «В то время, — говорит один современник поляк, — только ксендзы, старики, женщины и дети оставались дома в Польше». Польскому правительству и на этот раз удалось тайно подкупить хана, который неожиданно отошел в самом начале сражения. Когда Хмельницкий бросился его уговаривать, хан задержал гетмана почти на месяц. Оставшись без вождя, казаки и крестьяне устроили укрепленный лагерь и под предводительством Богуна отражали все нападения. Однако недостаток припасов поставил защитников в очень тяжелое положение. Пользуясь ночной темнотой, Богун вывел казаков по наскоро набросанной плотине через болото. Утром поляки ворвались в лагерь и произвели избиение оставшихся, среди которых было большинство крестьян.

Положение, создавшееся на Украине, не позволяло надеяться на удачный исход борьбы с хорошо вооруженной и сосредоточенной польской армией. Между тем население продолжало бороться, несмотря на огромное превосходство противника. Пан Мясковский в августе 1651 г. двигался по Украине во главе значительного польского отряда. Разрушенная и опустошенная Украина не вызывала у польского пана никакого сожаления, но очень затрудняла снабжение продовольствием польского войска. В письме к королю Мясковский сообщает, что «в цветущем крае нельзя найти хлеба. Он опустошен, нет ни городов, ни сел. Одно поле, да пепел лежит на этом поле. Не видно ни людей, ни зверей живых, только птицы летают в воздухе». Но и на этой разоренной и опустошенной земле поляки неожиданно наткнулись на сильное сопротивление.

Когда Мясковский подошел к местечку «Трилийские пчельники», то убедился в том, что крестьяне, несмотря на подход большого польского войска, совсем не желали повиноваться. Мясковский доносил королю: «Неукротимая чернь, видя войско довольно огромное, ни души не выслала просить о помиловании, но посылала нам тысячу ругательств и советовала ляхам не мучить коней, чтоб было на чем уходить в Краков». Шляхтичи ворвались в местечко и вырезали все население, по выражению того же донесения, «без различия пола и возраста». Мясковский должен был отметить, что никто не просил пощады и даже женщины сражались.

В сентябре 1651 г. Хмельницкий, отпущенный ханом, заключил в Белой Церкви мир на очень тяжелых условиях. Реестровое казачье войско сокращалось с 40 тыс. до 20 тыс. человек. Казаки могли проживать и пользоваться казачьими правами только в королевских имениях Киевского воеводства. Гетман был лишен права внешних сношений. Помещики немедленно возвращались в свои владения.

Главными причинами временного поражения были не отдельные стратегические или тактические ошибки Хмельницкого и других предводителей казачества, а сужение той социальной базы, на которой после 1649 г. Хмельницкому приходилось вести борьбу. Здесь-то и проявилось разочарование народной массы Зборовским миром. Закрепощенное крестьянство прекрасно понимало значение великих побед над панским войском, но не видело для себя их результатов и поэтому чувствовало себя обиженным и выданным на произвол помещиков.

Возвратившиеся польские землевладельцы начали жестокое преследование крестьян. Крестьян вешали, четвертовали, жгли на медленном огне. Крестьяне сами жгли свои хутора, уводили скот и увозили хлеб в укрепленные местечки. В лесах скрывались мелкие крестьянские отряды, которые продолжали борьбу и неожиданно нападали на шляхтичей и отдельные замки.

После Белоцерковского мира часть крестьян, спасаясь от панского преследования, ушла из Правобережья на левый берег Днепра и далее — за московскую границу. К этому времени относится основание на территории южных степей, в бассейне верхнего Донца, многочисленных украинских слобод. Переселенцы шли и отдельными семействами и большими группами. В последнем случае, отбиваясь от преследования, они двигались с обозами, захватывая с собою все, что можно было взять,—лошадей, коров, мелкий скот, разный домашний скарб. Для поселений обычно выбиралось «дикое шляховое поле» вблизи речек. Так, значительная группа крестьян и казаков с Волыни под предводительством Ивана Дзинковского сумела пробиться к московской границе и основала в 1652 г. город Острогожск. В том же году другая группа переселенцев основала город Сумы, а около 1654 г. было положено начало городу Харькову. Заселенная выходцами из Украины, территория получила название «Слободской Украины».

Между тем борьба на Украине не прекращалась. Весной 1652 г. большое польское войско под предводительством гетмана Калиновского расположилось лагерем на берегу южного Буга, около местечка Батог. Поляки хотели прервать сношения Хмельницкого с Молдавией. В конце мая перед польским лагерем неожиданно появился небольшой отряд казаков и татар. Казаки, чтобы завлечь поляков и разделить польский лагерь на части, стали быстро отходить. Обман удался. «Они бегут, — кричал Калиновский, — бейте неверных, сегодня суббота — день божьей матери. Вперед!». Между тем казаки под предводительством сына Хмельницкого Тимоши уничтожили часть отделившихся шляхтичей и появились около польского лагеря, чем вызвали стремительный отход под защиту лагеря остальных шляхтичей. На следующее утро польская пехота, охваченная паникой, стала уходить из лагеря, несмотря на грозные приказания Калиновского. Смятением и паникой воспользовались панские холопы, которые сами подожгли обоз. Это стало сигналом для общего наступления казаков. Сражение кончилось полным разгромом польского лагеря. Отрубленная голова Калиновского была послана Хмельницкому. В истреблении польских шляхтичей деятельное участие приняли крестьяне окрестных сел и деревень: «От се вам за Берестечко! От се вам за Трилисы! От се вам за унию! От се вам за стации (поборы)!». Число погибших поляков доходило до 20 тыс. человек. Главным результатом победы под Батогом было усиление народного движения. Весть о том, что большое панское войско разбито, поднимала местечки и села. Поэтому, чтобы предупредить дальнейшее развитие народного движения, польское правительство выслало пана Чернецкого, который по жестокости мог соперничать только с Иеремией Вишневецким. Даже польские современники, склонные приукрашивать события, признавались, что Чернецкий по пути сплошь вырезывал население и превращал в груды пепла все встречные местечки и деревни: «Жолнеры (солдаты) резали жителей без разбора, не щадя ни кра-

сивых девушек, ни беременных женщин, ни младенцев». Целью Чернецкого, по его словам, было полное уничтожение украинского народа, — «чтобы не оставить русина (украинца) и на лекарство».

Бесчинства Чернецкого были остановлены Богуном, который с четырехтысячным отрядом бросился на Чернецкого, имевшего около 15 тысяч человек. Отвлекая Чернецкого в направлении, по которому ожидался подход Хмельницкого, Богун засел с казаками в одном из замков. Казаки отчаянно дрались за каждый клочок земли. Наконец, полякам удалось овладеть главным валом и поджечь замок, но казаки все же не сдавались. Тогда из горевшего замка с несколькими казаками выскочил Богун. Пробравшись в тыл наступавших, он поднял крики, что татарская орда пришла на помощь к казакам. Шляхтичи, не разобравшие обмана, поспешно отошли от замка.

Действия Богуна дали возможность Хмельницкому собраться с силами. Между тем главное польское войско остановилось на берегу Днестра под местечком Жванцы (около Кременца), где несколько месяцев бездействовало. Хмельницкий воспользовался этим и совместно с крымским ханом окружил польский лагерь. Но хан и на этот раз оказался вероломным союзником. Независимо от Хмельницкого он вступил в переговоры с королем и заключил с ним мир, в основу которого были положены статьи Зборовского договора. Крымскому хану было особенно важно обязательство польского короля платить ему дань. Кроме того, польское правительство согласилось представить хану Украину на 40 дней, в течение которых татары могли безнаказанно грабить, разорять и уводить в рабство украинское население. Впрочем, хан несколько расширил это соглашение в сторону польского населения, так как крымцы ограбили польские владения и увели с собою около 5 тыс. шляхтичей. Правобережная Украина подверглась невероятному разорению; длинные вереницы связанных пленных потянулись по дорогам в Крым. Воспоминание об этом страшном опустошении сохранилось в украинской народной песне:

«Зажурилась Украина що негде ся дети,
Гей вытоптала орда киньми маленькие дети.
Ой маленьких вытоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, пид хана погнала...».

В донесении московского посла, относящемся к этому времени, сообщалось, что украинцы жаловались: они от ляхов и татар пропали, татары их «емлят да в Крым водят, а ляхи их секут».

ПРИСОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Переговоры о присоединении Украины к Русскому государству начались еще в первое лето восстания Богдана Хмельницкого. Первые сведения о переговорах с Московским правительством относятся к июню 1648 г. В январе 1649 г., еще во время крупных ус-

пехов, Хмельницкий отправил в Москву посольство уже с прямым предложением присоединения. В мае этого года с этой же целью в Москву прибыло второе посольство. Но, разумеется, особенно усиленные переговоры начались после Белоцерковского мира, в 1651 году.

Вся обстановка, которая к этому времени сложилась в Украине, показывала, что украинское население, разрозненное, плохо вооруженное, обнищалое и разоренное, не в состоянии было собственными силами ни сбросить с себя панскую неволю, ни противодействовать крымскому хану, забиравшему людей в рабство. Послы, договариваясь с московским правительством, просили, в случае отказа, разрешить всем казакам переселиться в Московское государство.

Московское правительство внимательно изучало в это время положение в Украине. 1648—1649 гг. были неблагоприятным временем для начала войны с Польшей; финансовая система государства была расстроена, военные силы не были еще приведены в достаточный порядок. Не было закончено формирование новых, более современных полков «иноземного строя»; наконец, по стране прокатилась волна городских восстаний. Дальнейшая борьба украинского и белорусского народов показала московскому правительству, что победа над Речью Посполитой была вполне возможна.

Вопрос о принятии предложения Богдана Хмельницкого был отдан на обсуждение Земского собора, созванного в феврале 1651 г. Земский собор в принципе решил согласиться с предложениями Хмельницкого, но сделал ряд оговорок, боясь еще начинать военные действия с Польшей. Только через два года новый Земский собор, собравшийся осенью 1653 г., когда в Украине развернулись военные действия и была одержана победа под Батогом, решил принять казаков в московское подданство «с городами их и с землями» и объявить войну Польше.

В начале 1654 г. из Чигирина в Переяславль отправился Богдан Хмельницкий на раду, которая должна была принести присягу и утвердить договор с московским правительством о присоединении Украины. Отправляясь в Переяславль, Хмельницкий собрал последнюю партию пленных польских шляхтичей и отправил их в Польшу со словами: «Теперь, господа поляки, мне кажется, что мы на веки разлучаемся, так что вы не будете наши, а мы ваши; этой потери вы себе никогда не можете вознаградить, да и мы никогда не покажем склонности к вознаграждению».

Рада открылась 8 января 1654 г. в Переяславле. В начале рады Богдан Хмельницкий обрисовал положение Украины, опустошенной и разоренной врагами, не имеющей больше возможности собственными силами продолжать войну. «Поэтому, — говорил Хмельницкий,—мы собрались сегодня на раду, явную всему народу, чтобы вы с нами избрали себе государя из четырех, кого хотите». Затем Хмельницкий назвал четырех государей: турецкого султана,

крымского хана, польского короля и московского царя. «Турецкий султан притесняет православных греков. От крымского хана украинский народ испытал нестерпимые обиды. Об утеснениях от польских панов нечего и говорить. Остается восточный (московский) государь».

На эти слова рада ответила криками: «Волим под царя восточного». «Вси чи так соизволяете?» — «Вси».

Хмельницкий обратился с универсалом ко всему населению Украины: «Паны полковники, сотники и все атаманы, как войска Запорожского, так и городового... Приказываю вам сим своим письмом, чтоб были осторожными в замках и заготовляли бы для себя, как знаете, военные снаряды: порох, свинец и дорожные съестные припасы, потому что я не заключил никакого мира с королем-ляхом. Бейте своих неприятелей, то есть ляхов, если они осмелятся нападать на вас, потому что... великий царь московский будет помогать нам...».

Условия присоединения Украины к Русскому государству были изложены в особых «статьях», утвержденных царем в марте 1654 г. Казачество сохраняло все старые права и вольности. Число реестровых казаков увеличивалось до 60 тыс. человек. Казаки избирали гетмана, который мог принимать иностранных послов и вести с ними переговоры, сообщая о них в Москву. Запрещалось сноситься без предварительного разрешения Московского правительства с польским королем и турецким султаном. В Украине сохранялась местная украинская администрация. В таком виде Украина должна была войти в состав Русского государства.

Нам предстоит оценить условия этого соглашения и выяснить, почему именно в данный момент Украине было необходимо соединиться с Русским государством и какое историческое значение оно имело.

Возрастающий спрос на рынках Западной Европы на продукты сельского хозяйства заставлял панскую Польшу расширять область феодального землевладения и сильнее нажимать на труд зависимого крестьянина. Хищническая эксплоатация вела к разорению украинского и белорусского, а также и польского крестьянства. Такой же хищнической политики панская Польша держалась в отношении белорусских и украинских городов. В рассматриваемое время многие из них были более или менее значительными ремесленными и торговыми центрами. Продукция мелкого ремесла вырабатывалась на продажу, она искала рынка и покупателя. Однако именно на этом пути тормозом для экономического развития городов являлись польские паны, которые пользовались правом беспошлинной торговли. Польские землевладельцы захватывали подгородные земли с разными угодьями, что также тяжело отражалось на городском хозяйстве. В целом польская политика консервировала экономическую отсталость Украины и Белоруссии.

Польша и Литва считались объединенным государством — «Речь Посполитая», во главе которой стоял избираемый шляхет-

ством и панством король. Однако фактическая власть находилась не в руках короля, а у крупнейших магнатов, которых современники называли «королевятами» — мелкими королями. Магнат в своих владениях мог делать все, что ему было угодно, не подчиняясь никакой—ни королевской, ни выборной панско-шляхетской—власти. Фактически Польша являлась не централизованным государством, а состояла из множества феодальных владений разного размера и политического значения.

В середине XVII в. сложился тот политический порядок, который осудил на полное бессилие высший орган власти — сейм. Когда принималось решение по какому-либо вопросу, то стоило одному депутату сказать магическое слово «не позволям», как решение не могло быть принято. Это называлось правом «liberum veto», то-есть «свободного запрещения». Один подкупленный голос мог сорвать любое решение сейма. От этого порядка проистекала чрезвычайная продажность шляхетских делегатов, которые, не стесняясь, открыто торговали своими голосами и решениями. Целые области Польско-Литовского государства были отданы в бесконтрольное управление крупнейшим магнатам. В землях с украинским и белорусским населением польская политика преследовала цель уничтожения национальной культуры. Средством для этого служила и религиозная политика, усиливавшая общее национальное угнетение. Положение Белоруссии и Украины под польским панским игом было нестерпимо тяжелым. По выражению одного современного документа, польская политика преследовала цель, чтобы на «Руси не было Руси».

Оценивая результаты польской политики, Энгельс сказал: «Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение» *).

Понятно, что в борьбе с Польшей Украина и Белоруссия не могли опереться на султанскую Турцию. Подчинение Турции привело бы к тесной зависимости от ближайшего вассала турецкого султана — крымского хана. Крым был заинтересован не в продукции сельского хозяйства и промышленного производства, а в получении большой денежной дани и в захвате рабов, на которых существовал значительный спрос в Турции и других восточных странах. Даже в тот период, когда крымский хан являлся союзником, в 1648—1652 гг., население нисколько не выигрывало от действий такого союзника. В эти годы крымские феодалы увели десятки тысяч украинцев.

В XVI—XVII вв. происходило значительное усиление экономических связей Украины и Белоруссии с русскими землями. Из Киева, Чернигова, Минска и многих других городов товары вывози-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 210—211.

лись за московский рубеж. На ярмарках, открывавшихся в русских городах, постоянно встречались московские, украинские и белорусские торговые люди. Для городского и отчасти для сельского населения Украины и Белоруссии эта экономическая связь была необходимой. С русским народом у украинского и белорусского народов существовали старые национальные связи. Они выражались в общности религии, в близости языка и во многих других областях культурного развития. В Украине и в Белоруссии и в Великороссии помнили о родственной близости этих братских народов и часто называли их одним именем — «русские». Кроме того, с присоединением к России Украина становилась частью централизованного государства. При всей экономической и культурной отсталости России, она на востоке Европы была самой сильной страной, игравшей крупную роль в международных отношениях. Объединение с Украиной еще больше усиливало политическую мощь государства и, следовательно, предохраняло эти народы от нападений со стороны соседей — панской Польши и султанской Турции.

Таким образом, политическое объединение Украины с Россией было необходимым в данных исторических условиях. Украина и Белоруссия были соединены с Русским государством экономическими, национальными и культурными связями. С политическим объединением еще больше увеличивалась общность исторического процесса. Союз украинского и великорусского, а затем и белорусского народов, окрепший в длительной совместной борьбе с царизмом и со всеми завоевателями, имел огромное историческое значение в освобождении этих народов от всякого насилия и угнетения — классового и национального.

ВОЙНА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ ЗА УКРАИНУ И БЕЛОРУССИЮ

В результате решения московского правительства и Переяславской рады Русское государство вступило в борьбу с Польшей за украинские и белорусские земли.

В феврале 1654 г. московские войска одновременно начали двигаться в трех направлениях: одна часть была послана на южную границу для охраны ее от вторжения со стороны крымского хана, который превратился в открытого союзника Польши; другая часть войск была направлена на Брянск и далее — на соединение с главными силами Хмельницкого; наконец, третья часть войск, в которой находился царь, была направлена на Смоленск и Белоруссию.

Наибольшие успехи в первый же год кампании были достигнуты на Смоленском направлении. Население Смоленской области и Белоруссии встречало московские войска, как избавление от панского гнета; города сдавались без сопротивления или брались при помощи самих жителей. Это подтверждается не только московскими донесениями, но и польскими реляциями с театра военных

действий. «Мужики очень нам враждебны, — сообщается в одном из польских донесений — везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это зло будет и дальше распространяться». Из Вильны в середине августа писали: «Неприятель (русские войска) этот здесь, в этих краях, берет большой перевес. Куда бы ни пришел он, везде собираются к нему мужики толпами, и уже, как мне известно, десять уездов, где собиралось наиболее податей, обращено в ничто».

В конце сентября 1654 г. был взят Смоленск. К осени Белоруссия была занята до верховьев Днепра и Западной Двины. Здесь были заняты Могилев и Витебск.

Менее удачными были действия южной армии, двинувшейся на помощь Богдану Хмельницкому через Брянск. Сам Богдан Хмельницкий проявлял большую медлительность, порою — слишком большую осторожность, а в некоторых случаях и нерешительность, явившуюся следствием не только военных, но и политических колебаний.

Угроза вторжения со стороны крымской орды заставила Хмельницкого оставить значительную часть сил, находившихся в его распоряжении, для охраны Запорожья и южной части Брацлавского и Киевского воеводств. Московское подданство не было единогласно принято всей украинской шляхтой. Часть ее продолжала колебаться после Переяславской рады и размышлять о том, кто — польский король или московский царь способен лучше обеспечить интересы феодально-крепостнического хозяйства этой шляхты. Эти две причины сдерживали Хмельницкого в развитии активных военных операций.

В начале 1655 г. татары жестоко опустошили Правобережную Украину. В этом году Богдан Хмельницкий совместно с московским войском произвел глубокий поход в сторону западных украинских и польских земель, достигнув Львова и Люблина.

Действия в Белоруссии в 1655 г. продолжали успешно развиваться. Летом, после поражения литовских войск, были заняты Вильно, Гродно и Ковно.

Вмешательство в войну Швеции резко изменило положение на всем театре военных действий.

Война со Швецией. Шведский король Карл X решил воспользоваться ослаблением Польши для осуществления широкого завоевательного плана. Шведские войска, вторгнувшиеся на территорию Речи Посполитой из Померании, в несколько месяцев заняли значительную часть польской территории с Варшавой и Краковом. Другая шведская армия наступала из Лифляндии на Литву.

Быстрые успехи шведов вызвали серьезное беспокойство в Москве. Победа Швеции превращала ее в сильнейшее государство на материке Европы. В Москве, кроме того, надеялись, что в Польше преемником короля будет избран московский царь. Поэтому при посредничестве Австрии было заключено перемирие с

Польшей. После этого было решено начать военные действия против Швеции.

Весною 1656 г. русская армия была направлена через Витебск и Полоцк в шведскую Ливонию. Она овладела рядом ливонских городов и приступила к осаде Риги. В это время другие войска успешно наступали от Ладожского озера к Финскому заливу. Осада Риги затянулась — московская армия испытывала острый недостаток в продовольствии и припасах, а шведский гарнизон получал все необходимое морем. Осенью московская армия сняла осаду и отошла от крепости. В 1657—1658 гг. война в Ливонии велась с переменным успехом. Военные операции показали преимущества шведской армии, воспитанной на боевом опыте Тридцатилетней войны в Германии, обладавшей лучшим вооружением и организацией. В рядах шведской армии находилось несколько талантливых полководцев. Между тем положение в Украине и Белоруссии требовало возобновления войны с Польшей.

В 1661 г. между Швецией и Россией был заключен Кардисский мир, по которому Швеции были возвращены все ее владения в Прибалтике, занятые московскими войсками.

Возобновление борьбы с Польшей за Украину. Война Русского государства со Швецией неблагоприятно отразилась на украинских делах. Перемирие с Польшей было истолковано частью украинской старшины как отказ московского правительства от помощи.

Сам Богдан Хмельницкий стал колебаться в поисках союзников, которые могли бы поддерживать его против Польши, и вступил в переговоры со Швецией и Вентрией. Переговоры не были доведены до конца, — в 1657 г. Богдан Хмельницкий умер.

После смерти Богдана Хмельницкого рада казацкой старшины, собравшаяся в Чигирине, избрала гетманом Ивана Выговского. Иван Выговский происходил из шляхты, получил польское образование и принадлежал к той части старшины, которая считала, что Польша лучше Москвы обеспечит ее интересы. Деятельность Ивана Выговского, ориентировавшаяся сначала тайно, а потом явно на Польшу, вызвала большое возмущение среди казачества в Левобережной Украине. Выговский сначала разгромил своих противников и даже получил поддержку в Москве, где не подозревали об его измене. Пользуясь этим, Выговский заключил договор с польскими делегатами в г. Гадяче (так называемые «Гадячские статьи»), по условиям которого предполагалось в составе Речи Посполитой образовать особое «великое княжество Русское». Польша соглашалась на эти условия, так как стремилась расколоть казачество.

Измена Выговского очень осложнила политическое и военное положение в Украине. В союзе с татарами Выговскому удалось в 1659 г. одержать несколько военных успехов, в результате которых русские войска отошли на левый берег Днепра. Однако основная масса казачества, вместе с украинским крестьянством и мещанством (городским населением), не хотела возвращаться под яр-

мо польского господства. Запорожские казаки произвели нападение на Крым и этим заставили хана поспешно покинуть Украину. Захват казаками Чигирина послужил сигналом к общему восстанию против Выговского. Когда сторонники и противники Выговского встретились около Белой Церкви, то большинство покинуло Выговского, с которым остались только татары и поляки. Войско провозгласило гетманом младшего сына Богдана Хмельницкого — Юрия.

В 1660 г. московское правительство возобновило борьбу с Польшей за Украину. Юрий Хмельницкий с казаками и воевода Шереметев с московскими войсками должны были с двух сторон двигаться к Галиции. Крупным польским силам в союзе с татарами удалось разъединить их и окружить Шереметева под Чудновым. Эта неудача снова усилила среди старшины сторонников соглашения с Польшей. Под их влиянием оказался и безвольный Юрий Хмельницкий, ставший орудием в руках ополячившейся шляхты.

Однако и на этот раз народная масса не поддержала старшину, изменившую России. Московские войска с помощью самого населения освободили Левобережье от польских войск и сторонников Юрия Хмельницкого. Рада, собравшаяся в Нежине, в которой приняли участие запорожцы и рядовое казачество, провозгласила гетманом Ивана Брюховецкого.

Долголетняя борьба за Украину и Белоруссию показала, что ни одна из сторон не в состоянии была добиться решительных успехов. После долгих переговоров между московскими и польскими уполномоченными в 1667 г. в Андрусове было заключено перемирие на 13½ лет. Левобережная Украина отходила в состав Русского государства. За Москвой на два года остался Киев с прилегающей территорией. (После этого он не был возвращен Польше). Россия удержала за собою и Смоленск. Запорожье было объявлено в совместном владении обоих государств. Таким образом, Белоруссия и значительная часть Украины (все Правобережье за исключением Киева) остались под властью Речи Посполитой.

Украинская и белорусская культура в XVI — XVII вв. Несмотря на исключительно тяжелое положение, в которое были поставлены украинский и белорусский народы под властью польско-литовского панства и шляхетства, они в жестокой борьбе сумели сохранить национальную самобытность и достигнуть значительных успехов в области культурного развития. Большую роль при этом играли школы, основанные братствами во Львове, Киеве, Могилеве, Вильно, Минске и др. городах. Хотя основной задачей братских школ являлась борьба за православную церковь против католицизма, протестантства и унии, но в действительности их деятельность далеко выходила за рамки церковной жизни, так как религиозная борьба соединялась с национальной и политической борьбой. Братские школы были единственным местом, где украинское и белорусское юношество могло получать общее образование на родном языке.

В первый период своего существования, примерно до начала XVII в., братские школы находились под сильным влиянием греческой образованности, что отразилось как в программе обучения, так и в организации учебного дела. Борьба с латинством и протестантством заставила приспособляться к противникам. В связи с этим греческое влияние в XVII в. стало уступать западноевропейскому и, в частности, польскому влиянию. Многие школы по существу заимствовали программу обучения и организацию от иезуитских коллегий и академий.

Главное место в школьном обучении отводилось языкам. Борьба с латинским богослужением (в католических церквах все богослужение велось на латинском языке) требовала изучения церковно-славянского языка, на котором совершалась служба в православной церкви. Очень важное место отводилось греческому языку, на котором были написаны оригиналы большинства церковно-полемических сочинений и богослужебных книг. После того как в XV — XVI вв. сложились украинский и белорусский языки, церковно-славянский язык стал малопонятным для населения. Поэтому в некоторых школах было введено изучение «простой мови», то-есть народного, разговорного языка. Это имело огромное значение для развития национальной культуры в противовес ее полонизации. На «простую мовь» стали переводиться и некоторые книги.

Близкое соприкосновение с польской культурой привело к тому, что в школьное образование было введено изучение латинского и польского языков. Латинский язык в Польше сохранял значение научного и литературного языка. Один из деятелей украинского просвещения — Сильвестр Коссов, доказывая необходимость изучать латинский язык, говорил, что он необходим, чтобы «бедной Руси не звали глупой Русью». Латинский язык, кроме того, употреблялся в качестве официального языка. Такая же необходимость заставляла изучать польский язык, на котором преимущественно велась полемика по религиозным вопросам.

Помимо языков, в братских школах изучались диалектика, риторика, история, математика, астрономия, музыка. Изучение диалектики и риторики сначала по греческим руководствам, а потом по учебникам, переведенным с латинского, знакомило учащихся с системой античной философии. Главное место при этом отводилось Аристотелю, учение которого было положено в основу всей схоластической средневековой науки. Из древних авторов изучались, кроме того, Платон, Эпиктет, Цицерон.

Среди братских школ главное место по значению принадлежало Львовской и Киевской. Петр Могила преобразовал Киево-братскую школу в коллегию, устроенную по западноевропейской системе. Впоследствии она получила название Киевской академии. В ней главным образом воспитывались дети старшинских семейств, большинство которых по окончании образования уходило в светскую деятельность.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1462 — 1505	— Великое княжение Ивана III.
1478	— Присоединение Новгородской земли к Русскому государству.
1480	— Полное освобождение от ордынской зависимости.
1485	— Присоединение Тверского княжества к Русскому государству.
1497	— Судебник Ивана III.
1505 — 1533	— Великое княжение Василия III.
1510	— Присоединение Псковской земли к Русскому государству.
1514	— Взятие Смоленска войсками Василия III.
1533 — 1584	— Великое княжение (с 1547 г. — царствование) Ивана IV Васильевича Грозного.
1547, июнь	— Народное восстание в Москве.
1550	— Судебник Ивана IV («Царский»).
1552	— Взятие Казани.
1556	— Присоединение Астрахани.
1558 — 1583	— Ливонская война.
1564	— Выход первой печатной книги из типографии Ивана Федорова в Москве.
1565 — 1572	— Опричнина.
1584 — 1598	— Царствование Федора Ивановича.
1597	— Указ о разыскивании беглых крестьян в течение пяти лет.
1598 — 1605	— Царствование Бориса Годунова.
1603 — 1604	— Восстание под предводительством Хлопки.
1606, 17 мая	— Восстание против поляков в Москве и убийство Лжедимитрия I.
1606 — 1607	— Народное восстание под предводительством Ивана Болотникова.
1609, сентябрь	— Вторжение польско-литовского войска с королем Сигизмундом III на территорию Русского государства.
1612, 26 октября	— Освобождение Москвы от поляков.
1613 — 1645	— Царствование Михаила Федоровича Романова.
1632 — 1634	— Война с Польшей за Смоленск.
1645 — 1676	— Царствование Алексея Михайловича.

1648	— Восстания в Москве и в других городах.
1649	— «Соборное Уложение» царя Алексея Михайловича.
1650	— Восстание в Пскове и Новгороде.
1654	— Церковный собор, принявший реформу Никона. Начало раскола.
1662	— Восстание в Москве (так называемый «медный бунт»).
1670 — 1671	— Крестьянская война под предводительством Степана Разина.
1581	— Начало похода Ермака в Сибирь.
1648	— Экспедиция Семена Дежнева вокруг северо-восточной оконечности Азии.
1689	— Нерчинский договор с Китаем.
1555	— Разделение Закавказья по миру между Турцией и Персией.
1586	— Признание кахетинским царем Александром суверенитета Русского государства.
1569	— Люблинская уния. Образование Польско-Литовского государства (Речь Посполитая).
1595 — 1596	— Восстание против польского господства на Украине и Белоруссии. Семерин Наливайко.
1596	— Брестская церковная уния.
1648	— Начало восстания украинского и белорусского народов против Польши под предводительством Богдана Хмельницкого.
1649	— Зборовский мир.
1654, 8 января,	— Переяславская рада. Присоединение Украины к Русскому государству.
1654 — 1667	— Война Русского государства с Польшей за Украину и Белоруссию.

50059

151985

ГГПИ им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Государственный институт
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Образование Русского национального государства

Русское государство в конце XV—начале XVI вв. 3
Усиление Русского государства при Василии III (1505—1533) . . . 28

Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное

Борьба феодальных группировок и реформа 50-х годов XVI века . . 36
Внешняя политика Ивана IV 46
Развитие товарно-денежных отношений 55
Опричнина 60
Усиление феодальной эксплоатации в последней четверти XVI века 72
Русская культура в XVI веке 76

Крестьянская война в начале XVII в. Разгром польской и шведской интервенции

Предпосылки крестьянской войны в России в начале XVII в. 82
Положение страны перед началом крестьянской войны 84
Лжедимитрий I ставленник польских интервентов 90
Народное восстание под предводительством Болотникова 97
Польская и шведская интервенция 101
Борьба за национальную независимость 110

Русское государство в XVII веке

Русское государство в первой половине XVII века 120
Городские восстания 1648—1650 годов 131
Социально-экономическое положение Московского государства в XVII веке 142
Политический строй Московского государства в XVII веке 152
Классовая борьба во второй половине XVII века. Крестьянская война под руководством Степана Разина 164
Культура Русского государства XVII века 175

Народы Сибири в XVI—XVII веках. Завоевание Сибири царизмом

Начало завоевания Сибири. Поход Ермака 184
Население Сибири 186
Завоевание Восточной Сибири в XVII веке 192
Сибирь под властью царизма в XVII веке 197

Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI—XVII веках

Народы Средней Азии в XVI — XVII веках 202
Северный Кавказ и Закавказье в XVI — XVII веках 208

Борьба украинского и белорусского народов против польского владычества. Присоединение Украины к России

Украина и Белоруссия под властью Польши 220
Борьба украинского народа против польского владычества под руководством Богдана Хмельницкого 234
Присоединение Украины к Русскому государству 243
Война Русского государства с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию 247

Отв. редактор **И. И. Розин.**

А34163. Заказ 2784. Тираж 7000

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б)